ЗЕРКАЛА ИСТОРИИ

Александр НИКОНОВ

НАПОЛЕОН

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

- Александр Никонов Наполеон. Попытка № 2
- О ЧЕМ ЭТА КНИГА?
- ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА?
- В ЧЕМ ПАФОС ЭТОЙ КНИГИ?
-
- Часть I РОЖДЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ
- Глава 1 «БУДЕТ ПРЕВОСХОДНЫМ МОРЯКОМ!»
-
-
-
-
-
-
-
- Глава 2 КРАСНОЕ КОЛЕСО
-
- Глава 3 НА ЮГЕ
-
-
- Часть II ВЫШЕ УРОВНЯ ВЕКА
- Глава 1 «ЭТА НОЧЬ ДЛЯ МЕНЯ ВНЕ ЗАКОНА…»
-
-
-
-
- Глава 2 ТИХИЙ МАТЕМАТИК ГРОМИТ ИТАЛИЮ
-
-
-
- Глава 3 СОРОК ВЕКОВ ИСТОРИИ СМОТРЯТ НА ВАС…
-
-
-
-
-
-
- Часть III ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ
- Глава 1 ДЕПУТАТЫ РАЗБЕГАЛИСЬ, СЛОВНО КРЫСЫ
-
- Глава 2 ПОБЕДА ЦВЕТА МАРЕНГО

-
-
- Глава 3 СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК
- Часть IV ДВА ГОДА И ДВА ВЕКА
- Глава 1 «ОТКРОЮ КОДЕКС НА ЛЮБОЙ СТРАНИЦЕ И НЕ МОГУ – ЧИТАЮ ДО КОНЦА…»
-
- Глава 2 «Я РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ГОРЕ…»
-
-
-
- Глава 3 СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ
- Часть V САХАР + ЧАЙ + КОФЕ = ВОЙНА
- Глава 1 «И ЧЕРНОЙ ТОЧКОЙ НА БЕЛЫЙ ЛИСТ ЛЕГЛА ТА НОЧКА НА МОЮ ЖИЗНЬ»
-
- Глава 2 ГРАЖДАНИН ИМПЕРАТОР
- Глава 3 НЕДОЦИВИЛИЗОВАННАЯ АНГЛИЯ
-
-
- Глава 4 РАЗГРОМ ТРЕТЬЕЙ КОАЛИЦИИ. И ЧЕТВЕРТОЙ. И ПЯТОЙ – ДО КУЧИ
-
-
- Глава 5 ПОСЛЕДНИЕ УЗЫ
-
- Часть VI «ЗАЧЕМ Я ШЕЛ К ТЕБЕ, РОССИЯ, ЕВРОПУ ВСЮ ДЕРЖА В РУКАХ?»
- Глава 1 ДОЛГАЯ ДОРОГА В РОССИЮ
-
-
- Глава 2 ДОЛГИЙ ПУТЬ ПО РОССИИ
-
-
- Глава 3 «ВОТ БАШНИ ПОЛУДИКИЕ МОСКВЫ ПЕРЕД ТОБОЙ В ВЕНЦАХ ИЗ ЗЛАТА…»
-
- Глава 4 «НИ ГНЕВА, НИ ПРОКЛЯТИЯ…»
-
-
-
-
- Часть VII ЖИВЕШЬ ТОЛЬКО ДВАЖДЫ
- Глава 1 ВРАГ У ВОРОТ
-

-
- Глава 2 СВОБОДНАЯ ФРАНЦИЯ
-
-
- Глава 3 ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ
-
- Глава 4 ОСТАНОВИТЬ МОРЕ
-
-
- Глава 5 ДРУГОЙ НАПОЛЕОН
-
- Часть VIII ЛЕСТНИЦА В НЕБО
- Глава 1 «ЗДЕСЬ НА КАМЕННОМ ОСТРОВЕ Я…»
-
-
- Глава 2 «И ТЕКЛИ, КУДА НАДО, КАНАЛЫ…»
-
-
-
- Глава 3 ИМПЕРАТОР ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
-
-
- ЭПИПРОЛ

Александр Никонов Наполеон. Попытка № 2

Наполеон был шансом для европейской цивилизации.

Ницше

Пока мы воюем в Европе, война остается гражданской.

Наполеон Бонапарт

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Немногие верили в эту книгу. Но я решил ее написать. И даже объясню, почему. Но начать объяснения нужно, видимо, с неверующих…

В небанальность этой книги не верили, потому что тема, говорили, заезженная. Причем это еще мягко сказано! Пожалуй, ни про кого в истории не написано столько книг, как про Наполеона. Сей факт уже заставляет задуматься – во-первых, о сложности задачи, а во-вторых, о масштабе личности… Да, конечно, книгопечатание в его бытность существовало и процветало, эпоха была архивно-канцелярской и оставила после себя тонны документов. Но почему вдруг после смерти Наполеона тысячи (!) людей вдруг бросились писать книги о нем? Министры, лакеи, секретари, военачальники, царедворцы, повара, родственники, врачи сидели ночами и скрипели гусиными перьями. Не было, казалось, ни одного человека, хоть раз в жизни видевшего его, который не засел бы за мемуары. Подключились и профессиональные писатели, включая таких столпов, как Стендаль, Скотт, Дюма… Всех просто распирало. Каждый считал, что он не может уйти из жизни, не рассказав потомкам что-то свое об этой великой эпохе. Которая стала великой только благодаря ему. Именно он повернул колесо истории и сделал Европу такой, какой мы ее видим сегодня.

А главное, все эти книги были востребованными! Блеск его личности был столь нестерпим, что самыми знаменитыми персонажами психиатрических лечебниц XIX века стали «наполеоны». И по сию пору анекдот о типичном сумасшедшем, который объявляет себя Наполеоном, уйдя из психиатрических реалий, остался бытовать в разговорной речи. Отголосок эпохи…

Не зря гоголевского Чичикова провинциальные чиновники приняли за Наполеона. Видно, здорово потряс умы современников этот человек.

Книги о Наполеоне писались весь XIX век и пишутся до сих пор. Книг о Наполеоне – более двухсот тысяч! Историки знают, во что одевался Наполеон, что было у него на ногах, сколько стоили его носовые платки, что он любил есть и во сколько завтракал, каким был распорядок его дня. Академик Фредерик Массон на рубеже XX века выпустил 13-томное исследование «Наполеон и его семья», посвященное практически всем сторонам жизни Наполеона. Ланфрэ издал пятитомник. Несколько томов выпустил Вальтер Скотт. Французское правительство издало 32-томник приказов, писем и декретов, надиктованных лично

Наполеоном. Луи Мадлен выдал на-гора 12 томов. Швейцарец Кирхейзен – 9 томов подробнейшей биографии Наполеона. Многотомники о Наполеоне издают и современные авторы. Скажем, бывший премьер-министр Франции и писатель Доминик Вильпен выпустил несколько книг о Наполеоне.

Но несмотря на то, что каждый шаг великана запротоколирован, несмотря на десятки тысяч сохранившихся документов с его подписями, несмотря на тысячи книг мемуаров, что знает о Наполеоне обычный человек сегодняшнего дня?

Программа «Word» не исправляет слово «наполеон», написанное с маленькой буквы, потому что это слово уже давно шире, чем просто имя. Наполеон – это коньяк. Наполеон – это торт… А еще Наполеон зачем-то вторгся в Россию в 1812 году… «Скажи-ка, дядя, ведь недаром…» Остров Святой Елены… Бонапартизм… Вот и все. Ну, те, кто после телесериала, снятого по «Войне и миру», решился перечитать книгу, еще вспомнят какой-то Аустерлиц, где лежал, глядя на облака, раненый князь Болконский. Что он там делал, кстати?..

Надо сказать, в начале XX века про Наполеона обыватели знали больше. Маяковский легко рифмовал «лица – Аустерлица», и все было понятно его читателю. В 1925 году товарищ Фрунзе сделал такие кадровые перестановки в Красной Армии, узнав о которых, Сталин недовольно заявил, что «все эти тухачевские, корки, уборевичи, авксентьевские – какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной Армии…» Бросил вскользь, походя. И сам Сталин был не шибко грамотным семинаристом, и вокруг него тусовались отнюдь не доктора наук. Однако все поняли сталинскую мысль. А сегодня выйди на улицу да спроси сто человек: «Что такое 18 брюмера»? Хорошо, если процентов 20 вспомнят, что брюмер – название месяца во французском революционном календаре. А уж что там приключилось 18-го числа этого самого месяца, вряд ли припомнит хоть один, если только не попадется при опросе учитель истории… Бурные события XX века вытеснили из наших голов исторические знания века позапрошлого. А зря. Именно XIX веку мы обязаны обликом современного мира. А век этот весь освещался именем Наполеона.

Что же это был за человек такой – яркий, как комета? И чего он хотел?

Про человека вы узнаете из книги. А хотел сделать то же, что хотели сотворить с миром римляне, – цивилизовать его, стереть границы, превратив Европу в одну страну, с едиными деньгами, мерами весов, гражданскими законами, местным самоуправлением, расцветом наук и ремесел… У римлян не

вышло: первая попытка закончилась провалом полторы тысячи лет назад. Я писал об этом в книге «Судьба цивилизатора». Удалась лишь третья попытка: при нашей жизни Европа наконец объединилась, стерев границы и введя единый валютный стандарт.

Но была еще *вторая попытка.* После которой во всей Европе воцарилась единая система мер и весов – граммы, литры и метры, а общественная жизнь, политическая карта и состояние умов европейцев претерпели такие изменения, после которых возврата в прошлое уже не было.

ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА?

Доходит до смешного. Не так уж давно весьма высокий чин российской православной церкви, имени коего я не назову из гуманных соображений, в одной из своих публичных речей назвал Наполеона чуть ли не антихристом, который хотел завоевать Россию. Большую чушь придумать трудно. Стало быть, эта книга – для высших церковных иерархов.

Наполеон воевать с Россией не хотел. Война с Россией была последним делом, на которое он мог решиться. И не только потому, что война на два фронта была ему совершенно не нужна (в то время шли полномасштабные военные действия в Испании). На протяжении всего своего правления Наполеон добивался мира со своим естественным союзником – Россией. Так и писал министру иностранных дел: «Я убежден, что союз с Россией был бы нам очень выгоден». И требовал от своих подчиненных «ничего не жалеть для этого». И сам ничего не жалел: Наполеон отослал взятых им в плен русских солдат царю Павлу, да еще полностью обмундировал их за свой счет и даже дал денег на дорогу. Он всячески старался расположить к себе и царя Александра. В 1812 году Наполеон настолько не рассчитывал вторгаться в Россию, что запланировал деловую поездку в Италию.

А что же русский царь?.. А вот русскому царю явно неймется. Он и его генералы в 1811 году планируют интервенцию в Европу: «…начать наступление, вторгнуться в герцогство Варшавское, войдя по возможности в Силезию, и вместе с Пруссией занять линию Одера…»

Как СССР в 1941 году был наполнен ожиданием близкой войны с Германией, так вся Россия в 1811 году знала: скоро опять будем воевать с Наполеоном! Причем психологическое и политическое обоснование своим наступательным замыслам царь Александр дал следующее: «Славянские нации воинственные по природе, и если их поощрять, составят значительную силу и… могут совершить мощную диверсию против Австрии и французских владений в Адриатике. При счастливом стечении обстоятельств будет возможным даже продвинуться через Боснию и Хорватию достаточно далеко. Я посылаю адмирала Чичагова, человека весьма умного, чтобы все соответствующим образом устроить». Эти слова были написаны русским царем в апреле 1812 года.

Но может быть, царь Александр планировал превентивную войну, зная, что Наполеону очень хочется зачем-то завоевать холодную Россию и отнять у нее всю картошку? Нет. Царский

барон Беннигсен еще в феврале 1811 года, настаивая на наступательной войне против Наполеона, так оценивал возможность нападения самого Бонапарта на Россию: «…власть Наполеона никогда не была *менее* опасна для России, как в сие время, в которое он ведет несчастную войну в Гишпании и озабочен охранением большого пространства берегов».

Наполеону эта война не нужна. А Александр рассылает в западные войска приказы о том, чтобы их командиры готовились к скорому выступлению. Приказы эти подписаны октябрем 1811 года!

Понимая, что русские сколачивают очередной антифранцузский союз и вот-вот ударят по Польше, Наполеон также готовится к войне. Но это пока еще не русская война: в декабре 1811 года в письме к Евгению Богарне он называет грядущую войну «польской кампанией» и приказывает строить укрепления в районе Варшавы. Бонапарт требует от своих маршалов повышенной бдительности: «Если русские не начнут агрессии, самое главное будет удобно расположить войска, хорошо обеспечить их продовольствием и построить предмостные укрепления на Висле». В июне месяце Наполеон пишет своему генералу Гражану: «Если на вас будут наседать вражеские войска… отступайте на Ковно…»

Наконец, в конце апреля 1812 года царь Александр лично выезжает из столицы в Вильно – поближе к горяченькому.

И только *после* этого – в начале мая – Наполеон покидает Париж и спешно отправляется в Польшу.

У нас привыкли называть эту войну Отечественной. Рассказывают о дубине народной войны, партизанах и прочем. Действительно, были банды мужиков, нападавшие на отставших французов: отчего же не пограбить богатых иностранцев? Но в учебниках истории почему-то не пишут, что в четырех уездах Московской губернии, где долго стояли французы, мужики, собравшись на сход, заявили, что они отныне считают себя подданными Наполеона. В учебниках истории не отражен тот факт, что за десять лет – с 1800 по 1810-й – в России вспыхнуло примерно восемь десятков крестьянских восстаний, то есть в среднем по восемь за год. А в одном только 1812 году – аж сорок!

В Москве есть улица партизанки Василисы Кожиной – бабы, собравшей партизанский отряд, воюющий против французов. А вот улицы с именем ее украинской «подельницы» – только с другим знаком – в Москве нет. Наверное, потому, что она сколотила отряд с целью идти вместе с наполеоновской армией на Москву.

Многие слышали о героизме казаков, трепавших

наполеоновские отряды. Но кто в курсе, что казаки не столько воевали с Наполеоном, сколько грабили русские деревни и Москву, нанеся экономике России больший ущерб, чем французы? Казачий атаман Платов целыми обозами отправлял награбленное в русских селениях добро к себе на Дон. Бенкендорф писал, что лагеря казаков «напоминали воровские притоны». А генерал Ермолов позже вспоминал: «Генерал Платов перестал служить, его войска предались распутству и грабежам… опустошили землю от Смоленска до Москвы».

…Так вот, эта книга для тех, кто слышал, но не знает.

В ЧЕМ ПАФОС ЭТОЙ КНИГИ?

Все книги о Наполеоне начинаются с двух вещей – или с его рождения на Корсике, или с его смерти на острове Святой Елены. А начинать рассказ о нем нужно с Французской революции. Она, сломав все старые заграждения и условности, устроила такую кипящую кашу, такой социальный лифт, что с его помощью талантливая личность могла быстро всплыть от самого низу до самого верху. Если бы, конечно, уцелела, что в условиях революционных брожений является весьма нетривиальной задачей. Наполеон мог погибнуть много раз. Но судьба зачем-то хранила его…

Что породило Французскую революцию? Французскую революцию породил конфликт между усложнившимся внутренним миром людей и отсталыми, традиционно-патриархальными связями между ними. Я не слишком сложно излагаю?..

Люди, имеющие не «игрушечное», то есть гуманитарное, а настоящее (техническое либо естественно-научное) образование, грызли в вузах гранит науки, решали дифференциальные уравнения в частных производных, старались вникнуть в принцип Даламбера-Лагранжа. И мало кто из студентов задумывался о том, что высшая математика, с таким трудом поддающаяся их пониманию, родилась не в атомном XX веке, а в феодальной Европе, когда Париж утопал в нечистотах, а придворные дамы при дворце французского короля носили специальные блохоловки – небольшие медальоны, намазанные клейким пахучим веществом для ловли блох, кишевших тогда и во дворцах, и в хижинах. Именно в ту мрачную эпоху творили Даламбер и Лагранж, Гей-Люссак и Вольт. (Я уж не говорю о Вольтере, Руссо и прочих титанах мысли, потому что для понимания их философии требуется не больше мозгов, чем для решения дифференциальных уравнений.)

Когда значительная часть людей в обществе становится достаточно сметливой, им начинают жать старые социальные институции и традиции отцов, они становятся тесными и психологически, и материально. С одной стороны, люди видят всю нелепость прежнего порядка вещей: почему я, такой умный, не имею таких же прав, как аристократ, который обладает преимуществом передо мной только по праву рождения? Разве мы не из одного места вылезли?.. С другой стороны, прежний порядок вещей просто-напросто мешает новым умным зарабатывать деньги своим умом и своими способностями. И это

уже совершенно нетерпимо! Налоговые дела ведут к потрясению основ.

Только дворяне могли в королевской Франции занимать высокие административные, армейские и церковные должности. В поисках положенных дворянам налоговых и прочих привилегий разбогатевшие мещане старались сочетаться мезальянсным браком с дочками обнищавших дворян. Но разве обнищавших дворян на всех напасешься? На 25-миллионное население Франции привилегированных людей, обладающих всей полнотой гражданских прав, было всего 270 тысяч человек. Конечно, подавляющим большинством французского населения были малограмотные крестьяне, которым гражданские свободы как инструмент зарабатывания денег были менее нужны, чем буржуазной «прослойке» – банкирам, фабрикантам, ремесленникам, журналистам, адвокатам и прочим специалистам. Последние не принадлежали к аристократии и не были крестьянами, но их роль в развитии общества давно переросла их ничтожные права в обществе.

Умные и богатые, журналисты и адвокаты, художники и ученые, сидя по парижским кафе и салонам, разрабатывают философию нового времени, выдумывают идею о том, что все люди от рождения равны и наделены поэтому равными правами. Они разговаривают и спорят друг с другом, издают газеты и постепенно расшатывают, ослабляют, демонтируют основы старого мира. Не подозревая, что обрушение старой, обветшавшей конструкции погребет под собой и их. И что тогда наверх вырвутся те, кто понятия не имеет о дифференциальных уравнениях и гуманизме и кого маркиз Виктор де Мирабо, рассказывая о провинциальном народном празднике, описывал так: «…толпы дикарей. Мы все сидим в отеле и не показываемся на улице. Заиграла волынка, начались танцы, но не проходит и четверти часа, как они прерваны начавшейся дракой – плач и крик детей, кто-то из толпы подзадоривает дерущихся, точно собак. Страшен вид этих людей, так и хочется сказать – зверей: рослые, они кажутся еще выше из-за деревянных башмаков на высоких каблуках; одеты они в грубошерстные кафтаны, подпоясанные широкими кожаными поясами, которые для красоты обиты медными гвоздиками. Чтобы лучше разглядеть драку, они приподнимаются на носки, расталкивая друг друга локтями; кто-то топает в такт ногами. Длинные сальные волосы, худые, изможденные лица, которые искажены злобой и зверским хохотом. Да-да, эти люди платят налоги!»

Все революции похожи. Все начинается с прекраснодушной интеллигентской болтовни. И если она подкрепляется

ослаблением цензуры и свободой прессы, скоро все умеющие читать начинают на улицах и в кафе, на Арбате и в Гайд-парке обсуждать будущее страны, спорить, требовать отставки властей. Кончается все очень плохо.

В 1784 году на парижской сцене после долгих запретов наконец-то поставлена пьеса Бомарше «Женитьба Фигаро». Она вызывает всеобщее восхищение своей смелостью, парижане просто ломятся на нее. Почему? Вот как описывает этот феномен Карлейль: «Содержание комедии не отличается широтой, сюжет вымученный, герои выражают свои чувства недостаточно ярко, сарказм тоже получился несколько натянутым. Однако эта бледная и сухая пьеса вдруг захватила всех и увлекла, и каждый понял содержащиеся в ней намеки и увидел в ней самого себя и те положения, в которые ему приходилось попадать. Вот почему вся Франция аплодирует ей. „Как вам всего этого удалось добиться, ваша светлость? – спрашивает герой и сам же отвечает: – Вы дали себе труд родиться“. И, слыша это, все хохочут, и громче всех хохочут дворяне, страстные лошадники и англоманы».

Тогда вся французская интеллигенция была заражена революцией, аплодировала революции, осуществила революцию. И погибла в этой революции, открыв шлюзы народной дикости. Термин «англоманы», употребленный Карлейлем по отношению к этой интеллигенции можно заменить словом «западники». В России столетием позже интеллигенция также была настроена прозападнически, аплодировала революции, осуществила революцию. И точно также была утоплена в крови волной террора. Они хотели открыть клетку и освободить народ. Они это сделали, позабыв, что народ – лютый зверь.

Великая польза от революций состоит в том, что они провозглашают многое из того, что придумывают великие гуманисты и просветители. Они открывают миру новые горизонты. Они ставят красивые цели и создают социальные лифты, возгоняющие молодые таланты. А великий ужас революций состоит в том, что ростки благих деяний поливаются морями крови.

В книге «Конец феминизма» я описывал ужасы французского революционного террора, повторяться не буду, приведу лишь пару цифр. Во Франции было создано 178 революционных трибуналов, из них 40 разъездных. Они переезжали из одного населенного пункта в другой, везя с собой сборные гильотины и творя там и сям революционный суд. Который длился обычно не более пяти минут, после чего все осужденные приговаривались к смерти. В одном из селений 63 женщины были казнены только за

то, что участвовали в тайном богослужении (новая революционная власть боролась против религиозного мракобесия – в связи с этим в Соборе Парижской Богоматери чернью даже были казнены 200 специально приведенных туда священников). В другом местечке передвижные трибуналы приговорили к смерти и казнили около 400 детей в возрасте от 6 до 11 лет – за то, что это были дети богатых или просто зажиточных людей.

В бумагах, найденных после ареста Робеспьера, был обнаружен план, составленный Маратом и уже подписанный Робеспьером, который предусматривал уничтожение полутора миллионов «врагов народа».

В революции было очень много плохого. В революции было очень много хорошего. И в этих сливках с кровью, в атмосфере предреволюционных смелых речей и взглядов происходило формирование нашего героя. Он впитал в себя всю философию, весь восторг и все надежды новой жизни. И он своими глазами видел кошмары террора. Наполеон был порождением революции. Он взял от нее все лучшее. И запомнил все худшее. Позже, говоря о своих заслугах перед страной, Бонапарт заметил: «Я усмирил пучину анархии и укротил хаос. Я вернул чистоту революции…»

Французская революция, чистоту которой вернул Наполеон, умыв ее от крови, всколыхнула всю Европу. Ключевский писал: «Со времени Французской революции наша история столько же входит в состав западноевропейской, сколько западноевропейская в состав нашей». И он был прав. Русское образованное общество приняло парижские события с восторгом. А оказавшиеся в то время в Париже русские с радостью участвовали в событиях. Карамзин ходил по Парижу с революционной кокардой. В штурме Бастилии участвовали князья Голицыны и друг Радищева некий А. Кутузов. Граф Строганов – член Якобинского клуба, который разгуливал по Парижу в красном революционном колпаке, восклицал: «Лучшим днем моей жизни будет тот, когда я увижу Россию возрожденной в такой же революции!»

Иностранцы, которые жили в России, тоже сильно возбудились и некоторые из них устремились в Европу – поучаствовать в революции. Так, один из сотрудников скульптора Фальконе по фамилии Ромм, уехав из России, принял активное участие во французской каше, стал членом революционного Конвента и даже был одним из тех, кто подписал смертный приговор королю Людовику. И он не один был такой активный.

Просвещенная царица Екатерина II, которая сама не чуралась новомодных взглядов, которая переписывалась с Вольтером, приглашала Даламбера и Дидро приехать в Россию, которая разрешила в России оборот французских газет… эта самая

Екатерина очень напряглась, увидев, куда выруливает французское просвещение. Она окончательно утвердилась в мысли, что просвещенный абсолютизм все-таки лучше, чем оголтелая власть народа. И начала потихоньку закручивать гайки – выступила одним из инициаторов антифранцузской коалиции, отказалась от всех заключенных с Францией договоров, приказала высылать из России всех подозреваемых в симпатиях к Французской революции, а в 1790 году даже выпустила указ о возвращении из Франции всех русских. Прибывший по этому указу в Россию революционный граф Строганов в красном колпаке был сослан в свое имение – внимательно изучать жизнь.

Из России был выслан даже посол Франции. Екатерина заявила, что каждый должен заниматься своим делом – сапожник тачать сапоги, а аристократ – управлять страной. «Я остаюсь аристократкой, это моя профессия», – сказала она. Что же касается представителей черни, захватившей власть во Франции и арестовавшей короля, то они, по мнению Екатерины, «способны его повесить на фонаре!»

…Екатерина ошиблась: королю отрубили голову.

А ведь еще недавно русская царица была на диво добра к вольнолюбию! В течение нескольких лет после начала Французской революции вся Россия была наводнена французскими революционными газетами и книгами. Украина, Москва, Сибирь, Санкт-Петербург зачитывались якобинскими газетками. Один из современников писал: «…цитаты из Священного Писания, коими прежние подьячие любили приправлять свои разговоры, заменились в их устах изречениями философов XVIII века и революционных ораторов».

На волне революционной эйфории Радищев издает свое «Путешествие из Петербурга в Москву», за которое тут же получает мощный пистон от наконец пришедшей в себя Екатерины. (Кстати, книга Радищева была посвящена его другу – тому самому А. Кутузову, который штурмовал Бастилию.)

В общем, когда феодализм треснул во Франции, звон пошел по всей Европе. А через четверть века – уже после того как порожденный революцией Наполеон был повержен соединенными силами феодальной Европы – на многие годы в Европе восторжествовала реакция. Однако революционные семена были уже посеяны и позже проросли.

Многие граждане искренне полагают, что Наполеон совершил контрреволюционный переворот, узурпировав власть во Франции и став императором. Однако люди более близкие к тому времени и к прогрессивным настроениям так не считали. Так не считал в первую голову сам Наполеон, который говорил: «Державы не со

мной ведут войну, а с революцией. Они всегда видели во мне ее представителя, человека революции». И не зря солдаты императора пели «Марсельезу».

В 1812 году представитель англичан при русской армии генерал Вильсон писал об очередном поражении Кутузова: «Несчастное отступление от нашей позиции выше Малоярославца… избавило неприятеля от неизбежной погибели и лишило Россию славы, а Европу – выгоды кончить революционную войну…»

А вот что писал Герцен: «Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту их победы под Ватерлоо. Я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз внутри груди делается холодно и страшно. Веллингтон и Блюхер радостно приветствуют друг друга. И как им не радоваться! Они только что своротили историю с большой дороги по самую ступицу в грязь, и в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащить…»

Если победители Наполеона тащили Европу в грязь, то куда вел ее Наполеон?

Часть I РОЖДЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Этот молодой человек работает не для истории, а для эпопеи. Он – вне правдоподобного. Все изумительно в его действиях и в его идеях. Когда я читаю его Бюллетени, мне кажется, будто я читаю «Тысячу и одну ночь».

Пьер Бомарше

Какой роман – моя жизнь!

Наполеон

10 августа 1794 года по солнечной Ницце конвоиры вели арестованного. Он был генералом, однако на генерала при этом совершенно не походил. Арестованный имел невысокий рост, отличался чрезвычайной худобой, его голубые глаза удивительно контрастировали с загорелым лицом, а длинные темные волосы свисали до плеч, при ходьбе порой попадая в глаза. При этом часть волос сзади была заплетена в небольшую косу. Он был похож, скорее, на пирата из приключенческого романа, нежели на революционного генерала. А главное, он был чертовски, не по-генеральски молод – на вид парню можно было дать лет двадцать.

Он знал, за что его взяли. И, наверное, даже ждал этого. Такова уж особенность всех революций: рано или поздно высокоранговых революционеров *берут*. В то утро, и днем ранее, и днем позднее по всей Франции шла волна арестов: в столице произошел очередной революционный переворот – в борьбе за власть одна революционная шайка арестовала и казнила другую шайку. Были арестованы и обезглавлены Максимилиан Робеспьер, его брат Огюстен, Кутон… И вот теперь по всей стране шла тотальная зачистка – подметали людей, преданных старой верхушке, знакомых с казненной верхушкой и протежируемых ею.

Арестованному не повезло: он был не просто знаком с братом Робеспьера, но и являлся его протеже: именно стараниями Огюстена парню было присвоено генеральское звание. Никаких иллюзий по поводу своей судьбы арестованный наверняка не питал, прекрасно видя, что творится вокруг, и потому, когда за его спиной захлопнулась дверь каземата в антибском форте,

юный генерал вздохнул: пришло время подводить итоги непродолжительной жизни. А что еще делать в заточении, когда день сменяется ночью, проходят сутки за сутками, неделя за неделей, а дверь не открывается? И даже непонятно, плохо ли это – что она не открывается. Потому что пока она не открывается, ты точно живешь.

Опустившись на солому, арестованный глянул в зарешеченное окно. Небо было таким же голубым и спокойным, как в его не столь уж далеком детстве.

Глава 1 «БУДЕТ ПРЕВОСХОДНЫМ МОРЯКОМ!»

«Дикие люди, дети гор» – так можно было бы охарактеризовать жителей островной французской провинции Корсика. Они жили родственными кланами, в ходу была кровная месть, что порой приводило к небольшим гражданским войнам районного масштаба. Этот южный корсиканский темперамент унаследовал и наш герой.

Он, правда, родился не в горах, а в небольшом городке Аяччо в 1769 году. Его матери Летиции тогда было всего 19 лет. Почувствовав родовые схватки, она вбежала в гостиную, где и родила – довольно быстро и относительно безболезненно. Так в семье обедневшего дворянина Карло Бонапарте родился второй сын, которого назвали Наполеоном. Обычное французское имя. Отец специально не стал давать парню корсиканского имени, поскольку за три месяца до рождения мальчика Корсика потеряла независимость и стала французским владением. Понимая, что огромная страна предоставит парню больше шансов для карьерного роста, чем маленький провинциальный остров, отец и дал ему французское имя. Весьма мудро…

Надо сказать, маленький мальчик не сразу понял великую глубину отцовской мысли: как все юноши, он страдал политическим радикализмом и поначалу по-детски расходился с отцом во мнении о будущем Корсики. Все дети – большие патриоты маленького местечка своего рождения! И юный Наполеон не был исключением: он видел Корсику независимой страной. Вообще, стремление к независимости – неважно, от родителей или от метрополии – есть признак неразвитости ума, признак глубокой детскости. Позже, когда Наполеон выехал с родного острова в большой мир и увидел Францию, он понял, что Корсика – обычная провинциальная дыра, в которой нечего ловить человеку его масштаба. Но это было потом. А пока горячий корсиканский патриот, размазывая сопли, бегает по Аяччо, играет и дерется с другими мальчишками.

Надо сказать, драчливость у Наполеона проявилась с детства. Частенько доставалось и старшему брату Наполеона – Жозефу. Причем хитрый Наполеон каждый раз, после того как поколотит брата, немедленно бежал жаловаться на него маме. И справедливая Летиция ругала Жозефа за то, что он обижает маленького. Позже Наполеон с улыбкой вспоминал: «Мое коварство приносило мне пользу, так как иначе мама наказала бы

меня за драчливость, она никогда не потерпела бы моих нападений!»

Мама Летиция нарожала мужу Карло целую кучу детей – восемь человек. Обратной стороной межклановой островной розни была внутриклановая солидарность – исключая мелкие детские ссоры, семья жила очень дружно, все любили друг друга и заботились друг о друге. В семье часто слышался совместный хохот. Впоследствии любовь Наполеона к его семье назовут одной из самых больших ошибок в его жизни. Что ж, недостатки – это продолжение достоинств. Впрочем, не будем забегать вперед.

Денег было мало, но отец очень заботился о детях и с помощью знакомых устроил Наполеона во французскую военную школу в Бриенне. Наполеону, впервые покинувшему так надолго отчий дом, едва исполнилось 9 лет. И это, конечно, был стресс для ребенка. Но Наполеон все понимал: он знал о стесненных условиях семьи, знал, как непросто далось отцу устроить его в эту школу на казенный счет, и что, получив образование, он в будущем сможет помочь своей семье.

В школе ребенку пришлось несладко. Во-первых, будучи смуглым корсиканцем, он внешне отличался от более бледных французов. Во-вторых, он был маленьким и потому выглядел слабым, легко обижаемым. Но самое главное – его речь. Он почти не говорил по-французски! Любой из этих причин было достаточно для травли. И она началась. Однако продолжалась недолго: любая насмешка грозила обернуться жестокой дракой. Причем никакие массо-габаритные характеристики противника никогда не останавливали Наполеона. Он пер напролом и почти всегда выигрывал, порой, правда, неся ощутимые потери. Как выяснилось позже, это свойство осталось с ним на всю жизнь.

Так закалялась сталь.

Один из учителей проникся жалостью к худенькому мальчику и взялся учить его французскому в свое личное время. Через три месяца Наполеон уже довольно сносно болтал по-французски, насмешки со стороны одноклассников прекратились ввиду его драчливости, но пропасть отчуждения между «дикарем» и «французами» не исчезла. Он был одинок.

Одиночество мальчик заполнял книгами. Они были его единственными друзьями. Он поглощал книги в невероятных количествах, читал очень быстро и крепко запоминал.

Среди всех школьных предметов Наполеон больше всего ненавидел мертвую латынь, но зато ему легко давались математика и география, он прекрасно знал историю Древнего Рима и Древней Греции.

Еще одним увлечением мальчишки была игра в солдатики.

Самих солдатиков у него не было по бедности, их заменяли камушки. Камушки поменьше – рядовые. Камушки побольше – офицеры. А совсем большие камушки – генералы. Мальчик уединялся в небольшом палисаднике и играл в войну, выстраивая камешки в батальоны. Однажды его за этим занятием застал один из соучеников и обсмеял. В гневе Наполеон вскочил, схватил одного «офицера» из своей армии и швырнул в обидчика. Камень угодил тому в лоб. О том, какого ранга был брошенный «офицер», и об ущербе, нанесенном им обидчику, может рассказать следующая история.

Четверть века спустя императору Наполеону доложили, что его аудиенции добивается некий офицер, утверждающий, что император знает его лично по школьным годам. Поскольку император никогда не отказывал во встрече людям, знавшим его по прежней жизни, и поскольку все об этом знали и часто пользовались этим, чтобы добиться аудиенции, обманно называя себя то школьным, то корсиканским другом Наполеона, император попросил адъютанта уточнить имя просителя. Тот сходил, узнал и доложил.

– Не припоминаю, – покачал головой Наполеон.

Другой бы на этом отказал в аудиенции, но император относился к людям не так, как этот нехороший «другой».

– Попросите этого человека напомнить какие-нибудь обстоятельства, при которых мы встречались, – велел император.

Адъютант вышел к просителю и передал слова Наполеона. Вместо ответа пришедший поднял со лба волосы и показал шрам на лбу.

– Он просто показал мне шрам на лбу! – растерянно доложил адъютант.

Наполеон улыбнулся:

– Точно! Я бросил в него генерал-аншефом! Пригласите скорее.

У него всегда было хорошо с чувством юмора. Иногда в дипломатии ироничность его подводила, как это было в случае с царем Александром, когда язвительность Бонапарта сделала русского царя личным врагом Наполеона, о чем еще будет разговор. Но чаще наполеоновский юмор был поводом для анекдотов, расходившихся по всей Франции.

Наполеон любил нюхать табак и носил с собой черепаховую табакерку. Кстати сказать, он не курил (попробовав однажды, заявил, что гадость) и табак нюхал не как все прочие люди – втягивая его в носоглотку и чихая, – а так, как нюхают цветы. Он брал щепотку ароматизированного табаку, осторожно вдыхал запах, после чего стряхивал табак из пальцев на пол. Только

продукт зря переводил! Это была не наркомания, а скорее модный обряд. Так вот, как-то один из придворных, воспользовавшись тем, что император отвернулся, взял из императорской табакерки, стоявшей на столе, щепотку табаку и нюхнул. Это была неслыханная дерзость и вообще наглость несусветная, но чуваку казалось, что он сделал это незаметно для императора. Однако тот все увидел в отражении.

Повернувшись, Наполеон быстро подошел к столу, взял табакерку и протянул придворному:

– Возьмите! Она слишком мала для нас обоих!..

Несколько лет мальчишка безвылазно провел в Бриенне: семья его была настолько небогата, что родители не могли обеспечить приезд сына домой на каникулы. А в 1784 году Наполеон закончил курс, и инспектор королевских военных школ отправил по инстанции следующее ходатайство: «Г-н Буонапарте Наполеон, родившийся 15 августа 1769 года ростом четыре фута десять дюймов десять линий… Всегда отличался прилежанием к математике. Весьма недурно знает историю и географию, довольно слаб в искусствах и в латыни. Будет превосходным моряком. Достоин перевода в Военную школу Парижа».

Так в возрасте 15 лет Наполеон впервые попал в Париж. С образовательным учреждением ему чертовски повезло! Достаточно сказать, что преподавателями в Военной школе были такие люди, как Лаплас и создатель начертательной геометрии Монж.

И здесь я снова не могу не отвлечься!..

Моей жене все ранее перечисленные в этой книге ученые фамилии – Лаплас, Даламбер, Лагранж… ровным счетом ничего не говорят. А для меня и прочих образованных граждан они звучат почти как фамилии родственников. От них веет ностальгией студенческих времен, сессиями, закорючками интегралов, написанными белым мелом на зеленой доске, залитой весенним солнцем.

Не буду сейчас рассказывать обо всех этих гигантах подробно, скажу пару слов лишь об одном. Пьер Симон Лаплас – математик, физик и астроном. Начинал он научную карьеру как математик – сначала публиковался в математическом журнале Лагранжа, а затем по рекомендации Даламбера стал профессором Военной школы. Автор ряда основополагающих работ в математической физике и аналитической теории вероятностей. Создатель так называемого «преобразования Лапласа», ставшего основой операционного исчисления.

Астрономические работы Лапласа посвящены теории вычисления планетарных орбит. Лаплас – автор пятитомного

фундаментального труда о небесной механике и самого термина «небесная механика». Именно Лаплас выдвинул теорию о формировании Солнечной системы из газовой туманности.

Физические интересы этого учителя Наполеона лежали в области гидродинамики, акустики, оптики, теории теплоты, молекулярной физики. Он разработал теорию капиллярных сил, вывел формулу для определения капиллярного давления. Все его научные заслуги я даже перечислять не буду. И без того понятно, какая это глыба. Титан!

А говорю я это к тому, что сей титан после прихода к власти Наполеона согласился занять пост министра внутренних дел в его правительстве. А другой наполеоновский преподаватель – создатель начертательной геометрии Гаспар Монж – согласился занять пост морского министра в правительстве Наполеона. Он заведовал пороховыми и пушечными заводами республики и даже сопровождал Наполеона в его экспедиции в Египет. В критические для Наполеона «Сто дней» (о них позже) Монж решительно поддержал своего бывшего слушателя и императора. За что, кстати, позже поплатился карьерой: после возвращения к власти Бурбонов он был лишен всех научных званий и изгнан из академии наук.

Таков феномен Наполеона: люди, которым посчастливилось лично знать Бонапарта, редко отказывались сотрудничать с ним. Он зажигал всех! Даже Талейран. Тот самый Талейран, который брал взятки, вел двойную игру, обманывал своего императора на каждом шагу и вообще стал символом предательства… даже он после смерти Наполеона, будучи послом Франции в Англии, однажды раздраженно воскликнул в ответ на какую-то критику:

– Не учите меня дипломатии! Я учился ей у самого императора!..

А писатель Стендаль, который был участником второго итальянского похода Наполеона и входил с французской армией в Россию в 1812 году, на всю жизнь сохранил об императоре самые лучшие воспоминания. И после ссылки императора на остров Святой Елены писатель уехал из Франции, будучи не в силах более в ней находиться.

Впрочем, до этого еще далеко, а пока юный Наполеон учится в столице и питает надежды. Правда, столичная парижская жизнь ничем не отличалась для него от провинциальной бриеннской – мальчишка дичился развлечений и много читал. Но надежды на длительное обучение были обломаны. Через полгода после поступления Наполеона в школу на Корсике умер его отец. Это был удар! Отца Наполеон любил и уважал. Много позже, будучи императором, находясь в зените славы, Наполеон в разговоре с

матерью однажды горько воскликнул:

«Как жаль, что отец не увидел всего этого!….» Всю жизнь прозябая в тоскливой бедности, граничащей с нищетой, он мечтал когда-нибудь устроить хорошую жизнь своим любимым людям.

Когда умер отец, Наполеон написал утешительное письмо матери, а в письме своему дяде Люсьену так отзывался об отце: «…только Богу известно, какой это был человек с его безграничной нежностью и привязанностью к нам…»

После смерти отца семья осталась практически без средств к существованию, и на 16-летнего Наполеона лег весь груз ответственности за стареющую мать, младших братьев и сестер. Поэтому, отучившись год и получив звание сублейтенанта (младший лейтенант), Наполеон оставил набухающий революцией Париж и отправился на юг Франции, в небольшой городок Валансе нести офицерскую службу.

Теперь у 16-летнего мальчишки было самое настоящее жалованье! Но позволить себе он все равно ничего не мог: большую часть денег приходилось отправлять матери. Себе Наполеон оставлял только на весьма скудное питание. Он сам себе готовил и стирал. Порой весь его обед составлял кусок хлеба с кружкой молока. Причем ел Наполеон всего один раз в день, поэтому постоянно ходил бледный и малокровный, вызывая справедливые опасения полкового врача.

Он был настолько худ, что его тощие ноги торчали из огромных ботинок, как пестики из ступок. Две малолетних дочери его знакомого, впервые увидев Наполеона, захохотали и назвали его «Кот в сапогах». Наполеон улыбнулся и через несколько дней принес девочкам невесть откуда добытую игрушку – деревянного кота в сапогах.

На развлечения денег не оставалось совершенно, выйти в свет, чтобы перекусить в гостях, Наполеону было тоже не в чем, поэтому единственным его развлечением опять-таки стали книги. По счастью, в доме, где он снимал комнату, на первом этаже была книжная лавка. И букинист давал молодому офицерику читать их бесплатно.

За время службы в Валансе Наполеон прочитал книг больше, чем многие его сослуживцы и современники за всю жизнь. Он читал и конспектировал книги по математике, географии, истории. Но не обошел вниманием, разумеется, и знаменитую просветительскую литературу XVIII века – Вольтера, Руссо, Даламбера (который был не только математиком, но и философом), Дидро. Штудировал Бонапарт и худлит – Гёте, Корнеля, Мольера, Бомарше. Все, что читала Франция, читал и

Наполеон. Жадно впитывая книжную Францию, он постепенно и сам становился Францией. Позже, поехав после долгих лет отсутствия на Корсику в отпуск, Наполеон свежим взглядом посмотрел на все это убожество и понял, каким дураком он был в детстве, желая независимости Корсики – независимости от культуры. К этому времени Наполеон вырос из Корсики, как Сталин из Грузии.

Для того чтобы еще больше облегчить жизнь матери, Наполеон забрал к себе маленького брата – Луи. Наполеон фактически заменил ему отца. И, как выяснилось, отцом он стал неплохим. Луи жил в мансарде над комнатой брата. И каждое утро, за пару часов до ухода на службу, Наполеон просыпался и будил брата, грохоча палкой в потолок. Недовольный и невыспавшийся Луи спускался вниз, где Наполеон занимался с ним математикой.

Одним прекрасным утром, не желающий рано вставать мальчик опоздал на урок к своему наставнику, которому и самому-то о ту пору было 17 лет.

– Вы чего это опаздываете, сударь? – строго спросил Наполеон.

– О-ой, мне такой со-он снился, – ответил брат. – Не хотелось даже вставать!

– Какой еще сон?

– Мне снилось, что я – король! – ответил Луи.

– А я тогда кто? Император, что ли? – пожал плечами Наполеон. – Давай за уроки, лентяй!..

…Через два десятка лет Луи Бонапарт станет королем Голландии. И назначит его на эту «работу» император Наполеон.

Но это будет не скоро. А пока, оттянув лямку службы три года, Наполеон вместе с полком передислоцируется в другой город – Оксонн. Там его «читательские запои» продолжились. Причем книжный корм был явно «в коня»: Наполеон не забывал почти ничего из прочитанного. Однажды за какую-то провинность или юношеское озорство он угодил на гауптвахту. В помещении, где молодой офицер отбывал свое непродолжительное заключение, случайно оказалась книга по римскому праву. Наполеон немедленно взял ее в руки и за время отсидки прочел всю. Небу был явно угоден этот арест, ибо через пятнадцать лет, когда Наполеон разрабатывал свой знаменитый Наполеоновский кодекс, знание римского права ему очень пригодилось. Точным цитированием когда-то прочитанного тома он поражал на заседаниях французских юристов.

А вот вам другая история о его необыкновенной памяти…

В 1808 году император давал обед в Эрфурте для своих

побежденных евродрузей. На обеде присутствовали русский царь Александр, король Баварии, король Саксонии, королева Вестфалии, герцог Ольденбургский и прочая мелкая венценосная шушера. Разговор зашел о так называемой Золотой булле. Один из присутствовавших на обеде мелких принцев дал краткую справку об этом документе и даже назвал год его принятия – 1409-й.

– Вы ошибаетесь, – поправил Наполеон. – Золотая булла была принята в 1336 году, при Карле IV.

– Точно! – вспомнил принц. – Но вы-то почему об этом знаете?

– Когда я был простым сублейтенантом, – начал Наполеон и заметил, как вдруг затих стол и изменились выражения лиц присутствующих. Обедая вместе с ним за одним столом и признавая его как победителя, все эти потомственные аристократы, чьи родословные уходили корнями в глубь веков, уже привыкли воспринимать Наполеона как императора. И неосторожно брошенная императором фраза о том, кем он был когда-то, резанула породистых аристократов, внезапно напомнив им об истинном положении вещей. А надо сказать, в ту эпоху сословные пережитки были невероятно сильны! Почитайте литературу того времени, и вы увидите: чтобы поженить влюбленных героев (породистую даму-аристократку с беспородным, но благородным душою красавцем), автор пьесы или книги все время был вынужден прибегать к одному и тому же искусственному приему: в конце пьесы вдруг выяснялось, что на самом деле юноша – тайно потерянный в детстве отпрыск благородного семейства. То есть породистая особь, а не какой-то там простолюдин! Уф-ф!.. Общественность в лице зрителя и читателя облегченно вздыхает: приличия соблюдены! Дама не выскочила замуж за дворнягу!.. Теперь вы понимаете, каким позором считал обедневший барон брак своей дочери с разбогатевшим мещанином?..

Вот и после слов Наполеона породистые псы, вдруг на мгновение опомнившись, увидели себя в компании с почти беспородной дворнягой. Причем эта дворняга была явным хозяином положения и более того – хозяином всей Европы!

Поняв этот моментальный эмоциональный шквальчик, всколыхнувший занавески пыльных аристократических душ, Наполеон улыбнулся и продолжил:

– Когда я был простым сублейтенантом, я провел несколько лет в гарнизоне и перечитал там весь книжный магазин. И почти ничего не забыл. А уж касательно цифр, то их я вообще не забываю. Часто подсказываю своим министрам цифры из их же

прошлых отчетов.

Кстати, в окружении Наполеона было полно «безродных», но талантливых людей. Скажем, маршал Виктор и будущий герцог Беллюнский – бывший бакалейщик. Знаменитый Мюрат, будущий король Неаполя – сын трактирщика. Маршал Ожеро – сын бондаря. Маршал Ней – сын рыночной торговки. Маршалл Ланн – сын конюха. Маршал Лефевр – крестьянина. Кипение революции и чутье Наполеона на таланты выбросили наверх такую яркую плеяду удивительных людей, что подобного феномена не было, пожалуй, никогда прежде. Гёте говорил, что наполеоновских маршалов можно поставить в один ряд с героями Древней Греции. А после Второй мировой войны один английский публицист, желая похвалить выдающиеся способности Жукова, Рокоссовского и Василевского, написал, что в Советском Союзе выдвинулась такая «блистательная плеяда генералов и маршалов, равных которым не было со времен Великой армии Наполеона».

Пушкин, Лермонтов, Жуковский, несмотря на то что с Наполеоном у них были свои «русско-патриотические» счеты за 1812 год, писали о созвездии окружавших императора людей и о самом Наполеоне подчеркнуто уважительно. Почитайте «Ночной смотр» Жуковского, удивительный «Воздушный корабль» Лермонтова, пушкинского «Наполеона», и вы многое поймете. Да и сам царь Александр в письме к матери так отзывался о правителе Франции: «В настоящее время она [Франция] управляется необыкновенным человеком, таланты, гений которого не могут быть оспариваемы…»

А вот как самокритично оценивал наш царь самого себя в сравнении с Наполеоном и свое окружение в сравнении с наполеоновским окружением: «Относительно таланта, может, у меня его недостаточно, но ведь таланты не приобретаются, они – дар природы. Справедливости ради должен признать, что ничего нет удивительного в моих неудачах, когда у меня нет хороших помощников, когда терплю недостаток в деятелях по всем частям… в такое ужасное время и против врага… высоко талантливого, которого поддерживают соединенные силы всей Европы и множество даровитых людей, появившихся на свет за 20 лет войны и революции».

Сам себя, однако, Наполеон гением не считал. О своей гениальности он всегда говорил с иронией, а вот чем по-настоящему гордился, так это целеустремленностью и возможностью невероятно много работать в высоком темпе. Своим вновь назначаемым министрам император полушутя объяснял, что через несколько лет работы в его правительстве они будут испытывать трудности с мочеиспусканием из-за предельных

нагрузок.

Сам Наполеон времени на ерунду не терял, он спал по 4 часа в сутки, на обед тратил 12 минут: «Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать».

За короткий по историческим меркам срок своего правления он успел сделать так много только благодаря необыкновенному темпоритму жизни. Наполеоновский камердинер в своих мемуарах писал: «Какие замечательные вещи случались в течение тех пятнадцати лет! Те, кто находился при императоре, жили словно в эпицентре урагана; и столь скорой была смена событий, что тот или иной приближенный ко двору императора чувствовал себя просто ошеломленным. И если ему хотелось передохнуть и на мгновение ослабить внимание, то тут же, подобно новому шквалу, наступали новые события, которые увлекали беднягу за собой, не давая ему возможности опомниться и собраться с мыслями».

…А мы вернемся вновь в полуголодную казарменную юность героя. Свое двадцатилетие в 1789 году Наполеон встретил далеко от Парижа, в провинциальном гарнизоне. Именно там он впервые пробует писать. Причем, поскольку багаж знаний, накопленный молодым офицером за годы беспробудного чтения, огромен (этого багажа Наполеону хватит на всю жизнь), его работы отличаются разнонаправленностью. Он пишет небольшой трактат по баллистике, художественные новеллы, несколько либеральных философско-политических этюдов в духе Руссо. Наконец, заканчивает очерк об истории Корсики. Очерк этот молодой автор отправляет на рецензию известному тогда писателю Рэйналю, который отзывается о литературных способностях артиллерийского офицера весьма благосклонно. Можно представить себе радость двадцатилетнего мальчишки в заплатанном мундире, которого похвалил сам Рэйналь!..

Творчество творчеством, но деньги лучше. В постоянных раздумьях о хлебе насущном Наполеон решил завербоваться в русскую армию. И обратился с письменной просьбой к генералу Ивану Заборовскому, который как раз в то время проводил в Европе вербовку добровольцев для войны с Турцией. Согласно инструкции Заборовский нанимал иностранцев в русскую армию с понижением на один чин. На понижение Наполеон не согласился. И Заборовский отказал ему, о чем потом всю жизнь жалел.

А тем временем большая история идет своим чередом, не замечая мелких бытовых радостей мелких людишек: в Париже начинает раскручиваться революция.

Глава 2 КРАСНОЕ КОЛЕСО

Можно сказать, история Французской революции в том виде, в котором мы ее знаем, началась, когда Наполеону стукнуло пять лет. Именно тогда, в 1774 году, на престол вступил Людовик XVI. Структура власти в тогдашней Франции была, как мы бы сейчас сказали, устаревшей. Воля монарха абсолютна, судебная власть от исполнительной не отделена, а исполнительная сливалась с законодательной. Король мог издавать и отменять законы, назначать новые налоги, объявлять войну, судить и приговаривать. Нехорошо.

И вдвойне нехорошо, что подобная власть досталась тому, кто не мог реализовать все ее преимущества, но лишь усугублял недостатки этой формы правления. Королю о ту пору стукнуло двадцать лет, и он был нерешительный мямля и рохля. Он все время метался, не решаясь сделать тот или иной экономический или политический шаг, в результате чего ситуация стагнировала, а в обществе копились напряжения.

Революция – взрыв котла. Она случается, когда слабая власть не может взять управление кризисом на себя. Вместо того чтобы стравливать пар, проводя превентивные реформы, власть тянет до последнего, стараясь удержать в рамках привычного то, что удержанию уже не поддается. И тогда случается взрыв. Который на мгновение выносит на поверхность тех лучших людей, которые предлагали разумные решения, а затем смывает их кровавым потоком.

Королевская Франция не представляла собой единой страны – она вся была разделена «областными» таможнями. Каждый феодальчик ставил на границах своих владений вооруженных людей, который брали «пошлину» за ввоз-вывоз товара. Приехавших из богатой Англии туристов это обстоятельство чрезвычайно удивляло: дешевле привезти товар из Китая, чем провезти что-либо из Бретани в Прованс!..

Такое положение невероятно тормозило и внутреннее производство, и внутреннюю торговлю, что невероятно раздражало молодую французскую буржуазию, которая чувствовала себя дойной коровой, поскольку была лишена многих гражданских прав и обираема аристократами на каждом повороте. Не способствовали бизнесу и разные стандарты: в каждой области – свои меры длин и весов.

Чтобы порешать все эти давно назревшие вопросы, собирается Национальное собрание, которое включает в себя депутатов от духовенства, дворянства и третьего сословия –

мелкой буржуазии. Ребята толкут воду в ступе, переименовываются в Учредительное собрание, объявляют, что стране необходима Конституция и выступают, выступают, выступают…

Это был этап говорения. Каждый из депутатов, не обращая внимания на сказанное другим и вне всякой связи с ним, говорил с трибуны все, что наболело, озвучивал наказы избирателей. Газеты немедленно перепечатывают самые громкие, хлесткие и скандальные речи, и те люди, которые еще вчера были никому не известны, просыпались наутро политическими лидерами.

Париж кипит. На бульварах и в кафе парижане обсуждают будущее страны. Осенью 1789 года в церкви Святого Якоба образуется стихийный клуб – постоянно действующая политтусовка, куда захаживают все будущие лидеры Франции – Дантон, Робеспьер, Лафайет, Марат, Мирабо, Талейран, Демулен. Позже, объявившись в Париже, на якобинский огонек станет захаживать и молодой офицер Наполеон Бонапарт. В революции самое главное засветиться в нужное время в нужном месте. Это позволит человеку быть замеченным и занять высокие места – сначала в руководящем кресле, потом на эшафоте.

Национальное собрание принимает знаменитую Декларацию прав человека и гражданина. Она настолько возмутительна, что король решительно отказывается подписать это безобразие! Еще бы, Декларация говорит, что люди рождаются свободными и имеют равные права от рождения. Декларация провозглашает свободу совести, свободу политических союзов (партий), свободу слова и печати. Она объявляет основным сувереном власти во Франции французский народ. Декларация гласит, что все, прямо не запрещенное законом, разрешено и «никто не может быть принужден делать то, что не предписано законами». А в создании и принятии законов, равно как и в создании налоговой системы страны, может участвовать каждый гражданин через выборных представителей. Декларация говорит, что каждый, даже бедный, если он талантлив, может занимать любой пост. И что никто не может подвергнуться наказанию или обвинению иначе, кроме как по закону. При этом человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана судом. Кроме того, общество имеет право требовать у всякого должностного лица отчета о его деятельности. А собственность человека неприкосновенна.

Наконец, Декларация содержит столь любимый автором этой книги тезис: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества

пользование такими правами».

Великий документ, в каждой букве которого дышит современность!.. Ясно, что написали его не туповатые крестьяне и безграмотные работяги в обносках, а люди высокого полета. Впоследствии смытые красной волной революционного террора.

В общем, король был сильно против Декларации. Однако вспыхнули народные волнения, и король Декларацию подписал. Черт с вами!..

Пока ничто не предвещает худого. Самые смелые мечты депутатов – конституционная монархия. Короля объявляют главой исполнительной власти, который должен действовать не по своей прихоти, а только на основании принятых Национальным собранием законов. Ни о какой республике и речи нет. Даже оголтелый Марат в августе 1789 года убежденно пишет: «В большом государстве множественность дел требует самого быстрого их отправления… в этом случае форма правления должна быть, следовательно, монархической».

Но маховик революции уже набрал обороты и далее продолжает свое неумолимое вращение вне зависимости от чьей-то персональной воли. Возникает Парижская коммуна. Пример Парижа подхватывают другие города – там вместо муниципалитетов возникают выборные коммуны. Власть на местах окончательно переходит выборным органам. Одновременно принимается акт, по которому смертная казнь отныне будет совершаться не по-деревенски – топором, а с помощью механического устройства – гильотины. Это мгновенно и потому более гуманно.

В мае 1790 года революция делает еще одно великое дело, которое трудно переоценить: под руководством величайшего из гениев Франции Лавуазье и при участии Лагранжа на научной основе разрабатывается единая система мер и весов. За основу единицы длины впервые положена не длина от пятки до носка, а одна десятимиллионная доля парижского меридиана от Северного полюса до экватора. Система получает название метрической, завоевывает всю благодарную Европу и по сию пору используется везде в мире, кроме редких отсталых стран, куда наполеоновский штык, к сожалению, так и не дотянулся. Метрическая система была разработана по заказу наиболее просвещенной части буржуазии для облегчения торговли. Торговля есть двигатель прогресса, как ни крути!..

Издается декрет об образовании департаментов охраны памятников и произведений искусства. А в королевском дворце – Лувре – создается музей… На этом хороший этап революции заканчивается. Ревмаховик медленно выворачивает зрителям

другую, не столь приглядную сторону.

Чувствуя, что ситуация мало-помалу становится неуправляемой, король Людовик решает бежать из страны к своим иностранным монархическим родственникам, чтобы поднять против революционный заразы всю феодальную Европу. Бегство не удается по чистой случайности – на почтовой станции служитель узнает короля, сидящего в карете. Его задерживают. «Зачем нам такой король?» – спрашивают народные депутаты, сгоряча берут на себя всю полноту исполнительной власти, но затем по инерции принимают уже давно подготовленную Конституцию, в которой закреплен режим монархии. Король вновь становится властным и возвращается во дворец. Ситуация странная.

И тут начинается иностранная интервенция.

То, что король до своих европейских родственников не добежал, не помешало им объединиться в антифранцузскую коалицию. Первыми в такую коалицию сгруппировались Австрия и Пруссия. Позже к ним присоединилась Россия… А всего антифранцузских коалиций было семь! Так что наполеоновские войны, двадцать лет сотрясавшие Европу, были вызваны вовсе не назойливым желанием Наполеона захватить мир, а действиями союзников, раз за разом стремившихся уничтожить революцию во Франции и возвратить на парижский престол короля. Наполеон же только защищался. Впрочем, не будем забегать вперед.

Итак, войска интервентов вторгаются во Францию. Голодные, оборванные, босые солдаты новой Франции с переменным успехом воюют против интервентов. Национальное собрание провозглашает лозунг: «Граждане! Отечество в опасности!» Аккурат к этому сроку капитан пехотных войск Руже де Лиль сочиняет «Марсельезу», которую Франция подхватывает, как новый гимн, с которым граждане готовы погибать за свободу.

В один из этих тревожных дней на трибуну взбирается Робеспьер, обвиняет в бездействии и исполнительную власть (короля), и законодательную (Нацсобрание). Максимилиан кричит, что нужно избрать новое, решительное революционное правительство – Конвент и написать новую Конституцию, не монархическую, а республиканскую! Депутаты чешут репы. Неожиданное предложение. Тогда нетерпеливый Робеспьер напрямую обращается к «чудищу облу и стозевну». Народное чудище, лая и воя, штурмует королевский дворец. Король арестован, король в тюрьме. 21 сентября 1792 года собирается Конвент, отменяет во Франции монархию и провозглашает республику.

…Король-то у Франции был. А вот где взять приличных

республиканцев? И что делать с бывшим королем? Адвокат Робеспьер с трибуны Конвента предлагает казнить короля без суда и следствия. Революционный маховик сделал еще полоборота.

15 января 1793 года 387 голосами против 334 Конвент приговаривает Людовика к смертной казни. Жить незадачливому королю оставалось шесть дней. 21 января его голова была отделена от туловища и показана ликующему быдлу под крики «Да здравствует республика!» Через некоторое время вслед за мужем на эшафот взбирается и жена казненного короля – Мария-Антуанетта.

Но разве король – последний враг республики? Врагов-то куча, если присмотреться! Одни враги – внешние – наседают на юную республику извне. Другие – внутренние – сидят прямо тут, в Конвенте! Конвент состоит из двух фракций – жирондистов и якобинцев. Жирондисты – более умеренные. Их и пустили под нож. Первыми всегда режут тихих…

Так самые крутые и радикальные революционеры взяли власть. А дальше надо было как-то решать экономические проблемы разоренной страны. Хлеба нет, ни хрена нет, инфляция… Чего делать? Якобинцы, как всегда поступают социалистические отморозки, начинают бороться с ростом цен… запретом роста цен. Хлеба от этого больше не стало, зато сразу же возникли огромные очереди, а продукты питания постепенно пропали с рынка белого и переместились на рынок черный. Горожане недовольны: заморозив цены на основные продукты питания, якобинцы были вынуждены заморозить и зарплаты. Социализм торжествует! Но жрать все равно нечего.

В село устремляются продотряды с комиссарами – реквизировать хлеб у крестьян, чтобы накормить горожан. По всей стране вспыхивают крестьянские восстания. Начинается гражданская война.

Любопытный момент. Уже написана и даже сгоряча принята Конвентом новая республиканская Конституция. Но теперь сам же Конвент требует отсрочить ее ведение в действие, ибо время тяжелое: «В обстоятельствах, в которых ныне находится республика, Конституция не может быть применена… Правительство не должно считать себя связанным обязанностью соблюдать конституционные права и гарантии, его главная задача заключается в том, чтобы силой подавить врагов свободы… Надо управлять при помощи железа там, где нельзя действовать на основе справедливости».

И Конвент начинает действовать на основе несправедливости. Он принимает декрет о введении в стране «революционного

порядка управления». Но Конвент – представительный орган. То есть довольно большой. А большая масса людей управлять не может. Поэтому фактически страной правит «политбюро» – Комитет общественного спасения. Главным оружием революции объявляется террор. Людей по всей стране казнят тысячами. В Париже, что ни день, в корзины падают гильотинированные головы врагов народа.

Казнят простых горожан. Казнят генералов. Казнят ученых. Арестован и казнен Лавуазье – открыватель закона сохранения массы, разработавший для революции метрическую систему. Зачитывая приговор этой гордости французской науки, председатель трибунала заявил, что «республика не нуждается в ученых». Лавуазье был обвинен «в заговоре с врагами Франции против французского народа, имевшем целью похитить у нации огромные суммы, необходимые для войны с деспотами». Английский шпион, короче.

«Палачу довольно было мгновения, чтобы отрубить эту голову, – горько воскликнул Лагранж после казни, – но будет мало столетия, чтобы создать другую такую же!»

А революция между тем продолжается. Распущена Академия наук. Арестованы и ждут казни астроном Кузен, геологи Демаре и Гаюи, астроном Кассини. Казнены математик де Саро, астроном Байи, почетный член Французской академии наук Ларошфуко. Философ Кондорсэ и математик Шамфор, не дожидаясь ареста и бредовых обвинений, кончают жизнь самоубийством.

Размах террора был таким, что вряд ли во Франции можно найти человека, родственник, сосед или знакомый которого не попал бы на плаху. Отец великого физика Ампера был казнен, а имущество семьи врага народа конфисковано. Неприятное было время.

А что же Наполеон?.. Где он?..

Глава 3 НА ЮГЕ

Он служит. Он в провинции. Он еще не знает, что трон, который шатается в Париже, освобождается для него. Он чертовски беден, чертовски начитан и ужасно предан своей семье. Он настроен революционно, как и вся французская интеллигенция. И он очень не любит быдла. Этим он в лучшую сторону отличался от российских большевиков.

В год начала революции – 1789-й – полк молодого артиллерийского офицера отправляют в городок Соре с целью поддержания там порядка ввиду столичных волнений. И Наполеон не подводит. Даром что ему всего двадцать лет, на короля-рохлю, которому он служит, Бонапарт совершенно не похож! Он решительно успокаивает горожан: «Пусть порядочные люди спокойно идут домой, я буду стрелять только в шпану».

Наполеон терпеть не может малограмотный плебс. Все-таки обильное чтение сильно облагораживает.

Он слишком хорошо знал цену простонародью и потому не мог не относиться к черни с презрением, как всякий грамотный и порядочный человек. Когда позже парижская толпа боготворила его и с восторгом выкрикивала его имя, Наполеон сказал: «Сейчас они орут от восторга, но точно также будут орать и бежать за мной по улице, когда меня поведут на эшафот. Любовь толпы переменчива и недорогого стоит».

В 1792 году, оказавшись в Париже и живо интересуясь происходящими там событиями, захаживая в якобинский клуб, Наполеон еще раз подтвердил свое неизменное отношение к тупой голытьбе. Со своим приятелем Бурьеном, с которым он учился в военной школе, молодой офицер увидел движение народной массы к королевскому дворцу Тюильри. Это была демонстрация, которая шла выразить королю очередное «фи». Оглядев толпу, Наполеон сказал Бурьену:

– Давай-ка пойдем за этими ублюдками и посмотрим.

Они вместе с толпой прошли к дворцу и стали свидетелями того, как перепуганный король, увидев грандиозное шествие, вышел на балкон и, чтобы задобрить толпу, надел красный фригийский колпак, символизировавший революцию.

Это произвело на Наполеона глубочайшее впечатление. Целый день потом он только и твердил в адрес короля:

– Ну и придурок! Как можно было подпускать эту гнусную чернь к дворцу?!. Снес бы 500–600 человек пушками, а остальные сами разбежались бы!..

…Чуть позже этот великолепный рецепт Наполеон

блистательно применит.

Его жизнь в Париже была так же бедна, как на юге Франции. Собственно говоря, в Париж он приехал за новым назначением и проводил время в ожидании и в нищете. Пытаясь выбраться из нужды, Наполеон с Бурьеном пускаются в беспочвенные фантазии. Они решают поправить свое финансовое положение, сняв несколько домов на этапе строительства, а потом отдавая их в субаренду. И даже идут зачем-то договариваться к хозяевам стройки, но им ломят такую цену, что несостоявшиеся горе-бизнесмены уходят несолоно хлебавши. И зачем приходили? Ведь у них не было денег даже на обед! В этот день Наполеон заложил свои часы.

Какая-то неизбывная, тоскливая, беспросветная бедность преследовала его всю первую часть жизни. Но самым парадоксальным образом она не изуродовала его психику, а лишь закалила и облагородила характер. Наверное, это происходило из-за того, что Наполеон умудрялся тащить на своем горбу все свое многочисленное семейство. И потому не озлобился и не ожесточился.

Закалка шла с самого детства, с девяти лет, когда отец отвез его в бриеннскую школу. Позже, на пике своего могущества Наполеон вспоминал: «В Бриенне я был самым бедным из моих товарищей; у них бывали карманные деньги, у меня же их не было никогда. Но я был горд, и я делал все возможное, чтобы этого никто не замечал. Из-за этого я не умел ни веселиться, ни смеяться. И поэтому не был никем любим…»

Не стал он богаче и когда учился в парижской Военной школе. В то время как прочие малолетние барчуки сорили деньгами и делали долги, Наполеон скрипел зубами и читал, читал, читал. Однажды приятель, заметив, что карманы Наполеона вечно пусты, предложил ему денег в долг. Наполеон густо покраснел и сказал: «У моей матери и так слишком большое бремя, которое я не должен увеличивать расходами. Особенно если они пойдут на пустые развлечения». Это был подвиг со стороны мальчишки, согласитесь.

Наконец парижское ожидание заканчивается. Наполеон получает новое назначение – артиллерийским капитаном на Корсику. Осенью 1792 года он прибывает в Аяччо. Вся семья в сборе. Улыбки, смех. А вечером, уложив детей спать, мать Наполеона Летиция рассказывает сыну, как трудно они жили все эти годы на присылаемые им небольшие деньги, плачет и говорит, что никакого будущего у них нет. У Наполеона сжимается сердце, и он начинает утешать мать, стараясь выдавить на лице улыбку. Он делится очередными фантастическими

планами, рассказывает, как он поедет в Индию: «Через несколько лет я вернусь оттуда богатым набобом и привезу хорошее приданое для сестер!»

А между тем ситуация на Корсике становится все напряженнее и напряженнее. Сепаратисты поднимают головы. Наполеон лично знает их лидера Паоли (это друг его покойного отца) и расходится с ним в главном. Паоли считает, что, пока во Франции творится бардак, самый удобный момент подорвать когти и провозгласить независимость. Наполеон говорит, что революция во Франции, напротив, открывает блистательные возможности и для Корсики. Которой, чтобы процветать, совершенно не обязательно отделяться от великой Франции! К чему? Интеграция лучше, чем дезинтеграция! Вон во Франции отменяют внутренние таможни, раскрепощают личность, говорят о вводе единой системы мер и весов, вводят Конституцию… Зачем отделяться от передового?..

Но Паоли уперт и неумолим: только независимость! Они ссорятся, и в конце концов лидер сепаратистов отдает приказ арестовать Наполеона, сына своего старого друга. И объявляет всю семью Бонапартов врагами корсиканского народа. Наполеон понимает, что ему надо спасать близких. Он вывозит семью на случайном корабле в Марсель. Сразу после этого их дом в Аяччо грабит и поджигает корсиканская толпа. А сепаратист Паоли, стремясь убежать от Франции, падает в объятия Англии. И вскоре остров оказывается оккупированным англичанами.

(Любопытна дальнейшая судьба «обокраденного Шпака» – Паоли. Англичане, которые никогда особой порядочностью по отношению к туземцам не отличались, назначили вице-королем Корсики не Паоли, а некоего Жильбера Эллио, шотландца. Просто потому, что он был единственным человеком при английском дворе, кто знал итальянский язык, на котором говорили корсиканцы. А Паоли, чтоб не мешался под ногами, вывезли в Англию, где он и умер вдали от любимой родины. И лишь через несколько лет Франция отобрала Корсику у англичан.)

Наполеон, приплыв на юг Франции, написал местным революционным властям заяву, что его семья – беженцы, и попросил помощи. Помощь была предоставлена: братья Наполеона Жозеф, Луи и Люсьен получили небольшие должности в военной администрации, а Наполеон произведен в капитаны.

Идет тревожный 1793 год. Пока в Париже рубят головы, на юге Франции творятся иные дела. В Тулоне вспыхивает контрреволюционный мятеж, тулонцы открывают ворота города для англичан, и над городом начинает развеваться белый флаг

роялистов, то есть сторонников короля. Французская армия под руководством революционного генерала Карто собирается отбить у мятежников Тулон. Вот туда-то и попадает артиллерийский капитан Наполеон.

Генерал Карто – лопух, типичный революционный выдвиженец. Поэтому осада города безуспешно длится несколько месяцев. Прибывший на место службы Наполеон опытным глазом артиллериста сразу примечает и исправляет несколько грубых ошибок в расположении артиллерии. Он просит показать ему план города. План разворачивают на столе. Едва бросив взгляд на этот план, Наполеон сразу тыкает пальцем в один из редутов и лаконично бросает:

– Тулон – здесь.

Ничего не поняв, генерал Карто высмеивает Бонапарта:

– Ха-ха, кажется, наш «капитан Пушка» не силен в географии!

Понимая, что он окружен полными идиотами, Наполеон отзывает в сторону революционного комиссара, присланного из Парижа приглядывать за офицерьём, и говорит:

– Слушайте, если мне никто не будет мешать, я возьму город.

– Да кто вы такой вообще?

– Я здесь единственный человек, кто хоть что-то понимает в военном деле! Вы спросите у Карто, каков его план взятия города, и увидите, что никакого плана просто нет!

Комиссар подошел к Карто и потребовал план действий.

– План? – воскликнул Карто. – Да я его за три минуты сделаю! И действительно сделал. Он сел за стол и написал «план»:

«Артиллерия будет обстреливать город три дня, а потом мы его атакуем тремя колоннами и возьмем! Карто».

Комиссар молча сложил эту записку и отправил ее в Париж. Там прочли, крякнули, и Карто немедленно отстранили от дел. Вместо него был назначен генерал Дюгомье и присланы еще несколько комиссаров.

Пока новый командующий не приехал, Наполеон делал то, что считал нужным, и с ним никто не спорил. Поэтому прибывший Дюгомье обнаружил расставленную Наполеоном артиллерию и полную готовность к штурму. Парижские комиссары хотели было переставить пушки, но подскакавший Наполеон немедленно прогнал их, заявив, что их дело – болтать с трибуны, а его – расставлять артиллерию. И что он отвечает за свою расстановку головой.

16 декабря наполеоновская артиллерия начала артподготовку, 17 декабря точка, указанная Наполеоном на плане города, была взята. Тулон еще не был в руках наступавших, но

раненый штыком в бедро Бонапарт подошел к раненому в колено генералу Дюгомье и улыбнулся:

– Идите отдыхать, генерал. Дело сделано. Мы только что взяли Тулон. Послезавтра будем в нем ночевать.

Так оно и случилось. 18-го числа были взяты форты Эгийет и Баланье, а 19-го республиканская армия вошла в город.

Для всех была ясна роль маленького худенького капитана во взятии Тулона. По счастью, среди представителей Конвента, наблюдавших за штурмом, был Огюстен Робеспьер. Он отписал брату в столицу восторженный отзыв о молодом талантливом офицере-артиллеристе. И Наполеона тут же произвели в генералы. Было ему тогда 24 года, а на вид никто не дал бы и двадцати.

Это была его первая победа. Потом, как справедливо отмечают историки, за 22 года своего триумфального правления Наполеон дал больше сражений, чем Македонский, Суворов, Ганнибал и Цезарь вместе взятые. В этих сражениях участвовало больше народу, чем в войнах перечисленных полководцев. И почти все битвы Наполеон выиграл. Но началось все с Тулона.

После взятия Тулона Огюстен Робеспьер предложил Наполеону поехать вместе с ним в Париж и стать начальником парижского гарнизона. Заманчивое предложение! Которое Наполеон почему-то отверг и остался служить на юге Франции, в Ницце. Историки соглашаются, что в итоге это спасло ему жизнь во время чисток… Но почему он отказался?

Наполеон сам объяснял это следующим образом: он не хотел служить Максимилиану Робеспьеру. Он знал, что творится в Париже. Признавая, что младший Робеспьер – Огюстен – честный человек, Наполеон вместе с тем отдавал себе отчет, что служить придется его кровавому брату.

«Мне поддерживать этого человека? Нет, никогда!» – воскликнул Наполеон, объясняя брату Люсьену свое решение не ехать в Париж.

Отказ от поездки не спас Наполеона от ареста. Но спас от смерти. В пропахшем кровью Париже, где якобинцы во главе с Максимилианом Робеспьером были наконец арестованы и скоропостижно казнены, а вместе с главарями голов лишились все их приспешники, Наполеон бы не уцелел. Но в провинции его, продержав полмесяца в антибском каземате, выпустили. Внимательно изучив все наполеоновские бумаги, в них не нашли никакой крамолы, и дверь камеры перед длинноволосым генералом распахнулась не на эшафот, а на свободу.

Но свобода эта оказалась горькой.

Часть II ВЫШЕ УРОВНЯ ВЕКА

Сегодня я – Наполеон!
Я полководец и больше.
Сравните:
я и – он!
Я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских Яфф!
Он раз, не дрогнув, стал под пули
и славится столетий сто, —
а я прошел в одном лишь июле
тысячу Аркольских мостов!

Владимир Маяковский, хвастунишка

Самое благородное, равно как и самое полезное занятие – содействовать распространению человеческих знаний и идей. Истинное могущество Французской Республики должно отныне состоять в том, чтобы ей не была чужда ни одна новая идея.

Наполеон Бонапарт

После казни Робеспьера ситуация в стране немного нормализуется. Но лично Наполеону это радости не приносит. На него косятся: он выдвиженец прежнего руководства. Тулон уже забыт. У власти новые люди.

Что же это за люди?

Неприятные. Вороватые. Олигархи. Спекулянты… Как их только не называют! Хотя, по мне, лучше олигарх и вор, чем бескорыстный кровавый упырь, каким был Робеспьер. Именно при Робеспьере Конвент принял свой знаменитый закон «О подозрительных», который предписывал арестовывать всех, кто «своим поведением, связями, речами или сочинениями проявляют себя сторонниками тирании и врагами свободы». Достаточно было ткнуть в человека пальцем и назвать его подозрительным,

чтобы решить его участь. Это был приговор. Потому что заседания революционного трибунала давно превратились в фикцию и сводились к простому удостоверению личности осуждаемого. А наказание всегда было одно – смертная казнь. Подсудимые не допрашивались, защитники для них не вызывались, свидетели защиты также не приглашались, чтобы не затягивать процесс и повысить производительность революционного правосудия, то есть иметь возможность за сутки приговорить к смерти как можно большее число народу.

Именно Робеспьер выдвинул теоретическое обоснование этого беспредела: «Революционное правительство действует в условиях войны и революции и не может допустить применения конституционных свобод и гарантий, так как ими могли бы воспользоваться враги свободы». Во имя свободы на улицах и в домах хватали «подозрительных» и гильотинировали пачками. За год террора были казнены десятки тысяч французов… Так что когда в корзину упала голова вдохновителя этой системы террора, Париж облегченно вздохнул: собаке – собачья смерть.

На следующий же день после казни Робеспьера Конвент упраздняет Коммуну, разгоняет Якобинский клуб, ликвидирует закон, по которому революционное правосудие упрощалось до предела. Правовая система постепенно восстанавливается. Но поскольку почистить площадку от робеспьеровских последышей все же надо, некоторое время казни его сторонников и выдвиженцев еще продолжаются.

Революция делает шаг назад – от оголтелого народного озверения к олигархии. На самом верху оказываются представители той спекулятивной буржуазии, которая нажилась на военных и продовольственных поставках, продаже общественных земель и финансовых спекуляциях мутного времени.

Бюст Марата вылетает из здания Конвента, как футбольный мяч. К черту старых кумиров! Конвент отменяет ценовое регулирование и предоставляет полную свободу торговли. Цены разморожены! Инфляция из скрытой, бартерной формы переходит в открытую: по сравнению с началом 1794 года к весне 1795-го инфляция составляет 1200 % и даже не думает останавливаться. Народ в шоке от такой терапии. В мае толпа людей под руководством последних робеспьеровских недобитков врывается в Конвент, чтобы самим порулить страной, но национальные гвардейцы выгоняют гопоту из здания.

В августе Конвент принимает очередную Конституцию. Ее цель благородна и озвучивается докладчиком из конституционной комиссии: «Мы должны наконец гарантировать

собственность богатых людей. Абсолютное равенство – это химера. Страна, управляемая собственниками, – это страна общественного порядка».

Пять баллов!..

Новая Конституция более республиканская, нежели демократическая. Не отменяя юридического равенства граждан, она вносит корректирующие уточнения: аннулирует всеобщехалявное выборное право и вводит имущественный ценз. Что логично: если ты не можешь обеспечить сам себя и свою семью, тебе еще рано решать судьбы страны и голосовать – реши сначала свои проблемы. Вводится также двухступенчатая система выборов, как в Америке, где избиратели голосуют не напрямую за президента, а за выборщиков, которые уже выбирают президента.

По новой Конституции законодательная власть – двухпалатный парламент. А исполнительная власть – Директория из пяти человек, которые назначаются верхней палатой парламента. Раз в год один из директоров сменяется.

Вроде, нормально.

Но была одна закавыка. После того как буржуазная часть Конвента разгромила краснопузых робеспьеровцев, система потеряла стабильность. Поскольку произошел откат вправо, оживились роялисты – сторонники восстановления монархии, которые раньше, боясь гильотины, сидели тихо-тихо. Это с одной стороны. С другой, инфляция и голод в предместьях Парижа расшевелили голытьбу. Париж вибрировал, как натянутая струна…

Глава 1 «ЭТА НОЧЬ ДЛЯ МЕНЯ ВНЕ ЗАКОНА…»

После освобождения из-под ареста Бонапарт приезжает в Париж за назначением, но что ему предлагают новые власти? Во-первых, командовать пехотной частью. Во-вторых, не на фронтах революции воевать с интервентами, а подавлять крестьянское восстание в Вандее.

Наполеон резко отказывается.

Чтобы понять мотив его резкости, нужно знать одну нетривиальную вещь: артиллеристы пехотинцев презирали. Предложить Наполеону вместо артиллерии пехоту – все равно что предложить офицеру-десантнику командовать стройбатом. Артиллерия была в тогдашних армиях вершиной технического прогресса! Артиллерия вобрала в себя все лучшее, созданное человечеством – математику, металлургические технологии. А Наполеон был не просто артиллеристом. Он был артиллеристом от бога. Возможно, лучшим артиллеристом мира. Впрочем, почему «возможно»?.. Лучшим и был!

Зная себе цену как уникальному специалисту, он был просто оскорблен подобным пренебрежением. В пехоту! Да еще с крестьянами воевать!..

В письме другу Наполеон, сдерживая волнение, пишет: «Мне предложили служить в армии в Вандее в качестве пехотного генерала; я отказался. Многие военные управляют лучше меня бригадой, но мало командовало с большим успехом, чем я, артиллерией».

В общем, Наполеон развернулся и вышел на улицу. Перед ним лежал Париж.

Перед ним лежал Париж, переживший несколько лет революции, грязный, голодный, уставший, настрадавшийся. Этому огромному городу был совершенно не нужен тощий молодой человек, который отказался от работы и теперь брел в никуда, не зная, чем он займется на следующий день и что будет есть сегодня вечером. Казалось, история пронеслась мимо него, упустившего свой шанс, и больше никогда не подберет нахального строптивца.

Чем занимает Наполеон уйму свалившегося на него свободного времени? Да тем же самым – чтением. И самообразованием. Бродя по городу, он зашел в обсерваторию к известному астроному Лаланду и попросил преподать ему основы астрономии. Тот согласился.

Иногда Наполеон шатается по Парижу вместе со своим другом Жюно. Последний тоже подвис без дела. Два слова о нем… Жан Жюно – один из «птенцов наполеоновского гнезда», сын торговца лесом, которого революция выбросила вверх. В 1792 году Жюно простым добровольцем воевал с пруссаками и прославился столь отчаянной храбростью, что солдаты выбрали его старшим сержантом (революционная демократия-с!). После ранения (сабельный удар в голову), едва затянулась рана, Жюно снова попросился на фронт и попал под Тулон. Там он встретился с Наполеоном. Тому нужен был писарь с хорошим почерком, а Жюно был настоящий каллиграф. И первое же написанное им письмо чрезвычайно порадовало Наполеона. Едва Бонапарт закончил диктовать, а Жюно записывать, как вражеское ядро ударило в батарейную обваловку, и Жюно был буквально погребен под валом песка и грунта. Быстро выбравшись из кучи, он воскликнул:

– Отлично! Только хотел чернила песочком присыпать!

Наполеон, отряхиваясь от песка, засмеялся и назначил Жюно своим адъютантом. Впоследствии Жюно не раз отличался в разных наполеоновских кампаниях, был еще дважды тяжело ранен в голову, стал генералом. В результате ранений в конце жизни его начали преследовать такие страшные головные боли, что во время очередного приступа он не выдержал и покончил с собой…

Но это все будет потом, а пока два молодых голодных человека – Наполеон и Жан – бредут по улицам Парижа с пустыми карманами. И Жан просит у Наполеона руки его сестры. Он был давно влюблен в Полину Бонапарт.

Наполеон, который заменял своим братьям и сестрам отца, начинает рассуждать о том, как жить молодым: «У тебя когданибудь будет 1200 ливров ренты, это хорошо, но сейчас у тебя их нет. Твой отец чувствует себя чертовски прекрасно и заставит тебя долго дожидаться наследства. Что же касается Полины, то у нее нет даже этого! Итак, резюмируем: у тебя ничего нет, у нее ничего нет. Каков итог? Ничего. Итак, сейчас вы не можете пожениться, подождем».

Иногда Жюно кормит Наполеона на те деньги, что получает из дома, от отца. А когда денег у Жюно нет, Наполеон ведет его пообедать в гости к каким-нибудь парижским знакомым. Оба лихорадочно строят планы, как разбогатеть. На сей раз Наполеону приходит в голову заняться книжной торговлей. Нищета просто душит его. Хорошо еще, что в тот период заботу о матери и сестрах взял на себя старший брат Наполеона Жозеф, который удачно женился на дочери состоятельного буржуа.

Периодически Наполеон заходит на прием к одному из высших шишек – Баррасу, которого мельком знает еще по Тулону, и просит подыскать какую-нибудь должностишку. Баррас обещает, но у него много других забот, кроме как выслушивать нищих просителей в дырявых пальто. Проблем у Барраса, можно сказать, полон рот. Он – один из фактических лидеров государства. И перед ним открывается вся непростая картина, складывающаяся в стране и в столице. А картина такая…

Париж веселится. Работают арт-салоны, рестораны, светские салоны, театры. «Нэпманы» вовсю гуляют, дамы прохаживаются с зонтиками. А на парижских окраинах, где ютится беднота, царит самый настоящий голод. Доходит до того, что матери-одиночки убивают своих детей и кончают жизнь самоубийством. Это неприятно контрастирует с оркестрами и нарядной публикой в центральных ресторанах. В результате в рабочем квартале вспыхивает восстание.

Буржуазный Конвент бросает на его подавление регулярные части во главе с начальником парижского гарнизона генералом Мену. Тот вводит в рабочее предместье войска и начинает вешать бунтовщиков. Восстание подавлено. После удачного проведения операции на угрюмой окраине нарядный центр рукоплещет генералу.

Но недовольны ведь не только голодающие рабочие. Поднимают голову и роялисты, причем как внутри страны, так и снаружи. Приняв казнь Робеспьера и подавление рабочих восстаний за хороший знак, они резко активизируются. На полуострове Киберон в Бретани высаживается отряд эмигрантов, чтобы начать борьбу за восстановление монархии.

Восстание рабочих – плохо, но восстановление монархии еще хуже! За что боролись, блин? За что моря крови проливали все эти годы?.. Франции не нужна монархия, ей нужна свобода торговли и бизнеса!.. Поэтому Париж незамедлительно бросает в Бретань армию генерала Гоша. Который громит высадившийся десант и без колебаний расстреливает 750 взятых в плен роялистов.

Но монархистов полно и в Париже! Баррас знает: роялистские настроения в столице очень сильны. И на волне этих настроений в парламент может быть избрано роялистское большинство, причем в полном соответствии с буквой третьей, свеженькой Конституции. Поэтому, чтобы сохранить завоевания революции, Конвент, перед тем как разойтись и передать власть конституционному правительству (Директории) и парламенту (который изберет директоров), провел небольшую поправочку, согласно которой в обе палаты парламента может быть избрана

только треть депутатов «с улицы». А две трети должны быть непременно из распускаемого Конвента. Потому что в Конвенте сидят проверенные кадры…

В общем-то ничего страшного в такой мере нет. Ее вполне можно счесть даже оправданной на переходный период. Во имя стабильности!.. В конце концов потом будут другие выборы, и все снивелируется. Но Париж возмущен: эти олигархи из Конвента во главе с Баррасом, сделавшие деньги на разворовывании бюджета, готовят себе новые тепленькие места, чтобы продолжать казнокрадствовать! Мысль не без резона. Действительно, такие люди, как Баррас, прославились просто патологической любовью тянуть все, что плохо лежит. Репутация Барраса плоха, а его финансовые дела слишком хороши, чтобы рисковать ими. Вот Баррас и думает, что же ему делать. Потому что в Париже зреет бунт. Только теперь городу грозит уже не восстание рабочих, а выступление контрреволюционеров-роялистов.

Кого Баррас может послать против бунтовщиков? Одни генералы воюют по окраинам Франции с интервентами, сам Баррас ни черта не понимает в военном деле, а проверенный генерал Мену, который совсем недавно так успешно перевешал паршивую голытьбу на окраинах Парижа, не станет вешать социально близких. Мену известен своими правыми взглядами. И что Баррас – вор, он тоже знает.

Между тем положение накаляется. Баррасу срочно нужен толковый вояка, который защитил бы завоевания революции от реставраторов монархии. И тогда он вспоминает о худом юном генерале, который заходил к нему испрашивать должность. Где он, черт побери? Почему эти просители шастают, когда они не нужны, и только отнимают время у занятых людей, а когда они реально необходимы, их, блин, не найдешь?..

Ситуация у Барраса накалилась к середине осени. А с лета Наполеон уже вовсю работает и даже собирается вот-вот отбыть в Стамбул, к турецкому султану. В очень длительную командировку.

Часто бывает так, что мы рассчитываем найти работу по протекции близких знакомых. Но они пальцем о палец не ударяют, хотя все время обещают, и в результате помогает нам совершенно незнакомый человек. Так было и с Наполеоном.

Человек, который видел Наполеона всего раз в жизни, предложил его кандидатуру господину де Понтекулану, который в июне 1795 года занял место руководителя в военном комитете. И ему срочно понадобились люди, знающие военное дело.

Революция – это всегда бардак, когда хорошие должности занимают преданные революции, но зачастую малокомпетентные

люди. Это касается всех революций. Скажем, после Октябрьского переворота в России большевистское правительство страдало от отсутствия специалистов. И при назначении новых людей на ответственные должности самым ругательным словом в Политбюро стало слово «марксист».

– А он, случайно, не «марксист»? – с тревогой спрашивали в большевистской головке, когда им рекомендовали очередную кандидатуру на высокую должность.

– Что вы, что вы! – пугались рекомендатели. – Настоящий финансист, отличный спец, при царе в банке работал!..

Так было и во времена революции Французской. Став во главе военного комитета, де Понтекулан обнаружил во всех делах развал и бардак. До того дошло, что секретный план войны на Пиренеях после долгих поисков случайно нашли в ящиках стола какого-то мелкого служащего. Да Понтекулан и сам в военных делах ни черта не смыслил. Поэтому и попросил знакомого порекомендовать ему хоть кого-то, кто сечет в военном деле. Тот вспомнил неприкаянного просителя, обивающего пороги:

– Есть тут один, ходит, просит. Вроде, генерал.

– Ну, давай хоть его, – вздохнул Понтекулан.

На следующий день на шестой этаж в кабинет к Понтекулану вошло существо, от вида которого Понтекулан чуть не прослезился. Вошедший был не просто чертовски худ, теперь его обычно бледное лицо от постоянного недоедания приобрело попросту синюшный оттенок, а под глазами темнели круги. Он был сгорблен и вид имел, как позже вспоминал Понтекулан, «хрупкий и весьма болезненный». Нужно еще представлять, в чем ходил тогда Наполеон. Его мундир был не просто изношен. Это был тот мундир, в котором он воевал и который в некоторых местах был даже прожжен искрами бивуачных костров. Жалкое зрелище!..

Однако рассуждал пришедший довольно здраво, бойко и вообще обнаруживал такую бездну знаний военного дела, что Понтекулан успокоился:

– Хорошо, изложите мне все это в письменном виде! Наполеон кивнул и исчез. Гордый корсиканец решил, что это вежливая форма отказа, и, разумеется, писать ничего не стал. Просто покинул кабинет, как до этого безрезультатно покидал десятки других.

Через несколько дней Понтекулан вспомнил о Наполеоне. И попросил разыскать его.

– Хотите со мной работать?

Так Наполеон получил кабинетную должность. Которая ему не очень нравилась. Он разрабатывал директивы, бегал с

бумажками, а между делом взял и написал план… завоевания Италии. Этот план попал на отзыв к генералу Шерреру, который назвал его «безумной химерой, вышедшей из больного мозга». Всего через год Наполеон эту безумную химеру осуществит на практике.

А пока Наполеон скучает на бумажной работе. Ему хочется живого дела! И он просит своего непосредственного начальника Понтекулана посодействовать в назначении его на генеральскую должность в действующую часть, только непременно артиллерийскую! Понтекулану о ту пору и самому было всего 30 лет, поэтому он вполне допускал, что могут существовать 25-летние генералы, и отправился к человеку, от которого подобное назначение зависело. Звали этого человека Летурнер. Этот дурак заведовал военными кадрами и просьбу о назначении Наполеона отверг. Основание: молодой еще, зелен, у нас тут старики до сих пор в капитанах ходят, надо им дать выслужиться, а этот резвый выскочка подождет, какие его годы!.. (Я вам советую запомнить фамилию Летурнера, равно как и фамилию Понтекулана, далее мы посмотрим, что произошло с этими людьми после того, как в руках Наполеона оказалась абсолютная власть.)

В общем, из-за тупого старпёра назначение сорвалось. Но Наполеон не сдается. Он ищет варианты. Оглядывая политическую обстановку в Европе, Бонапарт пишет руководству докладную записку о том, что в данный момент, когда Россия ослабила свой альянс с Австрией, Франции самое время укрепить свое влияние в Турции. А для этого можно, например, послать турецкому султану команду французских военных советников – офицеров разных родов войск – для обучения турецких ополченцев. И включить в эту команду Наполеона в качестве артиллериста. Ну, любил он артиллерию!.. И готов был к черту на кулички уехать, лишь бы быть поближе к своим пушкам. К тому же таинственный Восток привлекал Наполеона еще с детства, с прочитанных книжек об Александре Македонском.

Понтекулан поддержал его идею, и Наполеон был в полной уверенности, что вскоре увидит Босфор, Айя-Софию и Голубую мечеть. Но люди предполагают, а революции располагают.

Пока Наполеон просиживал и без того не слишком новые штаны на канцелярской работе, подошла та самая тревожная осень 1795-го. Осень, которая так напрягла Барраса. Еще раз напомню. Принята третья Конституция, Конвент готовится к самороспуску и напоследок проводит знаменитую поправку – о том, что в обе палаты парламента можно принять только треть людей с улицы, а остальных – из революционного Конвента. Правые и роялисты возмущены и готовят переворот. По улицам

шастают вооруженные демонстранты. Баррас не может положиться на генерала Мену, поскольку тот официально заявил, что армия в эти разборки вмешиваться не будет. Это значит, что восстание победит. То есть в самое ближайшее время монархия будет реставрирована, и на трон сядет очередной Бурбон из тех родственников казненного короля, которые болтаются в эмиграции.

Наступает ночь с 3 на 4 октября. Войска в казармах, по улицам в полной эйфории бродят восставшие. Город практически в руках роялистов. Но Баррас сдаваться не намерен. Он знает, что его ждет при восстановлении монархии. Роялисты, придя к власти, просто отрубят ему башку: более всего они ненавидят «предателей» – дворян, перешедших на службу революции. Он решает бороться.

Между тем ситуация на улицах накаляется. Роялисты начинают готовиться к утренним боям. Они скапливаются на ближайших к Конвенту улочках. Они уверены в победе. Более того: сам Конвент уверен в их победе. Потому что у Конвента верных людей 6 тысяч человек, а у восставших – 24 тысячи. Только чудо может спасти революцию. Счет идет на часы.

Баррас просит пригласить к нему Наполеона и, не скрывая, объясняет ему диспозицию: их в четыре раза больше, чем нас, и времени нет. Единственное, что может предоставить Баррас Наполеону, – свободу действий.

– Даю вам три минуты на размышление! – говорит Баррас и умолкает.

Наполеон тоже молчит. В полной тишине они смотрят друг на друга.

…Эти три минуты решили судьбу Европы на век вперед.

– Согласен! – кивнул Наполеон. – Но учтите: я вложу шпагу в ножны только тогда, когда все будет закончено.

Он никогда не останавливался на полпути.

Ночью Наполеон развил бешеную деятельность. И к утру подтянул к зданию Конвента пушки. У него мало людей, зато у него много картечи! А еще больше решительности. До этого еще никто и никогда не применял полевую артиллерию в городе. Но лиха беда начало!

Утром толпа с ружьями идет на приступ Конвента, не веря, что пушки будут стрелять в народ. Но грохочут залпы и. Посмотрите в военной энциклопедии статью «картечь», и вы поймете, какое опустошительное действие вызвали в толпе наступающих пушечные залпы почти в упор. Их ряды буквально вымело. Наполеон, как всегда, расположил орудия тактически грамотно – в районе Конвента и на паперти церкви Св. Роша, где

стояли резервы восставших.

В панике восставшие разбежались, как крысы, оставив на улицах сотни окровавленных тел. Все было кончено. Вечером Баррас горячо пожал руку молодому генералу и назначил генерала Бонапарта командующим всеми военными силами тыла. После этого Конвент самораспускается, передав власть Директории и успев напоследок объявить всем амнистию по делам революции. Одним из пяти директоров избирают Барраса, который фактически становится «республиканским королем» – он всем рулит, дает в своем замке пышные балы, зарабатывает деньги на бюджетных попилках, всячески веселится и испытывает благодарность к Наполеону, который своим стратегическим гением спас ситуацию.

Потом, уже на острове Святой Елены, Наполеон открыл небольшой секрет того прекрасного утра. Он сказал, что убитых было бы во много раз больше, если бы он не приказал для третьего залпа зарядить пушки холостыми, чтобы избежать лишних жертв. Но первые залпы были вполне настоящими: «Поскольку, когда имеешь дело с чернью, все зависит от первого впечатления, которое вы произведете на нее. Если они получают сразу нехолостой залп и видят вокруг себя убитых и раненых, то их охватывает паника, они немедленно бросаются прочь и через минуту исчезают. Поэтому если вообще возникает необходимость стрелять, то вначале следует заряжать пушки боевыми. А если сначала используется только порох, тогда вместо спасения жизни людей подобная „гуманность“ приводит к ненужной потере человеческих жизней».

Наполеон был стратег и большой знаток плебейской психологии. Что проявлялось не только в гуманных расстрелах, но и в блестящем владении словом. Победа над восставшими роялистами не дала Парижу хлеба. Голод в бедных предместьях продолжался. Народ толпился у булочных и периодически возмущался. Однажды генерал Бонапарт проезжал в пролетке по улице и его экипаж окружила толпа из хлебной очереди. Толпа гудела, положение становилось угрожающим. Разорвут!.. Острый глаз Наполеона сразу же выловил в толпе очаг психоза – это была толстая горластая баба, которая заводила толпу и орала, показывая на молодого офицера:

– Этим лощеным золотопогонникам лишь бы самим жрать да жиреть, а то, что народ голодает, им и дела нет!

Наполеон мгновенно выскочил из пролетки и встал рядом с бабой:

– Люди! Посмотрите! Кто из нас толще?..

Толпа на мгновение замерла и вдруг разом грохнула,

разрядив агрессивное напряжение в смехе. Он опять победил.

После той пушечной ночи многие в Париже узнали фамилию молодого решительного генерала, у которого не забалуешь. Но никому – и в первую очередь самому этому генералу – не приходила в голову мысль, что он вскоре станет полновластным хозяином Франции. Хотя о приходе нового Цезаря наиболее продвинутые мыслители предупреждали задолго. Таких людей было не так уж мало, и жили они не только во Франции. Предсказатели исходили из истории. Конечно, в их XVIII веке история человечества была еще не так длинна, как в веке XXI, но все же давала достаточное количество примеров того, чем кончаются подобные потрясения в обществе. И даже механизм перехода разгула в авторитаризм был понятен: армия в нестабильные периоды становится самой влиятельной силой. И человек, которому армия безоговорочно доверяет, которого она боготворит, становится полновластным хозяином страны.

Римскую историю тогда прекрасно знали все образованные люди. Они видели, что Франция идет тем же путем смут и потрясений, который прошел когда-то республиканский Рим. И идет прямиком к цезаризму. Революция во Франции едва началась, шел еще спокойный 1790 год, король еще и не думал бежать за границу, а французский энциклопедист Антуан Ривароль писал: «Или король создаст армию, или армия создаст короля… Революции всегда кончаются шпагою: Сулла, Цезарь, Кромвель». А маркиз Оноре де Мирабо полагал: «Так как нынешняя династия не способна внушить ничего, кроме недоверия, в конце концов люди предпочтут власть какого-нибудь счастливого солдата или диктатора, созданного случаем». Герцог Ришелье был с ними совершенно согласен: «…французы получат короля, но этот король не будет из династии Бурбонов».

В 1791 году Екатерина II писала одному из французских философов: «Цезарь придет. Он придет, не смейте в этом сомневаться». Прошло несколько лет. Никаким Цезарем не пахло, но Екатерина даже не думала менять свое мнение, она была уверена: «Если Франция выйдет из всего этого, она приобретет силу бо\'л ьшую, чем когда-нибудь. Она будет послушна, как ягненок. Но ей нужен человек высшего порядка, искусный и смелый, выше уровня своих современников и, быть может, выше уровня всего века».

Эти строки умная Катенька написала в 1794 году, когда звезда Наполеона еще не взошла над горизонтом. Невооруженным глазом ее можно было заметить только через два года – в 1796-м, когда Наполеон легко и непринужденно повторил подвиг Ганнибала – перевалил Альпы и завоевал

Италию. И впервые на эту одинокую, ослепительную и быстро всходящую звезду указал сухонький старческий палец Суворова. Как профессионал он сразу все понял и сказал: «Далеко шагает, пора унять молодца».

Глава 2 ТИХИЙ МАТЕМАТИК ГРОМИТ ИТАЛИЮ

9 марта 1796 года Наполеон женился, а через два дня, 11 марта, оставил жену и уехал воевать в Италию. О жене и свадьбе чуть позже. А пока об Италии…

Никакой Италии в нашем понимании тогда не было. Италия как единая страна вообще новообразование, появившееся на карте мира только во второй половине XIX века. А тогда Апеннинский полуостров представлял собой лоскутное одеяло из герцогств, королевств, республик и отдельной Папской области вокруг Рима. Изрядный кусок «сапожка» принадлежал Австрии.

Как Наполеон оказался на этом лоскутном одеяле? В то время над революционной Францией сгустились тучи очередной антифранцузской коалиции, в которую входили Австрия, Россия, Англия, Сардинское королевство, Королевство обеих Сицилий, а также горстка микроскопических германских государств. Наполеон предложил Директории разбить австрийские войска и их союзников на территории Италии.

Директория же полагала, что главные военные действия развернутся в Западной Германии. Для этого готовились лучшие войска и генералы. Но, выслушав Наполеона и не вполне поверив в успех его прожектов, директора все же решили, что вторжение Наполеона в Италию будет полезно как отвлекающий маневр. Поэтому Наполеону дали худшее, что было у республики – армию, стоявшую на юге Франции. Армию босую, оборванную, постоянно обворовываемую интендантами, лишенную боеприпасов, разложившуюся донельзя. И маленькую. У Бонапарта от силы 30 тысяч человек. А ему противостояла 200-тысячная вражеская армия, рассредоточенная по Италии. Именно с таким по численности войском и при таком соотношении сил Ганнибал когда-то перевалил через Альпы. И завоевал Италию. Наполеон это упражнение повторил.

Но сначала, прибыв в Ниццу и едва приняв командование, он узнал, что солдаты одного из батальонов его армии отказались выполнить приказ о передислокации, сославшись на то, что им не в чем идти – они были босыми. Нищета в армии, которую дали Наполеону, была такой, что в штабе генерала Массены не было писчей бумаги для написания приказов, а два поручика при штабе имели одну пару штанов на двоих. Причем когда один из них шел на свидание в общих штанах, он подвязывал подошвы к сапогам веревками.

О дисциплине в такой армии говорить не приходилось. И, по идее, сначала нужно было реанимировать армию, а потом уже воевать. Но времени у Наполеона не было – промедление грозило сорвать итальянский поход. Впрочем, цейтноты никогда не пугали его. Бонапарт, как всегда, развил бешеную деятельность.

«Приходится часто расстреливать», – писал он в своих отчетах в Париж. Однако расстреливал молодой генерал не только мародеров и прочих нарушителей дисциплины. Начал он с интендантов. Снабжение сразу улучшилось, и солдаты это моментально заметили, подтянулись. Кроме того, Наполеону нужно было поставить себя перед офицерами. Это были лихие ребята – Массена, Ожеро, – которые не очень понимали, почему командовать ими из Парижа прислали какого-то 27-летнего мальчишку.

Для того чтобы понять, какого сорта были эти люди, достаточно слегка ознакомиться с биографией, например, Ожеро. Пьер Ожеро – сын парижского лакея. Еще при короле Людовике он пошел в армию, где увлекся фехтованием и вскоре стал одним из лучших фехтовальщиков Франции. А тех, кто хорошо дерется, все время тянет подраться. Поэтому Ожеро стал страшным дуэлянтом. После одной из дуэлей, закончившихся смертью его соперника, Ожеро был вынужден бежать из Франции. Через Грецию и Османскую империю он попал в Россию. Где, по протекции одного русского полковника, стал сержантом русской армии.

Ожеро воевал в войсках Суворова, участвовал во взятии Измаила. А когда его часть перевели в Польшу, дезертировал из русской армии и всплыл в Пруссии. Там он попал в гвардию Фридриха II, но и в ней надолго не задержался. Дезертировав из прусской армии, Ожеро на какое-то время остановился в городе Дрездене, где зарабатывал на жизнь, давая уроки фехтования и танцев. Потом жизнь закинула его в Неаполь, где Ожеро женился на гречанке, с которой переехал в Лиссабон. Там его арестовали как французского революционного шпиона, поскольку на дворе был уже 1792 год. Чтобы освободить мужа, молодая жена бросилась к капитану стоявшего в лиссабонском порту французского корабля. Капитан оказался страшным авантюристом. Он объявил, что если португальское правительство не освободит французского гражданина, Франция объявит Португалии войну! Это было настолько глупо, что сработало. Ожеро выпустили, и он с женой на корабле капитана-авантюриста прибыл во Францию. Там его сделали капитаном, а потом он быстро вырос до генерала. Так что с Наполеоном Ожеро встретился в одном звании.

Вот такой вот архаровец, отчаянной смелости рубака, дуэлянт и авантюрист. Почему он должен был подчиняться какому-то парижскому выскочке, который, вдобавок, младше его?

Ожеро поначалу попробовал даже грубить Наполеону. Однако Наполеон подошел к Ожеро и спокойно сказал: «Генерал, вы выше меня на голову. Но если вы не перестанете мне грубить, я быстро ликвидирую это различие». Хамоватый Ожеро открыл было рот, но, взглянув в голубые глаза Наполеона, закрыл его обратно, поняв: этот может. Отстрижет башку на раз.

Позже Ожеро вспоминал: «Этот маленький генерал, этот сукин сын, навел на меня страх! Я и сам не могу объяснить чувства, какими был раздавлен при одном только взгляде на него».

Восстановив всего за две недели дисциплину и произведя впечатление на свою армию оборванцев, Наполеон решил не ждать окончательного обеспечения своей армии всем необходимым, решив: сами возьмем все, что нужно, у врага. Поэтому 9 апреля 1796 года оборванная армия длинноволосого молодого генерала двинулась через Альпы. Успешно перевалив через горы, генерал Бонапарт оказался в Италии. А дальше началось то, что потом продолжалось почти всегда и везде, где появлялся Наполеон.

За первые шесть дней пребывания в Италии он провел шесть битв и все шесть выиграл. Покончив таким образом с войсками Сардинского королевства и заключив с сардинским королем мир, Наполеон остался один на один с австрийцами.

Сначала Наполеон отбросил австрийцев к реке По.

Затем 10 мая возле местечка Лоди он снова разбил австрийцев в тяжелом бою.

15 мая Наполеон взял Милан и отбил в Париж депешу: «Ломбардия принадлежит республике».

Далее наполеоновские войска заняли Ливорно, Болонью, Модену, Тоскану. Любопытно, что Пермское герцогство, равно как и Тосканское, австрийцев не поддерживали, а поддерживали, напротив, нейтралитет. Но Наполеон был человеком широкой души. Он не стал «мышей сортировать», разбираться в этих мелких государствах-недоразумениях, кто там из них за кого болеет. Просто занимал столицу и брал у властей все, что ему было нужно: лошадей, пушки, порох, обмундирование, провизию для армии. А где ему еще было все это брать?.. На придорожных кустах лошади не росли, и порох с неба не сыпался.

Когда отнимают шмотки, это, конечно, плохо. Но ведь Наполеон и давал. Наполеоновская армия несла с собой революцию. Наполеон уничтожил в Италии феодальные

пережитки, лишил церкви и монастыри права на местные поборы, приблизил местное законодательство к более прогрессивному французскому. Он строго запретил заимствованный на востоке дикий обычай производства евнухов. О ту пору при дворах местных повелителей кастрировали мальчиков, чтобы до старости сохранить у них детский голос. «Я решительно пресек эту постыдную и ужасную практику во всех странах, где правил», – вспоминал Наполеон. Даже в привыкшем к разврату папском Риме он под страхом смертной казни запретил калечить детей.

Все это, конечно, не могло не возмущать монархическую Европу. Австрия бросила против Бонапарта новую армию взамен уничтоженных частей.

Наполеон разбил австрийцев при Сало.

Наполеон разбил австрийцев в Бреши.

Наполеон разбил австрийцев при Лонато.

Наполеон разбил австрийцев под Кастильоном.

Австрия послала еще одну армию. Наполеон разбил и ее.

…Может показаться, что все давалось ему изумительно легко. Это не так. Конечно, в вопросах военных он был непревзойденным гением, и садиться с этим гроссмейстером «играть в войну» на равных было глупо. Но дело в том, что на шахматной доске у Наполеона оставалось все меньше фигур. Его солдаты гибли в каждом сражении, армия таяла, Наполеон слал в Париж депеши, умоляя метрополию о подкреплениях, но ничего не получал. История с Ганнибалом зеркально-трагически повторялась через две тысячи лет.

Но Наполеон не был Ганнибалом. И его армия была во сто крат лучше ганнибаловой. Она состояла не из угрюмых карфагенских наемников, а из веселых, свободных французских республиканцев, которые буквально месяц назад были полуразложившимся сбродом и вдруг, за пару недель, проведенных с этим маленьким генералом, стали себя по-человечески уважать. А еще через две недели, сдерживая слезы, слушали в Италии слова своего генерала:

– Солдаты! За пятнадцать дней вы одержали шесть побед, взяли двадцать одно знамя, пятьдесят пять орудий и несколько крепостей. Вы завоевали богатейшую часть Пьемонта. Лишенные всего, вы все наверстали: выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, делали форсированные марши без сапог, стояли на бивуаках без водки и часто без хлеба. Только республиканские фаланги, только солдаты свободы способны были терпеть то, что терпели вы. Благодарю вас, солдаты!.. Но вы еще ничего не сделали по сравнению с тем, что вам предстоит

сделать!

Это был уже не сброд. Это была лучшая армия мира. Только маленькая. И здесь совершенно необходимо сказать пару слов о том духе, что царил в наполеоновских частях. В отличие от феодальных армий прочих стран Европы, где практиковались телесные наказания, французская армия не была разделена на черную кость и белую. Здесь офицеры не видели в солдатах бессловесную скотину и не наказывали их шомполами, как крепостных рабов. Во французской армии воевали свободные граждане. Может быть, поэтому они все время и хохотали.

На марше, на привалах, после боя всегда можно было слышать шутки, подколки, подначки и здоровый молодецкий гогот.

Наполеон отметил эту необыкновенную веселость и в донесениях Директории писал о своей армии: «Ничто не может сравниться с их храбростью, кроме веселости».

Стендаль вспоминал: «Только беззаветная храбрость и веселость армии равнялась бедности ее. Люди смеялись и пели весь день». И он же писал: «Вместе с оборванными бедняками-французами в Ломбардию хлынула такая могучая волна счастья и радости, что только священники да кое-кто из дворян заметили тяжесть шестимиллионной контрибуции… Ведь эти французские солдаты с утра до вечера смеялись и пели, все были моложе 25 лет, а их главнокомандующему недавно исполнилось 27…»

Эта необузданная веселость – следствие молодости, солнца и свободы. Наполеона всегда в избытке окружали молодые люди, кипящие энергией. И не только в деле военном. Некий Моле, например, при Наполеоне в 29 лет стал членом Госсовета и министром путей сообщения. Потом, через многие-многие годы, эти люди часто вспоминали острые ощущения молодости, душевного подъема, великой силы и предчувствия грандиозных побед. Вот как постаревший Клод-Франсуа де Меневаль в своих мемуарах описывал день, когда Наполеон впервые пригласил его поработать своим личным секретарем, что было равносильно приглашению войти в историю, практически в вечность: «Я вернулся в квартиру, которую занимал, и находился в страшно возбужденном состоянии, мне было не до сна. Я стоял, мечтая лишь о покое ночи, чтобы в уме воспроизвести все, что случилось со мной в этот день. Мне было тогда 24 года».

На острове Святой Елены Наполеон вспоминал об этой первой своей настоящей армии: «Клеветники говорят, что я покорил Италию, имея в своем распоряжении несколько тысяч каторжников, отбывавших наказание на галерах. На самом деле более прекрасной армии, чем та, никогда не существовало. Более

половины ее составляли образованные люди, сыновья купцов, юристов, врачей и лучшие представители фермерства и буржуазии. Две трети из них были грамотными, умеющими писать и способными стать офицерами. Рассматривая список полка, я ломал голову над решением вопроса, кто из солдат более всего достоин поощрения или заслуживает повышения в звании, ибо все они были слишком хороши. Да все мои армии были такими! В походе я часто обращался к солдатам, чтобы кто-нибудь из них вышел из рядов и стал писать под мою диктовку. Меня тотчас окружала дюжина солдат, полных желания стать моими писарями, так как мало было тех, кто не умел писать».

А как относились солдаты к своему генералу? Поначалу не доверяя парижскому выскочке, они сами решили присваивать ему неофициальные звания. И после каждой битвы солдаты, посовещавшись, повышали своего полководца. После битвы при Лоди, когда Наполеон бросился под пули, увлекая за собой солдат в атаку, ему присвоили очередное звание, которое отчего-то зацепилось за историю, да так осталось в ней – «маленький капрал».

Похожий случай произошел и при Арколе, где у Бонапарта оставалось всего 20 тысяч человек, а у австрийцев – 60 тысяч. У французов было не только втрое меньше людей, но и позиция хуже. Австрийцы успели занять позиции на высотах, и атака французов захлебнулась. Тогда Наполеон совершил один из тех дерзких маневров, что часто приносили ему победу. Он решил обойти противника с тыла, через болота, и навязать австрийцам бой в узком месте, где их численное преимущество не играло бы никакой роли. Так когда-то царь Леонид со своим небольшим отрядом спартанцев навязал огромному персидскому войску царя Ксеркса бой в Фермопилах – узком месте, где численное преимущество персов уже не имело значения. Но для того, чтобы осуществить наполеоновский замысел и выйти к нужному месту, надо было захватить Аркольский мост, который прошивался ружейным и пушечным огнем австрийцев.

Впоследствии момент штурма моста был запечатлен разными художниками. На картинах изображен Наполеон со знаменем в руке, который возглавляет атаку. Некоторые, весьма немногочисленные, критики полагают, что этот эпизод – всего лишь легенда, придуманная Наполеоном для возвеличивания собственного имени. И что вовсе он не бежал под пули со знаменем.

Подобная точка зрения выглядит странно. Наполеон в своей жизни сделал очень много. И сундуки истории, набитые им разными удивительными событиями, вряд ли стали бы тяжелее

из-за одного поддельного жемчужного зерна. Наполеон рисковал жизнью столько раз, что вообще удивительно, как ему удалось умереть своей смертью. За его долгую боевую биографию под ним убило 18 лошадей (первую как раз под Арколе). А когда после смерти Наполеона обмывали, на его теле были обнаружены старые шрамы, о существовании которых никто ничего не знал. Во время ранений ближайшее окружение просто заматывало его рану тряпкой, вымоченной в соленой воде. Часто Наполеон даже не звал врача. Позже мы увидим, как в Яффе он без тени сомнения зайдет в чумной барак, чтобы пожать руки французским солдатам. Наконец всего за полгода до Арколе Наполеон точно так же возглавил атаку через простреливаемый австрийскими пушками мост в Лоди. И вдруг нам говорят, что эпизод со штурмом Аркольского моста – выдумка и «часть наполеоновской легенды»!..

Видимо, эти странные попытки опровержения исторической реальности берут свое начало от того факта, что атака, возглавляемая Наполеоном, не была окончательной – французов после нее выбили с моста. Вообще, Аркольский мост несколько раз переходил из рук в руки. Несколько первых безуспешных попыток взять его провалились – картечь просто сметала атакующих с моста. К тому времени, когда к мосту подскакал Наполеон, большинство французских офицеров было уже убито, боевой дух солдат упал. Наполеон мгновенно оценил ситуацию, понял, что дело – дрянь, спешился, схватил дырявое от пуль и картечи знамя и увлек за собой солдат. Оставшиеся офицеры быстро окружили Бонапарта своими телами. Даже дважды раненый Ланн бежал рядом, стараясь защитить своим телом Наполеона. Картечь и пули косили бегущих. Рядом с Наполеоном был убит полковник Мюрон, и его кровь брызнула Наполеону в лицо.

В конечном итоге французы мост взяли и австрийцев разбили. Но тем показалось мало. Австрийцы мечтали о реванше.

И потому в следующем году еще два раза огребли по полной программе. Только тогда австрийский двор запросил мира. А по газетам и салонам Европы полетело, чтобы уже никогда более не утихать, прежде никому не известное имя – Наполеон Бонапарт.

Через десять с лишним лет генерал Лассаль вспоминал тот первый итальянский поход и молодого республиканского генерала Бонапарта: «В Италии у него было мало людей, да и те без оружия, без хлеба, без сапог, без денег, без администрации. Наружность его была незначительна, он имел репутацию математика и мечтателя. Никакого еще дела не было за ним, и ни одного друга; он слыл медведем, потому что был всегда один и

погружен в свои мысли. Он должен был создать все, и создал. Вот где он был всего изумительнее».

Здесь я бы хотел обратить внимание на странные слова Лассаля: «он имел репутацию математика». Увлечение Наполеона наукой вообще и математикой в частности известно. Менее известны его математические успехи. Занимаясь математикой для собственного удовольствия, Наполеон, например, доказал теорему, которая теперь так и называется – теорема Наполеона. Звучит она так: «На сторонах произвольного треугольника построены внешние равносторонние треугольники. Докажите, что центры этих внешних треугольников образуют равносторонний треугольник». Попробуйте ее доказать на досуге.

Не удивительно, что при Наполеоне науки во Франции переживали необыкновенный расцвет. Именно при Наполеоне в стране возникли профессиональные ученые, то есть люди, которые занимались только наукой и не должны были думать о хлебе насущном, поскольку император ввел финансовую поддержку ученых со стороны государства.

В Наполеоновскую эпоху блистали и всходили такие звезды, как Гумбольдт, Гей-Люссак, Лаплас, Кулон, Араго, Ампер, Фурье, Френель, Коши, Пуассон. Более привычно звучат для нашего слуха эти фамилии не в сочетаниях со своими именами, коих порой и специалисты не могут вспомнить, а в следующих формах: «теорема Коши», «ряды Фурье», «зоны Френеля», «закон Гей-Люссака», «распределение Пуассона».

Я уже упоминал, что Лаплас согласился стать министром внутренних дел в правительстве Наполеона. Но продержался он в этом кресле недолго, всего полтора месяца. Должность оказалась не по нему. Как потом пошутил Наполеон: «Великий математик не потратил много времени на то, чтобы показать себя никудышным администратором. Он везде умудрялся находить мелочи, а не проблемы, и вносил в администрирование дух бесконечно малых». (Люди с образованием поймут этот тонкий юмор. И заодно оценят наполеоновские знания математики.)

Когда в 1801 году из Италии в Париж собрался приехать Алессандро Вольта, Наполеон лично пообещал обеспечить безопасность его путешествия и даже отдал главнокомандующему французскими войсками в Италии соответствующее распоряжение. Несколько раз Наполеон приходил на лекции Вольты, наградил ученого золотой медалью и, видимо, почувствовав, что за электричеством большое будущее, учредил крупные государственные премии за исследования в области электричества.

«Я желаю, – писал Наполеон, – для ободрения исследователей

учредить премию в 60 тысяч франков тому, кто своими экспериментами и открытиями продвинет электричество и гальванизм до уровня, сравнимого с уровнем исследований Вольты и Франклина. Иностранцы также должны допускаться к конкурсу на равных основаниях».

Деньги эти были по тем временам огромные, а помпа, с которой газеты раструбили о назначении премии, была столь велика, что многие ученые, которые ранее и не думали заниматься исследованиями электричества, ринулись в эту степь. Заинтересованность Наполеона в электричестве была столь велика, что по его распоряжению в Политехническом институте была сооружена целая батарея вольтовых столбов из нескольких сотен пар медно-цинковых пластин. (Любопытный момент. Даже в горящей Москве Наполеон не забывает о Вольте и подписывает бумагу о назначении его президентом коллегии выборщиков.)

Наполеоновский пинок, придавший ускорение исследованиям в области электричества, произвел свое кумулятивное действие в двадцатые годы XIX века, когда Франция подарила миру правило Ампера, диск Араго, закон Био-Савара-Лапласа… (Из всех перечисленных ученых читателям бесспорно менее всего знакома фамилия Араго. А когда-то его имя гремело даже в России! Пушкин с огромным интересом читал работы Франсуа Араго. Сосланный в Сибирь декабрист Трубецкой писал: «Все физические статьи Араго читаю с любопытством». Книга Араго «Гром и молния» на видном месте красовалась в симбирском доме Ульяновых. А запустил этого титана электричества на орбиту не кто иной, как Наполеон, которому Араго еще умудрялся дерзить!. Поинтересуйтесь господином Араго. Его книга, которую прочла вся семья Ульяновых, во многом до сих пор не потеряла своей актуальности.)

Ну а если взять такую науку, как египтология, то без особых преувеличений ее основателем можно назвать Наполеона, который взял в свой египетский поход кучу ученых. Именно завоевание Наполеоном Египта вновь пробудило в Европе интерес к пирамидам и фараонам… Этот интерес не затих до сих пор, то и дело проявляясь то в фильмах, то в книгах, то в псевдонаучных статьях о загадках египетских пирамид, которые построили пришельцы с других планет… Впрочем, о научно-военном походе Наполеона в Египет мы поговорим чуть позже. А сейчас упомянем только, что египетский поход подарил миру не только египтологию, но и ознаменовался первым массовым выпуском… темных очков. Планируя завоевание Египта, Наполеон задумался о том, каково его солдатам будет воевать в условиях яркого африканского солнца. И заказал огромную партию темных очков

со стеклами цвета «нильской грязи», как он выразился. Так что первая в мире промышленная партия очков была не данью моде, а армейским заказом генерала Бонапарта, и изготовлен этот заказ был в 1798 году…

Имеющий прекрасное чутье на все новое, Наполеон сразу просек фишку, когда в 1804 году ему доложили, что некий парижский повар Франсуа Аппер придумал способ невероятно долгого хранения пищевых продуктов, а попросту говоря, изобрел консервы. Снабжение армий было больным вопросом во все времена. Не забывайте, холодильников тогда не было, консервов не было, сублимацию еще не изобрели. Приходилось жрать свежее! Кошмар, конечно.

Изобретение консервов было гигантским шагом человечества вперед, сравнимым, быть может, с изобретением каравеллы или пороха. Не зря Наполеон не только моментально поставил изобретение консервов на поток для снабжения армии, но и назвал изобретателя «благодетелем человечества».

А вот наручные часы, возможно, изобрел лично Бонапарт. До того все носимые часы были карманными. Наполеон же заказал Абрахаму Бреге часы с необычным способом носки – на руке, к которой часы крепились при помощи браслета. Неизвестно, сам Наполеон придумал такие часы или кто ему подсказал, но документы, обнаруженные в архивах компании Бреге, говорят о том, что первым заказчиком таких часов был именно Бонапарт. Часы предназначались в подарок для сестры Наполеона Полины. Их браслет мастера сплели из тонкой золотой проволоки и человеческих волос, а сами часы оснастили еще и термометром.

Немалая заслуга Наполеона состояла и в распространении в Европе телеграфа. Это была, конечно, не та штука, которую мы привыкли понимать под словом «телеграф». Это был так называемый оптический телеграф. В 1792 году братья Шапп обратились в Конвент с идеей покрыть всю Францию семафорами. Семафоры представляли собой вышки, на которых располагались подвижные планки, которые могли менять взаиморасположение. Вышки должны были ставиться в пределах видимости друг от друга, а ночью на них зажигались огни. Взаимное расположение планок, которыми рулил телеграфист, являло собой кодировку. Сообщение передавалось от вышки к вышке.

В разных странах и до этого предлагались подобные системы передачи сигналов, но начало массовому их применению положила именно Французская революция, что было вполне символично: революция вся была соткана из новаций. Первая телеграфная линия была устроена в 1794 году между Лиллем и Парижем. На протяжении 225 километров построили 22

телеграфных станции, то есть вышки. Телеграфисты наблюдали за знаками на соседних вышках в подзорные трубы. Именно по этой линии было получено сообщение о победе французов над австрийцами у города Конде.

Наполеон стал горячим сторонником телеграфа и, обретя всю полноту власти, начал быстро объединять Европу не только штыком, но и системой быстрой связи. При нем протяженность телеграфных линий в Европе достигла 50 000 километров. Связь действительно была почти моментальной для того времени! От Парижа до Бреста депеша передавалась за 7 минут, от Берлина до Кёльна за 10 минут. А сообщение от Парижа до Берлина летело менее часа.

Да неужели такой гений войны, как Наполеон, не понял бы военного значения быстрой связи!.. В апреле 1809 года неугомонные австрийцы заняли Баварию и подошли к Мюнхену. Сообщение об этом вопиющем беспределе было послано из Мюнхена в Париж по оптическому телеграфу. Получив его, Наполеон резко собрался, молниеносным маршем двинулся вперед и вскоре обрушился на противных австрийцев, как снег на голову.

Главное внимание Наполеон уделял техническим новшествам и точным наукам, не сильно обращая внимание на развитие искусств и прочих поэзий. Один из общественных деятелей, характеризуя позже наполеоновскую эпоху, писал: «Только цифрам все разрешали, только цифры чествовались, осыпались благами и награждались». В этом сквозит некое осуждение, но я бы Наполеона осуждать не стал, а решительно поддержал. Как математик по духу, он прекрасно понимал, что сила страны – в скорости научного прогресса, а не в том, напишет какой-нибудь гениальный художник очередную картину, а поэт – гениальный стишок, или нет. От того, что очередной Леонардо не нарисует очередной шедевр, ничего не изменится. В конце концов, это всего лишь пропаганда… А вот консервы – вещь стратегического значения! И вообще в современном мире выигрывает та нация, у которой больше научно-технических инноваций, а не картин. А картины, если надо, всегда можно просто купить.

Мало кто в ту эпоху это понимал! Французский писатель Шатобриан писал: «Поэт с несколькими стихами уже не умирает для потомства… Ученый же, едва известный в продолжение жизни, уже совершенно забыт на другой день по смерти своей…» Знаете, о ком были сказаны эти потрясающие по своей ошибочности слова? О Жан-Жаке Ампере – сыне великого физика. Он был поэт. И был действительно известен гораздо больше своего отца. И что в итоге? Сейчас даже во Франции никто не

знает поэта Жан-Жака Ампера. Но есть бронзовый памятник его отцу-физику. Есть город Ампер. Железнодорожная станция Ампер. Общество друзей Ампера. Научно-исследовательский центр Ампера… Но главное, есть «ампер» с маленькой буквы – единица силы тока в международной системе единиц – лучший памятник ученому. Так что Шатобриан елозил по поверхности. А Наполеон смотрел в будущее. И понимал: «скрипач не нужен». От того, что вместо Паганини в театр приедет на гастроли какой-нибудь Башмет, ничего, по сути, не изменится. А вот если стратегическое преимущество в научно-технической сфере получит соперник, это может плохо кончиться для нации…

Впрочем, до этой великой эпохи расцвета наук еще годы. А мы вернемся туда, где пока только всходит звезда Наполеона, – в завоеванную им Италию. Уже тогда Наполеон почувствовал себя самостоятельной фигурой. Он заключал с побежденными державами мирные договоры самостоятельно, без оглядки на Париж, а иногда и вопреки мнению Парижа. Часто он просто ставил Директорию перед фактом: мир заключен на таких-то условиях. Он имел на это моральное право: Директория плевала на его просьбы о помощи, а он плевал на ее мнение, подписывая договоры.

При этом весьма показательна одна из фраз в наполеоновском письме, которое он отправил представителям австрийского двора. Многократно разбивший австрияков Бонапарт писал, что стремится прекратить войну и заключенному миру будет рад больше, чем «печальной славе, добытой военными успехами. Разве мы не достаточно убили народу и причинили зла бедному человечеству?»

Многие обвиняют Наполеона в том, что он любил войну. Это правда, любил. Как гроссмейстер шахматы, как художник – рисовать. У кого что хорошо получается, тот то и любит, простая психология. На войне он действительно преображался.

Но.

Но если бы у него был выбор – воевать или не воевать, Наполеон предпочел бы мир: в мирном созидательном труде он чувствовал не меньшее удовольствие, чем в азарте боя, поскольку строительство ему удавалось ничуть не хуже, а возможно, и лучше, чем разрушение. В 1805 году он писал министру финансов: «Жизнь, которую я веду, очень огорчает, унося меня в лагеря и походы, она отрывает меня от главного предмета моих забот, первой заботы моего сердца: хорошей и солидной организации, относящейся к банкам, мануфактурам и торговле».

И еще один момент… Через много лет после итальянского похода Наполеон признался, что однажды в Италии у него

случилась бессонная ночь. Он ходил из угла в угол и мучительно размышлял о несоответствии своих потенций потенциям своего парижского начальства. Он уже все знал про свой полководческий гений, он почувствовал в себе дарование политика и государственного деятеля. Так доколе он еще будет служить «этим парижским адвокатам», которые ниже его по интеллектуальному уровню? Результатом этой бессонной ночи стало осознание того простого факта, что он – лучшая и наиболее достойная фигура для управления такой великолепной страной, как омоложенная революцией Франция. И жизнь показала, что он не ошибся: фигур подобного масштаба в мире тогда просто не было.

И не только Наполеон это понимал. Весьма показательно письмо королевы Неаполя Марии-Каролины маркизу Гало. Королеве не за что было любить французского завоевателя. Но вот что она пишет о Наполеоне: «Я ненавижу партию, которую выбрал Бонапарт и которой он служит. Он Аттила и бедствие Италии, но я испытываю к нему чувства глубокого уважения и настоящего восхищения. Бонапарт станет великим человеком, и второго такого в Европе нет во всех смыслах: воин, политик, дипломат. Я объявляю врагом того, кто это отрицает. Он будет самым выдающимся человеком нашего столетия».

Парижской Директории это тоже было понятно…

Глава 3 СОРОК ВЕКОВ ИСТОРИИ СМОТРЯТ НА ВАС…

Когда 7 декабря 1797 года Наполеон приехал в Париж и привез Франции мир, город встретил его немыслимым восторгом. Последнему клошару было ясно, что победу нации принес один только Наполеон. Потому что на главном фронте – на Рейне, где лучшие, как казалось французам, генералы Франции сражались с австрийцами, они терпели поражение за поражением. По сути, Франция войну на Рейне проиграла. И то, что победа на второстепенном итальянском фронте не только принесла стране мир, но и спасла ситуацию на Рейне, было удивительным.

Наполеон, воюя в Италии, думал обо всей Европе. Он знал, что республиканские войска на Рейне терпят неудачи. Поэтому, нагнав страху на венский двор в Италии, Наполеон задумал гениальную комбинацию, чтобы спасти ситуацию на Рейне. Состояла комбинация вот в чем. Перепуганные поражениями в Италии австрийцы будут просить мира. Но сил у них еще полно. И у Вены есть козырь в мирных переговорах – их победы на Рейне, где австрияки отбросили французские войска и завоевали часть французских земель. Эти проигранные земли надо было как-то спасти, для чего Наполеон сделал ход конем – он захватил Венецианскую республику.

Это было нетривиальное решение, поскольку Венецианская республика вообще-то придерживалась нейтралитета. Но если нужно было выбирать между интересами какой-нибудь Венеции и Франции, Наполеон, не колеблясь, выбирал Францию. Захват Венеции был нужен ему для торговли с Австрией: то, что Наполеон отобрал у австрийской короны в Италии, он возвращать не собирался, распоряжаясь завоеванным по своему разумению. А вот в обмен на захваченные австрийцами французские земли на Рейне он планировал отдать Габсбургам Венецию. Справедливость требует признать, что австрийцы тоже не сильно деликатничали. Венеция им сроду не принадлежала, и вообще минуту назад это было нейтральное независимое государство. Взяли и не поморщились!

В общем, Париж ликовал: молодой генерал Наполеон каким-то неожиданным чудом выиграл не только войну в Италии, но и на Рейне, где его вовсе не было. Более того! Если рейнские армии тащили из французской казны средства, то наполеоновская армия не только сама себя кормила, но и присылала во Францию немыслимые богатства в виде контрибуций, налагаемых

Наполеоном на побежденных.

Подобная популярность молодого генерала при собственной непопулярности тревожила Директорию. Поэтому его быстренько назначили главнокомандующим… против Англии – чтобы убрать популярного генерала подальше от народа.

Наполеон знал, что форсировать Ла-Манш царица морей Англия ему не даст. Проинспектировав порты, он еще раз убедился в этом: французский флот не в том состоянии, чтобы воевать с английским. Что же делать?

Тогда завоюем Египет!

Неожиданный ход. Во-первых, для того, чтобы попасть в Египет, все равно нужно пересекать Средиземное море, где точно также можно напороться на царицу морей и быть потопленными. Во-вторых, Египет номинально находится под контролем Оттоманской Порты, с которой Франция вроде как союзница. В-третьих, при чем здесь Англия?

На все эти вопросы у Наполеона и министра иностранных дел Франции Талейрана, который поддерживал египетскую кампанию, были ответы.

Да, попадают в Египет обычно по морю. Но Средиземное море велико, и там есть шанс, обманув англичан, прошмыгнуть мимо их карающей десницы по фамилии Нельсон. Надо сказать, Нельсон – это «морской Наполеон». Садиться с ним играть в «морской бой» было так же бесполезно, как с Наполеоном играть «в солдатики». Даст фору и все равно выиграет!..

Нельсон был такой же величайшей ценностью Англии, как Наполеон – Франции. Гении творят историю, а не серая масса.

Далее… Оттоманская Порта, конечно, союзница Франции, и Египет номинально принадлежит ей. Но фактически Стамбул Египет не контролирует – так же, как Грузия начала XXI века не контролирует Абхазию, а Сербия – Косово. В реальности в Египте рулят мамелюки – потомки когда-то захвативших страну диких кочевников. Так что вторжение в Египет по Стамбулу не ударит. Особенно если обставить это по-хорошему – украсив высокопарными словами о помощи султану.

Наконец, главное. Какая связь между Египтом и Англией? На этот вопрос лучше всего ответила сама Англия. Узнав, что французский десант отправился воевать Египет, великий адмирал Нельсон рванул туда с такой скоростью, что даже опередил французский флот, прибыв в Александрию на два дня раньше Наполеона. Чего он так разволновался?..

Дело в том, что две сверхдержавы – Англия и Франция – с давних пор боролись за влияние в Египте. За Египет много кто боролся. Вон и древние римляне очень любили Египет. Он был

житницей! На жирных нильских илах вырастали по два урожая в год. Через Египет лежала сухопутная дорога далее на восток, в ту же Индию. Поэтому еще до революции французская корона пыталась наладить торговые связи с Египтом. Когда-то великий Лейбниц советовал Людовику XIV завоевать Египет. А за несколько лет до революции Франция заключила с мамелюками договор, который открывал французским купцам сухопутный транзит через Египет в сторону Индии, поскольку морской путь был в руках англичан. Дело было уже на мази, но разразилась революция, которая помешала этим планам. Почему бы не возобновить их теперь, на новом уровне?..

Наполеону план завоевания новой колонии понравился. Он любил восток с детства, поэтому с энтузиазмом взялся за подготовку. К тому же, прекрасно зная географию и экономику, он понимал, что Суэцкий перешеек – место, значимость которого трудно переоценить. Стоит там прорыть канал, как путь из Европы в Индию сократится практически вдвое – не нужно будет плыть вокруг Африки. И если Франция станет хозяйкой канала, это даст ей такие стратегические преимущества, что паршивая Англия будет долго плакать горючими слезами!..

С идеологическим обоснованием захвата Египта проблем тоже не возникло. Технология была обкатана еще до нашей эры. Когда царь Кир захватил Вавилон, он обратился к горожанам с манифестом, в котором говорилось, что Кир на самом деле никакой не завоеватель, а освободитель – он пришел, чтобы освободить вавилонян и их богов от плохого царя Набонида. То есть не оккупировал, а просто помог освободиться. Это стандартный рецепт всех времен и народов: если армия вступает на чужую территорию, главное, объяснить туземцам, что она – освободительница. Которая спасает туземцев от их собственных эксплуататоров, фашистов, агрессоров и проч. Лозунг, под которым Наполеон планировал вступить в Египет, был прост: освободить египтян от мамелюков! Вот и все. Стамбул удалось убедить, что мамелюки им тоже мешают, и если французские союзники настучат этим козлам по рогам, авторитет Порты в Египте только вырастет.

Подготовка экспедиции держалась в страшном секрете. Но мероприятий такого масштаба не скроешь. Англичане быстро узнали, что на юге Франции, возле Тулона, ведется подготовка к какой-то крупной наступательной операции – французы складируют амуницию, боеприпасы и провизию, готовят корабли. Чтобы заморочить англичанам голову, Наполеон подключил разведку. Он запустил слух, что Франция готовит Англии удар под дых: французская армия высадится в Ирландии и поднимет ее

на мятеж против Англии. Поэтому флот Нельсона стоял у Гибралтара, чтобы не пропустить Наполеона в Атлантику.

Наполеон торопился. Дело в том, что он все всегда старался предусмотреть. Поэтому не только заказал темные очки для своей армии, но и внимательно изучил исторические хроники, откуда узнал, что когда-то крестоносцам помешал завоевать Египет разлив Нила. Значит, высадку нужно произвести не позднее июля. К тому же именно в это время на Средиземноморье дуют удобные ветры (суда, как вы знаете, в те времена были парусными).

Экспедиционный корпус должен был состоять из 30 тысяч человек, и Наполеон едва ли не по солдату отбирал туда людей. Память у него была отличная. Вот как историк Тарле описывает эту подготовку: «Тут еще больше, чем в итальянской кампании обнаружилась способность Наполеона, затевая самые грандиозные и труднейшие предприятия, зорко следить за всеми мелочами и при этом совершенно в них не путаться и не теряться – одновременно видеть и деревья, и лес, и чуть ли не каждый сук на каждом дереве. Он знал огромное количество солдат индивидуально; его исключительная память всегда и впоследствии поражала окружающих. Он знал, что этот солдат храбр и стоек, но пьяница, а вот этот очень умен и сообразителен, но быстро утомляется, потому что страдает грыжей. Он не только впоследствии хорошо выбирал маршалов, но он хорошо выбирал и капралов и удачно отбирал рядовых солдат там, где это было нужно. А для египетского похода, для войны под палящим солнцем, при 50 и больше градусах жары, для перехода по раскаленным необъятным песчаным пустыням без воды и тени нужны были именно отборные по выносливости люди».

Помнил Наполеон не только солдат. Как известно, с ним в египетский поход отправилась большая команда ученых, среди которых были не только академики, но и простые студенты. Так вот, через много лет, уже будучи узником Святой Елены, Наполеон называл по памяти имена не только видных специалистов, но и простых студентов…

Конвой получился большой: транспортный флот состоял из 280 судов. Они несли почти 50 тысяч человек (32 тысячи солдат и офицеров, остальные – флотские экипажи). Помимо лошадей и пушек французская флотилия везла волов – тягловую силу для крупнокалиберной артиллерии, кур и баранов в качестве живых припасов. А также 428 ящиков с боеприпасами, 248 повозок, 27 полевых кузниц, десятки тысяч комплектов запасного обмундирования, 10 тысяч лопат, около 3 тысяч топоров, 175 трапов, почти 600 тысяч мешков с грунтом, почти миллион литров вина и водки. На каждое судно в среднем приходилось

160 тонн продовольствия. Это были соленья, мука, сырные головы, сушеные овощи, крупа, соль, пресная вода, специи, галеты. Одних только галет требовалось по норме 800 граммов на человека в сутки. Для того, чтобы напечь такое количество галет, во Франции армией были реквизированы все печи в радиусе 15 лье от Тулона… Были в составе экспедиции и женщины – жены офицеров, прачки, портнихи, проститутки (всего около 200 боевых единиц). Война – непростое в организации дело, много всего нужно запасти и предусмотреть.

Понимая, что французский конвой вот-вот отплывет куда-то от южных берегов Франции, нервничающий Лондон послал Нельсону приказ во что бы то ни стало перехватить и уничтожить его. Нельсон ввел свои корабли в Средиземное море и бросился на поиски французов. Наполеона спас только туман – в молочной пелене два флота разминулись, не заметив друг друга.

Подозревая, что Наполеон отправился в Египет, Нельсон взял курс на Александрию и примчался туда, как уже говорилось, на двое суток раньше тихоходного французского транспорта.

Высадившись в александрийском порту, англичане немедленно стали выяснять, где Наполеон Бонапарт.

– Какай такай Бонапарт? – удивились аборигены.

Через два дня они узнали, «какай такай» этот Бонапарт. А пока Нельсон был в страшном недоумении: где же французы? куда они пропали? И адмирал ошибочно решил, что если Наполеон не в Александрии, значит, он пошел на Сицилию. И бросился «вдогонку».

Французам, приставшим через 48 часов в Александрии, просто повезло. Узнав, что Нельсон был тут буквально позавчера и сильно интересовался его фамилией, Наполеон, несмотря на то что сгущалась ночь, немедленно отдал приказ о десантировании. И вскоре его армия была на берегу. Теперь Наполеон был в своей стихии – на суше. Где никакой Нельсон ему уже не страшен.

Высадка, кстати, была не простой. Слегка штормило, лошадей приходилось сбрасывать в море и тащить на привязи за лодками, несколько человек утонуло. Но в час ночи армия была на африканском берегу. После чего, не давая ей ни минуты отдыха и даже не дожидаясь артиллерии, Наполеон спешным маршем повел армию на Александрию. И, разумеется, захватил ее. Это случилось 2 июля 1798 года.

Затем армия Наполеона пошла к Каиру, и возле египетских пирамид состоялась главная битва Наполеона с мамелюками. С вполне предсказуемым результатом.

«Солдаты! – обратился перед битвой Наполеон к своей армии, показывая на пирамиды. – С вершин этих пирамид на вас смотрят

сорок веков истории!» Солдаты впечатлились, и уже на следующий день Наполеон вошел в Каир. А чуть позже французская армия захватила и Верхний Египет, дойдя аж до Асуана. Для Египта наступал «франкофонный» период истории…

В предыдущей главе я назвал поход Наполеона в Египет научно-военной экспедицией. В этом нет преувеличения. Больше того, научные последствия этого похода оказались выше военно-политических. О военных победах Наполеона написано много. Поэтому имеет смысл остановиться на культурных.

Самая знаменитая фраза, сказанная Наполеоном в Египте: «Ослов и ученых – в середину!» Ее он выкрикнул в один из острых моментов перед сражением с мамелюками. Фраза получилась смешной, потому и запомнилась народу. Но по сути она была весьма показательной и наглядно демонстрировала его систему ценностей: все самое важное и слабое (мозги нации и тихоходных осликов с поклажей) Бонапарт спрятал в самом безопасном месте – в центре своих войск. Как в войсках оказались ослы, понятно. Но зачем в военном походе ученые?

Здесь нужно вернуться чуть-чуть назад, поскольку в подготовке египетского похода ученые сыграли немалую роль.

Помните, робеспьеровские отморозки разогнали Академию наук и стали налево-направо казнить ученых? В 1795 году буржуазная Директория восстановила деятельность академии, только под другим названием – Французский институт. Фактически Французский институт исполнял функции Академии наук и впоследствии был переименован обратно в академию, поэтому, чтобы не путать читателя, я буду называть Французский институт Академией наук.

После итальянского похода за заслуги перед отечеством и учитывая математические таланты генерала Бонапарта, его избрали членом академии. Причем это не было просто почетным избранием, поскольку Наполеона выбрали академиком не в отделение политических и нравственных наук, а в самое «настоящее» – физико-математическое отделение, в секцию механики. (Кстати говоря, придя позже к власти, Наполеон ликвидировал отделение политических и нравственных наук ввиду его полной бессмысленности.)

Весьма примечательно, что в академии Наполеон не просто присутствовал, он делал доклады – например, о последних научных книгах, которые он прочитал в Италии и которых не было во Франции. Нигде Наполеон не чувствовал себя так легко и свободно, как в кругу ученых. Он подшучивал над ними, они над ним. Современники свидетельствуют, что в тот период Наполеон даже всерьез подумывал сменить род деятельности и

профессионально заняться наукой. Вот только чем конкретно? Его жизненные интересы были необычайно широки. Наполеона интересовало, как давно существует этот мир, есть ли жизнь на других планетах и как она возникла на Земле, он обожал математику.

Короче говоря, Наполеон стал «бессмертным» – так называли членов Французской академии наук. Трое из директоров Директории тоже были членами академии. И вообще Директория прислушивалась к мнению академии, которая представляла собой совокупный мозг нации. А Французская академия наук, как известно, еще со времен Лейбница поддерживала необходимость колонизации Египта.

Кроме практических целей ученые испытывали к Египту чисто научный интерес. Это была страна-легенда, о которой европейцы мало что знали. И хотели узнать побольше. Поэтому когда Бонапарт бросил Монжу идею организовать научно-экспедиционный корпус, тот воспринял ее с восторгом. Он развил бурную организационную деятельность, и в поход вместе с Наполеоном отправилась большая группа ученых из самых разных областей знаний.

В Египет поехали Монж, Фурье, Бертоле («бертолетова соль») … Всего в состав экспедиции вошло 167 ученых и людей искусства. Среди них были ботаники, геологи, химики, географы, инженеры, физики, астрономы, литераторы, экономисты, ориенталисты, композиторы, художники. Любопытно и весьма показательно, кстати, что прокламации к народу Египта генерал Наполеон подписывал как «член Национальной академии». Один из ученых – участников экспедиции говорил о Наполеоне: «Наука была его подлинной страстью».

Художникам в этой экспедиции тоже нашлось конкретное дело. Поскольку фотоаппаратов тогда не было, они запечатлевали все, что видели. Например, такой известный живописец, как Пьер-Жозеф Редут, зарисовывал египетскую флору…

Это было время величайшего научного энтузиазма! Люди работали не покладая рук. Сразу после битвы у пирамид Наполеон основал в Каире Научный институт, целью которого было «исследование, изучение природных явлений, промышленной деятельности и исторических событий этой страны».

Первое заседание Каирского института состоялось 23 августа 1798 года. И помимо мелких практических вопросов типа строительства печей для обеспечения армии хлебом и поиска местного аналога хмеля для производства пива обсуждались чисто цивилизаторские вещи – способы очистки Нила, состояние

законодательной системы Египта.

Тут необходимы некоторые пояснения. Дело в том, что долгое время в европейском сознании Восток ассоциировался с золотом и богатством, а слово «восточный» означало «качественный». Это тянулось из грязи Средневековья, в сравнении с которым Восток был действительно рассадником культуры. Но давно уже миновало мрачное европейское Средневековье, давно уже Европа, незаметно для самой себя, начала мощно обгонять мировую периферию, а магия Востока по инерции все еще кружила головы европейцев. Поэтому французы были просто поражены той нищетой, которую увидели в стране пирамид. Они ожидали увидеть сказочные богатства, а увидели грязь и бедность. Точно так же были поражены немцы времен Второй мировой, когда они вошли в СССР. Германские солдаты были шокированы нищетой советских крестьян. Многие из них почему-то думали, что коммунизм – это рай земной для трудящихся.

Потрясение французов усугублялось еще и ментальной разницей между живым европейским умом, разбуженным Просвещением, и тупой апатичной крестьянской массой Египта, которую ничего не интересовало. Геолог Доломье писал о египтянах: «У этого народа нет ни любопытства, ни духа соперничества; самое удивительное, на мой взгляд, в образе жизни египтянина – это полная индифферентность ко всему, что не относится к его общественному положению, к его профессии и к его привычкам. Ничто их не удивляет, так как они не обращают никакого внимания на то, чего они не знают». Ему вторит Наполеон: «При высадке в Египте меня удивило, что от былого величия у египтян я нашел только пирамиды и печи для приготовления жареных цыплят».

И тогда европейцы начали делать то, что они делали всегда и везде, где появлялись – насаждать цивилизацию взамен отсталой туземной культуры. Если сами местные не могут, значит, сделаем мы! Темным египтянам было наплевать на историю и географию собственной страны, они по серости даже решили, что белые люди в Каирском институте занимаются алхимией с целью получения золота. Но там дарили Египту его собственную историю.

На протяжении трех лет работы Каирского института прошло около полусотни заседаний, на которых обсуждались самые разнообразные вопросы – от проблем виноделия до метрологии и метеорологии. Во время двадцатого заседания Института было сделано сообщение чрезвычайной важности: недалеко от городка Розетты был найден камень, на котором древнеегипетский

иероглифический текст был дублирован по-древнегречески. Этот тот самый розеттский камень, который был вывезен в Европу и с помощью которого через двадцать лет француз Шампольон расшифрует египетские иероглифы.

Нельзя не сказать пару слов о Шампольоне… Это Наполеон от науки. Ему было всего 17 лет, когда он стал членом Гренобльской академии наук, в 19 лет он уже был профессором Гренобльского университета и читал лекции студентам. Когда Шампольону стукнуло 18, он заявил: «Я расшифрую египетскую письменность! Я уверен в этом!» Никто Шампольону не верил. Египетские крючки тогдашней наукой считались неразгадываемыми. Но Шампольон свое юношеское предсказание исполнил. Правда, на это ушло долгих пятнадцать лет.

Любопытно, что в 1815 году, во время Ста дней, Шампольон имел встречу с Наполеоном. Они долго говорили о Египте. Наполеон, который обладал удивительным свойством видеть талантливых людей, сразу отметил юного Шампольона и пообещал ему всяческое содействие в Париже. Не получилось: как и Монж, Шампольон за поддержку Наполеона подвергся гонениям и с 1815 года находился в опале.

Впрочем, до этого еще нужно дожить… А в 1798 году, когда найден розеттский камень, Шампольону всего 8 лет, он играет с другими мальчишками, в то время как взрослые дяди – наполеоновские научные сотрудники – разъехались по Египту и занялись изучением его истории, демографии, экономики, культуры, флоры и фауны, состояния путей сообщения и качества воды в источниках.

Открытия сыпались как из рога изобилия. Биолог Савиньи придумал новый вариант классификации насекомых и ракообразных. Монж объяснил, почему в пустыне бывают миражи. Задел, накопленный французской наукой в Египте, был таков, что выстрелил далеко за пределы наполеоновской эпохи. Наполеон давно уже умер, а научные данные с результатами исследований продолжали публиковаться том за томом, музеи Европы наполнялись сокровищами фараоновского Египта.

Что же хотел сделать Наполеон из Египта? Процветающую французскую колонию. «Чем станет эта прекрасная страна после 50 лет хорошего управления? – задавался вопросом Наполеон. И сам же отвечал: – Воображению предстает волшебная картина!»

Ему виделась торговля с Индией через прорытый Суэцкий канал, обновленная на современный манер система ирригации, множество ветряных и водяных мельниц, новая система законов. Поэтому, завоевав Египет, Наполеон сделал две принципиальные вещи: затребовал карты Суэцкого перешейка и всю документацию

по возможному прорытию канала между Средиземным и Красным морями и начал готовить военный поход в Индию, чтобы ударить по Англии «с тыла».

Для этого Наполеон наладил контакты с индийскими сепаратистами, которые давно точили зубы на англичан. Надо сказать, поход в Индию был главной, но так и не осуществленной мечтой его жизни. Он пытался склонить к этому мероприятию сначала русского императора Павла, потом лелеял мечту уговорить на индийский поход Александра I… А тогда, в Египте, он говорил своему однокашнику Бурьену: «Сколько времени мы проведем в Египте? Шесть месяцев или шесть лет. Нам всего двадцать девять; а будет тридцать пять. Если все пойдет хорошо, мне хватит шести лет, чтобы добраться до Индии».

Пока шли сношения с индийцами, Наполеон выехал в район Суэца. Возможность прорыть Суэцкий канал увлекла его еще в детстве. В его юношеских тетрадях сохранились цитаты из трудов древних историков, которые описывали существовавший во времена фараонов канал, соединяющий Нил с Красным морем. По нему можно было пройти из Красного моря в Средиземное. Этот канал действовал и во времена римской оккупации Египта. А потом постепенно пришел в упадок, обмелел и был занесен песками. Теперь стояла задача выкопать новый канал, который мог бы пропускать суда с большим водоизмещением.

Начались подготовительные геодезические и проектные работы. К сожалению, события, развернувшиеся в дальнейшем, не дали этому проекту состояться. Но все предварительные работы, сделанные экспедиционерами Наполеона, не пропали даром. Они были уточнены и использованы через полвека при строительстве Суэцкого канала.

Кто же помешал Наполеону начать строительство? Враги рода человеческого – англичане! Не на шутку встревоженные захватом Египта и сношениями Наполеона с индийскими сепаратистами, англичане развернули бурную деятельность, чтобы помешать цивилизаторской миссии Наполеона в Египте. Они подбили Оттоманскую Порту объявить Франции войну и всячески настропаляли египтян бунтовать против французов. Последнее было сделать не так уж и сложно.

До того, как в Египте появился Наполеон со своим воинством, Египет был страной закрытой. Иностранцев здесь практически не видели даже в столице. Поэтому туземцы, открыв рты смотрели на стильных французов в темных очках, на то, что французские женщины ходят с открытыми лицами, а главное – на равных разговаривают с мужчинами!.. Для того чтобы обеспечить криминальную и пожарную безопасность города, новые власти

ввели ночное освещение и снесли перегораживающие улицы ненужные ворота, оставшиеся бог весть с каких времен. Но что самое ужасное, французы потребовали вывозить с улиц мусор, предварительно рассортировав отходы! А кроме того – подметать и поливать улицы, а также проветривать постельное белье в гигиенических целях. Все эти новации приводили мусульман в дикую ярость, поскольку нарушали их «грязевую самобытность» и мешали «неряшливой самоидентификации». Еще бы! Деды наши и отцы, во славу аллаха, в грязи да вони жили, и мы, чай, проживем!.. Особенно настороженно туземцы относились к ученым, считая их колдунами и вредителями.

В своих книгах я неоднократно показывал: чем дремучее население, чем ближе люди к животным, тем более болезненно они воспринимают малейшее отступление от привычного уклада. Стоит переставить кормушку, и животное начинает волноваться, нервничать. Поэтому периодически туземцы то и дело восставали против французских цивилизаторов. Наполеон, который поначалу вел себя с аборигенами весьма деликатно, вскоре понял, что мусульмане понимают только палку. «Каждый день, – писал он, – я приказываю отрубить пять-шесть голов на улицах Каира… Нужно взять тон, который необходим, чтобы этот народ повиновался. А повиноваться для них – значит бояться».

И он был прав: примитивное сознание уступки и человеческое отношение воспринимает как слабость, а понимает только силу. Поэтому настоящий гуманист – тот, кто, если это нужно, может без колебаний отдать приказ о расстреле.

Кстати говоря, египетские элиты, то есть наиболее образованная часть местного общества не были настроены против французов так же жестко, как тупое простонародье. Они, несмотря на то что были поклонниками аллаха, живо интересовались новыми знаниями, участвовали в работе Каирского института, читали книги. Что только подтверждает все, сказанное выше…

Пока Наполеон вершил великие дела в отсталом Египте, адмирал Нельсон разыскал-таки французский флот, который скрывался от него в Абукире, и, разумеется, разбил его. Иного и быть не могло, Нельсон есть Нельсон. Теперь Наполеон был отрезан от Франции. Впрочем, это было не самым большим его огорчением. Гораздо неприятнее было то, что турки, подстрекаемые Англией, двинули свои войска через Сирию в Египет, чтобы наказать французов. Наивные! Наказать французов, конечно, можно. Но только не тогда, когда ими командует Наполеон.

Бонапарт, узнав о наглой турецкой выходке, в своей обычной

манере двинулся навстречу врагу и, совершив беспримерный по тяжести переход через пустыню, начал брать в Сирии город за городом. После чего разбил огромную турецкую армию. Это если вкратце. Но были еще и подробности. За которые Наполеона порой упрекают в жестокости. Остановимся на них подробнее, ибо упрекать великана может любой пигмей. А наше дело – разобраться и оправдать Наполеона. Потому что он хороший.

Итак, Наполеон стоит возле очередной сирийской крепости, которая называется Аль-Ариш. В крепости засели янычары. Сдаваться они не хотят, ибо аллах велик. Как пишет один из историков: «Фанатики бесновались, имамы громко читали молитвы. Французы слышали их голоса».

Однако на любой фанатизм найдется свой хитрый прибор с винтом. Наполеон с помощью артиллерии проделал в стенах крепости две огромные дыры. Но, решив пожалеть своих солдат, которые могли бы погибнуть при штурме, предложил осажденным сдаться. Восточные люди начали нудно торговаться. Тогда французы, не привыкшие терять время попусту, открыли ураганный огонь, чтобы помочь мусульманам ускорить умственный процесс. Янычары немедленно сдались. Наполеон взял с них слово, что они более никогда не поднимут руку ни на одного француза, перестанут воевать и в течение года не покажутся ни в Сирии, ни в Египте. После чего отпустил домой.

Потом Наполеон направился в Газу и взял ее, а через какое-то время республиканские войска подошли к крепости Яффа. Защитники Яффы сделали вылазку из города, чтобы потрепать французов, но в результате были потрепаны сами и частично пленены. Допрос пленных показал, что в Яффе засели те самые янычары, которые были отпущены под честное слово из Аль-Ариша и аллахом поклялись не воевать с французами.

Наполеон написал гарнизону Яффы предложение сдаться, в котором было сказано, что он дает гарнизону время подумать и не станет обстреливать город до 19.00. Два французских парламентера взяли это послание и вошли в Яффу. А через некоторое время потрясенная французская армия увидела их головы торчащими на пиках над крепостной стеной.

Французы немедленно начали обстрел варваров. В этом бою Наполеон едва не был убит – пуля прошла над его головой, пробив шляпу, и попала в голову полковника, которому Наполеон в это время отдавал распоряжения. После боя Бонапарт сказал, что это второй случай в его жизни, когда небольшой рост спасает его от смерти.

Проломив осадной артиллерией брешь в стене, французы под пение «Марсельезы» ворвались в крепость и начали крошить всю

эту немилосердную сволоту. Город был уже практически взят, когда выяснилось, что янычары-клятвопреступники засели в цитадели и грозились биться до последнего, если им опять не пообещают жизнь. На беду возле цитадели как раз оказался капитан Евгений Богарне – пасынок Наполеона (сын его жены Жозефины от первого брака). Он пообещал янычарам жизнь.

Наполеон был возмущен таким самоуправством:

– И что мне теперь с ними делать? Мне нечем их кормить, у меня нет кораблей, чтобы отправить их в Египет. А если их просто отпустить, как в первый раз, они опять возьмутся за оружие.

Богарне сослался на приказ Наполеона, который требовал от французских солдат не допускать резни.

– Я имел в виду стариков, женщин, детей и мирных жителей. А не тех, кто носит оружие! – воскликнул Наполеон.

Так у Наполеона возникла нравственная дилемма. Его офицер пообещал пленным клятвопреступникам жизнь. Пленным дали воды и сухарей, отняв их у французских солдат. Но что с ними делать дальше?

Три дня Наполеон мучился и колебался. А потом отдал приказ расстрелять преступников. Что и было сделано. Этот расстрел произвел сильное впечатление на благородных французов. Евгений Богарне был просто в шоке, а один из офицеров позже вспоминал: «Никому не пожелаю пережить то, что пережили мы, видевшие этот расстрел».

…К несчастью, чума помешала Наполеону завершить завоевание Сирии. Она начала беспощадно косить армию. Стараясь поддержать дух солдат, Наполеон заходил в чумные бараки, жал больным солдатам руки, но поделать с чумой ничего не смог.

Последняя крепость, которую он начал осаждать со своим поредевшим войском, был город Акр. Здесь находился мощный турецкий гарнизон, его снабжение осуществлялось по морю англичанами, а у Наполеона кончились снаряды для осадной артиллерии, над армией занесла руку бубонная чума, поэтому он снял осаду, рассчитывая, что серия поражений научила турок уму-разуму. И дал приказ возвращаться в Египет.

Путь назад был нелегким. Наполеон велел всех лошадей и все подводы отдать раненым. А когда конюший подошел к Бонапарту и спросил, какую лошадь оставить для него лично, Наполеон в ярости ударил его хлыстом, рявкнув, что был приказ всем, кроме раненых, идти пешком.

Один из раненых гренадеров никак не решался влезть на лошадь, боясь запачкать своей кровью роскошное седло.

– Лезь давай, – подбодрил Наполеон. – Ты красивее, чем это седло!

Но едва наполеоновская армия вернулась в Каир, как пришло известие, что в Абукире при поддержке англичан высадилась мощная турецкая армия. Султану показалось мало тех разгромов, которые турки потерпели в Сирии.

Командовал новой турецкой армией турецкий паша Мустафа. Он был очень доволен началом операции: как только паша высадился в Абукире, небольшой французский гарнизон, который там был, отступил.

– Едва я показался, – горделиво заявил Мустафа, – как эти страшные «непобедимые» французы отступили!

Эту фразу он сказал предводителю мамелюков Мурад-бею, который уже имел счастье повстречаться с французами в бою и потому, грустно покачав головой, ответил турецкому паше:

– Скажи спасибо аллаху, что французы решили отступить. Потому что если они вернутся, ты побежишь от них, как пыль от аквилона…

Как в воду глядел печальный мамелюк! Через пару дней на место разборки явился Бонапарт. Он был очень зол! Сколько можно гонять по пустыням эту неуемную азиатскую сволочь?.. Помня о Яффе, Наполеон приказал в плен никого не брать, и потому после разгрома турецкого войска вся султанская армия была перебита до последнего турка. Сам Наполеон потом писал: «Эта битва – одна из прекраснейших, какие я только видел: от всей высадившейся неприятельской армии не спасся ни один человек». Такому результату действительно нельзя не порадоваться.

А подстрекатели-англичане спокойно наблюдали за избиением союзников-турок со своих кораблей.

Казалось бы, после всех этих блистательных побед теперь только и заниматься мирным строительством, отдохнуть. Но не тут-то было! Из Франции приходят дурные вести. Родина снова нуждается в Наполеоне. Оказывается, пока генерал наводил порядок на Востоке и приучал арабов к санитарии и гигиене, в Европе сложилась очередная антифранцузская коалиция. В ее состав входили Англия, Австрия и Россия. Посланный Екатериной II Суворов перевалил на своей старческой заднице через Альпы и, разбив французские части, уничтожил все военные и политико-дипломатические завоевания Наполеона в Италии. Интервенты вновь угрожают Франции, в которой тоже неспокойно – в стране нищета и бандитизм, народ ненавидит проворовавшуюся олигархическую Директорию.

«Негодяи! Италия потеряна! Все плоды моих побед потеряны!

Мне нужно ехать!» – восклицает Наполеон. У него всего два корабля. Идти на них через Средиземное море, кишащее англичанами, смертельно опасно. Но Наполеону к опасностям не привыкать. Он оставляет Египет генералу Клеберу. Как пишет Тарле, Клеберу досталась в управление «большая, хорошо снабженная армия, исправно действующий административный и налоговый аппарат и безгласное, покорное, запуганное население огромной завоеванной страны».

А сам Наполеон с небольшой командой отправляется спасать Францию. С ним на борту плывут Монж, Евгений Богарне, химик Бертолле, Бурьен. Корабли наполеоновской микроэскадры непрезентабельны. Англичане их видят в подзорные трубы, но принимают за рыбацкие баркасы. Тем не менее периодически возникает вопрос, что делать, если их обнаружат англичане. Драться с ними бесполезно. Сдаваться? Это не в привычках Наполеона. Поэтому Бонапарт говорит:

– Остается одно: взорвать корабль. И это сделаете вы, Монж.

И вот нужно представить себе эту картину – каждый раз, когда незнакомый парус мелькает на горизонте, бледный математик, создатель начертательной геометрии, посвятивший жизнь интегрированию дифференциальных уравнений в частных производных, о котором великий Лаплас говорил, что он своими формулами «метит в вечность», берет лампу и спускается в трюм к пороховому погребу, чтобы взорвать корабль по команде Бонапарта. Чудны дела твои, история!..

Через некоторое время на горизонте появляется остров. Французский капитан баркаса (тот еще мореход!) берет карту и долго пытается определить, куда же это они приплыли? В это время на палубу выходит Наполеон и, бросив один только взгляд на остров, улыбается:

– Это Корсика.

К тому времени остров, во времена сепаратиста Паоли оккупированный англичанами, уже освобожден французскими ребятами в трехцветных кокардах. Наполеоновские корабли причаливают в порту его родного города Аяччо. Как же встречают французского генерала корсиканцы? Те самые корсиканцы, которые борются за независимость от Франции… Которые когда-то ограбили и сожгли дом «врага корсиканского народа» Наполеона Бонапарта и едва не арестовали его и его семью? По идее, они должны ненавидеть это живое воплощение имперства. Но Наполеона знают вся Франция и вся Европа. Его имя у всех на устах. Он победитель Италии и Египта. И значит, он кто?.. Он – знаменитость! И при этом уроженец этих мест. А отношение провинциалов к знаменитым землякам известно.

Поэтому весь город вываливает на пристань, раздаются приветственные крики, навстречу наполеоновским шхунам устремляются лодки, летят цветы. Наполеон ступает на берег. Все орут, как безумные. Каждый кричит, что он его родственник, и это недалеко от истины, учитывая горский менталитет и прослеживаемость родственных связей. А одна женщина говорит:

– Сыночек!

Наполеон не верит своим глазам: это его няня! Он бросается к ней и обнимает. Толпа рыдает.

Через несколько дней генерал Бонапарт снова всходит на борт и отплывает во Францию. Плыть не очень далеко. Но очень опасно. Англичане шныряют повсюду. Уже совсем рядом с Тулоном корабли Наполеона засекла эскадра из семи английских фрегатов. Англичане издалека открыли огонь, но корабли Бонапарта уже входили в гавань, под защиту береговой французской артиллерии.

Англичане не зря охотились за ним по всему Средиземноморью. Они понимали: один Наполеон стоит целой армии. Поэтому начиная с 1797 года английские газеты ведут против него идеологическую войну – рисуют карикатуры на Наполеона, изображая его жестокосердным чудовищем – людоедом, спрутом, крокодилом. Это чистая пропаганда. Но некоторые газеты все же не опускаются до тупой пропаганды. Газета джентльменов «Морнинг Геральд» так оценила действия Наполеона в Египте: «Еще никому не удавалось сделать так много за столь короткий срок».

И вот вечный победитель снова во Франции. Что теперь будет с оборзевшей Европой?

Часть III ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Да здравствует Суворов! Долой республику!

Лозунг французских роялистов в 1799 году

Наполеон I – император французов, основатель династии Бонапартов, одна из замечательнейших личностей во всемирной истории… На революцию он смотрел как на своего рода болезнь… Вот почему своей системой он восстановил все существенные политические черты «старого порядка» – деспотизм, правительственную опеку, административную централизацию, бюрократический произвол, цензуру, полицейский надзор…

Зато его режим обеспечивал за Францией социальные приобретения революции и содействовал распространению тех же принципов в других странах. Везде, где устанавливалось владычество или непосредственное влияние Наполеона, исчезали старые католико-феодальные порядки, так что и вне Франции Наполеон был продолжателем революции.

Брокгауз и Ефрон

Плод созрел – так можно сказать о Франции. 8 октября Наполеон ступил на южный берег республики, а ровно через 30 дней он стал властителем страны. Страна была готова упасть в

его заботливые руки. Что же случилось за те пару лет, пока Наполеон цивилизовывал Египет? И какие общественные силы сложились во Франции?

Возник слой мелких и средних земельных собственников. После революции церковные земли и земли сбежавших феодалов были национализированы, а потом приватизированы – проданы с молотка фермерам. Теперь эти мелкие частники разжились и не хотели возвращения царизма. Мысль о том, что европейская антифранцузская коалиция готовит во Франции реставрацию трона и желает посадить на него родственников свергнутых Бурбонов, казалась селянам невыносимой. Они лишатся собственности! Этим людям нужна была стабильность и крепкая власть. В Директории они такой власти не видели. Олигархическая Директория была рыхла, воровата и ничем, кроме попилок бюджетных средств, не прославилась. Где все те десятки миллионов, которые Наполеон прислал народу Франции из завоеванной Италии? Разворованы пятью директорами во главе с Баррасом и их ближайшим окружением. Капитализм по-родственному.

Кроме крестьян была во Франции еще такая общественная сила, как армия. Армия, униженная и обворованная интендантами и поставщиками Директории. Армия, потерявшая былые завоевания – Италию, в которую вошел екатерининский крепостник Суворов и разрушил все, что создал там Наполеон. Армия, стремительно нищающая. Армия, в которой солдаты рассказывали друг другу, как ловко начал Наполеон свое командование перед походом в Италию – с расстрелов интендантов. Эта армия не доверяла проворовавшейся Директории. Но и реставрации Бурбонов она тоже не хотела, поскольку представляла собой, в основном, крестьянскую массу, получившую землю и свободу от революции. Только родители и братья солдат маленько разжились на своей земле, и что – опять оброк и барщина? Нет уж!..

Был еще рабочий класс городских предместий. Этим прокормиться без земли в условиях слабенького капитализма было сложно. Они бунтовали, Директория их стреляла и вешала. Вряд ли они ее за это любили. Среди рабочего класса распространился лозунг: «Мы за такую власть, при которой едят!»

Наконец, существовал еще класс крупных провинциальных предпринимателей, например лионских владельцев ткацких и шелкопрядильных фабрик, которых очень обрадовало известие о завоевании Наполеоном Италии, поскольку эта страна была поставщиком шелка-сырца. Не успели обрадоваться, как из холодной России явился во главе своих орд злой супостат

Суворов и все пустил псу под хвост. А Директория только сопли жует, не может отвоевать Италию обратно! Где великий наш Наполеон?

Разумеется, в таких условиях подняли головы роялисты. Иные из них не стеснялись даже на улицах выкрикивать свои лозунги. В Вандее опять зашевелился «вечный махновец» Жорж Кадудаль. Вся страна покрылась паршой бандитизма. Банды по полсотни человек оседлали дороги и терроризировали проезжающих и местное население. По дорогам ошивались толпы дезертиров и уклонистов от армии. Которые тоже промышляли грабежами. В общем, Франция того времени напоминала постреволюционную Россию. Точнее, наоборот.

Наполеон представлял, что дело плохо, но не знал, что до такой степени. Вместе с Наполеоном из Египта прибыл мамелюк Рустам, присягнувший генералу на верность. Его иногда называют телохранителем Наполеона, но был он, скорее, слугой или даже просто забавной игрушкой. Живой мамелюк! Оригинально. Модно. И выглядит, как настоящий дикарь – с кинжалом, в тюрбане!.. Так вот, считавший себя верным слугой генерала простоватый Рустам утром по прибытии во Францию начал заряжать пистолеты, чтобы защищать своего хозяина от разбойников. «От бедуинов», как он выражался…

Наполеон махнул рукой:

– Не занимайся ерундой. Тут тебе не Аравия. Это цивилизованная страна, здесь нет разбойников.

После этого Бонапарт ускакал в Париж, а Рустам сопровождал карету с наполеоновским имуществом. По пути на карету напали разбойники и ограбили. Банда была большой, человек в сорок, поэтому Рустам ничего не мог поделать. Он хотел было пустить в ход оружие, но попутчики отговорили его, сказав, что жизнь важнее барахла.

Узнав об этом происшествии, Наполеон сначала рассмеялся:

– Ты все-таки нашел бедуинов во Франции!

А потом нахмурился, поняв, куда скатилась страна за время его непродолжительного отсутствия:

– Ничего, Рустам. Скоро я ликвидирую бандитизм. Словно почувствовав, что теперь у него начинается совсем другая жизнь, тридцатилетний Бонапарт отстригает свои длинные волосы. Больше у него нет стильной пиратской косы. Но, постригшись по парижской моде, Наполеон не следует моде в ином – не пудрит свои черные волосы. Он всегда отличался от других…

Глава 1 ДЕПУТАТЫ РАЗБЕГАЛИСЬ, СЛОВНО КРЫСЫ

Франция встретила Бонапарта как надежду. Весь его путь с юга страны до Парижа сопровождался сплошным триумфом. В малых городках и селах жители вываливали на улицы и забрасывали молодого генерала цветами. В Париже солдаты, узнав о скором приближении Бонапарта, без всякой команды вышли на улицы и прошли по столице под музыку, устроив импровизированный парад. Только одно имя, словно в исступлении, повторяла настрадавшаяся Франция. Наполеон.

Едва появившись в Париже, Наполеон почувствовал, что имеет поддержку не только у народа, но и у элит, которым давно опротивела импотентная, проворовавшаяся Директория. К Наполеону потянулись генералы и банкиры, промышленники и политики, министры и деятели культуры. Банкир Коло принес Наполеону полмиллиона франков – без всяких условий и без отдачи. Только возьми и делай, что должно!.. И это было только начало.

Мог ли в этих условиях Наполеон не стать руководителем Франции? Риторический вопрос. Другой фигуры подобного масштаба в стране просто не было. Он был единственным, кто мог и должен был сосредоточить нити управления в своих руках, чтобы спасти страну от катастрофы. Эти нити, эти вожжи люди сами несли ему и просили: возьми!

Пришел министр иностранных дел Талейран. Он был взяточник, предатель и пройдоха, но талантливый человек. Наполеон мог предположить, что когда-нибудь Талейран предаст и его, но не сейчас. Ибо сейчас Талейран с готовностью предавал Директорию – Наполеону.

Пришел министр внутренних дел Фуше. Не менее талантливый человек, чем Талейран. В условиях нарастающего хаоса он опасался восстановления Бурбонов, поскольку в этом случае его голова слетела бы с плеч одной из первых: бывший якобинец Фуше подписал смертный приговор королю Людовику и вообще сильно отличился в деле революции.

Страна на всех парах шла к перевороту под лозунгом «Генерал Бонапарт приехал из Египта, чтобы спасти республику». Страна нуждалась в Наполеоне и всячески это демонстрировала. И Наполеон не смог обмануть надежд своей страны. Волна событий мощно выносила его наверх. И вскоре вынесла.

Технически, если кому-то интересно, это было сделано так.

Все началось утром 9 ноября. К дому Наполеона стали стягиваться офицеры и генералы, которые свидетельствовали, что их части в полном его распоряжении. К обеду возле наполеоновского дома уже выстроились войсковые колонны.

Чего они ждали? Решений парламента.

В это время как раз шло заседание обеих палат, где должно было быть принято решение о переносе парламента из Парижа в местечко Сен-Клу. Потому что проводить операцию по разгону парламента удобнее не в Париже, а в менее людном месте. Подальше от глаз толпы, а то мало ли. Но как заставить депутатов проголосовать за свой переезд в деревню? Один из депутатов, работавший на Наполеона. Нет, неправильно. Один из депутатов, работавший на будущее Франции, выступает с трибуны и говорит о страшном заговоре роялистов. Ему верят, потому что страна бурлит, и заговор вполне возможен. Да мало ли их было, этих роялистских заговоров! И до восстания вон дело доходило, от которого Наполеон, кстати, и спас. Поэтому с трибуны поступает предложение перевести парламент в Сен-Клу, где его удобнее охранять от врагов войскам народного героя Наполеона.

Вопрос с парламентом решен. Остается исполнительная власть – Директория. Здесь вопросов еще меньше: два директора – сами участники заговора, их зовут Сийес и Роже-Дюко (запомните эти фамилии ровно на пять минут, чтобы потом забыть на всю жизнь). К «главному директору» – Баррасу приходит Талейран и кладет перед ним лист бумаги, убеждая во имя жизни отказаться от власти, ибо Баррас слишком непопулярен, а Наполеон как раз напротив. Баррас подписывает заявление, и это умный ход: он вылетает из политики, но не из жизни. Баррас переживет почти всех участников этой книги и умрет в старости в своем имении, дописывая мемуары о Великой Французской революции и своих подвигах в ней.

На следующий день депутаты переезжают в Сен-Клу, где и происходит главное действо. Позже Наполеон оценивал некоторые минуты этого дня как критические и сравнивал их по накалу с боем на Аркольском мосту.

Задачей депутатов было принять декреты, которые поручали бы Бонапарту написать новую Конституцию, и после этого разойтись. Несложно. Но многие депутаты, видя вокруг войска и не наблюдая народа, просекли фишку. И не захотели принимать нужные декреты. Депутаты – это такая горлопанистая публика, которая хороша на трибуне в стабильной для страны ситуации. Но когда страна в опасности, необходимо единоначалие, а не профессиональные болтуны, которые угробить страну могут, а

спасти – никогда, ибо у гидры парламента слишком много голов и мнений. Спорить головы могут до бесконечности. А нужно действовать.

Вот и в тот день депутаты в своей обычной манере кричали с трибуны, что Наполеон – узурпатор и его надо зарезать, как Цезаря, потому что резать цезарей – милое дело. Шел час за часом. Темнело, а власть Бонапарту горлопаны и не думали передавать.

Тогда Наполеон вышел для начала на трибуну верхней палаты и призвал к разуму депутатов, сказав, что исполнительной власти в стране сейчас нет, да фактически и раньше не было, что в стране кризис, что над страной снова висит угроза военной интервенции и что в этой ситуации не до болтовни. Однако вопли парламентариев прерывали речи генерала. И это была верхняя палата, где сидели солидные люди! А что же будет в нижней, где оставалось еще немало якобинских недобитков?

Перед тем, как войти в дверь нижней палаты, побледневший Наполеон вдруг обернулся к генералу Ожеро и спросил: «Помнишь Арколе?» Тот кивнул. После этого Бонапарт решительно распахнул дверь и пошел в зал. Едва завидев генерала, депутаты завопили: «Смерть тирану!» Полтора десятка депутатов бросились к тщедушному Наполеону, его начали душить, рвать воротник, кто-то ударил героя Франции кулаком в грудь, мелькнули кинжалы… Но убить Наполеона не успели: в зал ворвались рослые гренадеры, раскидали слуг народа в стороны и вывели Бонапарта из зала. А когда за ним закрылась дверь, рассвирепевшие депутаты начали голосовать, чтобы поставить генерала Бонапарта вне закона. Вот какие они были смелые!

Ситуация висела на волоске. Тогда Наполеон скомандовал «лучшему кавалеристу мира» – Мюрату, который никогда не блистал умом, но всегда отличался отчаянной храбростью и решительностью, и тот, почувствовав себя в своей стихии, начал действовать в привычной кавалерийской манере. Мюрат отдал солдатам предельно ясный приказ: «Выкиньте отсюда на хрен всю эту сволочь!» Загремели барабаны и под барабанную дробь солдаты с трехцветными кокардами вбежали в залы. Увидев солдат – эту плоть от плоти народной, – слуги народа перепугались и стали, как крысы, метаться по залу, прыгать в окна, и через несколько минут никого не осталось не только в зале, но и в окрестностях. Отважные депутаты, побросав кинжалы, разбежались по кустам и лесам.

…Жаль, что у Наполеона не было танков, как у Бориса Николаевича! Впрочем, и так все отлично получилось.

Операция прошла настолько успешно, что вскоре Наполеон спохватился: а как же решение, которое должны были принять депутаты? Тьфу ты черт!.. Он приказал солдатам наловить по кустам немного депутатов и доставить в парламент. Некоторое количество перепуганных народных избранников вскоре было поймано и приведено в зал, где Наполеон предложил этим храбрецам проголосовать за нужные решения, что они с большой готовностью и сделали, ибо не мыслили себя вне правильных решений для блага французского народа.

Депутаты проголосовали за самороспуск и передачу власти над страной Триумвирату – трем консулам, звали которых Бонапарт, Сийес и Роже-Дюко. Вот теперь последние две фамилии можете забыть, ибо незачем запоминать узоры на ширме.

Почему, кстати, такое название – «консул»? Потому что Наполеон был одержим римской историей и римским проектом. Он был воспитан на римской истории. А тот самый Паоли, который когда-то велел арестовать Наполеона на Корсике, так отзывался о Бонапарте: «Будьте с ним осторожны! Этот молодой человек скроен по античным лекалам!»

…В два часа ночи в Сен-Клу все было кончено, и три консула, включая первого, принесли присягу на верность французской республике. Жить республике оставалось недолго.

Я знаю, многие граждане доходят в своем скудоумии до того, что упрекают Наполеона в узурпации власти. Их плоскому мозгу представляется, что власть – это такая изысканная прелесть, которая хороша с любым гарниром. Но власть – это всего лишь инструмент. С тем же успехом можно сказать, что Наполеон узурпировал не власть, а проблемы.

Вся Франция была сплошной проблемой. Казна была практически пуста, золотовалютных запасов – ноль. По всей стране – разорванные коммуникации, бандитизм, в отдельных частях страны (Бретань, Вандея) идет гражданская война при активной поддержке англичан. И идет не в пользу республики: повстанцы захватили город Нант и нанесли республиканским войскам серию чувствительных поражений. В городских предместьях голод. Производство дышит на ладан. Но главное, все ожидают, что к весне на юг Франции должен вторгнуться душитель свободы крепостник Суворов со своими интервентами.

Вот что взвалил на себя Наполеон. И времени на решение проблем у него практически не было. Делать нужно было все одновременно и очень быстро, поскольку весной начнется война. За оставшиеся полгода надо не только привести в чувство армию – наладить снабжение, одеть, обуть и накормить обворованных интендантами солдат, которые месяцами не получали жалованья.

Надо ликвидировать бандитизм, восстановить вертикаль власти и заложить основы экономического роста, для чего, в свою очередь, принять кучу новых законов. Наполеон работал по 18 часов в сутки, хватаясь то за одно, то за другое.

…Пахал, как раб на галерах.

И еще потому нельзя обвинять Наполеона в узурпации власти, что перед самым Новым годом – 25 октября 1799 года – состоялся народный плебисцит, в котором 99 % французов однозначно проголосовали за новую конструкцию власти во главе с Бонапартом. Все ждали от первого консула самых решительных действий и прежде всего – ликвидации бандитизма. Потому что размах преступности был таким, что сделал непроезжими практически все дороги южной и центральной Франции. То есть, попросту говоря, убил экономику, поскольку экономика есть не что иное, как торговля, то есть перемещение товаров. Не редкими были случаи, когда банды среди бела дня нападали на деревни, захватывали жителей, многих селян пытали, поджаривая на кострах и требуя выдать ценности. Любопытно, что во главе многих шаек стояли священники, которые идеологически прикрывали свои действия святой борьбой за восстановление монархии Бурбонов. Естественно, в полицейском аппарате страны процветала жутчайшая коррупция.

Через полгода со всем этим было кончено. В смысле, никакого бандитизма во Франции больше не существовало. Страна вздохнула, опять превратившись в нормальное цивилизованное государство, где не страшно на дилижансе поехать из города в город. Как же Наполеону это удалось?

А очень просто: он не стеснялся «мочить в сортирах». Тем более что вся Франция в начале его правления представляла собой один сплошной сортир. Поэтому мочить было весьма удобно. Меры по восстановлению порядка были теми же самыми, которые Наполеон применял на юге Франции перед своим первым итальянским походом и в Каире, когда усмирял выступления туземцев, – расстрелы и казни. Хорошее средство, которое всегда работает.

Наполеон отдал приказ не брать бандитов в плен, чтобы не заморачиваться судебной процедурой. А кроме того, велел казнить всех, кто скупает у бандитов краденое, кто дает им ночлег, вступает с бандитами в какие-либо сношения. Плюс без всяких колебаний он расстреливал коррупционеров в местных отделениях полиции, которые были на подсосе у бандитов.

Параллельно Наполеон занимался подавлением гражданской войны. Это было осуществлено в несколько приемов… Почему многие банды возглавляли попы? По той же причине, по которой

толпы священников уехали из страны в эмиграцию сразу после революции: якобинцы попов терпеть не могли, разрушали церкви, убивали священников, вели оголтелую антирелигиозную пропаганду. Наполеон эту революционную риторику выключил, заявив, что не будет преследовать богослужения. И в страну тут же потянулись тысячи священников-эмигрантов. Эта мера сразу снизила накал борьбы в консервативной Вандее.

Вторым делом Наполеон усилил республиканскую армию. Третьим – пообещал амнистию всем, кто добровольно сложит оружие, и гарантированную смерть всем, кто оружия не сложит. В-четвертых, он посулил мятежным областям некоторые налоговые льготы. Это внесло в ряды мятежников раскол, они сразу призадумались: а стоит ли воевать за идеи, если можно нехило положить на карман, сэкономив на налогах? Что лучше – смерть или благоденствие? Вопрос, по-моему, очевиден. Только самые тупые фанатики не сложили оружие. Среди них был легендарный «французский Махно» – Жорж Кадудаль – предводитель крестьянской армии.

Наполеон решил лично встретиться с Кадудалем. Он пообещал ему полную безопасность во время пребывания в Париже и беспрепятственное возвращение в Вандею. Кадудаль, подумав, согласился.

Окружение Наполеона было чертовски обеспокоено: Наполеон был мал и худ, а Кадудаль – огромный мужик с ручищами, как лопаты. Он фанатик и давно сам себя считает покойником. А ну как накинется на Наполеона с голыми руками, ему же терять нечего! Однако не накинулся. Наполеон умел останавливать людей одним взглядом. Эта его способность нам известна из истории с лихим бретером Ожеро.

Наполеон предложил Кадудалю генеральскую должность и возможность воевать с внешними врагами Франции. Кадудаль отказался: ему больше нравилось убивать своих соотечественников, поскольку он был религиозный фанатик, преданный королю. Наполеон сдержал свое слово и отпустил Кадудаля. Предводитель вернулся в Вандею, но силы у него были уже не те: сторонники откололись, соблазненные амнистией, налоговыми льготами и религиозными послаблениями. Да и усиленная, сытая и обутая республиканская армия действовала против бандитов весьма успешно. Так что силенок у Кадудаля теперь стало хватать только на мелкие вылазки. К тому же его «коллега по работе» Фротте – другой крупный вождь мятежников – был наконец пойман и благополучно расстрелян.

После того как с бандформированиями было покончено. Нет, это неправильное построение фразы, потому что Наполеону

приходилось заниматься всем сразу, а не порознь. Поэтому правильнее будет сказать так: одновременно с ликвидацией бандитизма Наполеон провел информационную реформу. Он сам в свое время видел, с чего начинала разрушаться власть короля в стране, и понимал, что именно является порохом для революционных костров. Гласность. Свобода слова. Как только начинается болтовня, кончается порядок. А в ситуации воюющей страны свобода слова подобна разжижению мозга. Этого Наполеон допустить не мог, не затем он брал в руки инструмент власти, чтобы разрешить кому-то портить этот инструмент и расшатывать его власть в умах сограждан. Поэтому до Наполеона в Париже выходило 73 газеты. Наполеон оставил, в конечном итоге, четыре и все их передал под наблюдение полицейского департамента. Либо мы воюем, либо обсуждаем приказы командира.

Оставшиеся газеты, разумеется, хвалили Наполеона. Он терпел. Но порой, когда похвальба перехлестывала все разумные пределы, Наполеон (в отличие, от Сталина, например) делал странные поступки. За излишний елей в его адрес он однажды, рассвирепев, распорядился уволить редактора «Gazette de France»…

Немного отвлекаясь, скажу, что избыток почестей Наполеона откровенно раздражал. Когда он был уже императором, Наполеону представили эскизы новых итальянских монет с надписью «Наполеон хранит Италию!» На полях документа Бонапарт сделал следующую надпись: «Этот образец не годится: то, что хотят поставить вместо слов „Бог охраняет“ – неприлично». Примерно то же самое он писал и по другому случаю: «Я запрещаю вам сравнивать меня с Богом…»

А когда в 1811 году Наполеон проезжал через Голландию и Бельгию, ему пришлось довольно длительное время провести на различных демонстрациях и мероприятиях в его честь. Устав от помпы, Наполеон признавался: «Это ремесло каторжника! Я предпочел бы десять военных походов тому образу жизни, который веду уже месяц».

Был еще один примечательный случай. Наполеону хотели поставить статую. Собственно, она уже была готова к водружению на свое место, когда Наполеон узнал об этом. Император был в ярости. «Я никогда не позволю вам сделать это! – кричал он. – Это немыслимо! Что, я буду возводить статую самому себе?….»

Но в условиях несвободной прессы Наполеону нужно было организовать какой-то обходной информационный канал, который объективно информировал бы его о положении дел в стране и настроениях масс. И он сделал это. Первый консул

выбрал 12 человек самых разных политических убеждений – якобинцев, роялистов, республиканцев, сторонников имперской политики – и сделал их своими личными информаторами, определив каждому жалованье в размере 1000 франков в месяц. В задачу информаторов входил сбор мнений людей о ситуации в стране и высказывание своих собственных соображений о проводимых реформах. Эти отчеты Наполеон получал не через министерство внутренних дел и не через свою тайную полицию, а через почтовое ведомство. Точнее говоря, через главу национального почтового ведомства Лавалетта. Последний лично, не вскрывая, доставлял эти послания Наполеону. Наполеон все внимательно прочитывал, делал выписки, а затем сжигал, чтобы кто-нибудь, покопавшись в мусоре, не раскрыл его личную агентуру. Вся эта операция происходила в такой тайне, что ни один из министров не знал о ней. И даже Лавалетт представления не имел о том, что находится в доставляемых им пакетах.

Одновременно с наведением порядка на информационном поле Наполеон начал укреплять властную вертикаль. Он сохранил деление страны на департаменты, но отменил выборность на местах. Теперь префект каждого департамента назначался из столицы. Префект же, в свою очередь, назначал мэров городов и поселений, которых мог снять за плохую работу. Вся структура власти в стране была перемонтирована.

Одновременно нужно было реформировать погрязшую в коррупции судебную систему. И здесь есть один весьма любопытный момент. С одной стороны, во Франции у Наполеона была масса политических противников, как справа, так и слева. Причем и те и другие периодически совершали на Наполеона покушения. Порой эти покушения инспирировались из-за границы. И здесь Наполеону нужна была возможность быстрых политических расправ.

С другой стороны, развитая экономика не может существовать без честного правосудия. Поэтому от судейского корпуса Наполеон требовал в гражданских процессах строжайшего соблюдения закона. Когда перед ним предстали представители первой волны новых судей, пришедших на смену старым, Наполеон заявил им: «Никогда не рассматривайте, к какой партии принадлежал человек, который ищет у вас справедливости».

Но что делать с политическими преступниками? Да и с экономическими тоже? Армия без сапог, а на виду у всей страны ходят олигархи, за пару лет нажившие из воздуха сотни миллионов. По закону прищучить их нельзя. Наиболее громким и

известным из этой братии был некий банкир Уврар, сколотивший состояние на разворовывании армейских поставок. По бумагам у него все было чисто, но откуда такие бабки на личных счетах Уврара? И где казенные деньги?..

Уврар был посажен в тюрьму. Без всякого басманного правосудия. Посидев там достаточное для осознания своих ошибок время, банкир-казнокрад вернул государству все украденное. После первого удачного опыта этот способ был применен к разным казнокрадам еще не один раз. Как отмечает Тарле, Наполеон «сажал финансиста в тюрьму, когда была уверенность в совершенном им мошенничестве, независимо от того, успел или не успел тот ловко замести следы, и держал его, пока тот не соглашался выпустить свою добычу».

Поскольку память на цифры у него была феноменальная, Наполеон лично стал проверять самые крупные счета государственных расходов, и если цифра казалась ему завышенной, задерживал выплаты до выяснения.

Одновременно со всем вышеперечисленным Наполеон приступил к реорганизации убитой финансовой системы. Обладая прекрасным чутьем на таланты, он нашел парня по фамилии Годэн, которого сделал министром финансов. Посовещавшись, Годэн с Наполеоном решили перетряхнуть всю налоговую систему страны, заменив прямые налоги косвенными (нам они знакомы – НДС). Это был чисто психологический трюк. Когда в цену товара включается налог, это не так сильно нервирует обывателя, как вид налогового инспектора, приходящего к человеку отнимать живые деньги. Да и взимаются косвенные налоги автоматически. К тому же устанавливается плоская шкала налогов – и богатый, и бедный платят в казну одинаковую сумму, покупая тот или иной товар. Прелесть!

Одновременно Наполеон занимается своим любимым делом – строительством. Он велит снести все ларьки, загромождающие двор в Тюильри и закрывающие вид на набережную Орсе, велит набережную продлить и решает транспортную проблему Парижа – между Лувром и Колледжем четырех наций закладывает новый мост, который получает название Мост искусств, чтобы людям в этом месте через Сену шлюпками не переправляться. Для Биржи строится новый дворец, восстанавливается сгоревший при прежней власти хлебный рынок. Реставрируется церковь Дома Инвалидов. Наполеон планирует прорубить через трухлявый район Парижа новый широкий проспект до Сен-Жермена.

Жизнь начинает меняться к лучшему, меняется и дух нации. Нация понимает, что не ошиблась, отдав свои голоса Наполеону. Дезертиры перестают бегать от армии, напротив, закон о

всеобщей воинской обязанности исполняется неукоснительно и даже с воодушевлением. Потому что такое хорошее отечество в опасности!..

Вся эта колоссальная работа была сделана Наполеоном всего за полгода, и уже весной 1800 года – последнего года XVIII века – Наполеон, оставив своим министрам прекрасно отлаженную государственную машину, отправляется воевать с коалицией европейских стран, угрожающих Франции.

Он не хотел воевать.

Глава 2 ПОБЕДА ЦВЕТА МАРЕНГО

Он воевать не хотел.

У Наполеона было слишком много дел во Франции, где только-только все начало налаживаться, чтобы лезть в Европу и громить там коалиционеров. Поэтому одновременно со всеми преобразованиями, которые он творил внутри страны, Наполеон сделал еще одно дело – на сей раз во внешней политике. Став первым консулом, он от лица Франции предложил Англии и ее союзникам мир.

Но Англии мир не был нужен. Англии была нужна война. В ответ на протянутую руку Наполеона король Англии Георг III заявил, что, если Франция хочет мира, пусть восстановит на троне Бурбонов. Это наглое заявление, которое было не чем иным, как грубым вмешательством во внутренние дела Франции, разумеется, осталось без ответа.

В глазах Европы Наполеон оставался – и не без оснований – наследником дела революции. И потому успокоиться она не могла, опасаясь дурного примера для своих народов и желая этот пример задавить. Наполеону пришлось принять вызов и обнажить шпагу.

В Париж пришла весна 1800 года, которую ждали с тревогой, потому что весна эта сулила войну. И война началась. Хорошо еще, что из антифранцузской коалиции выпала Россия! Случилось это так.

Пока во Франции творились все описанные мною выше революционные дела, в России умерла Екатерина II и на трон сел император Павел. Сначала русский царь по инерции и с большим рвением продолжил дело Екатерины. Его борьба с революционной заразой порой доходила до смешного. 8 ноября 1796 года в России было запрещено ношение круглых шляп, отложных воротников, жилетов, сапог с отворотами, завязок на башмаках и прочей французской моды. По столице были пущены драгуны, которые срывали с прохожих шляпы, срезали отложные воротники, портили прочую «революционную одежду». Несколько офицеров было арестовано за то, что косички их париков были короче уставных и тем самым могли намекнуть на неповиновение. Были запрещены к употреблению слова, напоминающие о революции: «гражданин», «отечество», «общество», «представители»… Однажды Павел даже выгнал из своей кареты статс-секретаря, когда тот, забывшись, произнес одно из запретных слов. Короче говоря, русский император был горячим сторонником антифранцузской коалиции и войны

против Франции.

Но потом все волшебным образом поменялось. Павел сообразил: а на кой ляд России воевать за английский интерес? России вообще нет никакого смысла вмешиваться во всю эту европейскую свару. Зачем ей сажать Бурбонов на французский трон? Поэтому Павел отозвал крепостника Суворова домой, а весной 1800 года генералиссимус умер, так и не осуществив своих замыслов – пройтись победным маршем по маршруту Гренобль—Лион—Париж и задушить французскую революцию.

Кстати говоря, подтолкнул Павла к этому правильному решению Наполеон. Получив от Англии жесткое «нет» в ответ на предложение мира, Наполеон повернулся в сторону России. Зная рыцарский характер нового русского царя, Наполеон собрал захваченных в Голландии и Швейцарии русских пленных (об этом мы уже говорили), за счет французской казны одел их в новую русскую форму, выдал деньги на дорогу и отправил на родину. Без всяких условий. Без выкупа.

Павел был настолько тронут этим благородным поступком, что немедленно отозвал все русские войска из Европы. Поняв, что пушечное русское мясо может выйти из войны, «благородные» англичане начали проводить в России ту же самую работу, которую они проводили во Франции – ее целью было убийство первого лица в государстве. Только если во Франции несколько попыток покушения на Наполеона сорвались, то в Петербурге англичанам заговор удался: Павел I был убит, и на троне воцарился бесталанный, беспринципный, но не в меру амбициозный Александр I. Впрочем, не будем забегать вперед.

А пока, 17 марта 1800 года, во время обсуждения мирного вопроса по устройству дипломатических школ при министерстве иностранных дел Франции, Наполеон внезапно прерывается, поворачивается к своему секретарю и весело спрашивает:

– А знаете, где я разгромлю австрийцев?

– Где?

– Тащите карту Италии!

Самая большая карта Апеннинского полуострова была разложена на столе, и Наполеон, вооружившись булавками с разноцветными головками, начал накалывать на нее план своей будущей победы. Командовал войсками антифранцузской коалиции в Италии генерал Мелас. Его войска Наполеон отмечает черными булавочками, свои войска – красными. Вскоре карта напоминает ежика.

– Вот, – показывает результат своих трудов довольный Наполеон.

– Яснее не стало, – говорит секретарь, тупо глядя на карту,

усеянную булавками с черными и красными головками.

– Вы глупец! – веселится Наполеон. – Смотрите, Мелас находится здесь, тут у него штаб-квартира, все склады, госпитали, резервы и артиллерия. Я перехожу Альпы по перевалу Сен-Бернар, бью по тылам, отрезаю Меласа от Австрии, догоняю на равнине Скривии и здесь разбиваю начисто. Вот в этом месте!

Так все и случилось. Место, куда ткнул палец Наполеона, называлось Маренго. Сейчас оно известно всему миру; в разных музеях Европы висят картины, изображающие битву при Маренго. Эта битва сыграла в судьбе Европы немалую роль.

Тут надо прояснить любимому читателю одну вещь. Наполеон обладал удивительной особенностью: делая разные дела, он мог параллельно напряженно думать о чем-то другом. Причем держал проблему в голове довольно долго, то отодвигая, то приближая ее, но никогда полностью не упуская из виду. Пока вдруг не всплывало решение. Вот как в этот раз…

В мае Бонапарт двинулся навстречу неприятелю, перешел через Сен-Бернар. Взял Брешию, Крекмону, Павию, Пьяченцу. Отрезал Меласа от Австрии. И возле деревушки Маренго встретился с главными силами генерала. У Меласа было в полтора раза больше людей, чем у Наполеона. А пушек у австрийцев было в семь (!) раз больше, чем у французов. По всем раскладам французы должны были проиграть. И проиграли бы, если бы у них не было Наполеона.

Битва была очень тяжелой. И на эту битву с замиранием сердца смотрел весь цивилизованный мир. Во Франции поражения Наполеона ждали затаившиеся роялисты, которым за предыдущие полгода Наполеон изрядно настучал по рогам. Они знали, что вся Франция сейчас держится исключительно на воле одного человека. И как только этот невысокий человек будет повержен превосходящими силами австрийцев, состоится высадка английского десанта в Вандее. Кадудаль в те дни считал восстановление монархии во Франции делом практически решенным. Собственно говоря, и его банды, и англичане ждали только сигнала для выступления. Гады Бурбоны уже паковали чемоданы. Сигналом к общему выступлению должно было послужить известие о гибели Наполеона и его армии в Италии.

Трусоватые нейтральные страны Европы тоже ждали поражения Бонапарта при Маренго, чтобы на следующий же день присоединиться к антифранцузской коалиции.

Битва была настолько тяжелой, что французы – все, кроме одного человека, – считали ее проигранной. А австрийские гонцы, посланные Меласом в Вену, сообщили австрийскому двору о блистательной победе над Наполеоном. Австрийский двор в

полном составе пустился в пляс и захлопал шампанским. И только Наполеон сохранял уверенность и спокойствие, когда его солдат теснили австрийцы, а австрийские пушки косили французские ряды. Утешая своих пригорюнившихся штабистов, он ходил по штабной палатке и, как заклинание, повторял: «Битва еще не проиграна. Битва еще не проиграна».

На что он рассчитывал? Он ждал подхода дивизии генерала Дезе. И дождался. Дезе, зная, что положение отчаянное, поспешал изо всех сил и ударил с ходу. Не ожидавшие такой напасти, австрийцы дрогнули и побежали.

Вы только представьте себе ликующий, танцующий, хлопающий и смеющийся австрийский двор, в который врывается запыленный гонец с пренеприятнейшим известием: вышла небольшая ошибка, мы не блистательно выиграли битву при Маренго, а совершенно ужасно, просто катастрофически ее продули. А вместе с ней и всю Италию!

Генерал Дезе погиб во время атаки. И Наполеон после битвы, сжав зубы, сказал: «Как жаль, что мне не позволено плакать!» И все-таки заплакал… Вообще Наполеон плакал всего несколько раз в жизни: когда убили Дезе; когда через несколько лет он держал на руках истекающего кровью своего самого талантливого маршала – Ланна, которому ядром оторвало обе ноги. И еще один раз, о котором я расскажу позже. Этот третий раз не был связан с войной.

В общем, Наполеон снова завоевал Италию.

Надо ли описывать радость Парижа? Плакали и смеялись все: банкиры и казнокрады, военные и чиновники, богачи и полуголодные бедняки из рабочих предместий. Не радовались только роялисты и якобинцы. Ну и черт с ними!..

Антифранцузской коалиции пришлось заключать мир. Но на каких условиях? Дело в том, что Наполеон был гениальным не только полководцем, но и дипломатом. С помощью военной победы он обеспечил себе выгодные условия подписания мира с Австрией, отобрав у нее все, что только можно было. А с помощью дипломатической победы Наполеон сделал Россию своей союзницей, расположив к себе Павла. И для Европы это было страшнее всего. Дело в том, что, подружившись, эти два монстра – Россия и Франция – были бы полными хозяевами в Европе и могли делать там все, что угодно! Для Англии это означало, во-первых, угрозу Индии, которой могла через Среднюю Азию грозить союзница Франции Россия (Наполеон никогда не оставлял идею захвата Индии как главного сокровища британской короны). А во-вторых, это означало опасность полного закрытия континентального рынка для английских

товаров. Именно поэтому Англия вкладывала деньги и в убийство Павла, и в убийство Наполеона, и в то, чтобы натравить Европу на Францию.

И тут надо рассказать публике, что же, собственно говоря, не поделили Франция с Англией, почему они враги по жизни. Это важно.

Поскольку английская революция случилась задолго до французской и капитализм начал развиваться в Англии раньше, чем во Франции, Британия поимела существенные преимущества в буржуазном развитии, и терять своего монопольного положения совершенно не хотела. Английский текстиль и продукция английской металлургической промышленности захватили французский рынок еще при Людовике, само существование которого сдерживало развитие французского капитализма. Поэтому, как только французы сковырнули Людовика, и Конвент, и Директория сразу же стали проводить меры по защите внутреннего рынка, то есть всячески сдерживали проникновение английских товаров в страну. Эти заградительные меры приветствовались молодой и слабой французской буржуазией, а английские промышленники и торговцы терпели убытки и давили на свое правительство, чтобы оно вновь вернуло на трон Бурбонов, при которых англичанам так вольготно жилось во Франции.

Много лет английский кабинет вкладывал деньги в войну. Ничего не помогало, был лишь один крупный успех – убийство русского царя Павла. Это случилось после серии неудавшихся покушений на Наполеона. И когда Бонапарт узнал, что в Петербурге убит Павел, он горько воскликнул: «Англичане промахнулись по мне в Париже, но попали по мне в Петербурге!» Удар был воистину страшен: Наполеон очень рассчитывал на Россию. Поскольку делить им было абсолютно нечего, Россия могла бы стать самым верным союзником Франции. И наоборот.

Сейчас в некоторых книгах можно прочесть сказки о том, какой глупый был император Павел: начал дружить с Наполеоном, а своих «традиционных партнеров» – англичан похерил. Пишут также, что Англия как торговый партнер была для России выгоднее, чем Франция. Действительно, Россия служила Англии сырьевым придатком. Только в то время она продавала не нефть, а пшеницу, пеньку, лен, лес. Англия – великая морская держава, у нее много кораблей, которым требуется уйма канатов, веревок, дерева.

Будущий декабрист Фонвизин писал: «Разрыв с Англией наносил неизъяснимый вред нашей заграничной торговле… Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние

дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу… Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей». Действительно, российская олигархия, наживавшаяся на продаже сырья, скрипела зубами после того как Павел переориентировался с Англии на Францию, заключил союз с Наполеоном и ввел на торговлю с Англией драконовские пошлины и таможенные тарифы. Не зря же главными заговорщиками, активно подталкиваемыми английским посольством, были те люди, которые наживали огромные бабки на поставках в Англию. В заговоре против Павла участвовал, например, состоявший на русской службе адмирал Хосе де Рибас – управляющий Лесным департаментом и взяточник… Заговорщиком был и граф Пьер фон Пален, выращивавший пшеницу и коноплю в промышленных масштабах. Заговорщиком был крупный латифундист граф Панин. Косвенно в заговоре, пока не помер, участвовал даже фельдмаршал и крепостник Суворов.

А кому первому доложили заговорщики после того как убили государя Павла? Заказчику и спонсору – английскому послу. После убийства великий российский зодчий итальянского происхождения по фамилии Росси как человек, имеющий некоторое отношение к искусству, загримировал изуродованный труп царя. Сынок покойного Александр на голубом глазу заявил, что «папенька скончался от апоплексического удара», и тут же переориентировал торговлю с Франции на Англию. Российская олигархия торжествовала. Англия тоже.

А если бы не убили? Что сулила России ориентация на Францию?.. И почему вообще главным торговым партнером России была очень далекая от нее Англия? Тому было две причины. Первая: торговый флот островной Англии был самым развитым. Причем с конкурентами «благородные» англичане боролись отнюдь не джентльменскими методами: Англия была царицей морей еще и потому, что во всех морях-океанах вовсю кишели пираты, которым британская корона покровительствовала. Они считались как бы на службе британской короны, поэтому грабили все суда, кроме тех, что несли английский флаг.

Вторая причина: случившаяся в Англии социальная революция, подстегнувшая революцию промышленную, дала стране фору. Англия была на тот момент самым развитым государством, поэтому русский лес шел на постройку английских кораблей, русский лен – на английские ткацкие станки, русская пшеница – в английские желудки. (Сама себя промышленно развитая Англия едой уже не обеспечивала. Невыгодно ей было у себя еду производить, дешевле купить.)

Но во Франции тоже приключилась капиталистическая революция! К тому же страну возглавил самый эффективный менеджер всех времен и народов, главной целью которого стало развитие национального бизнеса. Союз с Францией, возможно, был невыгоден сиюминутно, но открывал перед Россией блестящие перспективы в будущем – он открывал для нее всю Европу (которая вскоре практически вся окажется под пятой Наполеона и де-факто превратится в единообразно управляемое пространство с общими мерами длин, весов, объемов, а в перспективе и единой валютой – рай для бизнеса!).

Конечно, флот Франции и ее промышленность были слабее английских и не могли пока что переварить столько пеньки, конопли и дерева, сколько могли продать русские. Но если немного подождать, сработать на будущее. К тому же не надо забывать о политических перспективах: у Наполеона и Павла была договоренность о совместном походе в Индию. И не просто договоренность! Начались уже конкретные действия – Павел снарядил в Индию казачий корпус атамана Платова, а Наполеон активно создавал на Ближнем Востоке «аэродром подскока» – базы, склады, резидентуру… Если бы поход в Индию состоялся и был возглавлен Наполеоном, результат у меня лично никаких сомнений не вызывает – жемчужина Британской короны быстро сменила бы владельца. Англии был бы нанесен такой удар, от которого она оправилась бы не скоро!

«Если бы Павел был жив, – говорил Наполеон на острове Святой Елены своему врачу-англичанину, – к настоящему времени вы бы уже потеряли Индию».

Но Павел был убит. Вторая часть клещей, в которые Наполеон мог бы взять Европу, исчезла. И я понимаю переживания первого консула. И его чувства к Англии. И все-таки он предложил Англии мир еще раз, уже после Маренго.

Англия задумалась.

Наполеон, разгромивший австрийцев под Маренго и вернувшийся в Париж, продолжил заниматься внутренними делами. В том числе очисткой политического пространства от внутренних врагов, которые были двух сортов и находились по обеим сторонам политического спектра – роялисты и якобинцы. Якобинцы были отрыжкой революции. Наполеон не мог забыть, как летели в корзины головы лучших ученых Франции, и полагал, что якобинцы – гораздо большая угроза для страны, нежели роялисты.

Якобинцев он ненавидел. Когда Наполеона назначили командиром Египетской армии, что узнал он, едва приехав в Тулон? Что якобинский террор, которому в Париже положила

конец Директория, в провинции все еще проявляет себя: накануне его приезда в городе состоялись казни «контрреволюционеров». Узнав, кто был казнен, Наполеон пишет в военную комиссию следующее письмо (обратите внимание на подпись):

«Граждане! Я с величайшей болью узнал о расстреле семидесяти-восьмидесяти стариков, беременных женщин и женщин с малолетними детьми, обвиняемых в намерении эмигрировать.

Неужели солдаты сделались палачами?

Неужели жалость, которую доносили они до самой гущи сражений, умерла в их сердцах?

Закон 19 фрюктидора являлся мерой общественного спасения: его целью было уничтожение заговорщиков, а не несчастных женщин и дряхлых стариков. Я призываю вас, граждане, всякий раз, когда закон представит на ваш суд стариков старше шестидесяти лет или женщин, вспоминать, что даже среди битв вы дарили пощаду старикам и женщинам ваших врагов.

Воин, выносящий приговор лицу, неспособному носить оружие, – трус!

Бонапарт, член Национального института».

Европа вообще и русский двор в частности считали Наполеона продолжением французской революции. А он не был революционером! Революционерами были те, кто во время террора казнил сотнями стариков, женщин и детей. А член Национального института Наполеон был нормальный буржуа, семейный человек с благородным сердцем и естественными человеческими ценностями – любовью к деньгам и семье. Он взял от революции все лучшее, с ненавистью перечеркнув худшее, и на этом вопрос с революцией закрыл.

Поэтому к роялистам он относился более терпимо, чем к якобинцам. Роялистам нужен король? Вот он – Наполеон – практически король! Чего еще надо?.. Возврата старых феодальных порядков? Не дождетесь! Они тормозят бизнес. Это понимал не только он. Подавляющее большинство французов, нюхнувших экономической свободы, были против роялистов и не хотели старых порядков.

Забавный момент. После того как Наполеон стал практически единоличным властителем Франции, к нему обратился с письмом один из Бурбонов, находившийся в Англии. В этом письме претендент на французский трон предлагал Наполеону добровольно передать власть ему, Бурбону, а взамен испросить себе любую должность. Парень был явно неадекватен, и чтобы прояснить оторвавшемуся от родины эмигранту настроения во

Франции, Наполеон ответил так: «Вы не должны желать возвращения во Францию: для этого вам пришлось бы шагать по сотням тысяч трупов. Принесите свои интересы в жертву покою и счастью Франции. История вам это зачтет…»

Роялистов Наполеон полагал социально близкими и потому делал все, чтобы примириться с ними. Он объявил амнистию эмигрантам. А когда многие из них вернулись, некоторым даже возвратил те земли, которые не были распроданы во время революции. Наполеоновская администрация охотно брала на работу бывших роялистов.

Но именно роялисты на английские деньги произвели одно из самых известных и самых ужасных покушений на первого консула. Вот как рассказывал об этом покушении сам Наполеон: «Это случилось в разгар рождественских праздников… В течение всего дня я был очень занят, и вечером чувствовал себя уставшим. Я прилег на диван в одной из комнат и вскоре заснул. Вскоре ко мне спустилась Жозефина и, разбудив, стала настаивать, чтобы я поехал в театр. Она была прекрасной женщиной и уговаривала меня делать все, чтобы я снискал расположение людей. (Ох уж этот PR! – *А. Н)* Ну ладно, я встал с дивана вопреки моему желанию и отправился в карету. Я чувствовал себя настолько сонным, что заснул в карете. Я спал, когда раздался взрыв и, проснувшись, пребывал в таком состоянии, словно карета оторвалась от земли и пробивается сквозь массу воды».

Взрыв был такой чудовищной силы, что несколько домов были частично разрушены, вся улица покрылась трупами. Карета Наполеона была сильно повреждена и, если бы взрыв раздался на две секунды раньше, он был бы убит, как десятки людей вокруг. Однако карета осталась на ходу и даже смогла доставить первого консула в театр. Он вошел в свою ложу совершенно спокойно, будто ничего не случилось.

А министр полиции Фуше сразу же начал активное расследование. Выяснилось, что заговорщики использовали для взрыва водовозную повозку и бочку, набив ее порохом. Полицейские агенты собрали все остатки адской машины, какие только смогли найти в этом кровавом хаосе, и отдали на экспертизу. В качестве экспертов и свидетелей выступили высококвалифицированные ремесленники Парижа. Некоторые из них опознали детали и заявили, что совсем недавно выполняли заказ на изготовление этих непонятных деталей, не зная их предназначения. Они описали заказчиков, по их описанию был составлен «фоторобот», а проще говоря, рисунки подозреваемых. Причем судя по акценту незнакомцы были выходцами из Южной Бретани. Это уже намекало на роялистов, позиции которых в

Бретани и Вандее были традиционно сильны. Но Наполеон все еще полагал, что это покушение устроили революционеры (якобинцы), а не контрреволюционеры (роялисты). И у него были основания так думать: несколько предыдущих покушений на его жизнь, предотвращенных полицией, были делом рук именно якобинцев.

Что же спасло Наполеона на сей раз? Почему взрыв раздался чуть позже запланированного? Это просто анекдот!.. Дело в том, что эскорт Наполеона состоял из двух карет, окруженных всадниками. Кареты были похожи друг на друга, и террористы не знали, в какой из них едет Наполеон и едет ли вообще. Лучшей защитой Наполеона от покушений была его непредсказуемость. О которой он сам говорил так: «Никто не знал, что я намерен делать или куда я направляюсь за пять минут до того, как я собирался это сделать». Вот и в тот день Наполеон вполне мог не поехать в театр. Поэтому один из заговорщиков на повороте, где кареты замедлили ход, подошел к первой из них и, заглянув внутрь, увидел спящего Наполеона. В ту же секунду к нему подскакал один из охранников – здоровенный высокий парень – и пинком под зад отбросил любопытствующего от кареты. Террорист упал и на несколько секунд растерялся от неожиданности. Но потом вскочил и бросился к адской машине, после чего привел ее в действие.

Это было первое обстоятельство, спасшее Наполеона. А о втором сам Бонапарт, уже будучи на острове Святой Елены, рассказывал так: «Возможно, мой кучер также мог быть причастен к моему спасению: он неистово погнал лошадей, так как был пьян, и в этот момент ему было море по колено. Он вообще… решил, что взрыв – это салют в честь моего визита в театр».

Вскоре полиция разыскала дом, в котором изготавливали адскую машину, там была найдена мерка со следами пороха, с помощью которой наполняли бочку. Хозяин дома подтвердил, что двое мужиков из Южной Бретани снимали у него жилье. А наутро в день покушения уехали на водовозной бочке. По всему Парижу были распространены рисунки подозреваемых, и вскоре они были пойманы. Выяснилось, что Наполеон в своих подозрениях ошибался – на сей раз покушение было организовано не якобинцами, а роялистами.

Это было не последнее покушение на Бонапарта. Однако судьба хранила его. Зачем-то он нужен был провидению, и потому не ушел из истории, пока не выполнил свою великую задачу.

Несмотря на то что полиция Фуше зачищала страну от непримиримых революционных огрызков по обеим сторонам политического спектра, несмотря на то что последнее, самое

страшное покушение, подготовку которого полиция прошляпила, организовали роялисты, Наполеон не свернул составление списков тех эмигрантов-роялистов, которым разрешалось вернуться во Францию. Десятки тысяч людей вернулись на родину и стали служить новой власти.

Тем временем закончились переговоры о мире с Австрией. Это был очень выгодный для Франции мир, от которого Австрия горько плакала, поскольку теряла Бельгию, Люксембург, все германские владения на левом берегу Рейна, Швейцарию, Голландию, почти всю Италию. Никто Австрию не утешал: сама виновата. Соблюдала бы нейтралитет, осталась бы при своих. Так нет, надо было влезать (по наущению Англии) в антифранцузскую коалицию!

Таким образом, в состоянии войны с Францией осталась одна Англия. Именно тогда Наполеон и предложил ей мир. Именно тогда Англия призадумалась. Там шли свои сложные процессы.

Британская корона истратила уже уйму денег, оружия, различных материальных припасов, финансируя проект «Бурбонов – во Францию!» Английские деньги рекой текли в Пруссию, Австрию, Пьемонт, Неаполь, Россию, во Францию роялистам и шуанам… На одно только покушение на императора Павла английский бюджет истратил около миллиона фунтов стерлингов. Только этот миллион и сработал. А остальные бабки – как в пропасть ухнули. Стало даже хуже! Раньше для английских товаров были открыты Бельгия, Голландия и все прочее, теперь доставшееся Наполеону. Изрядный кусок рынка из английских зубов был выдернут.

Не пора ли замириться?

В Англии сложилось две группировки. Против примирения были промышленники, ориентированные на еврозону, и те круги, которые наживались на французских колониях. Дело в том, что под шумок, пока у европейского соседа гремела революция и ему было не до того, Англия отобрала у Франции почти все колонии. И если теперь подписывать с Францией мир, их придется вернуть.

За примирение выступали торговцы, которым война мешала торговать. Нет людей более миролюбивых, чем торгаши! Они в тот раз в Англии и победили. Англия согласилась на мир.

Мир был подписан в городке Амьене. По этому договору Англии пришлось вернуть практически все украденные ею колонии не только Франции, но и ее нынешнему вассалу – Голландии. При этом французский рынок все равно остался закрытым для английских товаров, поскольку Наполеон считал нужным помочь развиться собственной, пока еще слабой французской промышленности.

Какая же была выгода Англии от такого мира? Была некоторая. Во-первых, уже можно не тратить миллионы на разные авантюры. Во-вторых, не опасаться Наполеона, который, получив в свое распоряжение голландский порт Антверпен, мог отсюда угрожать высадкой в Англии. Сам Наполеон называл Антверпен «пистолетом, направленным в английскую грудь». В общем, Англия получила спокойствие.

Так закончилась долгая война, и воцарился недолгий мир. Он длился всего два года. Но эти два мирных года были главными годами в жизни Наполеона, за которые он успел заложить под Францию столь мощный фундамент, что Франция стоит на нем и по сей день.

Глава 3 СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Здесь я прерву плавное течение экономико-военно-политической струи своего повествования и обращусь к личности Наполеона, а не к его деяниям. Потому что иногда Наполеона сравнивают с Гитлером и Сталиным по чисто внешнему, поверхностному признаку – полноте власти. Мол, все трое были диктаторы, и потому одним миром мазаны… Но это все равно что сказать: Чикатило и Песталоцци – одно и то же, потому что оба педагоги.

Немного о личностных качествах товарища Сталина – хамоватого восточного деспота и беспредельного садиста-параноика я писал в книге «Бей первым!». О Гитлере гражданам и без меня все известно. Поэтому переходим к Наполеону, благородство души которого не идет ни в какое сравнение с вышеперечисленными диктаторами и педагогами.

Еще одна причина прерывания плавного повествования состоит в том, что в общественной жизни нашего героя мы добрались уже до 1801 года, а личную упустили практически всю. Придется наверстывать. Возвращаемся в прошлое.

В голодное, худое, длинноволосое прошлое, в котором главной проблемой Наполеона было не как поднять Францию, а где бы найти кусок хлеба. Перенесемся в те годы, когда тощие ноги сублейтенанта Бонапарта торчали из огромных ботинок, как пестики из ступок.

Мы помним – Наполеон из многодетной корсиканской семьи. И этим все сказано. Южный темперамент… Любовь к близким… Настроенность на семью… Когда в 1794 году женился его брат Жозеф, Наполеон воскликнул: «Какой счастливчик этот шельмец Жозеф!»

Он с юности очень хотел жениться. Но все как-то не получалось. Мешала бедность. Между прочим, Наполеон ухаживал за младшей сестрой новоиспеченной жены Жозефа. Но ее состоятельный отец Наполеону отказал, заявив, что «одного нищего корсиканца в его семье более чем достаточно». Ах, как этот папашка, должно быть, кусал локти всего через несколько лет!..

Однако тогда юный Наполеон очень переживал этот отказ. Опять бедность подставила ему ножку! И такое случалось потом не раз и не два. Никому не нужен был нищий офицер в худой шинели.

Чтобы понять отношение Наполеона к женщинам, нужно знать следующее. По своей ментальной конструкции Наполеон

был практически идеальным мужем и отцом: он любил детей и жен. Удивительно благодарный в этом смысле человек – какая бы женщина ни ответила ему благосклонностью, он сразу включался и совершенно искренне начинал любить ее, изливая на нее бездонные океаны нерастраченной нежности (а когда ему было их растрачивать в постоянных походах и работе?). Он был хорошим мужем, обожал играть с детьми… Да, собственно говоря, по тому, как он заботился о своих братьях и сестрах, как голодал сам, помогая матери вырастить их, как практически заменил им отца, можно сделать выводы о том, насколько он был «заточен» на самое обычное, пошлое семейное счастье. И семейный уют. Это был человек, с которым любая баба прожила бы жизнь, как за каменной стеной, в атмосфере любви, заботы и нежности.

А Жозефина была сукой…

Она была совершенно недостойна того приза, который выбросила ей судьба. Поначалу. И только ближе к концу жизни Жозефина наконец поняла, *что именно* досталось ей в брачной лотерее. Но было уже поздно.

Впрочем, по порядку… Дамы начали обращать маломальское внимание на Наполеона лишь после того, как он расстрелял из пушек мятеж роялистов и вознесся до командующего парижским гарнизоном, приблизился к самому Баррасу, стал вхож в светские салоны. А буквально за несколько дней до этого знаменательного события Наполеон – скромный служащий топографического отдела в военном ведомстве – пытался выбить себе отрез сукна с армейского склада, чтобы пошить новую форму, потому как уже несколько лет ходил в прожженной под Тулоном шинели и потертом мундире. И ему отказали!

Чтобы добиться выделения сукна, Наполеон, по совету приятелей, предпринимает целую операцию! Несмотря на жуткое состояние своего мундира, длинноволосый, худой и бледный от недоедания корсиканец идет на светский раут, чтобы развлечь там некую госпожу Тальен. Она может замолвить словечко знакомым в военном ведомстве, и Наполеону выделят со склада отрез сукна.

Видимо, это был самый непрезентабельный гость в салоне. Самый бедный и жалкий. Но зато, обладая незаурядным чувством юмора, Наполеон весь вечер развлекал госпожу Тальен, взялся даже погадать ей по руке, наговорив при этом кучу смешных глупостей. Именно на этом светском рауте Наполеон впервые увидел Жозефину Марию-Розу де Богарне. И наверняка даже был ей представлен. Но не обратил на нее никакого внимания, потому что перед ним стояла совсем другая задача – во что бы то ни стало получить сукно! Да и мадам Богарне вряд ли обратила

внимание на незаметную фигуру. Тем более что она была старше Наполеона на пять лет и слыла светской львицей, а Наполеон, в силу дурного вида своей одежды, старался светские рауты не посещать. Да и не приглашали его особенно.

Впрочем, говоря по чести, Жозефина Мария-Роза де Богарне по своему социальному статусу не слишком далеко ушла от неизвестного офицерика. Да, у нее имелись кое-какие деньги, но она была вдовой с двумя детьми. Ее судьба типична для революционной Франции. Жозефина – из «репрессированных». Ее муж, революционный генерал Александр Богарне, воевавший с австрийскими и прусскими интервентами, был казнен по время робеспьеровского террора по ложному доносу как враг народа, а Жозефину арестовали, но казнить не успели – самим робеспьеровским палачам посносили головы. Чудом выскользнув из красной мясорубки, она через некоторое время пришла в себя, решила жить дальше и стала искать утешения в загулах, к коим и раньше была весьма склонна.

Нечто вроде романа между Наполеоном и мадам де Богарне разгорелось уже после стремительного взлета Наполеона из топографического отдела до командующего парижским гарнизоном.

Как выглядел худой и смуглый голубоглазый Наполеон с черной пиратской косой за плечами, мы знаем. А для того, чтобы вы представили себе его любовь, я просто приведу описание современников:

«Жозефина была среднего роста, великолепно сложена. Все ее движения, небрежно гибкие, явственно подчеркивались непринужденными позами, которые она принимала, и придавали всей ее фигуре экзотическую томность. Матовый цвет ее лица оттенка слоновой кости нежно оживлялся бархатным отблеском больших темно-синих глаз с длинными, слегка загнутыми ресницами».

В общем, стоило Жозефине проявить к Наполеону малейший интерес, как внутри у него включилось, взорвалось, и наружу выплеснулась вся нерастраченная потребность любить и быть любимым, которая накопилась к 27 годам.

Сейчас эпистолярный жанр умер, а тогда он составлял огромный пласт культуры, вполне сравнимый по объему с книгоизданием. Люди писали друг другу часто, много и красиво. Писал и Наполеон: «Я просыпаюсь, полный тобой. Твой образ и пьянящий вчерашний вечер не дали отдыха моим чувствам, необходимая и несравненная Жозефина! Какое страшное впечатление производишь ты на мое сердце! Сердишься ли ты, вижу ли я тебя спокойной, душа моя разрывается от горести, и я

не имею покоя. Но лучше ли для меня, когда, отдаваясь глубокому чувству, владеющему мной, я пью с твоих губ, из твоего сердца то пламя, которое сжигает меня?.. Ты приедешь в полдень – я увижу тебя через три часа. В ожидании, mio dolce amor, посылаю тебе тысячу поцелуев, но не возвращай их мне – они жгут мою кровь».

Как известно, через день после свадьбы Наполеон уехал на войну. И ежедневно писал Жозефине.

«…Каждая минута удаляет меня от тебя, обожаемый друг, и с каждой минутой я все сильнее чувствую невозможность быть вдали от тебя. Ты – постоянный предмет моих мыслей: я напрягаю воображение, стараясь представить себе, что ты делаешь… Пиши мне, мой нежный друг, почаще…»

27-летний командующий армией, который вскоре завоюет Италию, был похож на 17-летнего юношу, чью голову вскружила первая любовь. Он все время говорил о Жозефине, о том, как он ее любит и как она любит его. Переживал, что она не хочет ехать к нему в Италию, пугался, что в Париже, полном соблазнов, она может ему изменить.

«…Посылаю к тебе курьера. Он пробудет в Париже четыре часа и привезет мне твой ответ. Прости меня, милый друг, любовь, которую ты мне внушила, затмила мой рассудок, он уже никогда не вернется ко мне. От этой болезни не выздоравливают. Меня мучают такие тяжелые предчувствия, что я согласен был бы увидеть тебя, прижать на два часа к сердцу и умереть вместе с тобой. Кто заботится о тебе?.. Милый друг, не забудь написать мне, что ты уверена в том, что я люблю тебя так, как нельзя себе и вообразить; что убеждена – нет часа, в который я не думал бы о тебе; что я никогда не подумал о другой женщине, все они кажутся мне неграциозными, некрасивыми и глупыми; только ты, какою я тебя вижу, могла мне понравиться и всецело завладеть моей душой. Мои силы, мои руки, мой ум принадлежат тебе; моя душа живет в твоем теле, и день, в который ты умерла бы, станет днем моей смерти… Я уверен в твоей любви и горжусь ею…»

Пустая уверенность! Она не любила его.

Незадолго перед свадьбой Жозефина писала в письме друзьям: «Вы видели у меня генерала Бонапарта. И вот! Он хочет стать отцом сирот Александра Богарне, а также мужем его вдовы. Вы спросите меня, люблю ли я его? Нет. Я чувствую к нему отвращение? Нет. Но я нахожусь в состоянии равнодушия, которое мне не нравится и которое люди набожные с точки зрения религии считают хуже всего».

Жозефину отговаривали от этого брака. Она колебалась. С одной стороны, хитрая баба нутром чувствовала в тщедушном

бедном генерале невероятную внутреннюю силу и огромный потенциал. Что обещало ей и ее детям уверенность в будущем, славу, блеск светских раутов. То самое письмо Жозефины, которое я процитировал, заканчивается так: «Я не знаю, но иногда эта глупая уверенность захватывает меня, и я считаю возможным верить, что этот страшный человек поставит меня во главе всех его дел, а кто может, зная его воображение, понять, что он предпримет?»

С другой стороны, она была к Наполеону абсолютно равнодушна. И потому как-то перед свадьбой (уже объявленной!) она все-таки пошла посоветоваться к знакомому юристу, которого звали Регидо. Причем пошла вместе с Наполеоном, оставив того в приемной. Юрист сказал Жозефине буквально следующее: «Зачем выходить замуж за генерала, у которого имеется только шпага и плащ? Все, что у него будет в жизни, – маленький домишко, и это максимум! Мелкий генерал без имени и будущего, стоящий ниже всех генералов республики. Лучше уж выйти замуж за поставщика!»

Это был очень хороший совет – выйти замуж за поставщика. А самое главное, через приоткрытую дверь Наполеон все слышал. Слышал отзыв Регидо о своей персоне. И понял, что его любимая женщина накануне свадьбы пришла советоваться, выходить ли ей вообще замуж или воздержаться.

Сложно сказать, что он переживал тогда. Ведь в этот момент, как во все предыдущие моменты жизни, его бедность опять ставила ему подножку! Ему, 27-летнему, много лет безуспешно стремившемуся к семейному счастью, несколько раз не достигавшему его. И вот теперь, когда, казалось, оно так близко, так ощутимо, он слышит, как некий Регидо своими уничижительными словами пытается разрушить надежды всей его жизни и отнять у него любимую женщину, за которую он был готов умереть!

Как вы думаете, что сделал Наполеон с этим Регидо, придя к абсолютной власти?

Он никогда не напоминал Жозефине об этом ее поступке и вообще не говорил об этом. Но во время коронации, когда Наполеона провозглашали императором, он сделал так, что в первом ряду, откуда процедура была видна наилучшим образом, сидел мелкий парижский юрист Регидо и наблюдал, как «генерал без имени и будущего» опускает на голову Жозефины корону императрицы.

…Сталин на месте Наполеона поступил бы несколько иначе.

Впрочем, до коронации нам еще далеко. А пока молодой генерал каждый день строчит из Италии жене большие письма.

Все более открывая для себя (и боясь этого открытия) равнодушие Жозефины.

«…Тысячу поцелуев в твои глаза, губы. Очаровательная женщина, как велика твоя власть! Не задерживай курьера больше, чем на шесть часов, и пусть он немедленно возвратится с дорогим письмом моей повелительницы».

«Если меня спросят, хорошо ли я спал, то, прежде чем ответить, мне нужно дождаться почты с сообщением, что ты хорошо отдохнула. Болезни и безумства людей пугают меня лишь при мысли, что они могут быть опасны для тебя. Пусть мой ангел-хранитель, покровительствовавший мне в самые опасные моменты, оберегает тебя, пусть лучше я останусь без его защиты».

«Я беспрестанно вспоминаю твои поцелуи, твои слезы. Еще недавно мне казалось, что я люблю тебя; но теперь я чувствую, что люблю тебя в тысячу раз сильнее. С тех пор, как я тебя узнал, мое обожание растет с каждым днем…»

«Два дня нет от тебя писем. Я думал об этом сегодня раз тридцать, как это грустно. Я призвал курьера, он сказал, что был у тебя и что ты ничего не передавала ему. Фу! Злая, противная, жестокая, тиран, милое хорошенькое чудовище! Ты смеешься над моими угрозами и глупостями. Ах, если бы я мог закрыть тебя в своем сердце, оно стало бы твоей тюрьмой».

«Тысячу поцелуев, настолько жгучих, насколько ты сама холодна».

Она была не просто холодна. Ей был смешон этот пыл. «Чудак этот Бонапарт!» – посмеивалась Жозефина. Муж просил ее приехать в Италию; она отмахивалась и продолжала стрекозой плясать в Париже, порхая из салона в салон и наслаждаясь той славой и восторгами, которые вызывали у парижан известия о победах Наполеона в Италии. Ее называли в Париже «богородицей побед»! Могла ли она покинуть Париж?..

Ее полное равнодушие к мужу было видно в столице всем. Когда один из друзей Жозефины прямо спросил ее об отношении к мужу, Жозефина только и ответила: «Я думаю, Бонапарт – честный человек». Согласитесь, эта сухая деловая констатация никак не напоминает бурю эмоций, выплескивающихся в письмах Наполеона. Но и на том спасибо. Не о многих людях той поры можно было сказать даже это.

Жозефина обещала писать, но отделывалась лишь парой строк, обещала приехать к мужу, но обманула его, сказавшись больной.

Она больна?!. Наполеон в ужасе пишет брату: «Я в отчаянии, что моя жена больна, прошу тебя позаботиться о ней… успокой меня, ты знаешь, как страстна моя любовь, знаешь, что я никогда

не любил, что Жозефина – первая женщина, которую я обожаю, ее болезнь приводит меня в отчаяние… Если она здорова настолько, чтобы вынести путешествие, я хочу, чтобы она приехала, мне надо видеть, обнять ее, я люблю ее безумно и не могу быть вдали от нее. Если бы она разлюбила меня, мне нечего было бы делать на земле…»

Однако не стоит думать, что эти страдания хоть сколько-нибудь мешали Наполеону делать дело. В тот же день, в который им было написано это письмо брату, Наполеон написал и надиктовал следующие документы:

– приказ Бертье занять очередной город;

– отчет в Париж о состоянии дел с просьбой о подкреплениях (оставшейся, как и прочие подобные просьбы, без ответа);

– ультиматум генуэзскому сенату с требованием прекратить нападения на французских солдат;

– решение о том, что делать с пушками, оставленными возле Генуи;

– приказ Массене пополнить боезапас в арсеналах Венеции;

– приказ Ланну оставаться на занятых позициях;

– приказ Боле выслать в Тортону всех подозреваемых в преступлениях;

– приказ Пюже послать небольшой отряд в Тулон;

– уведомление Келлерману о посланном ему подкреплении.

Часть его существа воевала, а другая часть страстно любила и звала. Наконец, когда дальше отбрехиваться было уже просто неудобно, Жозефина решилась отправиться к мужу в Италию. Ее подтолкнул к этому приезд Жюно в Париж. (Он привез в столицу взятые в боях австрийские флаги, посмотреть на которые сбежался весь город.) Жозефина поняла, что если она не отправится вместе с Жюно, тот расскажет Наполеону все о ее разгульном поведении. Надо сказать, решение ехать к «любимому» мужу далось Жозефине нелегко. Как потом писал в воспоминаниях один из ее знакомых: «Бедная женщина рыдала так, будто отправлялась на казнь!»

И вот она в Милане. Наполеон был совершенно счастлив. Однако судьба не дала ему долго радоваться. Война опять сорвала его с места, и вскоре Наполеон был уже в Вероне. Куда позвал приехать Жозефину: «Я побил неприятеля. Кильмен вышлет тебе копию описания. Я до смерти устал. Прошу тебя тотчас же выехать в Верону, ты нужна мне… Целую тебя тысячу раз».

Но Милан крупный город, со светской жизнью, а Верона – дыра. Поэтому Жозефина опять сказалась больной. И опять закружилась в вихре светских раутов, забывая даже писать ему.

А он снова сочувствует болящей: «Пользуйся отдыхом. Постарайся поскорее поправиться и тогда приезжай ко мне для того, чтобы, умирая, мы могли, по крайней мере, сказать: мы так долго были счастливы!»

До чего же замечательна эта последняя фраза! Всю глубину ее можно полностью осознать только ближе к концу жизни.

Наполеон сказал ее в двадцать семь. Жозефине было тридцать два, и она этого еще не понимала. Мадам Бонапарт вела в Милане такой же великосветский образ жизни, как и в Париже. Ее окружала толпа молодых офицеров, с которыми она пила шампанское и крутила шашни.

Он рисковал жизнью на Аркольском мосту, по две недели не снимал сапоги, а она предавалась распутству. В конце концов у Наполеона постепенно-постепенно начинают открываться глаза. Но ему так не хочется их открывать!..

«Три дня от тебя нет писем, а я, между прочим, писал тебе несколько раз…»

«От тебя нет писем, это серьезно беспокоит меня, меня уверяют, что ты здорова и даже катаешься на озере Комо. Каждый день я с нетерпением ожидаю письма с известиями от тебя; ты знаешь, как они мне дороги…»

«Я часто пишу тебе, мой друг, а ты мне – мало…»

«Что же вы делаете весь день, сударыня? какие важные дела мешают вам написать бедному влюбленному?….»

«Твои письма холодны, как пятидесятилетние старики, как будто они написаны через пятнадцать лет после брака. Они дышат дружбой и чувствами, свойственными зиме жизни. Что вам остается сделать, чтобы заставить окружающих жалеть меня? Разлюбить меня? Но это уже сделано. Возненавидеть меня? Что же! Я желаю этого: не ненависть унижает, но равнодушие со спокойным пульсом, неподвижным взглядом, ровной походкой!. …»

И вот, давно и нервно ждущий встречи со своей любимой, которой достаточно бросить на него один взгляд, чтобы он все простил, Наполеон приезжает в Милан. Он вбегает в дом. Тот пуст – Жозефина укатила развлекаться в Геную.

Это был очень тяжелый удар. После которого Наполеон, который доселе вел себя как 15-летний юнец… Да-да, именно так! И он не мог вести себя иначе, поскольку в смысле взаимоотношений между мужчиной и женщиной сильно опаздывал в развитии: в то время, когда его более благополучные в финансовом отношении ровесники вовсю крутили амуры, Наполеон ходил в поношенном мундире, высылал последние деньги матери на прокорм, стеснялся выходить в общество и

заполнял время не амурами, а чтением. Он один знал больше, чем целое поколение, но отнюдь не в чувственной сфере, где все постигается только через опыт.

Так вот, после этого миланского удара Наполеон пишет Жозефине пронзительные строки: «Требуя от тебя любви, подобной моей, я был не прав: разве может кружево весить столько же, сколько золото?»

…Если кто и вбил первый клин в их отношения, то явно не Наполеон.

«Я прибыл в Милан, спешу к тебе, я бросил все, чтобы обнять тебя. Тебя нет! Ты путешествуешь и веселишься. Я пробуду здесь до девятого. Не беспокойся: пользуйся удовольствиями, счастье создано для тебя…»

«Я принял курьера, присланного из Генуи. У тебя, конечно, не нашлось времени написать мне. Твоя жизнь, полная наслаждений, не позволяет тебе пожертвовать для меня хотя бы пустяком. Я не хочу расстраивать твои планы и мешать тебе развлекаться, я не стою этого, а счастье или несчастье нелюбимого тобой человека не может интересовать тебя…»

Потом он узнал и о ее изменах. И не только он. О том, что покоритель Египта и Италии – рогоносец, писали даже английские газеты. Но Жозефина того периода была настолько «не в материале», что умудрилась изменить Наполеону даже с учителем танцев Ипполитом Шарлем, который, пока Бонапарт воевал, просто нагло поселился у нее в доме.

Парижские друзья Наполеона предупреждали его потерявшую последний разум жену, что она слишком заигралась. Один из директоров Директории говорил этой шалаве: «Вы утверждаете, что между вами и господином Шарлем нет ничего, кроме дружбы; но если эта дружба так исключительна, что заставляет вас пренебрегать светскими приличиями, то я скажу вам, как если бы это была любовь: разводитесь с Наполеоном, потому что такая самоотверженная дружба заменит вам все! Поверьте, у вас будут неприятности».

Но Жозефина разводиться не хотела: Наполеон был герой. И все то сияние, в лучах которого она грелась в парижских салонах, было только и исключительно отражением его сияния. Без него она была бы никем. Почему же она вела себя столь нагло? Просто, начитавшись пылких писем Наполеона, она была абсолютно уверена в своей власти над ним. Но Наполеон быстро учился.

Поэтому, вернувшись из Египта в Париж, он запретил пускать к нему Жозефину и объявил о разводе. Его не столько беспокоило общественное мнение (во Франции оно довольно легко относилось к изменам), сколько терзала обида. Да и не видел он

более смысла в этом браке. У него была масса других, во сто крат более важных дел – решалась судьба Франции.

Только в этот момент Жозефина поняла глубину той пропасти между ними, которую выкопала собственными руками! И пришла в ужас. И перешла к осаде. Она понимала: если ей только удастся проникнуть к Наполеону, добиться с ним личной аудиенции, броситься в ноги, пустить слезу, загородиться детьми, которых Наполеон успел полюбить, она сломает эту стену. Наполеон это тоже знал, именно поэтому и запретил пускать к нему жену. Все-таки под толстым слоем горького серого пепла в его сердце еще теплились искорки того чувства, которое. Да что я вам говорю! Просто перечитайте его письма!..

Поэтому первыми к нему в ноги со слезами бросились посланные Жозефиной дети – Евгений и его сестра Ортанс, которые умоляли не оставлять их снова сиротами. Ну, это уже ниже пояса! Наполеон, который всю жизнь любил детей, разволновался и разрешил запустить к себе Жозефину, которая, как это водится у путан, кинулась в ноги и была прощена.

И вот с этого момента, друзья мои, у них началась совершенно другая жизнь! Чтобы понять перемену, которая стала происходить с Жозефиной, нужно вспомнить некоторые детали. Во-первых, она была старше Наполеона на пять лет. А это известная проблема: если в браке женщина старше, то со временем ее начинают терзать муки ревности, поскольку женщины стареют и дурнеют гораздо быстрее мужчин. У них начинается паника, что их вот-вот бросят и все такое… Это во-первых.

А во-вторых, Жозефина раннего периода Наполеона почти и не знала. Он был нужен ей как паровоз в великосветскую жизнь. Она чувствовала в молодом генерале огромный потенциал. Вот и все. Через два дня после свадьбы он уехал на войну, и она его почти не видела. И только потом, когда они начали плотно жить вместе, Жозефина, приближаясь к этому утесу все ближе и ближе, с каждым шагом все больше и больше поражалась масштабу личности, который начал перед ней открываться. И постепенно, к своему, быть может, удивлению, начала все больше и больше влюбляться в него.

Их отношения наладились, они не вспоминали о былом, но Наполеон никогда уже не горел тем огнем, который сжигал его в Италии. Он стал обычным мужем-мещанином. Он перегорел. И это особенно ярко видно в его последующих письмах к Жозефине. Они так спокойны.

«Я получил для тебя из Лондона растения, которые послал твоему садовнику. Если в Пломбьере так же скверно, как здесь, то

пребывание на водах не понравится тебе. Тысяча любезностей матушке и Ортанс…» (Вместо тысячи прежних поцелуев. – *А. Н)*

«Я получил твое письмо, милая Жозефина. Вчера я был на охоте в Марли и, стреляя в вепря, слегка поранил себе палец. Кажется, сегодня играют „Севильского цирюльника“…»

«Всю неделю, милая Жозефина, я утомлялся больше, чем следовало, по целым дням с окоченевшими ногами мокнул под дождем, но сегодня я отдохнул, так как никуда не выходил…»

Любил ли он ее тогда? Конечно. Он был семейный человек, ценил очаг. Годы, которые они прожили вместе, затянули ту трещину, которую проделала Жозефина в фундаменте их брака в самом его начале. Но когда Наполеону нужно было для спасения дела всей его жизни развестись с Жозефиной (политика!), он долго колебался, но все-таки решившись, сломал брак.

А Жозефина? К концу жизни она уже совсем не любила шум светских раутов, а любила только его. И когда Наполеона сослали на остров, когда Бонапарта быстро позабыла его вторая молодая жена, Жозефина настойчиво просилась к нему, чтобы вдвоем встретить старость и смерть. Это было именно то, о чем когда-то, будучи 27-летним мальчишкой, он писал ей: «Приезжай ко мне хотя бы для того, чтобы, умирая, мы могли сказать: мы так долго были счастливы!»

Увы, не сбылось.

Часть IV ДВА ГОДА И ДВА ВЕКА

Наполеон открыто заявлял, что, подобно Карлу Великому, он будет императором Запада и что он принимает наследство не прежних французских королей, а наследство императора Карла Великого. Но ведь и сама империя Карла Великого была лишь попыткой воскрешения другой империи, гораздо большей, Римской. Наполеон хотел считать себя наследником и Римской империи, объединителем стран западной цивилизации.

Тарле

Судьба мне не помогала, она оказалась сильнее меня. Но я собирался создать такую Европу, в которой граждане имели бы одну и ту же национальность и могли бы перемещаться из одного конца Европы в другой с одним паспортом…

Наполеон

Екатерина II не зря назвала неизвестного Цезаря, который должен был прийти к власти во Франции, человеком, стоящим «выше уровня века». Те установления, которые Наполеон ввел во Франции за дарованные небом два мирных года, продержались два века. Многие наполеоновские институции действуют во Франции по сию пору. И речь не только о «мелочах» типа ордена Почетного легиона, префектурах, жандармерии, но и о вещах более фундаментальных. Наполеоновская система народного образования сохранилась неизменной в своих принципиальных основах по сей день. Госбанк Франции был создан декретом Наполеона. Гражданский кодекс Франции до сегодняшнего дня официально так и называется Наполеоновским кодексом. Ассоциация содействия промышленности была основана в 1801 году по декрету Наполеона Бонапарта, и до сих пор многие фирмы мира (в том числе российские) награждаются медалью

этой ассоциации.

Его главной задачей было модернизировать страну, и он занимался этим по 18 часов в сутки, не давая спуску ни себе, ни аппарату. После того как Наполеона сослали, французские чиновники вспоминали работу при нем как страшно тяжелую, но, вместе с тем, и удивительно «духоподъемную». В работе наполеоновского аппарата царила атмосфера творчества. Наполеон был прирожденным лидером и умел создавать в людях тот запал, который был нужен для решения любой задачи.

Один из адъютантов Наполеона, генерал Рапп писал: «Нужно быть железным, чтобы устоять на нашей работе. Едва мы сходим с коляски, нам нужно садиться на лошадь и в таком положении мы остаемся с первым консулом иногда до 10–12 часов подряд».

Да, он гонял людей нещадно, выжимал чиновников, как лимоны. Да, он полушутя говорил: «Не давать людям состариться – в этом и состоит искусство управления». Но, чувствуя командную атмосферу, где любая новая идея принимается на ура, где с первым консулом не страшно спорить (напротив, самых ярых спорщиков он часто приглашал к себе на обед), люди горели энтузиазмом. Один из старых чиновников позже писал, что Наполеон обладал искусством «увеличивать в людях преданность делу той фамильярностью, с которой он умел, при случае, обращаться с низшими, как с равными», что «порождало увлечение, равное тому, которое он порождал в армии. Люди истощались в работе точно так же, как умирали на поле битвы.

Власть его, как и власть Цезаря, основывалась на личном обаянии».

Капитан Мейтланд, командовавший английским судном, на борт которого поднялся Наполеон после Ватерлоо, позже говорил: «Этот человек обладал потрясающим умением нравиться…»

Но и Наполеон, в свою очередь, относился к ребятам из своей команды соответственно. Сохранились несколько листков, на которых он машинально черкал во время заседаний. Так вот, на одном из них восемь раз написано: «Вы все – разбойники!» А на другом – десять раз: «Боже мой, как я вас всех люблю!»

Был случай, когда в присутствии одного из министров Наполеон начал искать на столе своего секретаря какую-то записку. Ему показалось, что он нашел искомое и вслух начал машинально зачитывать записку министру. Но это оказалась записка наполеоновского секретаря к жене, и начиналась она так: «Вот уже тридцать шесть часов я вынужден безвыходно торчать в кабинете…» Прочитав это, Наполеон расхохотался и сказал: «Видите, они еще находят время писать женам нежности. И после этого говорят, что я нещадно эксплуатирую людей!»

Как-то госсекретарь военного ведомства Пьер Дарю, которого сам Наполеон называл «рабочим волом», уснул за столом, уронив голову на бумаги. Удивленный Наполеон растолкал его, и выяснилось, что Дарю провел в рабочем кабинете три ночи подряд. Что неудивительно, поскольку дня обычно не хватало. И если совещание затягивалось за полночь, Наполеон хлопал в ладоши: «Ну, граждане-министры, просыпайтесь, еще ведь только два часа утра, нам нужно заслужить те деньги, которые мы получаем от французского народа».

Доктор Корвизар и мать Наполеона Летиция пытались ограничить первого консула в работе и заставить его больше отдыхать. Но он раздраженно восклицал: «Несчастный Корвизар! Он вечно твердит одно и то же! Но я ему доказал как дважды два четыре, что для ведения моего дела мне необходимо заниматься ночью, так как дня мне не хватает».

При этом вечным фоном заседаний и вообще работы наполеоновской команды были перманентные подколки, шутки и хохот… Однажды на смех был поднят Талейран. Причем всем Парижем. Нет, эту историю я просто не могу не рассказать. Любознательный Наполеон часто приглашал к себе на обед известного географа и путешественника Денона. Талейран тоже решил пригласить Денона к себе в гости и заранее предупредил жену, что к ним на обед придет великий путешественник. А жена Талейрана была дура дурой, в своей жизни она прочла одну-единственную книгу о путешествиях – «Приключения Робинзона Крузо». И решила, что к ним в гости придет сам Робинзон Крузо!.. В присутствии многочисленных гостей она начала заинтересованно расспрашивать географа о его жизни на далеком острове. Денон сначала не мог понять, о чем речь, и только когда хозяйка дома поинтересовалась, как здоровье его слуги Пятницы, он расхохотался вместе со всеми гостями. Эта история распространилась по Парижу со скоростью пожара, и потом везде, где бы ни появлялся Талейран, его встречали понимающие ухмылки. Что приводило министра в крайнее смущение.

Четкую работу аппарата Наполеон всегда отмечал. Однажды, прочитав некие бумаги, присланные ему военным ведомством, он пишет военному министру: «Я с интересом прочел обе ваши большие ведомости. Укажите мне, каким образом я могу выразить благодарность тому чиновнику, который их составлял. Ведомости составлены чрезвычайно точно. Я не нашел в них ни одной ошибки».

Бездонная память и огромный запас знаний в самых разных областях часто позволяли Наполеону находить неожиданное решение какого-либо вопроса. Но при этом он ни на день не

переставал учиться. Часто, выслушав на госсовете доклад министра, он просил, чтобы к нему прислали того человека, который готовил этот доклад, и уже вместе с ним вникал в курс дела. Наполеон обожал говорить со специалистами, потому что получение новых знаний доставляло ему огромное удовольствие.

Поскольку приоритетным направлением в деятельности первого консула была экономика, вскоре он полностью овладел вопросами тарифов, таможен, условий фрахта, разбирался в отличиях оснастки французских и английских кораблей.

Он вникал даже в такие мелочи, как разница в технологии плетения английских и французских канатов. Как отмечают историки, «…он знал о причинах удешевления или вздорожания лионского бархата не хуже лионских купцов и мог уличить в мошенничествах – и определить, в каких именно! – подрядчика, строящего шоссейную дорогу на конце колоссальной империи, был в состоянии не только разрешить своим властным словом пограничный спор или покончить с путаницей чересполосиц между отдельными германскими государствами и князьями, но и мотивировать свое решение ссылкой на историю этого спора и этих чересполосиц».

Работа была огромная, и она приносила нации видимые результаты, поэтому ничуть не удивительно, что, когда перед французами поставили вопрос, а не избрать ли первого консула не на десять лет, а пожизненно, нация подавляющим большинством голосов ответила: избрать! Все равно никто лучше него с государственными делами не справлялся.

Глава 1 «ОТКРОЮ КОДЕКС НА ЛЮБОЙ СТРАНИЦЕ И НЕ МОГУ – ЧИТАЮ ДО КОНЦА…»

Что выстраивал Наполеон во Франции?

Наполеон выстраивал во Франции абсолютно соответствующую времени и существующим технологиям социальную структуру, в которой наиболее предприимчивые, умные и оборотистые люди могли бы зарабатывать деньги, то есть развивать производство и торговлю. Это прекрасное общество, согласитесь…

Что же является основой прекрасного общества?

Основой прекрасного общества является нечто священное, а именно – право на собственность. Никакого другого священства Наполеон не признавал. Он, ликвидировав революционные перегибы, выпустил священников из тюрем, подписал с римским папой конкордат, согласно которому во Франции восстанавливается институт католической церкви. Но сам он в религиозные сказки не верил, римского папу считал пройдохой и прощелыгой. Зато он прекрасно разбирался в массовой психологии и понимал: быдло имманентно склонно верить в сказки. Без сказок оно начинает тревожиться, ему нужна ментальная успокаивающая пилюлька. И пусть лучше это будет пилюлька от крупного проверенного производителя, нежели сляпанная в подвале на ляжке сектой экстремистов. На экстремистов Наполеон уже насмотрелся… Именно поэтому говорил: «Уж лучше попы, чем шарлатаны, вроде Калиостро или Канта…»

(Канта он не любил. Наполеон предпочитал конкретику. Наполеон предпочитал цифру и практический результат. А не пустопорожнюю болтовню, каковой отличаются философы. Именно поэтому изобретателя консервов он назвал благодетелем человечества, а Канта – шарлатаном.)

А поскольку церковь продажна и ее легко заставить служить любой власти, Наполеон этим умно воспользовался, отняв христианский козырь у Бурбонов и поставив его на службу себе. И с той поры попы как миленькие проповедовали в своих церквях, что «бог сделал Наполеона орудием своей власти» и «кто противится Наполеону, тот противится господу». Проститутки.

Впрочем, мы отвлеклись. В конце концов, религии могут быть разные, а частная собственность есть священная основа любого

нормального общества. Увлекаясь в молодости революционными идеями, Наполеон, повзрослев и понаблюдав за неизбежными спутниками всех революций – анархией, развалом и террором, понял, что болтовня о полном равенстве – очень опасная и разрушительная глупость. Поэтому, закрывая революцию, он преобразовал знаменитый лозунг французской революции «Свобода, равенство и братство».

Свобода? В первую очередь, экономическая.

Равенство? В первую очередь, юридическое. Чтобы были равные стартовые условия для всех граждан, способных к наращиванию капитала. Богатейте! И с вами будет богатеть страна.

Братство? А что это такое? Если под братством понимать равные условия жизни для всех, как о том грезили некоторые радикальные коммуно-революционеры, то – хрена вам!

Считается, что по сравнению с декларациями революции Наполеон кое в чем отступил назад, закрутил гайки. Имущественный ценз, введенный Наполеоном, о котором мы говорили, – из ряда «гаек». Откат в правах женщин – тоже. Женщина при тогдашнем развитии технологий не являлась самостоятельным экономическим агентом, так зачем ей лишние права? Права – это инструмент для зарабатывания денег. В противном случае они превращаются в чистое хулиганство и пустую болтовню. Кто не участвует в экономической деятельности, тому голосовать и решать судьбы общества нечего. Пусть высказывается дома.

Поэтому лозунг революции был подкорректирован. Равенство? – Сегодня! Свобода? – Завтра! Братство? – Никогда!..

Наполеон «отныне и вовеки» закрепил незыблемость собственности. Все старые феодальные права собственности уничтожались. Все, кто успел купить феодальные, монастырские или церковные земли, объявлялись их полноправными и священными владельцами навсегда и бесповоротно.

Нужно было заново «разлиновать» экономическое пространство, разбить его на урожайные грядки. И Наполеон сделал это с помощью трех кодексов – торгового, уголовного и гражданского. Наиболее фундаментальным из них был кодекс гражданский. «Наполеоновский кодекс, – отмечают исследователи, – в самом деле заслуживает тех одобрений, какими его с давних пор осыпала и осыпает буржуазия, юридическая литература… он был прогрессивным шагом сравнительно со сводами законов, царившими на остальном европейском континенте. Ни один историк не вправе забывать о громадном прогрессивном значении этого Гражданского кодекса

для завоеванных Наполеоном стран Европы».

Куда приходил Наполеон, туда приходила и его разлиновка социального пространства под бизнес, под промышленную революцию, под развитие точных наук. Гражданский кодекс был введен не только на территории Франции, но и на территориях, которые составляли тогда часть Франции, а затем обособились – в Бельгии, Люксембурге, Рейнских провинциях, Гессен-Дармштадте, Швейцарии, Савойе, Пьемонте, Парме. А потом и в Испании, где Наполеон заодно уж отменил и дикую инквизицию (до XIX века в Испании спокойно жгли ведьм, хотя и не в таких «промышленных» масштабах, как ранее). Жаль, Наполеону не удалось покорить Россию, а то и нам он подарил бы отличный свод законов.

Напомним, как Тарле оценивал военный гений Наполеона: «…за 22 года своего триумфального правления Наполеон дал больше сражений, чем Македонский, Суворов, Ганнибал и Цезарь вместе взятые. В этих сражениях участвовало больше народу, чем в войнах перечисленных полководцев. И почти все битвы он выиграл». Однако сам Наполеон ценил все эти военные победы гораздо меньше, чем свой Гражданский кодекс: «Моя действительная слава заключается не в том, что я выиграл 40 сражений. Ватерлоо стерло в памяти все воспоминания о них. Но что никогда не сотрется в памяти, что будет жить вечно, так это мой Гражданский кодекс».

Был прав! Франция и весь юридический мир с триумфом праздновали столетие, ста пятидесяти– и двухсотлетие его кодекса. А сам кодекс оказался для Франции даже больше, чем кодексом. Он стал формирователем менталитета французской нации. Французский юрист Сорель писал об этом так: «Я не могу себе представить другую такую страну, где бы гражданское право столь глубоко проникло в нравы и стало неотъемлемой частью духовной жизни, мира чувств и литературы».

Кодекс был не просто юридическим документом, но еще и великим нивелиром и стандартизатором социального пространства. По сути, наряду с единообразной системой мер и весов и отменой внутренних сеньорно-феодальных таможен, он превратил Францию в единую страну, поскольку до принятия кодекса Франция была раздроблена на отдельные юридические «анклавы», в каждом из которых действовал местный сводик законников.

Великий Лаплас, понимавший, какую роль может сыграть для Европы наполеоновский кодекс, писал: «Благодаря гению императора вся Европа в скором времени будет представлять одну огромную семью, соединенную одной религией и одними

законами, и потомство, которому будут предоставлены эти преимущества, станет с восторгом произносить имя своего благодетеля…»

Для работы над кодексом Наполеон сформировал рабочую группу из нескольких видных юристов, специалистов по римскому праву, которая и занялась разработкой правил жизни. Госсовет обсуждал будущий кодекс на 102 заседаниях, на 57 из которых присутствовал Наполеон, и не просто присутствовал, а весьма активно участвовал в обсуждении. Проект был написан всего за 4 месяца, а просуществовал сотни лет.

Кодекс был обширен и состоял из 36 законов. Любопытно, что ранее кодекс наполеоновским не назывался, он был просто «Гражданским кодексом». Но потом, уже после смерти Наполеона, Франция вспомнила, кому она обязана своей юридической базой, и в 1852 году Гражданский кодекс получил официальное и до сих пор не отмененное название – «Наполеоновский кодекс».

Кодекс впитал в себя не только римское право, но и главные идеи французских просветителей, которые исповедовали теорию неотъемлемых («естественных») прав человека, положенных ему от рождения, равенство всех перед законом, теорию общественного договора. И в этом смысле кодекс, конечно, содержал весь прогрессивный пафос французской революции!

Он состоял из трех частей: «лица», «вещи», «обязательства». Этот способ разлиновки законодательного пространства предлагали еще древнеримские юристы.

Первая часть касалась людей и включала в себя законы о гражданстве, семейный кодекс, опекунское право. Вторая и третья части регулировали отношения собственности и способы ее приобретения, включая наследственное право, законы о торговых сделках и проч.

Интересно, что кодекс был написан настолько простым и ясным, но вместе с тем весьма красноречивым языком, что французский писатель Поль Валери назвал его величайшей книгой французской литературы. А Стендаль писал, что когда ему требуется ощутить красоту французского языка, он читает отрывки из кодекса Наполеона.

Еще одним неоспоримым достоинством кодекса было то, что он являлся документом прямого действия, то есть не требовал десятков подзаконных актов, которые, будучи приняты бюрократами, могут выхолостить весь дух закона.

Кодекс был настолько хорош, настолько упорядочивал общественное пространство, что пришедшие после Наполеона к власти Бурбоны решили его не отменять. Только чуть-чуть ухудшили. Например, оборзевшая церковь, которой не нравился

светский характер брака, обеспеченный кодексом, все-таки настояла на отмене свободы разводов. Проститутки, говорю же.

Кодекс всячески поддерживал предпринимательскую активность, полностью устраняя государственное вмешательство из взаимоотношений нанятого работника и предпринимателя. Доктор юридических наук, профессор сравнительного и международного права, иностранный член французского Общества сравнительного законодательства А. Саидов так пишет об этом: «Кодекс Наполеона юридически закрепил в имущественном обороте свободу личности, свободу предпринимательской деятельности. В период господства свободной конкуренции каждый французский предприниматель стремился сохранить за собой в области [трудового] договора максимальную свободу, возможность действовать по своему усмотрению, без мелочной государственной опеки и регламентации. Поэтому свобода договора в то время находила свое выражение не только в свободе волеизъявления сторон, но и в автономии личности, в государственном невмешательстве в договорные отношения по принципу либерализма…» А либерализм, как известно, это очень хорошо для экономики. Как бы этому тезису не противились коммуно-фашисты.

Конечно, за двести лет кодекс претерпел некоторые изменения (в особенности в части семейного права), но весьма примечательно, что наименьшим корректировкам подверглось имущественное право.

Именно Наполеоновский кодекс и наполеоновские реформы (экономические, административные, финансовые) превратили Францию в национальное государство. Очень хорошо сказал об этом один из исследователей той эпохи Ф. Массон. Прошу прощения за длинноватую цитату, но точнее, чем Массон, не скажешь:

«Бурбонская Франция складывалась веками: каждый король внес в нее свой камень, каждая королева – свое приданое, и каждое из входящих в состав ее племен, признавая над собой верховную власть короля, сохраняло свои местные учреждения. Все эти народы, между которыми король служил соединительным звеном, жили своей особой жизнью, имели свой дух, свой язык, свои обычаи и никогда, несмотря ни на какие попытки, не сливались в единую, великую нацию. Между ними не было ни общего духа, ни общей цели, ни общих законов. Французский король, бывший, в сущности, только королем Иль-де-Франса, должен был бы, по примеру других государей, присоединить к своему титулу названия княжеств и графств, верховным властителем которых он был. В сущности, он один связывал

своею особой все эти разнородные элементы, сосредотачивая в своих руках права.

Но народ зашевелился, воспрял, захотел жить. Границы между княжествами пали, народы заговорили между собой через их развалины и, к удивлению своему, убедились, что они понимают друг друга, убедились, что у них одинаковые сетования, нужды, интересы, один и тот же идеал. И из конца в конец этого государства, у которого не было ничего общего, кроме короля, пробежал одинаковый трепет: люди различных рас, говорившие на различных наречиях, почувствовали себя одной нацией и стали Францией.

Наполеон стал избранником этой нации. Он сам соорудил национальный механизм. Он сделал этот механизм настолько универсальным, что тот мог править миром, и настолько гибким, что он мог совершенствоваться и применяться к новым потребностям. Испортилось одно колесо – его снимают, истерлась одна пружина – ее меняют, и машина продолжает работать. Механизм не зависит даже от своего творца…»

По сути, Массон пишет о том, как новые экономические условия, вызванные развитием новых технологий, стандартизируют социальное пространство. Новой экономике требуется новое, более широкое поле деятельности, новый рынок, и она превращает кучку диковатых племен с разными обычаями и диалектами в одну нацию. По счастью, тогда, в отличие от нынешних времен, пораженных проказой политкорректности, никто не фетишизировал племенную идентификацию, возводя отсталость в ранг ценности. Напротив, слияние племен, княжеств и герцогств в одну страну, в одну нацию прошло на ура. Это была мощная поступь прогресса.

Сейчас глобальный рынок объективно требует того же – стандартизации и превращения наций в единую общность, которая называется земной цивилизацией, – с одним языком, одной валютой, одними законами и единой системой мер и весов на всю планету. А избыток социализма и истерические вопли о необходимости сохранения малых народностей, языков и культур мешают этому процессу.

За пару-тройку месяцев до написания этих строк я видел репортаж из Мордовии, где инициативная группа вполне русскоговорящих граждан требовала сохранения мордовского языка и введения в стандартную раскладку «Windows» специфических значков мордовского алфавита. При этом все они прекрасно владели русским. Так зачем им мордовский? В качестве сувенира? А не дорого ли поддерживать ручное производство каменных топоров при наличии железных

фабричных?.. Тем не менее московская власть в этом телерепортаже поддержала пещерных энтузиастов, говоря бессмысленные дежурные слова о необходимости и важности сохранения племенной самобытности и туземного языка. Зачем?

Многим жалко терять эти самые этнические самобытности, как жалко терять исчезающие виды. Но этот процесс неизбежен. Представьте себе на глобусе, например, Дагестан. Всмотритесь в эту пылинку, где проживает 30 народностей и соответственно функционируют столько же языков. Из них две трети – языки бесписьменные! На них говорит от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Теперь понимаете?..

Профессор Дэвид Харрисон из Суортморского колледжа в Пенсильвании бьет тревогу: ай-яй-яй, на Земле в среднем каждые две недели исчезает один человеческий язык, в основном в результате смерти последних его носителей!..

Ну и что? К чему жалеть то, что никому уже не нужно?..

Глава 2 «Я РАЗДЕЛЯЮ ВАШЕ ГОРЕ…»

…Все-таки удивительно, насколько идеи Наполеона порой опережали свое время. Воюя на ближнем Востоке, он первым из всех европейских политиков призывает к созданию Израиля – еврейского государства. И даже пишет воззвание к евреям Африки и Азии, в котором призывает: «Израильтяне! Франция предлагает вернуть вам родину. При помощи и поддержке нашего народа возьмите то, что когда-то было у вас захвачено, и сохраните от всех, кто на это посягнет». Прямо пророк какой-то.

Вообще, раз уж речь зашла о евреях, замечу, что Наполеон был первым деятелем в Европе, который начал проводить цивилизованную политику по отношению к ним. Тогда все европейские страны евреев откровенно дискриминировали. Существовали гетто, где жили евреи, была черта оседлости, за которую они не имели права выезжать. Сталин и Гитлер – эти две отрыжки Средневековья – не придумали ничего нового в своих гонениях на евреев, они просто продолжили старую добрую евротрадицию.

В России, например, при царе Александре I для решения «еврейской проблемы» был создан так называемый Комитет по благоустройству евреев, куда входили не последние люди в империи – министр юстиции, министр внутренних дел, графья разные… Как же они планировали улучшить долю еврейскую? Комитет подготовил «Положение о евреях», по которому евреи изгонялись из деревень за черту оседлости, по сути, в гетто. Это чем-то напоминало сталинские переселения народов, но было актом не одномоментным (железных дорог и войск НКВД тогда еще не существовало), а растянутым на три года. За этот срок десятки тысяч семей с традиционными ограблениями и насилием были изгнаны из своих домов. «Положение о евреях» было принято в 1804 году, к 1807 году все было кончено – народ выселен.

А как решал «еврейский вопрос» Наполеон? Весьма нетрадиционно. Он отчего-то решил, что евреи – тоже люди и, соответственно, должны иметь такие же права, что и прочие граждане Франции. И их религия тоже. С 1802 года иудаизм был приравнен в правах к другим религиям. Больше того, в 1806 году Наполеон решил после почти двухтысячелетнего перерыва созвать Синедрион. Для справки: с 72 года нашей эры, после того, как римский полководец Тит взял Иерусалим и разрушил Храм, Синедрион больше не собирался.

Зачем Наполеон все это делал? А затем, что его целью было

создание консолидированного гражданского общества. В котором нет людей второго сорта. В котором каждый может проявить свои способности и получить свою долю благополучия в меру этих способностей.

…После сказанного вас удивит, что в 1812 году российские евреи встречали французскую армию как освободителей?..

К каким экономическим результатам привели наполеоновские заделы, мы увидим позже, когда будем подводить итоги наполеоновского правления. А сейчас, забегая вперед, скажу лишь, что весь XIX век французы вспоминали дешевый наполеоновский хлеб, высокие наполеоновские зарплаты и называли наполеоновскую эпоху «золотым временем». Историк, писатель и экс-министр французского правительства (при Франсуа Миттеране) Макс Гало вспоминал: «Мой прадедушка, жесткий по характеру человек, каждый вечер брал в руки книгу, и слезы текли по его лицу. Он читал мемуары, написанные Наполеоном на острове Святой Елены». И этот прадедушка, вспоминающий «золотое время», был такой не один, уж слишком велик был контраст между наполеоновской эпохой и временем возвратившихся Бурбонов.

Некоторые исследователи считают, что Наполеон заботился только о капиталистах, а рабочих при нем нещадно эксплуатировали. Об этом, например, пишет Тарле, напоминая своим читателям, что именно Наполеон придумал для рабочих такое ужасное средство угнетения, как «трудовые книжки». Но тут не следует забывать, *когда* и *при ком* жил этот сталинский сокол с еврейским клювом. И какой риторики он должен был придерживаться, обитая в стране победившего (самого себя) пролетариата. Пролетариата, не просто имеющего аналогичные наполеоновским трудовые книжки, но и практически полностью закрепощенного, приписанного к военным заводам и рискующего сесть в лагерь за 20-минутное опоздание. (Подробнее об этом – в моей книге «Бей первым!»)

Да, и при Наполеоне не все было идеально. Но гораздо лучше, чем до и после него. А заботу Наполеона о людях лучше иных продемонстрируют следующие подписанные им документы разных лет.

Узнав о контрибуциях, наложенных чиновниками на итальянцев в Вероне, Наполеон восклицает: «…пусть берут с богатых, хотя это и несчастье, но оно неизбежно при войне, но брать с бедных – подло».

1802 год: «Если наступят такие же морозы, как в 1789 году, топить церкви и другие учреждения, чтобы дать народу возможность греться».

1807 год: «Надо устроить так, чтобы все знали, что нищих будут задерживать. Но отправлять их в тюрьму было бы глупо и жестоко. Нужно задерживать их лишь для того, чтобы научить трудом зарабатывать себе на жизнь. Для этого в каждом департаменте должны быть один или несколько домов или благотворительных мастерских». Для сравнения – в Англии нищих и бродяг просто вешали…

1810 год: «Меня уверяют, что у рабочих Роттердама и Амстердама нет работы. Сообщите мне, что это за рабочие и какие работы им можно было бы поручить».

1811 год: «В Париже есть много безработных рабочих. Желая дать им работу, прошу вас: 1) сделать экстраординарный заказ артиллерийской упряжи…»

«Предместье Сент-Антуан нуждается в работе, я желаю предоставить ее ему. Пусть сделают такой заказ, чтобы на время мая и июня 2000 безработных мебельщиков предместья Сент-Антуан были обеспечены работой…»

Любопытно, что, понимая важность потребления для экономики, Наполеон иногда весьма оригинально стремился стимулировать производство через искусственное подстегивание потребления общественной верхушкой. У вас есть деньги? Тратьте!.. Так, в 1810 году он сделал следующее распоряжение: «Для развития деятельности вырабатывающих гладкие материи станков… готов сделать заказы для своих дворцов. Нужно выяснить, что может сделать двор для Лионских фабрик. Пока можно только сказать, что зимой на всех выходах будут обязательны бархатные костюмы, а в остальные дни… все, кроме офицеров, будут являться ко Двору одетые в лионские материи…»

Немцову не удалось пересадить всех российских чиновников на «Волги» в целях развития отечественного автопрома. А вот Наполеону удалось переодеть всех французских «начальников» в отечественные ткани.

…Иосиф Сталин был тираном. Он был тираном политическим и домашним. Его жена, влетевшая в брак с жестоким, мстительным чудовищем, в конце концов не выдержала и застрелилась. И не мудрено: он мучил детей, мучил жену, мучил всю страну. При этом Сталин любил сравнивать себя с Наполеоном, видя в своей биографии и в биографии Наполеона множество параллелей. Сравним и мы.

Сразу после женитьбы Наполеон долго боролся с женой… нет, не с женой, а с ее собачкой… и даже не с собачкой, а с привычкой жены спать с собачкой. Впрочем, передадим слово самому Наполеону. Однажды, показав на маленькую собачушку, которая, высунув язык, мелко дышала на канапе, он сказал своему

доктору: «Видите этого господина? Это мой соперник. Он разделял ложе моей супруги, когда я на ней женился. Я хотел выгнать его оттуда: напрасный труд, мне было сказано, что я должен примириться с этим или же спать в другой комнате. Как я ни возмущался, но выбора не было. Я покорился. Любимец же оказался не так податлив, как я, о чем свидетельствует знак, оставленный им на моей ноге».

И это говорил человек, который, не колеблясь, отдавал приказы о расстрелах и казнях! Впрочем, насилие в руках Наполеона было точно таким же инструментом, как и власть, и использовалось дозированно и только в случаях необходимости. А в обычной штатской жизни он извинялся, если заставлял кого-то прождать в приемной десять минут. В обычной жизни ему было тяжело обижать людей, которые с ним работали. Он пишет одному из чиновников по поводу действий другого: «Г-н Лебрен печатает в генуэзских газетах довольно смешные письма. Это недостойно. Внушите ему это сами, как если бы узнали это от посторонних лиц. Пусть он не подозревает, что указание исходит от меня, он слишком огорчится…»

В обычной жизни Наполеон был совершенно нормален. Во время какой-то поездки промок под дождем один из его молодых слуг, совсем мальчишка, Наполеон немедленно велел ему остаться на постоялом дворе, чтобы не заболеть, и потом несколько раз спрашивал, не заболел ли тот. Когда во время прогулки с лошади упал императорский камердинер, Наполеон велел немедленно прервать прогулку и доставить пострадавшего к врачам, дав несколько советов по оказанию первой медицинской помощи.

В 1806 году возмущенный Наполеон пишет министру полиции: «Вчера один кучер, возможно, умышленно, насмерть задавил ребенка. Арестовать его, чей бы он ни был, и строго наказать…» И никакие покровители и «синие мигалки» этому лихачу не помогли.

Сталин, как известно, не оставил в живых практически никого из тех, кто знал его простым человеком, а не кремлевским небожителем, – всех казнил. Наполеон поступал ровно наоборот. Здесь я прошу вас вспомнить две фамилии, которые просил запомнить во второй части книги, но вы, конечно, этого не сделали, – Понтекулан и Летурнер.

Первый взял безработного Наполеона на службу. Второй помешал назначению Наполеона на должность в армию, заявив, что тот еще салага.

Едва став консулом, Наполеон вызвал к себе Понтекулана и объявил ему новую должность:

– Вы – сенатор.

– Невозможно, – ответил Понтекулан. – По закону сенатором можно стать только с сорока лет. А мне еще нет сорока.

– Хорошо. Тогда будьте префектом в Брюсселе или в любом городе, в котором хотите, и не забывайте, что, когда вам стукнет сорок, должность сенатора – ваша.

Так Наполеон поступил с тем, кто ему помог. А что он сделал с Летурнером? Тот был назначен советником Государственного контроля… Кстати говоря, не только Летурнер был недругом молодого Наполеона. Еще больше ему навредил военный министр Директории Обри, который также всячески мешал назначению Наполеона. Как же отомстил ему первый консул? Он назначил вдове умершего к тому времени врага пенсию в 2000 франков.

Если же гибли в бою или умирали на гражданской службе люди, которых Наполеон знал лично, он считал обязанным написать их родственникам несколько строк собственноручно.

Умирает гражданский чиновник, префект Рикора. Наполеон пишет министру внутренних дел: «Я желаю знать положение его семьи, возраст детей и полученное ими воспитание, дабы дать им возможность идти по стопам отца».

Вот он пишет вдове генерала Вальтера: «Я разделяю ваше горе. Я поручил гофмаршалу навестить вас и устроить все, что касается интереса ваших дочерей. Вы и они всегда можете рассчитывать на мое покровительство, и я не упущу случая доказать вам это…»

Своему старому другу Бертье: «Потеря отца всегда чувствительна. Зная вас, я понимаю ваше горе, но все-таки в восемьдесят пять лет смерть неизбежна; а когда жизнь прожита хорошо, то в эти годы остается пожелать оставить после себя хорошие воспоминания. Я сочувствую вашей потере».

Вдове генерала Гюдена: «Я разделяю вашу скорбь. Вы и ваши дети всегда будете иметь право на меня. Государственный секретарь посылает вам удостоверение на получение пенсии в двенадцать тысяч франков, а управляющий государственными имуществами передаст вам указ, которым я обеспечиваю четырьмя тысячами франков каждого из ваших детей…»

Вдове маршала Бессьера: «Ваш муж умер на поле чести… Он оставил незапятнанное имя. Это – лучшее наследство, которое он мог завещать детям. Они обеспечены моим покровительством и унаследуют также то расположение, которое я питал к их отцу…»

Этих писем можно набрать целые тома. И, что характерно, все они не были пустой проформой, написанной по случаю. Обо всем написанном Наполеон помнил. Через семь месяцев после написания последнего письма он навел справки, все ли

выполнено по финансовым обязательствам государства перед семьей Бессьера, узнал, что у того были долги, и заплатил их из своего кармана. Кстати, чужие долги он оплачивал довольно часто…

Например, известный революционный генерал и республиканец Карно, который был очень недоволен восшествием Наполеона на престол и высказывался об этом вслух, к концу жизни обеднел и написал своему политическому врагу письмо с просьбой о помощи. Наполеон распорядился покрыть долги Карно и назначить ему пенсию в 10 тысяч франков, учитывая былые заслуги генерала перед республикой…

Или вот любопытный случай. При осаде Тулона Наполеон познакомился с капитаном Мюироном. Мюирон участвовал в первом итальянском походе Наполеона и погиб при Арколе, закрыв собой Наполеона. Наполеон пишет вдове убитого: «Мюирон умер у меня на глазах. Вы потеряли дорогого мужа, я потерял друга, к которому был привязан… Если я могу быть чем-нибудь полезен вам и вашему ребенку, то прошу всецело рассчитывать на меня».

Тогда Наполеон – всего лишь один из генералов республики, у него нет никаких властных полномочий касательно начисления пенсий, поэтому он пишет в Директорию ходатайство, в котором, как в капле воды, отражается атмосфера тогдашней Франции, где революция разделила семьи: «Прошу вас в уважение к заслугам, достигнутым в различных походах гражданином Мюироном, вычеркнуть из списка эмигрантов (читай, врагов народа. – *А. Н.)* его тещу, гражданку Беро-Курвиль, равно как и его шурина Шарля-Мари Беро-Курвиля. Этому молодому человеку, воспитывавшемуся за границей, при занесении его в списки эмигрантов было всего 14 лет».

В тот же день, когда в Директорию было отправлено это письмо, пакет документов уходит вдове Мюирона. Наполеон пишет ей: «Прилагаю при сем копию письма в Директорию. Зная, как она покровительствует защитникам отечества, я надеюсь, что Директория примет его во внимание. При сем прилагаю шесть рекомендательных писем, каждому из членов Директории и министру полиции. Обратитесь к генералу Дюпону, который скажет вам, когда будет разбираться ваше дело, тогда вы и представите эти письма. Я пришлю вам с первым же адъютантом, который будет отправлен в Париж, денежное пособие для вашего ребенка».

Но и это еще не конец истории. Прошло почти двадцать лет. И уже будучи в ссылке на Святой Елене, Наполеон перед смертью включил в свое завещание вдову Мюирона. Он не знал, жива ли

она, поэтому написал так: «Завещаю 100 000 франков вдове, сыну или внуку адъютанта, убитого возле меня под Арколе и защитившему меня своим телом».

А вот пример иной эпистолы: «Ваше управление Ломбардией доказало мне, насколько вы нечестны и как любите деньги, но я не знал, что вы еще и подлец. Выходите в отставку и не показывайтесь мне больше на глаза».

Письмо Наполеона по инстанции о проворовавшемся генерале: «Я отрешил Солиньяка от должности. Вы объявите ему об отставке и о том, что император, не желая прибегать к крайним мерам, не станет его преследовать, если сумма эта вскоре будет внесена в полковую кассу, но если генерал Солиньяк промедлит с исполнением, то будет предан военной комиссии за присвоение отпущенных на содержание и награды солдат сумм…»

Или вот: «Напишите генералу Гарданну, что ко мне поступили жалобы на то, что он притесняет жителей. Пусть он держит себя с подобающим достоинством, и чтобы я более не слыхал никаких жалоб!»

Даже друзей своей юности, вроде Жюно, в случае совершения ими неблаговидных поступков, Наполеон не щадит: «Ваше поведение очень огорчило меня. Вы обошлись с префектом так, как будто он был капралом вашего гарнизона. Мне непонятно такое отсутствие такта и забвение самого себя. То, что вы сделали, – беспрецедентно».

И касается это не только высшего генералитета: «Напишите капралу Бернода, 13-го линейного, чтобы он перестал пить и вел бы себя получше. Кажется, он получил крест за храбрость. Не следует из-за пьянства лишать его этого креста, но внушите ему, что этим он дискредитирует дарованный ему знак отличия».

Порой Наполеон бывает и более суров. Так, например, в Яффе – там, где сам Бонапарт, не колеблясь, входил в чумные бараки с французскими солдатами, чтобы подбодрить их, – хирург Бойе отказался помогать раненым, боясь заразиться чумой. Наполеон пишет приказ: «Он не достоин звания французского гражданина. Его, одетого женщиной, повезут на осле по улицам Александрии; на спине его будет прикреплен ярлык: „Недостоин быть французским гражданином, ибо трус“».

И уж конечно, Наполеон всячески поддерживает дисциплину в лучшей на тот момент европейской армии – французской. В 1798 году в Египте солдаты украли в частном саду несколько фиников. Наполеон издает приказ: «В присутствии всей гвардии их (провинившихся. – *А.* Н.) проведут два раза по лагерю; они будут одеты в вывернутые наизнанку мундиры с прикрепленными

на виду ветками фиников и ярлыками на груди: „Мародеры“».

Как-то в Италии один из адъютантов потерял наполеоновские депеши. Это очень серьезный проступок! Я бы за такое расстрелял. Но Наполеон требует: «Адъютант Батай потерял мои депеши. Его следует наказать, посадите его на несколько дней под арест. Адъютант может потерять в дороге собственные штаны, но не должен потерять ни доверенных ему писем, ни своей сабли!»

Совершали проступки и министры. Наполеон привел финансы Франции в математическую точность. Финансовая система, которую Наполеон начал отлаживать еще в эпоху консульства, а закончил только в 1807 году, была превосходна, как все, сделанное им. После революционной разрухи Франция буквально воспряла. Причем выздоровление происходило прямо на глазах – если в 1805 году французские банки платили населению 10 % по вкладам, то уже в 1807 году – всего 4 %. Финансовой системе Франции завидовали в других странах. И вот однажды, уехав на очередную войну против очередной европейской коалиции, Наполеон узнал, что его министр финансов вверг Париж в финансовый кризис, допустив огромный провальный займ в 25 миллионов франков. Наполеон был в ярости. Но вместо того, чтобы отдать министра под суд, просто выгнал его, сказав: «Я лишил Марбуа портфеля: он наделал неслыханных вещей, но все же я считаю его честным человеком, подпавшим под влияние мошенников».

Что же касается личных обид и выпадов, то их Наполеон прощал легче всего. Об этом качестве первого консула говорят буквально все, кто его знал. Герцогиня д\'Абрантес: «Все, что известно мне о нем, показывает глубину способной прощать обиды души». Герцог де Боссано: «Его доброе от природы сердце постоянно побуждало его к милосердию». Генерал Рапп: «Как ни старался он казаться строгим, природная доброта его всегда одерживала верх. Никто более него не был способен к снисхождению, чувствителен к голосу милосердия». Герцог Винченский: «Наполеон великодушно прощал личные обиды…»

Когда полиция арестовала некоего горожанина за злобную пропаганду против первого консула, Наполеон, узнав об этом, написал: «Отправьте его к министру полиции и прикажите освободить, если за ним не числится ничего другого».

А вот крайне любопытное письмо к Бертье по поводу проштрафившегося генерала Бельяра: «Скажите генералу Бельяру, что вы не передавали мне его письма, что он, вероятно, помешался в то время, как писал его. Будем считать, что из уважения к его прежним заслугам и ради вашей дружбы вы не

решились передать мне такие непристойные слова…»

Вот еще один поразительный пример. В 1806 году некий князь Гатцфельд был уличен в шпионаже. Причем уличен благодаря собственному письму. Военный суд приговорил шпиона к смертной казни. За несколько часов до казни жена приговоренного добилась аудиенции у Наполеона. Она рыдала, рассказывала о том, какой хороший человек ее муж, как ей будет трудно жить без него. А когда Наполеон показал ей письмо-улику, наивно подтвердила: «Да, это его почерк». Эта потрясающая наивность, красный нос, слезы. В общем, Наполеону стало жалко эту женщину, и он сказал: «Сударыня, если вы сейчас бросите эту улику в огонь, уже не за что будет казнить вашего мужа». Она тут же швырнула бумагу в камин.

Уже потом, разговаривая с Жозефиной, Наполеон признался ей, почему так поступил. Он сказал, что в тот момент плачущая княгиня напомнила ему Жозефину, и его сердце не выдержало.

…Когда Наполеон был в первой ссылке на острове Эльба и собирался вернуться во Францию, чтобы скинуть Бурбонов и снова взять власть в свои руки, ему донесли, что многие, прежде дружески настроенные люди, отвернулись от него, предали своего императора. И что он будет с ними делать, если ему случится вновь стать императором? «Я не стану никого наказывать, я забуду все…» – сказал Наполеон. И в этом был он весь!

Ему удалось в мае 1815 года (о чем мы еще поговорим) вернуться во Францию из своей островной ссылки и снова взять власть в свои руки на знаменитые Сто дней. Наполеону тут же положили на стол прокламации, подписанные его бывшими префектами и чиновниками, в которых они осуждали Наполеона и присягали на верность королю Людовику XVIII. Прочитав все эти бумаги, Наполеон грустно улыбнулся: «Таковы люди. Над ними можно лишь посмеяться, чтобы не заплакать…»

Глава 3 СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Известно трогательное, «корсиканское», свойственное южным народам отношение Наполеона к семье. Семью он любил. Почему же тогда Стендаль написал: «Для Наполеона было бы лучше вовсе не иметь семьи»?

Потому что в семье Бонапартов был только один Наполеон. А все остальные – обычные, посредственные обыватели. А портрет обывателя известен. Я вам его обрисую на примере родственников знаменитого художника Никаса Сафронова.

Никас – миллионер. Сам он родом из провинции, и у него множество никчемных провинциальных родственников. Которых он перевез в Москву, всем купил квартиры. И получил в ответ ссоры, склоки, зависть и упреки: а почему у него телевизор больше, чем у меня?.. а почему у него в квартире евроремонт, а меня нет?.. ты несправедлив!

Наполеон, став повелителем Европы, подарил своим братьям-сестрам по королевству, рассадил их на троны. И получил то же, что и Сафронов, – капризы, скандалы, дрязги. И обиды – на самого Наполеона. У одного королевство было больше, у другого лучше. При этом никто из них толком управлять ничем не умел. Но каждый считал, что владеет королевством по праву! С нищего детства привыкнув к тому, что все в семье общее (и зарплата Наполеона тоже!), к завоеванной братом Европе они относились как к семейному имуществу. И упрекали Наполеона в том, что он все захапал только себе, а им достались крохи.

– Право, послушав их, можно подумать, что я промотал наследство отца! – горько восклицал Наполеон.

Бытовое поведение посредственностей в масштабах Европы.

О том же, но в других словах говорил австриец Меттерних: «Наполеон имел большую слабость к своей семье. Хороший сын, хороший родственник… он страдал от разврата некоторых своих близких, не выказывая, однако, достаточной силы воли, чтобы прекратить зло даже тогда, когда он должен был сделать это ради своих несомненных интересов».

Меттерниху вторил секретарь Наполеона Меневаль: «Надо отметить, что, несмотря на постоянные неприятности, которые доставляла ему семья, император навсегда сохранил ко всем своим родственникам большую нежность».

– Мои родственники сделали мне гораздо более дурного, нежели я им хорошего, – сокрушался Наполеон.

Даже мать огорчала его, правда, совершенно в другом смысле. Ей не нужны были никакие королевства, но мечтой

Наполеона было окружить мать максимальной заботой и комфортом, чтобы хоть как-то компенсировать годы ее нищеты и самоотречения. Однако, как человек *хлебнувший,* Летиция Бонапарт упорно не хотела шиковать, а значительную часть денег, которые давал ей сын, откладывала на черный день, говоря о своих детях:

– Когда-нибудь всех этих королей погонят взашей, и они опять окажутся на моей шее. Потом сами же мне спасибо скажете!

Наполеон не мог сдержать улыбки, когда слышал такое, но Летиция упрямо не желала впадать в мотовство. В отличие от своих детей, которые *дорвались*…

Иногда Наполеон пытался вразумить своих родственников. Он выговаривает брату Жозефу, которого назначил Неаполитанским королем: «Вы [в письме] пишете фразы, которые я почел бы скверными. Вы сравниваете привязанность французов к моей личности с привязанностью неаполитанцев к вам. Это походит на эпиграмму! Какую любовь хотите вы от народа, которому вы еще ничего не сделали и у которого находитесь лишь по праву победы с сорока или пятьюдесятью тысячами иностранцев?»

Через обиды и надувание губ Жозеф постепенно учился, и, как пишет историк Артур Леви, «надо признать, что в час переворота в 1814 году Жозеф прекрасно держал в руках бразды правления в Париже».

Брат Луи, которого 16-летний младший лейтенант артиллерии Наполеон Бонапарт забрал из дома 10-летним, учил и воспитывал, был посажен императором Наполеоном на голландский трон.

– Я дал Голландии короля, который был почти моим сыном, – сказал Наполеон.

И что же Луи? Он постоянно пишет Наполеону занудные письма, просит денег. Наполеон отвечает королю Голландии: «Вы мне пишете каждый день только для того, чтобы сообщить о своей нищете. Я не обязан платить долги Голландии…»

Но особенной любовью к необузданным тратам и пышности отличался самый младший брат, Жером, усаженный Наполеоном на Вестфальское королевство. Для относительно небольшого королевского двора Вестфалии Жерому были непременно нужны обер-гофмаршал, два дворцовых префекта, главный камергер, 15 простых камергеров, 8 помощников церемониймейстера, 20 адъютантов, главный конюшенный и 6 почетных конюшенных, несколько секретарей и проч. Точно так же был устроен и двор королевы, жены Жерома… Жером любил раздаривать дамам бриллиантовые колье, и нечего удивляться, что он просто оброс

долгами. Наполеона, который всю жизнь экономил и не утратил этой полезной привычки будучи императором, все это до крайности раздражало.

Сам император величайшей в мире империи мог остановить в коридорах дворца придворную даму, несущую расходную книгу прачки, и проверить счета. Он мог спросить обувных дел мастера, отчего тот ломит такую цену за туфли? В его лейтенантской молодости туфли не стоили так дорого!.. (Обувных дел мастер, правда, быстро нашелся и ответил: «Ваше императорское величество может заплатить мне даже дороже, если захочет!» Наполеон расхохотался.)

Тем не менее излишне тратиться и переплачивать он не любил, говоря: «Я должен строже следить за тратами, касающимися меня самого». Однажды Жозефина подарила итальянской принцессе гирлянду цветов, купленных у придворного поставщика. Наполеон дает поручение Евгению Богарне: «Я желаю, чтобы вы без ведома принцессы оценили ее… и сообщили мне, дабы знать, насколько эти господа меня обкрадывают».

Стараясь сократить расходы на свой двор, Наполеон иногда, проверяя счета, останавливался на произвольной строке, например на сахаре, и начинал высчитывать потребление сахара по числу проживающих во дворце лиц.

«Однажды, – рассказывает Массон, – его внимание было привлечено к расходам на кофе. Узнав, что ежедневно его двор потребляет 155 чашек кофе, он вычислил, что каждая чашка обходится в 20 су при цене кофе 5 франков за фунт и сахара – 4 франка, и что в год это составляет 56 575 франков. Кофе перестали выдавать натурой, а вместо него стали давать деньги. (Монетизация льгот! – *А.* Н.) Все при этом остались довольны, расход кофе сократился, а Наполеон сберег для двора 35 000 франков».

Император знал, что в его гардеробе пять военных мундиров, каждый из которых обошелся казне в 360 франков. У него есть два охотничьих костюма и один гражданский за 200 франков. Он помнил, что костюм должен прослужить три года, прежде чем потребует замены.

Таким был самый богатый и влиятельный человек Европы.

Но еще большее рвение Наполеон проявлял, следя за государственными финансами. Вот в одном из документов он называет муниципальные службы, отвечающие за освещение города, «мошенниками, потому что они воображают, что хорошо осветили парижские улицы, после того как дали взятку канцелярии префекта полиции».

Наполеон гневается на дурных военных подрядчиков: «… присланные седла плохо изготовлены, вместо того, чтобы быть набитыми соломой, шерстью и волосом, они набиты только соломой и шерстью, волос положен лишь в подушки, чтобы показать, что он есть. Произведите вычеты с виновного в мошенничестве подрядчика. Я трачу много денег, плачу аккуратно и желаю, чтобы поставщики поставляли хорошие вещи».

Поставщики просят денег за якобы поставленные 1500 пар сапог для какого-то полка. Наполеон в длинном ряду цифр цепляется глазом за эту и выносит резолюцию: «Это смешно, когда полк имеет только 1200 человек!»

Нищая молодость научила его быть экономным. Распекая кого-то из министров, Наполеон восклицал: «Вы думаете, человек, который не родился на троне, а бегал по улицам, может удовлетвориться такими плохими отчетами?….» «Я уже давал вам знать, что способ, каким вы делаете ваши списки, неудобен… было бы лучше, например, каждый округ разделить на семь листков, из которых первый представлял бы суда на море, второй – в момент отправления и т. д…». «Гражданин министр! Я желаю, чтобы вы каждый день в 19 часов вечера присылали мне отчет о переписке с центральной администрацией. Велите напечатать по этому поводу списки в три столбца. В первом будут находиться списки всех департаментов и всех центральных комиссариатов, во втором – заметки о переписке, относящейся к военным запасам и взысканию налогов, в третьем…»

Теперь вы понимаете раздражение Наполеона пустыми тратами своей семьи?..

Сестра Наполеона Элиза получила верховное правление в Пиомбино, этого ей показалось мало; она получила Лукку, но снова была недовольна. Тогда Наполеон подарил ей Тосканское герцогство…

Младшая сестра Наполеона – Каролина – была женой маршала Мюрата и сидела с ним на троне в Италии, строя разные каверзы.

Средняя сестра – Полина, которую называли «королевой безделушек», – стала принцессой. Она приехала в Рим со своим мужем Камилом Боргезе. Вообще Полина славилась своей красотой на всю Европу, сам Паганини был ее тайным воздыхателем. Утонченные черты ее лица и изгибы прелестной фигуры удостоились резца Антонио Кановы – одного из лучших скульпторов того времени, который выбрал ее натурщицей для своей Венеры. Но она была весьма легкомысленна.

Подуставший от выкрутасов своих родственников, которым

он периодически все же давал окорот, Наполеон пишет сестре перед отъездом ее в Италию: «Любите вашего мужа и вашу семью, будьте предупредительны, привыкайте к нравам Рима и вбейте себе хорошенько в голову, что если в ваши годы вы последуете дурным советам, на меня больше можете не рассчитывать».

…Провинциальная корсиканская семья! Мафия. Шумная, крикливая, дружная, враждебная, эмоциональная, ссорящаяся… Хоть и дворяне, но наверняка дальние потомки каких-нибудь конокрадов!..

Кстати говоря, красавица Полина – единственная из сестер и братьев Наполеона, которой менее всех остальных доставалось благ и капель золотого дождя. Ей он отказывал чаще всего. Но именно она в тяжелое для Наполеона время, перед Ватерлоо, передала ему свои сбережения и коробку с бриллиантами: «Держись, братка!….»

Часть V САХАР + ЧАЙ + КОФЕ = ВОЙНА

Никогда в человеке не соединялось столько жестокости, тирании, дерзости, сладострастия, грязного разврата, скупости, как в этом Наполеоне Буонапарте. Природа не производила еще такого ужасного существа!..

Памфлетист Гольдшмит, на жаловании англичан

…что означает понятие «император»? Такое же слово, как и всякое другое. Если бы я оставил потомству только один этот титул, оно посмеялось бы надо мной. Мои учреждения, мои благодеяния, мои победы – вот мои настоящие славные титулы. Что мне за дело, что меня называют корсиканцем, капралом, узурпатором?

Наполеон

Два года, данные Наполеону для мирного труда, прошли. И вновь неугомонная Англия вынудила его взяться за оружие.

Английской буржуазии и промышленности был нужен европейский рынок. Который Наполеон не открывал для английских товаров, поскольку промышленность Франции пока была слабее английской.

Наполеону война была не нужна. У него в стране начало бурно развиваться производство. Крестьяне выращивали на собственной земле хлеб и виноград. В страну, пользуясь миром, начали ездить богатые английские туристы, привозя с собой денежки. Поэтому он всячески старался не допустить эскалации напряженности. Но англичане настаивали на допуске своих товаров, и Наполеон согласился открыть свой рынок для английских товаров на следующих взаимовыгодных условиях: Англия поставляет во Францию своих товаров на миллион

франков и в обмен на ту же сумму закупает французские товары. Англия в резкой форме отвергла это предложение, назвав его гнусным. Она на всех парах катилась к войне. Английская буржуазия решила отобрать европейский рынок у Наполеона.

В общем, Англия вновь развязала войну. Там понимали, что воевать с наполеоновской Францией – не то же самое, что с нищей революционной Францией. Теперешняя Франция и по территории больше, и жирком экономическим обросла. И потому Англия испытывала трудности, стараясь организовать в Европе очередную антифранцузскую коалицию. Россия колебалась, Пруссия не решалась. А вот Австрия очень хотела настучать Наполеону по кумполу и отобрать у него все свои бывшие владения! Но, к сожалению, весь ее предшествующий опыт показывал: любые попытки Австрии настучать по кумполу Наполеону заканчивались тем, что по кумполу огребала сама Австрия. И еще раз подтверждать эту печальную закономерность Вене не очень хотелось: ее собственный кумпол до сих пор звенел от прежних попыток поговорить с Наполеоном на повышенных тонах.

Объявившая войну Англия оставалась в одиночестве. А Наполеон между тем не дремал. Он приступил к строительству грандиозного военного лагеря в Булони, возле Ла-Манша. Там сосредотачивалась огромная армия для высадки в Англии. В смысле флота Франция была по-прежнему гораздо слабее царицы морей, и в море у французов шансов не было. Оставалось проскочить незамеченными. Поэтому Наполеон говорил:

«Мне нужно только три туманных дня – и я стану господином Лондона и Английского банка». Так же как когда-то римский генерал Тит понимал, что опора бунтующей Иудеи – иерусалимский Храм, и потому разрушил его, так и Наполеон прекрасно осознавал: стоит ему захватить или сломать финансовую систему англичан, как вся английская буза будет кончена. Любопытно, что Наполеон даже продумал, как после победы выплатить национальный долг завоеванной Англии, которая вкладывала в антифранцузские действия такие ломовые бабки, что в стране образовался солидный дефицит бюджета.

Короче говоря, Наполеон готовился и ждал туманов. А что такое три туманных дня для тех туманных мест? Вопрос времени! Как только Наполеон закончит сосредоточение войск и строительство десантного флота, как только он дождется осенних туманов, он переправится через узкий пролив, высадится в Англии и возьмет Лондон. В этом тогда не сомневался никто – ни сам Наполеон, ни англичане. Часть местности, пригодной для высадки французского десанта, англичанами была затоплена, на

побережье строились редуты, была произведена массовая мобилизация, Лондон периодически накрывали волны паники.

Что оставалось делать англичанам в этой критической ситуации? Они сделали ставку на убийство Наполеона. Вполне традиционная английская тактика. Весьма характерная для благородных британцев…

Глава 1 «И ЧЕРНОЙ ТОЧКОЙ НА БЕЛЫЙ ЛИСТ ЛЕГЛА ТА НОЧКА НА МОЮ ЖИЗНЬ»

В это время в Лондоне жил пригретый на всякий случай англичанами вандейский бандит и фанатик Жорж Кадудаль. Теперь «всякий случай» настал. Кадудаль был командирован в Париж для организации очередного покушения на Наполеона. И таких, как он, в Лондоне болталось немало. Все пригодились. Операция была столь грандиозной, что англичане в ее успехе не сомневались, отсчитывая дни до смерти первого консула.

Как эпически повествует Тарле, «в одну темную августовскую ночь 1803 года Жорж Кадудаль и его товарищи были высажены английским кораблем на берегу Нормандии…» Диверсионная группа состояла из нескольких десятков человек, которые, двигаясь ночами, пережидали дневное время на явочных квартирах и крестьянских фермах. Располагая неограниченными средствами, они поселились в Париже и какое-то время жили там неузнанными, готовя покушение.

Французская контрразведка через свою английскую резидентуру получила информацию о группе террористов и намеченном убийстве Наполеона, но некоторое время не могла выследить глубоко законспирированное и обладающее обширными связями подполье. Однако вскоре были произведены первые аресты.

Масштаб заговора и его накал был таким, что никакими иными делами Наполеону в те тревожные дни заниматься было уже некогда. Он постоянно встречался с министром полиции Фуше, своими личными агентами, представителями армейской разведки, читал многочисленные протоколы допросов арестованных.

Изучая эти протоколы, Наполеон обратил внимание на то, что один из заговорщиков был вполне интеллигентным человеком – врачом. Первый консул велел Фуше обратить на него особое внимание, справедливо предполагая, что интеллигентный человек – слабый человек. И стоит на него нажать, как он начнет колоться по полной. Вот как об этом вспоминал сам Наполеон: «…меня осенило, что действия этого человека были продиктованы не энтузиазмом или духом товарищества, но надеждой добиться для себя определенной выгоды. Поэтому по сравнению с другими от него, вероятно, будет легче добиться

признания, и страх перед смертью побудит его предать своих сообщников».

Врачу сообщили, что по той статье, по которой он проходит, ему однозначно рисуется вышка, но можно попробовать добиться помилования. И врач начал колоться. Он сообщил, когда и вместе с кем был высажен англичанами на французский берег, назвал явки, пароли, дома, где члены его диверсионной группы ночевали по пути в Париж, парижские связи. Поскольку наполеоновские методы ведения следствия ничуть не напоминали сталинские, офицеры полиции немедленно направились проверять сообщенную врачом информацию. Все сказанное подследственным нашло подтверждение.

Это подстегнуло расследование. Вскоре участники террористических групп были установлены. Оставалось их взять. В Париже было введено чрезвычайное положение, все выходы из города перекрыты, кроме нескольких, на которых стояли люди, знающие заговорщиков в лицо. За выдачу всех известных заговорщиков, типа Кадудаля, были объявлены крупные денежные премии. И вскоре все террористы были арестованы, кроме фанатика Кадудаля, который оказал вооруженное сопротивление и был убит во время перестрелки.

Допросы арестованных показали, что координатором заговора является герцог Энгиенский из рода Бурбонов, которого заговорщики и планировали посадить на трон после переворота. Он жил в Бадене – в девяти километрах от французской границы – и ждал сигнала об успехе покушения, чтобы въехать во Францию и быть провозглашенным новым королем.

Несмотря на то что формально герцог Энгиенский был вне территории Франции, Наполеон дал приказ его арестовать. Отряд французской жандармерии вторгся на территорию Бадена и произвел молниеносный арест герцога, захватив все его бумаги. И сами эти бумаги, и признательные показания герцога полностью изобличали его участие в заговоре. Герцога Энгиенского судил военный трибунал и приговорил к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. Вот вся история вкратце.

Но История краткости не приемлет.

Расстрел герцога Энгиенского сыграл в жизни Наполеона роковую роль. Смерть герцога буквально потрясла всю Европу. Плакала даже Жозефина.

Нам сейчас, из XXI века, сложно сказать, чем был так люб аристократической Европе герцог Энгиенский. Но его расстрел в тогдашнем высшем свете восприняли примерно так же, как в современной России восприняли бы расстрел Аллы Пугачевой.

Вопиюще!.. Кто поверит, что Пугачева – заговорщица? А хоть бы и так! Она же примадонна!.. Сказать, что Европа была возмущена убийством человека с королевской кровью, значит ничего не сказать. Флюиды ненависти со всех сторон полетели в Париж в адрес Наполеона. И эти флюиды оказали свое роковое влияние на формирование новой антифранцузской коалиции, катализировав его. Убийство «невинного агнца Энгиенского» общественное мнение Европы целиком повесило лично на Наполеона. И потому здесь нужно разобраться подробнее. Насколько Наполеон виноват в смерти герцога? Хотел ли он ее?..

Не виноват. И не хотел.

Во-первых, судили герцога по закону, принятому еще до прихода Наполеона к власти. Статья 2, по которой прошел герцог, гласила: «Всякий заговор, имеющий целью вызвать в государстве гражданскую войну и вооружить граждан друг против друга или против законной власти, карается смертью». Именно на внутреннюю смуту и рассчитывали спонсоры заговора. Впрочем, и в самой Франции мало кто сомневался, что убийство первого консула – мощнейшего консолидатора нации – вызовет в стране беспорядки, споры о наследнике и столкнет французов друг с другом в новой серии гражданской войны.

Во-вторых, все члены военного трибунала, выслушав показания осужденного и материалы дела, вынесли единогласное решение о расстреле. Обычно говорят, что Наполеон заставил свой ручной трибунал проголосовать за казнь. Однако имена всех членов трибунала известны: майор Дютанкур, полковники парижского гарнизона Ровье, Барруа, Раббе, Базанкур, Сюнтон и генерал Юлен. И никто из них, даже после свержения Наполеона, когда к власти вновь пришли Бурбоны и Бонапарта во Франции можно было поливать грязью как угодно… так вот, ни один из этих офицеров не написал в своих мемуарах об оказанном на них давлении. У них не только не было прямых инструкций об осуждении герцога, но, отправляясь на суд, они даже не знали, кого именно им придется судить.

В-третьих… Почему же Наполеон, понимавший, какая гневная и возмущенная реакция Европы последует в ответ на расстрел герцога Энгиенского, не помиловал его? Историки давали множество ответов на этот вопрос. Но лучше послушать того, на чьих глазах эта история происходила, – личного секретаря Наполеона Меневаля, неотступно бывшего с Наполеоном все это время. Он свидетельствует следующее…

Наполеон знал, чем грозит Энгиенскому статья французского закона о заговоре. Он также знал, какой резонанс вызовет расстрел лица с королевской кровью в Европе. Поэтому Наполеон

хотел выказать не только решительность, отдав преступника под суд, но и свойственное ему милосердие, воспользовавшись своим правом на помилование. Для этого он послал письменное указание госсоветнику Реалю выехать в Венсенн, где состоялся суд, и лично поговорить с герцогом Энгиенским, после чего доложить о результатах беседы Наполеону. Имелось в виду, что герцог передаст Наполеону просьбу о помиловании, а Реаль до той поры распорядится отложить расстрел. Однако, как пишет Меневаль, «в силу той фатальности, которая предопределила весь ход событий в этом деле, Реаль, не имевший за последние восемь дней ни минуты отдыха и проведший несколько бессонных ночей, именно в этот день… запретил своему камердинеру будить его до пяти часов утра». Среди писем, которые ему вручили, когда он пробудился ото сна, было и то самое письмо. Прочитав его, продолжает Меневаль, Реаль «оделся с быстротой, на которую только был способен, и помчался в Венсенн, но на пути встретил полковника Савари, который сказал ему, что приговор в отношении герцога Энгиенского уже приведен в исполнение». В жизни пленника была поставлена жирная точка.

Всего нескольких часов не хватило судьбе, чтобы спасти герцога. Наполеон был шокирован этой новостью, но ругать Реаля не стал: он сам валился с ног, знал, что люди работают на износ, и потому просто развернулся и молча ушел. «Мы слышали, – писал Меневаль, – как первый консул медленно поднялся по лестнице, которая вела в небольшую комнату над библиотекой. Там он захлопнул за собой дверь и в течение длительного времени не выходил».

Рассказ о состоянии Наполеона, в котором он пребывал на следующее утро, продолжает его камердинер Констан:

«В ранний час я зашел в комнату императора и нашел его уже проснувшимся. Он лежал, облокотившись на подушку, и выглядел мрачным и усталым. „Констан, – сказал он мне… – Я очень плохо спал“. Казалось, он был чем-то чрезвычайно озабочен и полностью поглощен какими-то мыслями. На лице его лежала печать меланхолии и страдания. Пока я одевал его, он не произнес ни слова, чего никогда не случалось.

Неожиданно распахнулась дверь и в комнату вошла жена первого консула в своем утреннем неглиже. Она была страшно возбуждена, на щеках виднелись следы слез. Ее неожиданное появление удивило и даже напугало, ибо только в исключительных случаях что-то могло заставить госпожу Бонапарт покинуть свою комнату в подобном костюме. Она ворвалась в комнату с криком: „Герцог Энгиенский мертв! О, мой друг! Что же ты наделал!“ Затем, рыдая, она упала в объятия

первого консула, который мертвенно побледнел и чрезвычайно возбужденным тоном сказал: „Эти негодяи слишком поспешили!“

Новость о смерти принца быстро распространилась по замку, вызвав гнетущее впечатление, все словно оцепенели от мрачных предчувствий. Первый консул не мог не заметить эту атмосферу всеобщего горя, но никому за это не сделал выговора. Величайшее огорчение, возникшее у его слуг, исходило из понимания того, что эта катастрофа неизбежно бросит тень на предмет их гордости.

Первый консул, вероятно, прекрасно понимал наши чувства; но как бы то ни было, я здесь рассказываю все так, как видел собственными глазами. Я не претендую на знание того, что происходило во время совещания в кабинете первого консула, но его эмоции кажутся мне искренними и естественными. Он оставался печальным в течение многих дней».

Констану вторит Меневаль: «Это лишь те факты, которым я был свидетелем. Я рассказываю только о том, что видел и слышал. Я могу добавить, что не было никакого словесного или письменного общения между первым консулом и военной комиссией в течение времени, которое прошло между допросом герцогом Энгиенского и его казнью. О драматической борьбе в душе Наполеона свидетельствует тот приказ, который он отдал господину Реалю, а также уединение, которого он искал в Мальмезоне, чтобы отгородиться от любого внешнего влияния… он избегал гостиной госпожи Жозефины, запирался в личных апартаментах, отказывался отвечать жене, которая постоянно подходила к его двери и тщетно стучала в нее. Я до сих пор не могу забыть гробовое молчание, царившее вечером в гостиной…»

Но как ни горюй, а Алла Пугачева уже была расстреляна.

Итоги?

В результате титанических усилий спецслужб заговор был подавлен.

Общеевропейское возмущение расстрелом герцога Энгиенского помогло Англии сколотить новую антифранцузскую коалицию.

А Наполеон понял, что послужило причиной возмущения. Текущая в жилах герцога королевская кровь! К королям и принцам Европа относится более уважительно, чем ко всем остальным, в том числе и к непонятным первым консулам, пусть и обладающим огромной властью. Осознав это, Наполеон решил: он должен стать императором. Может быть, это упрочит его позиции в глазах феодальной Европы?

Но как отнесется к этому Франция, которая совсем недавно свергла короля, с удовольствием распевает «Марсельезу» и очень

гордится революционными завоеваниями, подобных которым нет более нигде в Европе? Не скажут ли французы, как в стихах Всеволода Емелина:

Если вы позабыли это,
Мы напомним вам, недоноскам,
Как Марии-Антуанетты
Голова скакала по доскам!

Глава 2 ГРАЖДАНИН ИМПЕРАТОР

Крупный, мелкий и средний бизнес интересовало, а что будет, если Наполеона все-таки убьют или когда он умрет сам? Опять смута и драка за власть? Как хорошо в этом смысле работает институт престолонаследия – автоматически! Все всё знают, никаких споров, страну наследует старший сын, никому и в голову не приходит выдвигать свою кандидатуру.

Поэтому бизнес, к которому Наполеон был так ласков, понимая, что именно предприниматели – основа страны, поддержал идею провозглашения Наполеона императором. По тем же самым причинам поддержал ее и народ: уж очень людям не хотелось свар. Во всяком случае народный плебисцит подавляющим большинством голосов поддержал идею сделать Наполеона императором.

Во время церемонии коронации Наполеон попросил своего камердинера поболтаться в ликующей толпе и послушать, что говорит народ, нет ли недовольных воцарением нового монарха. Позже Констан писал: «Я не слышал ни одного ворчливого голоса, ни одного осуждающего власть ропота, столь велик был энтузиазм, с которым все сословия Парижа встретили его величество…»

А вот какую точную психологическую зарисовку дает секретарь Наполеона Меневаль: «По окончании церемонии я оказался в одной из гостиных и беседовал с несколькими офицерами и адъютантами на тему дня. Один из лакеев в полном ливрейном одеянии с золотыми шнурами по всем швам и в белых шелковых чулках пробился ко мне и громко обратился: „Император желает видеть вас“. Эти слова произвели впечатление электрического шока на всех присутствующих. (Не привыкли еще! – *А. Н)* Все посмотрели друг на друга сначала в полном недоумении, а затем с улыбками, словно хотели сказать: это не сон!»

И тут же Меневаль объясняет эту непроизвольно вспыхнувшую радость: «Франция была слишком потрясена ужасными эксцессами правления Террора и вялым режимом Директории. Опасности, которым подвергался Наполеон, не были забыты, а опасения в отношении новых угроз усиливались. Были опасения, что в случае гибели Наполеона наступят времена жестокой реакции. Народ устал от бесконечных перемен и был полон решимости не испытывать новых злоключений. Всеми руководило общее желание получить наконец возможность спокойного существования под надежной защитой прочного

правительства».

Это только на первый взгляд может показаться странным, что нация, которая совсем недавно с восторгом оттяпала своему королю голову, теперь с восторгом принимает нового монарха. Главную причину я уже объяснил. Но была еще одна. Умный Наполеон ведь не зря назвался не королем, а императором. Это слово пробуждало у французов новое чувство… Теперь у французов была своя империя! А не какое-то захудалое королевство. Это раньше Франция представляла собой невнятное лоскутное одеяло, раздираемое кризисами и дрязгами, провалившееся в нищету, анархию, бандитизм и гражданскую войну. А теперь Франция стала гораздо больше, чем была при Людовиках. И гораздо богаче. Это раньше большинство французов в своей стране были людьми второго сорта. А теперь они жили в огромной богатеющей империи, будучи ее полноправными гражданами. Как когда-то римляне в своей величайшей из всех империй. Величием Рима веяло от слова «император»! И этот волнующий запах подтверждался впечатляющими экономическими успехами страны, о которых мы в конце книги еще поговорим более подробно.

Коронация проходила с большой помпой. Наполеон, вспомнив, что Карла Великого короновал сам папа римский, решил повторить этот ход. Европа ценит и уважает папу римского? Прекрасно, значит, нужно использовать авторитет папы. Разница только в том, что Карл Великий сам приехал в Рим короноваться, а Наполеон вызвал папу в Париж. Папа Пий VII не возражал.

Да и как этот старый прощелыга мог возражать, если вокруг папской области стояли войска с трехцветными кокардами? Папа римский как миленький вскочил в таратайку и помчался в Париж. Где 2 декабря в Нотр-Даме при большом стечении публики помазал, что называется, Наполеона на царство. Общеизвестный момент: когда папа начал было возлагать корону на Наполеона, тот перехватил ее и сам возложил себе на голову, показав тем самым, что своим императорством обязан только себе и сам себя коронует, а папа здесь – лишь формальность. Затем Наполеон возложил корону на Жозефину, сделав ее императрицей.

Народные гуляния в честь этого события продолжались несколько дней. Хотя, надо признать, у коронации Наполеона были и противники. Так, Бетховен, который ранее посвятил Наполеону «Героическую симфонию», узнав о его провозглашении императором, снял с симфонии посвящение. И даже в ближайшем окружении Наполеона не всех радовало возложение короны на его голову. Скажем, ярые республиканцы Бернадот и Ланн,

впитавшие в кровь идеи французских просветителей и идеалы революции, отнеслись к этому весьма неоднозначно.

Надо сказать, в окружении Наполеона было довольно много людей – особенно из его старой гвардии, – которые могли резко не соглашаться с императором. Ланн, например, в отличие от всех прочих, упрямо говорил новоиспеченному императору «ты». Наполеон сердился, пытался объяснить Ланну, что это противоречит дворцовому этикету, но тщетно. Именно упрямому Ланну молва приписывает знаменитые слова, сказанные им на коронации Наполеона. Когда Наполеон спросил Ланна, как ему нравится вся эта пышная процедура, Ланн ответил: «Прекрасно! Жаль только, что на этой церемонии не хватает тех 300 000 французов, которые отдали свои жизни за то, чтобы подобная процедура была невозможной!….» Старый революционер Бернадот тоже порой взбрыкивал против имперства. Но Наполеон терпел их. Он знал: талантливые люди всегда строптивы. А Ланн, который во время итальянского похода дважды спас Наполеону жизнь, был, пожалуй, самым выдающимся наполеоновским маршалом и самым близким его другом. После смерти Ланна Наполеон сказал: «Я нашел его пигмеем, а потерял великаном».

Ланн порой нещадно ругал Наполеона, о чем тому, конечно же, доносили. Порой Наполеон, в свою очередь, злился на Ланна и ругался на него, неоднократно просил маршала прекратить комиковать и стать, наконец, солидным человеком, даже отдалял его от себя. Но каждый раз, когда над Францией нависала очередная опасность, они оба, плечом к плечу, выступали в поход. И когда в одном из боев Ланну оторвало ногу, Наполеон сидел возле умирающего, слушал его проклятия в свой адрес и молча гладил Ланна по голове. А перед самой смертью Ланн вдруг перестал оскорблять Наполеона, взглянул на него и сказал: «Живи! И спаси армию!» Когда Ланн умер, Наполеон заплакал. Во второй раз в своей жизни.

За строптивым маршалом Бернадотом – убежденным сторонником республиканской формы правления – тоже числится немало славных боевых и гражданских подвигов. Однажды за его избыточную самостоятельность Наполеон даже снял Бернадота с должности. А потом судьба сложилась так, что по просьбе Швеции и с согласия Наполеона этот птенец гнезда Наполеонова стал шведским королем. Причем не просто королем, а одним из самых уважаемых и любимейших королей Швеции.

И вот же ирония судьбы! Став королем Швеции, Бернадот никогда не снимал с себя нижней рубашки в присутствии посторонних, даже когда принимал ванну. Потому что тело бывшего революционера и убежденного республиканца, а ныне

короля, украшала татуировка молодости «Смерть королям!»

Несколько лет тому назад был я в Стокгольме. И экскурсовод, смешно выговаривающий русские слова, рассказывал нашей группе о том, что мы видим вокруг из окна автобуса:

– А вон тот домчик, который по правое окно, есть корольский дворец, где живет наш король.

Король, который ныне правит Швецией, – прямой потомок того самого Бернадота. И это еще один живой привет, дотянувшийся до современности из великой наполеоновской эпохи.

После коронации Франция стала империей и приобрела императора. К императору полагалось обращаться «сир», но поначалу, как пишут современники, люди с непривычки все время путались, обращаясь к Наполеону то «гражданин», то «генерал», то «первый консул». Люди ошибались, смущались, это вызывало улыбки, в том числе и у Наполеона, который все понимал. Зачем же он провернул этот спектакль с императорством, ведь у него и так была пожизненная власть? На этот вопрос ответил сам Наполеон на острове Святой Елены: «Я хотел объединить новые институты этого века с его предрассудками… Это была моя величайшая ошибка».

Глава 3 НЕДОЦИВИЛИЗОВАННАЯ АНГЛИЯ

Как я уже говорил, Наполеон усиленно готовился к десанту в Англию. В Англии царила паника. Английские эмиссары метались по всей Европе с золотом, стараясь сколотить третью антифранцузскую коалицию. И в этом им сильно помог расстрел герцога Энгиенского. Он послужил камешком, спустившим лавину давнего недовольства Наполеоном. Австрия, которая тайно страдала оттого, что по собственной глупости проиграла кучу своих территорий Франции, жаждала реванша. И тут выпал такой замечательный шанс: провести войну на чужие – английские – деньги. Паникующие англичане, видя, что подготовка Наполеона к десанту идет полным ходом, бабла уже просто не считали. Они не выплачивали жалованье собственным морякам и солдатам, заменяя для них деньги плеткой, а золото везли в Европу. Платя тем самым европейцам за кровь, которую те прольют в войне с «корсиканским чудовищем».

Еще колебалась Пруссия. Раздумывало Неаполитанское королевство, все более склоняясь к коалиции. И тут к коалиции присоединился русский император Александр. Активная торговля с Англией, которую вела Россия, конечно, еще не повод, чтобы проливать русскую кровь за английские интересы, но европейски образованному Александру, который по-французски говорил лучше, чем по-русски, и слегка стеснялся своей дикой рабовладельческой страны, очень хотелось решать судьбы Европы, стать европейским политиком. Есть даже мнение, что слава Наполеона заставляла Александра ревновать. Во всяком случае, некоторые психологические моменты, о которых я расскажу позже, заставляют об этом задуматься.

Вступить в антифранцузскую коалицию Александра подтолкнула еще и личная обида, которую нанес ему Наполеон. Я уже упоминал про эту историю, сейчас расскажу ее чуть подробнее. После расстрела герцога Энгиенского вся Европа, как мы знаем, была шокирована. Но проявляла она свой шок поразному. Баденский герцог, на чьей территории взяли Энгиенского, вообще молчал в тряпочку и даже через третьих лиц пытался выяснить у Наполеона, не сердится ли тот, что означенный преступник Энгиенский жил на его территории? И вообще, удобно ли было французским жандармам арестовывать преступника, не обидел ли их кто, не чинила ли какая собака препятствий?..

Но чем дальше от французских границ сидел властелин, тем наглее проявлялось его возмущение расстрелом Энгиенского. Самую наглую выходку допустил русский царь Александр из своей непонятной Сибири. Он выдумал послать Наполеону дипломатическую ноту, в которой резко высказывался против нарушения французскими жандармами баденского суверенитета и норм международного права.

Наполеон, который, как мы знаем, всегда отличался блистательным чувством юмора, мигом углядел логическую несообразность в этой ноте и ответил Александру примерно следующее. Дорогой мой далекий русский корешок! Герцог Энгиенский был арестован за участие в покушении на мою жизнь. Вот если бы ты, уважаемый Александр, узнал, что где-то неподалеку от русской границы скрываются убийцы твоего родного отца, разве ты, руководствуясь чувством справедливости, не послал бы арестовать этих грязных подонков? И разве я, Наполеон, стал бы протестовать против твоего священного права наказать убийц отца? Да ни в жисть!..

Ах, какой это был удар! Какой это был мощный и красивый удар! Вся Европа знала, что Александр участвовал в заговоре с целью убийства своего отца. Вся Европа знала, что убийцы императора Павла не то что не сбежали за границу, а свободно ходят по Санкт-Петербургу и захаживают в Зимний дворец.

Лютая ненависть к Наполеону за напоминание о его собственном преступлении охватила малахольного Александра. И он резко вступил в антифранцузскую коалицию, едва англичане вновь поманили его деньгами – точно так же, как они поманили его деньгами, когда Лондону нужно было пришить папу Александра.

Что же касается Наполеона, то он, всю жизнь любивший отца и очень переживавший его раннюю смерть, считал отцеубийство одним из самых тяжелых преступлений. В его жизни был эпизод, когда вместе со своим братом Наполеон подыскивал домик для проживания. И им попался приличный дом по сходной цене.

– Отчего так дешево? – спросил Наполеон.

– Просто здесь произошло убийство. Но что вам до этих предрассудков, господа офицеры?

– И кто кого убил?

– Сын отца.

– Отцеубийство! – воскликнул потрясенный Наполеон и потянул брата за рукав. – Пойдем отсюда скорее!..

…Любопытный момент. Вступая в третью антифранцузскую коалицию, Александр начал рассылать по Европе «письма счастья», в которых сокрушался… о чем бы вы думали? О чем мог

сокрушаться крепостник Александр, император рабовладельческой страны? Не поверите: о том, что Наполеон, став императором, задушил во Франции свободу!

…Ну, не скотина?..

Коалиция сорганизовалась к осени 1805 года. Наполеон в это время спешно готовил высадку в Британию. Собственно говоря, все уже было готово. Близилась осень, и туманы должны были вот-вот начаться. Счет пошел на дни. Некоторые жители Лондона начали уезжать в эвакуацию.

Наполеон находился в своем огромном Булонском лагере на берегу Ла-Манша в ожидании первого тумана, когда прискакавшие курьеры привезли ему вести о том, что русские войска вышли на соединение с австрийцами, чтобы двинуться в сторону Франции.

Наполеон, который всегда отличался быстротой принятия решений, тут же понял: англичане снова спасли себя, подставив под удар чужие шеи. Что ж… «Если я через 15 дней не буду в Лондоне, – сказал тогда Наполеон, – то в середине ноября я должен быть в Вене!» Он поднял весь Булонский лагерь и спешным маршем отправился приводить в чувство заигравшуюся Европу.

И вот здесь любопытно помечтать, а как повернулась бы история планеты, если бы Наполеон все-таки высадился в Англии? И что было бы с самой Англией? На этот вопрос ответил на острове Святой Елены сам Наполеон в разговоре со своим лечащим врачом.

План вторжения в Англию был продуман Наполеоном до мелочей и начался бы с хитрого отвлекающего маневра. Две флотилии по его приказу должны были отправиться в Вест-Индию, показаться там и быстро направиться обратно в Европу, где, прихватив в Бресте еще 40 кораблей, двинуться к Ла-Маншу. Появление французского флота в Вест-Индии перепугало бы Британскую корону, заставив ее направить часть своих кораблей туда. Это ослабило бы англичан в проливе и позволило французам не только осуществить десант, но и держать пролив в своих руках в течение примерно двух месяцев, чтобы обеспечивать свою армию всем необходимым для ведения войны. После высадки Наполеон быстрым маршем пошел бы в сторону Лондона, которого достиг бы, по его прикидкам, за четыре дня и быстро взял.

Далее послушаем самого Наполеона: «Я бы провозгласил в Англии республику, упразднение аристократии и палаты пэров… Я также провозгласил бы свободу, равенство и суверенитет для народа. Я бы разрешил сохранить палату общин, но провел бы

значительные реформы: опубликовал воззвание, объявив, что мы пришли в качестве друзей англичан для того, чтобы освободить страну от коррумпированной и преступной аристократии и восстановить народную форму правительства, демократию. Все эти меры были бы подтверждены поведением моей армии, ибо я не позволил бы ни малейшего нарушения закона со стороны моих войск. Мародерство, жестокое обращение с местным населением и даже малейшее несоблюдение моих приказов явилось бы немедленной причиной смертной казни виновников. Я полагаю, что моими обещаниями вкупе с тем, что я сумел бы достигнуть на деле, я бы завоевал поддержку английского народа. В большом городе, подобном Лондону, где так много всякого сброда и так много недружелюбных людей, ко мне присоединилась бы внушительная часть общества. В то же самое время я бы вызвал восстание в Ирландии».

И вот тут врач возразил Наполеону. Будучи по происхождению ирландцем (а Ирландия все время бузила, требуя независимости от Британской короны), он вдруг почувствовал себя большим английским патриотом и стал резко возражать, говоря, что англичане никогда не покорились бы Наполеону, боролись бы с ним до конца и, как русские Москву, скорее сожгли бы Лондон, но не отдали его на поругание французам!

Это вызвало у Наполеона улыбку. «Никогда, – сказал он. – Я не верю в это. Вы слишком богаты и вы слишком любите деньги. Ваша нация не готова к тому, чтобы сжечь свою столицу. Как часто парижане клялись, что они скорее похоронят себя под руинами своей столицы, чем будут страдать от мысли, что она попадет в руки врагов Франции. И тем не менее Париж был дважды захвачен неприятельскими войсками».

Наполеон знал, что говорит. Только совсем нецивилизованная нация могла решиться на то, чтобы сжечь свой главный город. Почему Наполеон, наступая на Россию, был уверен, что захват Москвы положит конец войне? Почему он был так поражен тем, что русские сожгли Москву? Потому что это был дикий, совершенно варварский поступок, абсолютно не характерный для цивилизованной нации. Город – это материальное воплощение цивилизации, он создается целыми поколениями. Ничего ценнее главного города у цивилизации нет. Что же еще должна защищать нация от врага, если не столицу? Однако русские поступили весьма странно: их армия бегала от неприятеля, стремясь сохранить себя, а то, что она должна была сохранять – для чего, собственно, и существовала! – было сожжено. Зачем тогда вообще нужна русским армия, если они сами уничтожают собственную страну? Уничтожают самое

ценное, что в ней есть?..

Сожжение Москвы поразило всю тогдашнюю Европу. Именно поэтому в горячности врач-ирландец и ляпнул Наполеону, что и англичане, мол, тоже сожгли бы. На что Наполеон лишь усмехнулся и продолжил развивать свои неосуществившиеся, увы, планы относительно Англии:

«Надежда на улучшение жизни и раздел собственности прекрасно воздействовали бы на сброд, особенно такой, как в Лондоне. Во всех богатых странах сброд почти одинаков. Я бы выступил с такими обещаниями, которые возымели сильный эффект. Какое сопротивление моей армии могла бы оказать недисциплинированная английская армия в стране, изобилующей равнинами?.. Я рассчитывал на желаемый результат благодаря тому, что овладел бы великой и богатой столицей, ее банками и всем вашим богатством. Я ожидал, что в течение двух месяцев я буду осуществлять контроль над Ла-Маншем, благодаря чему я имел бы бесперебойное пополнение войск. И когда ваш флот вернулся бы, то обнаружил, что его столица находится в руках врага, а мои армии полностью овладели его страной. А дальше я бы запретил телесные наказания на флоте и пообещал вашим морякам буквально все, это произвело бы на них большое впечатление…»

И тут я вынужден прервать речь Наполеона и сказать, что в своих расчетах касательно английских моряков он был совершенно прав. За несколько лет до описываемых событий английский флот был потрясен многочисленными восстаниями моряков. В 1797 году восстания охватили все главные базы и эскадры британского флота и были вызваны жесточайшими условиями, в которых содержались английские матросы. А внешним провокатором для выступлений стала французская революция, точнее, тот дух свободы, который повеял из Франции. Там запретили бить солдат и матросов! Во Франции решили, что низшие чины – тоже люди со своим достоинством!.. Известие об этом пролетело по всей Европе, изрядно смутив умы солдат и моряков всех армий.

Английские матросы той эпохи находились на положении рабов, примерно как сейчас солдаты и матросы российской армии. Тупая и бессмысленная муштра, произвол и полнейшая безнаказанность офицеров, жестокие телесные наказания, отвратительное качество продуктов, задержки с выплатами (следствие бюджетного дефицита) – все это, как вы понимаете, не могло сильно радовать несчастных английских моряков. А уж если вспомнить о принципах комплектования английского флота. В мирное время моряками были добровольцы. Но война

потребовала увеличения личного состава флота, наемников хватать перестало, и самый демократичный в мире английский парламент принял закон о… насильственной вербовке людей на корабли. Вооруженные патрули в портовых городах, в питейных заведениях и прямо на улицах хватали людей, подходящих по возрасту, и отправляли служить на флот. Позже один французский историк напишет: «Это было странное притеснение свободы воли в стране свободы. Удивительное злоупотребление властей в государстве, кичащемся своей законностью. Из-за этого решения в течение всей войны на английских судах числилось столько же дезертиров, сколько служащих матросов».

Долго подобный беспредел продолжаться не мог, и в мае 1797 года флот, находившийся в Ла-Манше, взбунтовался. Английское адмиралтейство сделало несколько мелких уступок, хитростью дезорганизовало восставших и пообещало не преследовать моряков, если они сложат оружие. Моряки поверили. Сразу после этого все зачинщики были перевешаны. Благородство английской аристократии снова показало себя во всей красе.

Нельсон, кстати, весьма активно настаивал на казни зачинщиков, хотя он лучше чем кто бы то ни было знал условия, в которых жили английские моряки-рабы. Он и сам признавал, что с моряками обращаются «позорно». Подавление восстаний обошлось короне дорого, и призрак 1797 года еще долго маячил перед Британским адмиралтейством.

Так что Наполеон знал, что говорил. Он мог поджечь английский флот с помощью воззваний, «декларирующих, что французы пришли, чтобы освободить англичан от отвратительной и деспотической аристократии, чьей целью было постоянно держать страну в состоянии войны, чтобы обогащаться самим и обогащать свои семьи за счет народной крови, вкупе с провозглашением республики, с запретом монархического государства и знати».

Плюс уже упомянутый полный запрет порки. Насколько хорошо работает этот метод, Наполеон лично и неоднократно убеждался. Это прекрасно сработало во Франции. А когда Наполеон пришел цивилизовать Италию, это сработало и там.

– Когда австрийцы овладели Италией, – рассказывал Наполеон, – они тщетно пытались сделать из итальянцев солдат. Те или сразу дезертировали, как только их набирали в армию, или убегали при первом же выстреле. Было просто невозможно сохранить хотя бы один полк. Когда я овладел Италией и стал набирать солдат в армию, австрийцы смеялись надо мной и говорили, что все это напрасно, что они пытались это сделать в

течение продолжительного времени и что не в характере итальянцев сражаться и становиться хорошими солдатами. Несмотря на это я призвал в армию много тысяч итальянцев, которые сражались так же храбро и не покинули меня, когда я стал жертвой превратностей судьбы. И в чем заключалась причина такого поведения итальянских солдат? Я запретил порку и палки, которые применяли австрийцы. Я способствовал продвижению по службе тех, кто был талантлив, и многих из них сделал генералами. Террор и плеть я заменил честью и соперничеством.

А как относились к своим солдатам английские офицеры? А точно так же, как и австрийские. Однажды Наполеону довелось поговорить с английским офицером, и тот заявил, что «большая часть английских солдат – просто животные, которых надо подгонять палкой». На что Наполеон возразил: «Никакой униженный солдат не пригоден к воинской службе. Какую честь может иметь солдат, которого высекли перед строем его товарищей? Он теряет все чувства достоинства… После сражения я собирал офицеров и солдат и задавал вопрос: кто лучше всех проявил себя? Кто был самым храбрым? И повышал в чине проявивших себя наилучшим образом в сражении и способных читать и писать. Тех, кто не мог ни читать, ни писать, я заставлял учиться ежедневно по пять часов, пока они в достаточной мере не овладевали грамотой, после чего я повышал их в чине. Представляете, что можно было бы ожидать от английской армии, если бы каждый солдат надеялся стать генералом, если он хорошо сражается?»

Помимо перечисленного Наполеон планировал выпустить в Англии декларацию о конфискации собственности всех тех, кто будет противодействовать французам, и передать эту собственность тем, кто французов поддерживает. Такие меры всегда очень эффективны: как только в руках вчерашних противников «оккупационного режима» оказывается собственность и деньги, это действует на их патриотический пыл, как пенициллин на микробы. Тем более тогдашняя Англия, как, впрочем, и Европа, была расколота – довольно значительная и наиболее передовая часть общества была заражена идеями французских просветителей и сочувствовала первому консулу, олицетворявшему все эти идеи. Тот же самый феномен наблюдался не только в Англии, но и в России. Вспыхнувший в России в 1812 году патриотический дух самым парадоксальным образом сочетался в высшем свете с «наполеономанией». Воевавший с Наполеоном Денис Давыдов называл его «чудесным человеком», с ним были солидарны сотни русских офицеров.

Наполеономания в Европе резко усилилась, когда Наполеон был уже «не опасен» и сидел на острове Святой Елены. Европа жадно следила, как он там. А после смерти Бонапарта в главной его ненавистнице – Англии поднялась волна возмущения: многие англичане говорили, что Британия поступила с гением человечества не по-джентльменски.

И поскольку Наполеон был главной фигурой XIX века, десятки тысяч книг о нем, которые выходили весь XIX век, привели к тому, что не было в Европе практически ни одного грамотного человека, который бы не прочел наполеоновских фраз о единой Европе и его слов «Террор и плеть я заменил честью и соперничеством». Не зря же и Ницше потом пробило, и он ругал немцев кретинами, которые не поняли и не использовали шанс, который предоставила им история в лице Наполеона.

Да, в конце концов, титан был повержен. Но зерна, рассыпанные им по головам всей Европы, проросли потом в России в восстание декабристов, а в Европе – в то, что мы видим теперь.

Впрочем, вернемся к невзятой Англии.

«Если бы я взял Англию, – продолжил Наполеон, – я бы придумал несколько способов выплаты национального долга. С этой целью я присвоил бы все церковные средства, исключая десятую часть их доходов, таким образом, чтобы жалованье верхушки духовенства не превышало бы восьмисот или тысячи в год. Что собираются делать священники с такими чрезмерными доходами? Они должны следовать указаниям Иисуса Христа и показывать пример умеренности, человечности, добродетели, а не купаться в роскоши, богатстве и пребывать в праздности».

Кроме того, Наполеон предложил эмансипировать католиков. То есть сделать их равноправными с обычными английскими протестантами. Англия всю жизнь гнобила ирландских католиков, отсюда и ненависть ирландцев к англичанам, которая эхом докатилась аж до XXI века.

«Не могу понять, – говорил Наполеон своему ирландскому доктору, – почему ваши министры не эмансипировали их? В то время, когда все нации освобождаются от ограниченности и нетерпимости, вы сохраняете ваши постыдные законы, которые соответствуют временам двухвековой или даже трехвековой давности. Как только вы избавите ваших католических собратьев от невозможности подняться выше определенного уровня, предоставите им возможность стать членами парламента и прекратите гонения на них, вы обнаружите, что они более не будут нетерпимыми и фанатичными. Фанатизм – всегда дитя гонения. Эта их нетерпимость, на которую вы жалуетесь, является

результатом ваших деспотических законов. Как только вы их отмените и сравняете права католиков с протестантами, вы через несколько лет обнаружите, что дух нетерпимости исчез. Делайте так, как я поступил во Франции с протестантами».

Предлагая ввести угнетенных провинциалов в парламент метрополии, воспитанный на античности Наполеон просто брал древнеримский рецепт. Древние римляне делали римскими сенаторами представителей далеких окраин империи, что только служило сплочению империи. Хотя и не очень нравилось старым римским сенаторам, которые пребывали в плену устаревших привычек.

Короче говоря, если бы Наполеон захватил Англию, мир бы сильно изменился. Англия была сердечником фурункула, центром нагноения, опорой антифранцузского сопротивления, без которого вся Европа при правильной французской политике оказалась бы окончательно усмирена и превратилась в единое экономическое и юридическое пространство на двести лет раньше, что, скорее всего, позволило бы избежать двух мировых войн. Это означало бы демографический плюс в добрую сотню миллионов человек. Такой избыток населения неминуемо был бы сброшен в европейские колонии на других континентах, изменив там баланс в сторону цивилизованного населения. Возможно, это затормозило бы или вовсе остановило распад колониальной системы, который случился после Второй мировой войны, когда ослабевшая Европа уже не могла более удерживать свои колонии. А распад колониальной системы оказался величайшей трагедией, особенно для Африки, поскольку погрузил этот континент в череду нескончаемых войн, в болезни и нищету.

Что помешало превратить Африку, где жили дикие туземцы, в процветающую Америку, где тоже раньше жили дикие туземцы? Только одно – отсутствие достаточного количества «активного вещества» – белых цивилизаторов. Чтобы культурно «зачистить» Австралию, Новую Зеландию и Северную Америку, их хватило. И Африку, где, как и в вышеперечисленных регионах, не было своих высоких культур, должна была ждать та же участь: какое-то время Африка на всех парах уверенно катилась в современность – там строились небоскребы и железные дороги. Увы, не сбылось.

Мы жили бы совсем в другом мире, если бы Наполеону удалось оккупировать Англию! Отстающих регионов в мире было бы всего два – Южная Америка и Азия. И с их «варварским давлением» цивилизация бы справилась. Но теперь баланс сил иной – Африка, которая не превратилась в «сплошную ЮАР», теперь не с нами. Она против нас.

Глава 4 РАЗГРОМ ТРЕТЬЕЙ КОАЛИЦИИ. И ЧЕТВЕРТОЙ. И ПЯТОЙ – ДО КУЧИ

Если исповедовать принцип лаконизма, то эту главу можно было бы написать в одном хронологическим абзаце. Примерно так… 1 октября Наполеон со своей армией перешел Рейн. 6 октября он занял Баварию. 12 октября освободил Мюнхен. 20 октября взял Ульм. 13 ноября вошел в Вену. А 2 декабря он уже громит русских и австрийцев под Аустерлицем. После чего за месяц он захватывает всю Пруссию. А затем вновь разбивает русских, которым показалось мало.

Но это же скучно, господа! Это какой-то учебник истории получается. А наша задача – развлечься по максимуму. Вот и поехали.

Союзники не рассчитывали, что Наполеону удастся сразу снять с места такое огромное количество войск, какое он скопил в Булонском лагере для захвата Англии (которая объявила ему войну). Но он сумел… Союзники не рассчитывали, что Наполеону удастся быстро прийти в Европу. Но ему удалось. Вообще передвижения войск как в бою, так и на марше были его коньком. Один из наполеоновских принципов: армии должны идти порознь, а воевать вместе. Поэтому несколькими колоннами под руководством маршалов его армия по указанным Наполеоном дорогам втекла в Европу, слилась воедино там, где нужно было, и – пошла плясать губерния. После нескольких побед Наполеон подошел к Ульму и предупредил осажденных, что им лучше сдаться, поскольку положение у французов очень хорошее (Наполеон оседлал все окружающие город высотки, выбив с них австрийцев), и город они непременно возьмут. Наполеон не хочет кровопролития, но если гарнизон окажет сопротивление, уничтожены будут все. Гарнизон сдался… Так путем ужасных угроз Наполеон спас десятки тысяч человек. Через некоторое время Бонапарт въехал в Вену и поселился в императорском дворце, который был свободен, поскольку австрийский император Франц сбежал.

Таким образом, австрийские войска в серии боев были Наполеоном в основном разбиты. Оставались только русские и в потенциале прусские войска, потому что император Александр как раз в это время вел интенсивные переговоры с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом на предмет присоединения к

коалиции. Но тот был нерешительным малым. Он колебался. И как раз в это время случился пустячок: по пути в Австрию войска, которыми командовал Бернадот, слегка срезали угол (по приказу Наполеона) и прошли через городок Аншпах, который принадлежал Пруссии. Ничего, вроде бы, страшного, но формально – нарушение прусского суверенитета! Которым прусский король и воспользовался. Он накрутил сам себя и в гневе отправил к Наполеону посла с резким ультиматумом.

Пока посол ехал к Наполеону и, соответственно, пока Пруссия не вступила в войну, французскому императору нужно было успеть разгромить русских. Но это оказалось не так-то просто! Потому что командовал русскими войсками прославленный Кутузов. А тактику Кутузова мы с вами хорошо знаем: бегать от противника и спасать от него армию любой ценой. Едва Наполеон двинулся навстречу русским, Кутузов побежал от него с такой скоростью, что французы никак не могли догнать великого русского полководца, чтобы как-нибудь сразиться.

В конце концов Кутузов добежал со своей армией до городка Ольмюц, где находились русский и австрийский императоры, и перевел дух. Но прыть свою не утратил: несмотря на то что из России в Ольмюц как раз подошло крупное подкрепление, да и австрийцы собрали здесь остатки своих недобитых войск, отчего войск у Кутузова стало больше, чем у Наполеона, непобедимый Кутузов все порывался бежать дальше. И оба императора – русский и австрийский – буквально уговаривали его немного повоевать. Ну, хотя бы попробуй, Михайло Илларионович!.. Михайло, скрепя сердце, согласился.

А Наполеон, огорченный тем, что Кутузов снова может убежать, даже пошел на хитрость: чтобы как-то заставить русских вступить в бой, он прикинулся перепуганным, слабым и запросил мира. Это было столь не свойственно поведению Наполеона, что обрадованный царь Александр даже не сообразил на радостях: если бы у Бонапарта действительно было критическое положение, он никогда бы не унизился до подобных просьб. Он, скорее, напал бы первым. Но люди склонны верить в то, во что им верить хочется. И союзники поверили в перепуганного Наполеона!

Наполеон, разыгрывая труса, просил о личной встрече с Александром. Надменный русский царь во встрече ему отказал: вот еще! будет он, великан, встречаться с какими-то пигмеями!.. И послал на переговоры к Бонапарту князя Долгорукова. Тот был полный идиот. Долгоруков в разговоре с Наполеоном держался, как восточный деспот перед мелким царьком. Французский император потом со смехом рассказывал, что Долгоруков вел себя

с ним, «как с боярином, которого хотят сослать в Сибирь». И Наполеон, скрывая усмешку в уголках глаз, всячески ему подыгрывал – прикидывался донельзя расстроенным.

Долгоруков же от лица своего царя требовал от Наполеона уступить всю Италию и кучу других завоеванных территорий. Наполеон сильно огорчался и делал вид, что ему очень жалко отдавать свою Италию! В конце концов, с видимой грустью на лице, он, вздыхая, отказался от столь заманчивого предложения, отпустив дурачка Долгорукова на все четыре стороны. Долгоруков примчался в ставку и доложил: Наполеон – трус, я его сделал!.. Еще б чуть-чуть и отнял бы у него всю Италию, блин!..

Союзнички потирали ручки. И в результате 2 декабря 1805 года под местечком Аустерлиц решили раз и навсегда покончить с трусливым корсиканцем, который и воевать-то толком не умеет, только хвастается, а сам вон чуть Италию не уступил… И во всей этой союзнической шатии-братии только старичок Кутузов, который, в отличие от Александра, маленько разбирался в военном деле, знал, чем закончится завтрашнее сражение.

Ну, собственно, тем оно и закончилось.

Оба императора – русский и австрийский – бежали с поля боя в такой спешке, что свита потеряла их из виду. Да, впрочем, она и не искала своих хозяев, тут бы самим до себя… Царь Александр трясся крупной дрожью и плакал. Вот что значит фрустрация.

В общем, русско-австрийская армия была разбита вдрызг, а французы взяли грандиозное количество трофеев. Наполеон с триумфом вернулся в Вену. Третья антифранцузская коалиция де-факто прекратила свое существование. Русские сбежали обратно в свою Сибирь, и преследовать их там никто не собирался. Вот в этот момент в Вену как раз и заявился прусский дипломат, который вез Наполеону ультиматум с угрозами прусского короля присоединиться к антифранцузской коалиции!

Надо отдать этому парню должное: он мгновенно сориентировался, свернул свой ультиматум в трубочку, засунул его куда подальше и, войдя к Наполеону, широко улыбнулся и от лица своего повелителя поздравил Наполеона с блистательной победой над этими русскими и австрийскими свиньями, которые уже всех давно достали, сказать по чести.

Но Наполеон-то знал, какого рода бумажку вез ему прусский дипломат. Поэтому он заявил Пруссии, что если она действительно хочет мира с Францией, пусть немедленно объявит войну Англии!.. Войну? Англии? Да какие проблемы! Ради бога!.. А еще, сказал Наполеон, мы отделим от Пруссии пару кусочков территории, вы не против?.. Ну, разумеется, прусский король Фридрих-Вильгельм был не против! На хрена ему эти территории,

если они французам нужнее?.. Со страху прусский король пошел на все условия Наполеона. Но зато в утешение Наполеон обещал отдать Пруссии Ганновер (правда, так и не отдал).

Не менее суров Наполеон оказался и к Австрии. Правда, на мой взгляд, недостаточно суров. Австрию после всех ее закидонов нужно было уничтожить, просто превратив в один из департаментов Франции, как впрочем, и всю захваченную Европу. Но Наполеон в неизмеримом милосердии своем ограничился тем, что отобрал у Австрии все, что у нее до той поры еще оставалось в Италии (Венецианскую область), отобрал Тироль, Истрию и Далмацию. Короче, Австрия потеряла одну шестую часть своего населения, седьмую часть доходов, собираемых с отторгнутых областей, и должна была выплатить Франции огромную контрибуцию. Ну, хоть так.

Забрав у Австрии последние куски, еще принадлежавшие ей в Италии, Наполеон решил окончательно закрыть итальянский вопрос, заодно ликвидировав доселе независимое Неаполитанское королевство. В этом странном образовании, где правили неаполитанские Бурбоны, Наполеона давно ненавидели. Неаполитанская королева, которая, кстати говоря, была родной сестрой казненной во Франции Марии-Антуанетты, затаила обиду на Францию и часто заявляла: ее главная мечта – чтобы Неаполитанское королевство послужило спичкой, от которой сгорит Франция. На что посланник Наполеона возражал вздорной бабе: «Если вы включите мозги, ваше величество, то вам, быть может, удастся сообразить, что спичка в любом случае сгорает первой – вне зависимости от того, чем кончится вызванный ею пожар».

Так оно и случилось – наглая спичка сгорела. Наполеон ликвидировал ненужное королевство. Его войска без боя вошли туда, Бурбоны (король и королева) сбежали, как водится, в Англию. А на Неаполитанский трон Наполеон посадил своего брата Жозефа. Именно после этой войны он повсюду в Европе насажал своих людей – родственников, маршалов. Пусть управляют. Об этих управленцах мы уже говорили, поэтому вернемся в Пруссию. Ибо там стали твориться странные дела.

Дело в том, что прусский король по своему психотипу был человек нервический. Его с равным успехом можно было раскачать как на панику, так и на истерику. И периодически его качало то в одну сторону, то в другую. Когда Наполеон только двинулся в сторону Австрии, слегка задев Пруссию походным маршем, Фридрих-Вильгельм был в ярости и направил ему ультиматум. Когда Наполеон разбил всех, кого только мог, прусский король впал в панику. Когда Наполеон обещал ему

передать Ганновер, Фридриху-Вильгельму показалось, что все не так уж плохо и жизнь налаживается. А когда Наполеон Ганновер не передал, прусский король возмутился: где мой Ганновер?.. Да еще короля разогревали прусские ястребы, которые талдычили: вот если бы Пруссия ударила по Наполеону вместе с австрийцами и русскими, а не дожидалась, пока Бонапарт их расколотит поодиночке, глядишь, и разбили бы супостата! Надо было тогда нападать, а не телиться. Да и сейчас еще не поздно!.. Короче, развели слабого на эмоции Фридриха на выступление. Большая ошибка!..

Пруссия того времени думала, что она – одна из центровых держав Европы, с которой нужно считаться. Честно говоря, так думал и Наполеон, полагая Пруссию солидным государством. И вот теперь Пруссия в одиночку выступила против Франции. Прусский король решился: разобью Наполеона!..

Истерический энтузиазм прусской армии, против которого король не мог протестовать, был велик. Но могла ли прусская армия рабов с жесточайшей палочной дисциплиной… армия, в которой генеральские звания давались либо за взятки, либо за выслугу лет седым сморщенным аристократам, справиться с лучшей армией Европы – французской, с тридцатипятилетними боевыми маршалами, половина жизни которых прошла в походах? Смешной вопрос… Ровно через 6 дней после начала войны прусская армия перестала существовать, а через месяц Пруссии, как государства, не стало. Словно и не было. В руках Наполеона нежданно-негаданно оказалась практически вся Европа.

Пока шел беспрецедентный по своей успешности разгром Пруссии, Англия вовсю настропаляла Россию еще раз сходить в Европу и ударить по Наполеону. Опять обещала деньги. Царь Александр, позарившись на золото и подзуживаемый своим офицерством (точно так же, как прусский король своим), опять решил двинуться в Европу. Он собрал 100 тысяч войска, кучу артиллерии и двинул на Запад.

Просто какое-то фанатическое в своей бессмысленности стремление – вторгнуться в Европу и порешать там чужие вопросы!..

Поскольку царь Александр в военном деле не понимал ни черта, а повоевать и обрести славу победителя Наполеона ему очень хотелось, сам он войсками не командовал. На этот раз русскими командовал некто Беннигсен. В отличие от Кутузова, он был более решительный малый, поэтому не бегал от Наполеона, а смело пошел ему навстречу. Встреча произошла под Эйлау в феврале 1807 года.

Бой был похожим на Бородинский – и по своему исходу, и по кровопролитности, и по бессмысленности. Обе стороны потеряли массу народа. Однако русские потеряли больше и после боя отошли. Но отошли они в организованном порядке, то есть сохранив остатки войск в боеготовном состоянии. Формально и фактически победа была у Наполеона: противник покинул поле боя, которое осталось за французами. Однако Франция, избалованная легкими победами над Пруссией, на эту трудную победу отреагировала неадекватно: в день битвы под Эйлау на парижской бирже упали государственные облигации. Наполеон, внимательно следивший даже за мелочами, подобный крупняк упустить из виду не мог. Он понял, что ему нужна более весомая победа над русскими. Биржи требуют хороших новостей, отличного пиара. И Наполеон собирался этот пиар биржам дать, разбив русских более убедительно. Это при том, что сам он никак не мог понять, зачем русские вообще с ним воюют!

Как большой геостратег, он осознавал, что Французской империи, обнимавшей теперь почти всю Европу, и империи Российской, располагавшейся большей частью в Азии, делить между собой нечего, у них совершенно непересекающиеся интересы. Напротив, взаимодополняющие! Неужели Александр гонит свою русскую крепостную скотину и генералов на убой только за деньги (англичан)?..

За что воюют англичане, австрийцы и пруссаки, было ясно. Торговые пошлины, территориальные претензии, задушить революцию. За что воюют французы, тоже ясно. Наполеон и его солдаты прекрасно это понимали. Император французов писал: «Я не снимал ни разу сапог в течение 15 дней. Мы среди снега и грязи, без вина, без водки, без хлеба, едим картошку и мясо, делаем долгие марши и контрмарши, без всяких удобств, бьемся обыкновенно штыковым боем или под картечью, раненых везут в открытых санях на расстояние 50 лье…» Сам император жил то в крестьянской избе, а то вообще в амбаре. Но он хотя бы знал, за что страдают и гибнут его солдаты – за родину, против которой выступила антифранцузская коалиция.

А русские?

Знаете, какой первый вопрос задал Наполеон Александру при встрече на мирных переговорах после этой войны? «Из-за чего воюем?» – спросил он. Ответ Александра удивит читателей своим цинизмом. Впрочем, до мирных переговоров и ответа нужно еще дожить. А пока задача Наполеона – внушить инвесторам радужные настроения. Для этого нужно опять разбить Беннигсена. Только на сей раз более убедительно.

Следующая – решающая – битва состоялась уже в июне, когда

исчезла весенняя распутица. Наполеон к ней хорошенько подготовился. Подтянул резервы, умудрился даже из нейтральной Испании (где, кстати, тоже правили Бурбоны – как клопы всю Европу засидели!) получить подкрепление. Это довольно забавный эпизод. Испания ни с кем не воевала, она придерживалась нейтралитета. Но она очень боялась Наполеона. Поэтому Наполеон написал в Мадрид письмо, в коем было сказано примерно следующее: дорогой король испанский, для тебя 15 тысяч солдат все равно роли не сыграют, они тебе, в сущности, и не нужны, ведь Испания же ни с кем не воюет, а вот мне здесь они очень бы пригодились. Так что пришли-ка их сюда. Не найдя в этой чудесной логике никакого изъяна, испанский двор поспешил выполнить просьбу-приказ Наполеона.

Царь Александр очень боялся повторения Аустерлица. И он его получил под Фридландом, где русские войска снова потерпели сокрушительный разгром. А ведь предупреждали царя-батюшку Александра! И не кто-нибудь, а его же родной брат предупреждал, что сдаваться надо и заключать с Наполеоном мир, а не воевать с ним. Причем высказал он все это в весьма образной манере: «Государь! Если вы не хотите мира, тогда дайте каждому русскому солдату заряженный пистолет и прикажите им всем застрелиться. Вы получите тот же результат…»

Русские офицеры очень боялись, что разгром русской армии откроет Наполеону путь в Россию. Но зачем Наполеону было вторгаться в Россию? Абсолютно бессмысленное дело. Поэтому в Тильзите он предложил России мир.

Смеясь, Наполеон потом так оценивал военные способности своих противников: «Когда я был в Тильзите с императором Александром и королем Пруссии, я абсолютно ничего не знал об их познаниях в области военного искусства. Эти два монарха, особенно король Пруссии, были полностью в курсе того, что касается количества пуговиц, которым следует быть спереди и сзади кителя, и каким образом должны быть скроены его поля. Ни один портной в армии не знал лучше, чем король Фридрих, какое количество ткани требуется для пошива кителя. Фактически я был ничто по сравнению с ними! Они без конца мучили меня вопросами относительно портняжного дела. В этих делах я был полным невеждой, но, чтобы не обидеть их, отвечал с таким серьезным видом, словно судьба армии зависела от покроя кителя. Когда я наносил визит королю Пруссии, то обнаружил, что у него вместо библиотеки имеется большой зал, подобно арсеналу, заполненный полками и вешалками для 50 или 60 кителей различного покроя. Каждый день он менял мундиры. (Для сравнения: Наполеон имел всего пять военных мундиров. –

А. Н) Он придавал большее значение покрою мундира драгуна или гусара, чем необходимости спасения королевства. В сражении при Йене его армия выполняла самые красочные и самые эффектные маневры, но я вскоре положил конец всей этой чепухе и наглядно преподал ему урок, объяснив, что одно дело воевать, а другое – красиво маршировать и носить роскошные мундиры. Если бы французской армией командовал портной, то, конечно, в тот день король Пруссии одержал бы победу, учитывая его исключительные познания в портняжном искусстве…»

Итак, Наполеон предложил русским мир… Причем насколько Наполеон был заинтересован жить в мире с Россией, более всего показывает разница в отношении Бонапарта к прусскому королю и к русскому императору. Обоих Наполеон разбил. Но русского царя он обнимал, предлагал разделить с ним Европу, отчеркивая на карте границы империй по Висле. И даже подарил ему «лишние» территории, которые ранее в состав России не входили!.. А с прусским королем Наполеон даже встречаться особо не хотел, просто игнорировал его существование. Решил, что Пруссия как отдельное государство больше не существует. И только просьбы царя Александра спасли Пруссию. В мирном договоре так и было записано: исключительно «из уважения к его величеству императору всероссийскому» Наполеон соглашается с существованием Пруссии. Он соблаговолил оставить ее на карте Европы, правда, в сильно урезанном виде. Наполеон оставил Пруссии несколько маленьких кусочков земли, на карте напоминающих овечьи какашки.

Мирные переговоры, как всем известно, состоялись на плоту, заякоренном посередине Немана, что было сделано, опять-таки с целью подчеркнуть уважение к Александру: переговоры состоятся на нейтральной территории, Наполеон не заставит русского царя приходить с поклоном на наполеоновский берег, он даже сам готов сделать шаг навстречу!

А знаменитое историческое объятие победителя с побежденным на плоту!.. Объятие, которое видели все. Демонстративное. Сначала Наполеон обнял Александра, а уже потом увлек его в построенную на плоту беседку – переговариваться.

Вот там-то он и спросил русского царя: «Из-за чего воюем?»

Ответ Александра: «Я ненавижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всем, что вы будете делать против них!»

…Потрясающая гнида!..

Прусского императора, которому Александр клялся в верной дружбе, русский царь предал, цинично объяснив свое

предательство так: «Конечно, Пруссии придется туго, но бывают обстоятельства, при которых надо думать преимущественно о себе…»

Англичан Александр тоже предал, пообещав Наполеону с ними бороться.

А потом предал и Наполеона.

Вообще, странный он был человек, этот русский царь Александр. О его психическом состоянии лучше всего расскажут два момента. Момент первый. Ведя своих крестьян в Европу умирать за английские деньги, Александр зачем-то дал распоряжение Синоду транслировать русскому населению следующий месседж: Наполеон – антихрист, потому что он у себя в стране приравнял евреев к прочим гражданам. А кроме того, что он антихрист, Наполеон еще и… мусульманин. И вообще, его главная задача – разрушить православие. Весь этот дичайший бред попы транслировали во всех церквях.

Момент второй. К концу жизни с головой у Александра стало настолько плохо, что он ударился в религию. Полностью отошел от дел, молился, стоя часами на коленях, отчего у него даже воспалялись коленные суставы. Ничем не интересовался. В общем, не очень здоровый был у нас царь. Не слишком сильный на голову. Русские офицеры своего царя презирали, а Наполеоном восхищались. Однако Тильзитский мир почему-то считали позорным. И вот это, если вдуматься, удивительно! Мы вступаем в область странных парадоксов.

Россия разгромлена, как и все ее континентальные союзники по коалиции. При этом Пруссия едва не перестала существовать вовсе, а Австрия изрядно съежилась и обеднела на контрибуцию. Вот где позор! А разбитая Россия не только не должна была выплачивать контрибуцию, не только не усохла территориально, но, напротив, расширилась – Наполеон подарил ей Белостокскую область. И это еще не все! Наполеон разрешил России отобрать у Швеции Финляндию, что Россия сразу и сделала от большого благородства… Хорошенькое поражение, после которого империя пухнет, как на дрожжах!

И с чего это вдруг, увеличившись территориально, страна-агрессор начинает считать себя несправедливо обиженной, «опозоренной»?.. Да просто русские офицеры привыкли к совсем недавним суворовским победам и славным екатерининским временам, когда Россия интенсивно расширялась за счет разгрома соседей. Сами брали, что хотели, а тут подачка какая-то.

Но помимо офицеров были недовольны еще и российские олигархи. Мы знаем, что царь Александр, убивший своего отца на деньги англичан и руками российских сырьевых магнатов, сделал

это только для того, чтобы полностью развязать российским купцам руки в торговле с Британией. И вот теперь, когда перед лицом Наполеона русский царь на голубом глазу отрекся от англичан (при этом никто его за язык не тянул!) и даже заявил о своей ненависти к ним, Россия подписала Тильзитский мир, взяв на себя обязательства ограничить свою торговлю с Англией, то есть примкнуть к континентальной блокаде.

Что это за блокада такая?.. Попробую в двух словах объяснить, но сначала закончим с парадоксами той эпохи.

Хочу обратить ваше внимание на следующее обстоятельство, которое как-то не очень осознается современными читателями. Можете ли вы представить себе, что разгромленная в 1945 году Германия через два года снова напала бы на СССР, еще раз была разгромлена, а затем году эдак в пятидесятом опять на него напала? Невероятно! Невозможно!.. Она же была вся в руинах и оккупирована!..

Почему же тогда неоднократно разгромленная Наполеоном Австрия через пару лет собирается и раз за разом объявляет войну Франции? Как такое может быть?

Дело в том, что технологически войны в ту эпоху сильно отличались от войн в XX веке. Прежде всего своей нетотальностью. В XX веке война бульдозером единого фронта проходила по всей стране, разрушая ее потенциал и обращая инфраструктуру страны в руины. В наполеоновскую эпоху из-за отсутствия скорострельной техники и моторизации воевали иначе. По тонким нитям дорог две армии колоннами подтягивались к полю битвы, где и происходила разборка, по итогам которой решали, кто круче.

Окружающая страна самой войны, как правило, не замечала. Если дорога, по которой двигались войсковые колонны, была вдалеке от некоей деревни (а большинство населения в ту пору были крестьяне), крестьянин мог узнать о войне только по слухам, доносившимся из далекой столицы. Удивительно, но факт: в 1812 году некоторые западные российские и белорусские деревни (то есть находящиеся, казалось бы, непосредственно в театре военных действий), вообще были не в курсе, что Россия воюет с Наполеоном!.. Война касалась европейского крестьянина только опосредованно – через дополнительные рекрутские наборы и новые налоги.

Войны больше напоминали аристократические дуэли в белых перчатках. По результатам дуэли решалось, кто прав, а кто должен извиниться. Нетотальность войны и ее аристократизм определяли характер отношений между победителем и побежденным. Гибель десятков тысяч крепостных крестьян во

время этих аристократических разборок никого не волновала: «жизнь солдата не дороже куриной». В XVIII – начале XIX века благородство было отделено жирной чертой происхождения и воспитания от невоспитанности и безграмотности крестьянства. И только потом «все смешалось в доме Облонских» – на арену истории выперли массы, и дикие, невоспитанные диктаторы XX века были порождением этих темных масс. Отсюда и известный налет варварства на Второй мировой в сравнении, скажем, с Первой.

Следующим парадоксом той эпохи являлась континентальная блокада… Нас с вами сегодня совершенно не удивляет, что во время Второй мировой войны СССР и Германия не торговали друг с другом. Это вполне естественно, ведь они же воевали!

Англия и Франция в XIX веке тоже воевали. И потому с точки зрения современного человека нет ничего удивительного в том, что на всех подконтрольных ему территориях Наполеон установил запрет на торговлю с Англией. Идея Наполеона была проста: коли не удалось завоевать островную Англию силой оружия, задушим ее экономическими санкциями! Закроем ей европейский рынок. И пусть разоряются английские производители, пусть в Англии растет армия безработных, дестабилизируется обстановка и приходит то правительство, которое пообещает своему народу заключить мир с Францией. Мир – это все, что было нужно Наполеону. Поэтому он все время воевал.

Но для самого Наполеона этот шаг естественным не выглядел. Он знал: торговля есть воплощенная цивилизация. А бойкот торговли – дикость. Потому и писал в парижский сенат: «Дорого нам стоило поставить интересы частных лиц в зависимость от ссоры монархов и возвратиться после стольких лет цивилизации к принципам, которые характеризуют варварство первобытных времен, но мы были вынуждены противопоставить общему врагу то оружие, которым он пользуется…»

И для современников Наполеона его идея экономических санкций была новинкой. Потому что торговые отношения со страной, с которой воюешь, являлись нормой, а не исключением. Скажем, Пруссия в 1812 году, как союзник Наполеона, воевала с Россией. И с ней же торговала, поставляя не что-нибудь, а стратегическое сырье для армии – серу и свинец.

В 1808 году Россия воевала с Турцией. При этом в 1808 году в черноморские порты пришел 391 торговый турецкий корабль. В силу нетотальности войн это было в порядке вещей: где-то по суше бегают друг за дружкой армии, а по морю плывут корабли

купцов. У каждого свое дело.

Так что ход Наполеона, подписавшего в Берлине свой знаменитый декрет о континентальной блокаде Англии, был нетривиальным. Нетривиальным именно в силу своей тотальности и заявленной бескомпромиссности.

Французские экономисты, которые знали, что финансовые дела Англии из рук вон плохи – страну накрыла инфляция, вырос огромный государственный долг, растет безработица, – называли экономику Англии мыльным пузырем из-за огромного количества ничем не обеспеченных денег, которые каждый день выплевывал печатный станок Англии. Ознакомившись с этими работами французских экономистов, Наполеон и решился на блокаду.

Справедливость, однако, требует отметить, что действия Наполеона были просто сильным ответом на действия Англии, которая уже давно вела себя в морях, как пират. Когда после короткого Амьенского мира Англия объявила Франции войну, именно британская корона несколько раз блокировала французские порты, останавливая для унизительных досмотров даже суда нейтральных стран и всячески стараясь расстроить торговые сношения между Францией и США. Так что англичане первые начали.

Первые пункты знаменитого наполеоновского декрета о континентальный блокаде гласили: «…принимая во внимание, что:

1) Англия не признает прав человека, обязательных для всех цивилизованных народов;

2) объявляет своим врагом всякое лицо, принадлежащее неприятельскому государству, и вследствие этого берет военнопленными не только экипажи торговых кораблей, но даже самих купцов и приказчиков, едущих по своим торговым делам;

3) распространяет на купеческие суда, товары и на частную собственность право завоевания, могущее применяться только к тому, что принадлежит враждебному правительству;

4) распространяет на неукрепленные торговые города и гавани, на порты и устья рек право блокады, которое по разуму и по обычаю просвещенных народов применяется только к крепостям;

7) это чудовищное злоупотребление правом блокады не имеет другой цели, кроме той, чтобы воспрепятствовать сообщениям между народами и воздвигнуть торговлю и промышленность Англии на развалинах промышленности твердой земли;

9) подобное поведение Англии, достойное первых веков варварства, доставило этой державе выгоду в ущерб всем прочим;

10) естественное право предписывает противопоставлять врагу то же оружие, которое он употребляет, и сражаться с ним так же, как сражается он, если враг не признает все понятия о правосудии и чувстве свободы…»

Короче, Наполеон решил действовать против англичан их же варварским оружием. И потому, гласил далее декрет:

«Статья 1. Британские острова объявляются в состоянии блокады.

1) Всякая торговля и всякие сношения с Британскими островами запрещены. Вследствие чего письма и пакеты, адресованные в Англию и написанные на английском языке, не будут пересылаться и будут подлежать аресту.

4) Торговля английскими товарами запрещена.

8) Парижскому суду таможен поручается окончательный разбор всех споров, могущих возникнуть…»

По сути, на английскую блокаду европейских портов Наполеон ответил контрблокадой. Он понимал, задачу какого масштаба придется решить. Он знал, что европейские производители обрадуются этому указу и начнут развивать производство в отсутствие сильных английских конкурентов, а европейские потребители будут страдать без дешевых и привычных английских товаров. А это значит, что начнется контрабанда, коррупция в таможне, и декрет будет втайне нарушаться.

Задача была грандиозной, поскольку предстояло перекрыть многие тысячи километров европейского побережья. Во всех портах были посажены французские чиновники. Английские контрабандные товары конфисковывались и сжигались. Контрабандисты и продажные чиновники расстреливались.

Весь смысл блокады, как мы знаем по примеру Ленинграда, заключается в ее тотальности. А если в блокаде есть «дыра» – «дорога жизни», значит, блокада не полна и теряет смысл. В Европе такая дыра, не вполне подконтрольная французам, была – Пиренейский полуостров. На нем располагаются два государства – Испания и Португалия. Испанские Бурбоны Наполеона боялись, обещали ограничить торговлю с Англией, но все равно исподтишка покупали английские товары, откуда они уже контрабандно расползались по всей Европе. Короче, вели себя непорядочно. Поэтому Наполеон решил пиренейскую дыру заткнуть. И заткнул, захватив Испанию и Португалию.

В отечественной литературе можно встретить утверждения о том, что континентальная блокада удушала экономику Европы, поэтому была ей невыгодна. И приводятся всякие-разные рассуждения на этот счет. Но я так спрошу: а змеиный яд вреден

или полезен?..

А химиотерапия полезна организму?

Химиотерапия вредна для организма. Но когда рак – не до сантиментов. Принцип химиотерапии прост: убить болезнь прежде, чем лекарство убьет больного. Иногда успевают.

Учитывая, что Англия была раковой опухолью Европы, континентальная блокада могла сыграть роль такого сильного средства. Но в лечении нужно быть последовательным и непреклонным – тогда болезнь отступит. А если лечение бросить на половине, если пропускать прием таблеток, на результат можно не надеяться.

Чтобы лечение было полным, Наполеону нужна была полная блокада. Поэтому ненадежные Бурбоны в Португалии и в Испании были Наполеоном быстро свергнуты. Наполеон вызвал своего брата Жерома из Италии, где тот исполнял обязанности Неаполитанского короля, и назначил его королем Испании. На Неаполь был брошен маршал Мюрат. А на Португалию Наполеон посадил Жюно. Вот такая рокировка…

Сменив власть в Мадриде, Бонапарт начал переориентировать рынок Пиренейского полуострова на Францию. В Испанию должны были теперь поступать только французские товары – взамен английских, а Испания не должна была продавать свою шерсть и хлопок англичанам. Только французам!

Вроде нормально. Но тогдашняя Испания была, наряду с Россией, наиболее отсталой окраиной Европы. Она, как и дореволюционная Франция, была раздроблена на отдельные феоды, разделена разноязыкостью, таможнями, местечковыми законами, которые противоречили центральным… Испания была даже хуже, чем дореволюционная Франция – здесь случались рецидивы средневекового суда инквизиции, и вообще нищета была несусветная. А экономически отсталые люди – дикие люди. А диких людей самое невинное нарушение привычного хода вещей очень нервирует. Так же примерно было в Египте. Наполеон заставляет население убирать в Каире мусор? Смерть проклятым оккупантам!.. В Испании Наполеон ликвидировал внутренние таможни, ввел свой отличный кодекс, запретил жечь ведьм. Поэтому в Испании началась полномасштабная партизанская война, и французскому цивилизатору пришлось держать здесь огромную 300-тысячную армию для перманентного подавления свободолюбивых туземцев.

И вот скажите мне теперь, за что воевали испанские голодранцы?.. Им не один хрен, кто там в Мадриде на троне сидит – Бурбон или Бонапарт? Тебе, оборванцу, какое дело? Знай,

дергай за сиськи свою вонючую козу. Однако варвар не внемлет аргументам разума. Дикие люди понимают только палку. И потому наполеоновские войска жесточайшим образом подавляли выступления испанцев – этих «чеченов» того времени. Убивали не только мужчин, но и женщин с детьми, потому что и женщины, и дети стреляли во французских солдат. Бандиты, одно слово.

Узнав, что Наполеон завяз в Испании, снова зашевелились англичане и австрияки. Первые высадили десант в Лиссабоне и захватили город, а вторые. После Аустерлицкого разгрома прошло три года, и австрийскому императору Францу помстилось, что он накопил достаточно силенок и готов разгромить самого Наполеона, пользуясь тем, что у того частично связаны руки в Испании.

Наполеон решал проблемы по мере их поступления. Сначала он лично сходил в Испанию, разбил незаконные бандформирования испанцев, вооруженные английскими ружьями, которые (формирования, а не ружья) представляли собой уже целую армию. Заодно добрался до Лиссабона, откуда выбил англичан. А затем пошел в Австрию.

Что опять толкнуло австрийцев помериться силами с Наполеоном? Ведь нарождающаяся промышленная буржуазия Австрии только выигрывала от континентальной блокады. Дайте ей время поднять голову, и страна шагнет в современность!.. Но старая феодальная знать, привыкшая к потреблению английского кофе с сахаром и не забывшая еще прошлых «обид» и территориальных потерь, раскачала-таки австрийского императора Франца на войну с Бонапартом!

Наполеон был к этому вполне готов. За пять дней он нанес австрийцам пять сокрушительных поражений, перешел Дунай, догнал отступающее австрийское войско и опять погромил его. А через несколько дней вошел в Вену. Однако командующему австрийскими войсками удалось спасти изрядный шматок своей армии, который Наполеону еще предстояло догромить. Это случилось в битве при Ваграме, где австрийцы потерпели сокрушительное поражение. Бедный император Франц!.. Даже ослы учатся на своих ошибках!..

В наказание Наполеон отобрал у Австрии еще треть территории, наложил на Франца контрибуцию в размере 85 миллионов флоринов золотом и запретил держать армию более 150 тысяч человек.

Пока Наполеон усмирял Европу, французская армия в Испании тоже не дремала. Самые большие очаги сопротивления были подавлены. Испанские бандиты прятались теперь по горам и решались только на мелкие вылазки.

Начала приносить пользу и блокада Англии. Из этой страны стали приходить радостные вести о массовых разорениях и самоубийствах промышленников, о страшной безработице и недовольстве народа. Еще чуть-чуть потерпеть, дожать, и Англия сама запросит мира!

А Наполеон стал все чаще задумываться о том, на чем же держится его огромная, по территории превышающая Древнеримскую, империя. И приходил к неутешительному выводу: пирамида крайне неустойчива и стоит на острие. На самом Наполеоне. Стоит только ему погибнуть, как вся Европа взбунтуется, а во Франции начнется смута и дележ власти. Потому что, хоть он и император, у него нет наследника. Значит, нужен следующий ход, к которому его привела неумолимая имперская логика, – династический брак.

Глава 5 ПОСЛЕДНИЕ УЗЫ

Жозефина, несмотря на все старания, родить уже не могла. Ближайшее окружение советовало Наполеону развестись с ней и жениться на какой-нибудь принцессе одного из царствующих домов Европы.

Эти уговоры продолжались несколько лет. И несколько лет Наполеон им сопротивлялся. Потому что он любил Жозефину. Это, конечно, была уже не та пылкая любовь 27-летнего юноши, каким он в первый раз завоевывал Италию. Это была спокойная любовь-привязанность солидного семейного человека, слегка омраченная уже полузабытыми, правда, неудачами на первом этапе, когда семейную лодку крутило и било об камни в порогах бытия.

Наполеон привык к Жозефине, любил ее детей. Когда дочь Жозефины Ортанс родила мальчика, Наполеон страшно привязался к этому ребенку. Приезд Ортанс с сыном был для него настоящим праздником. Наполеон все время возился с этим пятилетним карапузом, за завтраком сажал его на колени, читал ему книжки, катал верхом на газелях, которые жили у него в парке. Мальчик, в свою очередь, тоже обожал своего Наполеона и, завидев издалека, несся к нему, крича: «Дядя Бибиш!» Так он почему-то называл Наполеона, который мог быть исчерпывающе счастлив в семейной жизни, если бы не завоевал Европу… Но Европа требовала присмотра. И потому через несколько лет уговоров и после очередного несостоявшегося покушения Наполеон принял решение укрепить трон династическим браком.

Жизнь Наполеона, который не вылезал из навязанных ему Европой войн, все время висела на волоске. Он был весь изранен, под ним, как уже говорилось ранее, погибло 18 лошадей. В битве под Эйлау Наполеон стоял на пригорке, а на голову ему сыпались сбиваемые русскими ядрами и пулями ветки с дерева. Гонцам и адъютантам сложно было даже подбежать к Наполеону, потому что огонь противника выкашивал подступы к пригорку, и Бонапарт стоял, окруженный трупами офицеров и солдат. Это не был бессмысленный риск: положение под Эйлау было настолько тяжелым, что исключительно личный пример любимого императора сдерживал солдат, заставляя их стоять под ураганным огнем русских и австрийцев.

И не только война заносила смертную косу над императором французов. 12 ноября 1809 года в Вене во время парада к Наполеону из публики пробился молодой человек, якобы с прошением. Охрана схватила его раньше, чем он успел выхватить

кинжал. После парада Наполеон решил поговорить с террористом. Им оказался студент саксонского университета.

– За что вы хотели меня убить? – спросил Наполеон. И этот естественный вопрос был из той же серии, что и заданный царю Александру: «Из-за чего воюем?»

Наполеон все время задавал Европе естественные прагматичные вопросы. Но у Европы, жившей по средневеково-феодальным установкам из сказок братьев Гримм, не было логических ответов, только абсурдистско-сказочные. Вот и сейчас студент ответил лозунгом, не несущим никакой смысловой нагрузки:

– Я считаю, что, пока вы живы, моя родина и весь мир не будут знать свободы и спокойствия.

– Кто вам сказал такую чушь? – поразился Наполеон, которого именно Европа и ввергала каждый раз в бесконечные войны.

– Никто!

– Вас научили этому в университете?

– Нет.

– Может быть, лавры Брута не дают вам покоя?

На этот вопрос студент не ответил: он не знал, кто такой Брут. Видимо, троечник попался.

Пораженный этим беспричинным и безграмотным фанатизмом, который скорее был бы свойственен дикому испанскому оборванцу, а не студенту европейского вуза, Наполеон спросил:

– А если я вас отпущу, вы дадите слово, что никогда больше не будете пытаться убить меня?

Троечник долго молчал, но был настолько узколоб (кто-то, возможно, примет его глупость за благородство), что решился сказать правду:

– Нет. Я буду на вас покушаться.

Из двух собеседников благородство в этой истории проявил только Наполеон.

Он долго молчал, после чего вышел в глубокой задумчивости. А затем отдал дурака под военно-полевой суд, который вынес студенту приговор о расстреле. Приговор был приведен в исполнение немедленно. Потому что Наполеон не любил рисковать жизнью напрасно. Зачем? Он же был отважный человек, а не идиот.

Впрочем, благородство Наполеона в историях с покушениями проявлялось не только в попытках отпустить убийцу. Вот, например, что случилось во дворце Наполеона Тюильри. Однажды в приемный покой дворца вошел странный человек в

длиннополом пальто. Дежурный офицер предложил вошедшему снять шляпу и пальто. В ответ незнакомец вытащил из-под полы саблю и бросился на офицера. К счастью, тот успел выхватить шпагу и принять оборонительную стойку. Отбив первый удар, офицер пригвоздил хулигана шпагой к двери.

Оказалось, нападавший был бывшим квартирмейстером наполеоновской армии, которого кто-то из чиновников несправедливо обидел, из-за чего у квартирмейстера случился съезд крыши, и он решил отомстить за себя, убив не обидевшего его чиновника, а главу государства. Квартирмейстера отправили в госпиталь, а узнавший об этой истории Наполеон назначил несостоявшемуся убийце пожизненную пенсию.

Короче говоря, рано или поздно пуля или кинжал могли прервать жизнь Наполеона, обрушив дело всей его жизни и вновь раскидав объединенную им Европу на отдельные национально-племенные лоскуты. Наполеону до зарезу нужен был наследник на троне, вокруг которого без споров могла консолидироваться новая элита Франции с целью сохранения внутреннего спокойствия и отражения внешней агрессии.

…В день, когда он сообщил Жозефине свое решение о разводе, Наполеон заплакал третий раз в своей жизни.

Жозефина давно чувствовала, что этим все кончится, очень переживала, но, как верно сказал ей Наполеон: «У политики нет сердца, только голова». Все время перед разводом они проводили вместе. И после развода Наполеон часто писал Жозефине длинные теплые письма.

Чувства, которые день за днем переживали все герои этой истории, описал в своих мемуарах камердинер Наполеона Констан: «Лоб императора все больше и больше морщился от явного состояния озабоченности, пока не наступил день 30 ноября. В этот день обед отличался, как никогда, общим молчанием. Императрица проплакала весь день, и для того чтобы скрыть, насколько это возможно, бледность лица и красноту глаз, она надела большую белую шляпу, поля которой полностью скрывали ее лицо. Император сидел, не проронив ни слова, его взгляд был прикован только к тарелке, и лишь время от времени конвульсивные гримасы выдавали состояние крайнего волнения; если ему случалось отрывать глаза от тарелки, то он украдкой бросал страдальческий взгляд на императрицу. Придворные офицеры, стоявшие неподвижно, словно статуи, печально глядели на эту тягостную и мрачную сцену. Их величества не притрагивались к пище, и были слышны только монотонный шепот обслуживающего персонала, подававшего и уносившего прочь блюда, и звенящий звук механических ударов

императорского ножа по краю бокала».

Через некоторое время, когда Наполеон с Жозефиной остались одни, между ними состоялось решающее объяснение. Констан в это время находился в соседней комнате, «предвидя ужасные события». Через несколько минут он услышал крики. Наполеон открыл дверь, и Констан увидел следующую картину: императрица лежала на полу, крича так, словно у нее разрывалось сердце: «Нет, ты этого не сделаешь! Ты не можешь убить меня!»

Затем у Жозефины случился обморок, и Наполеон вместе с одним из слуг отнесли ее в спальню. Всю последующую ночь Наполеон не спал, постоянно подходя к спальне Жозефины и интересуясь ее состоянием.

День, в который состоялось официальное провозглашение развода, Констан описывает так: «Это было 16 декабря. Императорская семья собралась, одетая в строго официальные костюмы, когда вошла императрица в простом белом платье, полностью лишенном украшений. Она была бледна. Принц де Богарне (ее сын. – *А. Н)* стоял рядом с императором и так сильно дрожал всем телом, что, казалось, он может упасть в любую минуту. Когда вошла императрица, граф Реньо де Сен-Жан зачитал документ о разводе.

Его прослушали в глубоком молчании… Императрица казалась более спокойной, чем все остальные, хотя слезы беспрестанно текли по ее лицу. Чтение документа закончилось, императрица встала, вытерла глаза и голосом почти твердым произнесла слова согласия, после чего села в кресло, взяла ручку у г-на Реньо и подписала документ. Затем она тут же удалилась.

Во время этой церемонии император не произнес ни слова, не сделал ни одного жеста, но стоял неподвижно, словно статуя. Почти безумным взглядом он уставился в одну точку и пребывал в полном молчании и в подавленном настроении весь день.

Вечером, когда он только лег, а я ждал его последних указаний, вдруг отворилась дверь и вошла императрица. Ее волосы были в полном беспорядке, а лицо выдавало сильнейшее волнение. Ее вид привел меня в ужас. Жозефина, дрожа, как в лихорадке, подошла к императору, остановилась и, заливаясь слезами, упала на постель, обвив руками шею императора, а затем стала осыпать его нежными и бурными ласками. Я не могу описать свои чувства при виде всего этого. Император тоже заплакал, присел на постель и, прижав Жозефину к груди, стал говорить ей: „Успокойся, моя хорошая. Будь разумной. Мужайся, мужайся. Я всегда буду твоим другом“. Рыдания сдавили горло императрицы, и она не могла отвечать; и тогда последовала

молчаливая сцена, во время которой его слезы и ее рыдания слились воедино, и эта сцена сказала мне больше, чем самые нежные слова…»

Почти в тех же выражениях описывает эту драму секретарь Наполеона Меневаль: «После скорбной и впечатляющей церемонии, которая разорвала узы брачного союза, император вернулся в свой кабинет печальный и молчаливый и повалился на кушетку в состоянии полной депрессии».

Уезжая, Наполеон зашел к Жозефине попрощаться, взяв с собой Меневаля. Тот свидетельствует: «Жозефина была одна и казалась погруженной в самые болезненные раздумья. Шум от нашего появления вывел ее из состояния оцепенения, она вскочила с кресла и бросилась на шею императора, не сдерживая слез. Он прижал ее к груди, целуя вновь и вновь, но в результате от переизбытка эмоций она упала в обморок. Я позвонил в колокольчик, вызывая помощь.

Император, желая избежать лицезрения горя, которое он не мог смягчить, передал императрицу в мои руки, как только увидел, что она приходит в сознание, и приказал мне не покидать ее, а сам быстро удалился.

В смятении чувств Жозефина схватила меня за руки и самым серьезным образом умоляла просить императора, чтобы он не забыл ее… и проследить, чтобы он писал ей. Казалось, ей было трудно разрешить мне уехать, словно мой отъезд разрывал последние узы, связывающие ее с Наполеоном».

С кем же Наполеон решил сочетаться династическим браком? Чертовски показательный момент! Первым делом он предложил руку и сердце… или, точнее, руку и империю родной сестре царя Александра – великой княжне Анне Павловне. Однако ему под благовидным предлогом («молода ишшо») было отказано. Анне Павловне было всего 16 лет. Действительно, не сильно старая тетка, но даже по нынешним временам вполне себе женихабельная. Просто не хотел царский двор выдавать Анну за Наполеона. А выдали бы, глядишь, и войны 1812 года не было бы. Удушили бы Англию и поделили Европу на пару – между Францией и Россией.

После того, как Александр отказал ему, Наполеон послал запрос в Вену, где у многострадально-глупого императора Франца была дочка на выданье. Звали ее Мария-Луиза. В Австрии такой шанс упустить не могли, тут же запаковали Марию-Луизу в пенопласт и отправили в Париж. Шучу. Не было тогда пенопласта. Стружками переложили. Короче, австрийский двор согласился моментально. В Вену приехал маршал Бертье и увез новоиспеченную невесту в Париж. Венский двор плакал от

счастья: «Австрия спасена!» Мы теперь с Наполеоном родственники!..

Что же представляла собой эта самая Мария-Луиза? Она была типичной представительницей тогдашней австрийской системы воспитания. Системы чертовски пуританской и, я бы сказал, дремучей. Австрийские принцессы жили в совершеннейшем затворничестве, ибо их целомудрие было главнейшей заботой дворцовой челяди.

С одной стороны, принцесс обучали разным языкам (Мария-Луиза знала несколько языков и даже латынь), учили рисовать и музицировать. С другой – в погоне за целомудрием австрийцы доходили до той степени маразма, которая казалась более просвещенным французам смешной. Так, в покоях принцессы не должны были появляться животные (кошечки, собачки) мужского пола, дабы не поколебать нравственных устоев воспитуемых, а книги, которые давали читать принцессам, были самым решительным образом изуродованы. Цензорские ножницы вырезали из них все те слова, фразы и абзацы, которые, на взгляд цензоров, были чересчур фривольны.

Как справедливо отмечал Меневаль, «такая неуклюжая цензура не могла не достичь прямо противоположного результата. Эти страницы, которые никто бы и не заметил, если бы им позволили остаться в книгах, давали юным умам пищу для самых разнообразных толкований, возбуждая до крайности их любопытство. Мария-Луиза, уже став императрицей, бывало, признавалась, что отсутствие страниц в ее книгах разжигало в ней колоссальное любопытство. Как она потом рассказывала, первым делом, которым она занялась, когда получила свободу читать все, что хотела, был просмотр всех страниц, вырезанных из ее школьных книг, чтобы выяснить, что именно хотели скрыть от нее…»

Узнав, что ее собираются выдать замуж за «узурпатора Европы», Мария-Луиза почувствовала себя несчастной жертвой, которую решили отдать Минотавру. Ей было 19 лет, и всю свою жизнь, пока девочка росла, она слышала вокруг себя разговоры про ужасное чудовище, которое пожирало ее страну и от которого весь венский двор неоднократно спасался бегством, покидая столицу.

С самого детства одна из самых любимых игр Марии-Луизы и ее братьев с сестрами заключалась в том, что дети выстраивали в ряд солдатиков, которые представляли собой французскую армию. Командовала этой ордой самая отвратительная и страшная черная фигурка – Наполеон. Дети тыкали в эту фигурку булавками и всячески осыпали ее обидными словами. И вот

теперь ее родной папа хотел выдать Марию-Луизу замуж за эту уродливую, страшную фигуру! Которая непременно вырвет ей сердце и съест его за завтраком при первой же возможности.

Однако не так страшен оказался черт, как его малюют. Как мы знаем, Наполеон не только обладал потрясающей способностью нравиться людям, но был еще и человеком, заточенным на семью. Поэтому его сердце сразу расположилось к Марии-Луизе, а ее перепуганное сердечко вскоре растаяло. У Наполеона вновь включилась семейная привязанность, он окружил Марию-Луизу самой искренней любовью и заботой, и через некоторое время она уже писала домой: «Небо услышало мои молитвы; дай бог, чтобы вы были так же счастливы, как я…»

И еще: «Я не могу пожелать вам ничего лучшего, как счастья, равного моему собственному. В таком большом городе, как Париж, у нас нет недостатка в развлечениях, но лучшие для меня минуты те, которые я провожу с императором».

И еще: «Мое семейное счастье омрачено разлукой с императором, без него я не могу быть счастливой».

И еще: «Если я не получаю от него ежедневных писем, то прихожу в отчаяние, но письма успокаивают меня лишь на несколько часов…»

С таким мужем, как Наполеон, просто невозможно не быть счастливой.

Это уже потом, после свержения Наполеона, пухлогубая, голубоглазая, светловолосая Мария-Луиза, которой было всего 19 лет, когда она вышла замуж, у которой Наполеон был первым мужчиной и которая получила отвратительное (пуританское) воспитание, довольно быстро забыла Наполеона и увлеклась новой страстью – одноглазым австрийским офицером. Молодая, глупая… А вот Жозефина уже понимала вкус зрелого вина. Она свое уже отгуляла и теперь ценила настоящее, а не фуфло. И потому просилась приехать к Наполеону на остров, до которого, впрочем, нам еще пока очень далеко.

Но зато, в отличие от Жозефины, через девять месяцев здоровая самка Мария-Луиза родила Наполеону сына. Кстати, родила не без проблем. То есть, возможно, все-таки не очень здоровая была. А, может, просто не повезло. Ребенок шел ножками вперед. Когда врач сказал Наполеону, что роды будут очень тяжелыми, есть угроза для жизни матери, и спросил, кого спасать – мать или ребенка, Наполеон не колебался: «Спасайте мать!»

Наполеон присутствовал при родах. Только в один момент он не выдержал и ненадолго вышел – когда ребенка начали доставать с помощью щипцов. Это была очень долгая и

болезненная операция без наркоза, во время которой Мария-Луиза кричала, что ею хотят все пожертвовать ради наследника. Это было неправдой, но ей было очень больно и страшно… Наполеон, на глазах которого за долгие военные годы неоднократно разрывало людей на части, выдержать этого зрелища и этих криков не мог.

Наконец ребенка достали. Целых семь минут он не подавал признаков жизни. Младенчика уже отчаялись откачать, когда он вдруг вздохнул. Потом закричал. И у всех отлегло от сердца…

Вокруг Тюильри с самого утра собралась огромная толпа народу, ожидающая разрешения новой императрицы от бремени. Было известно, что если родится девочка, дворцовые пушки дадут 21 залп. А если мальчик – сто. Едва мальчик закричал и стало ясно, что он будет жить, отдали приказ начать салют. Толпа молча считала залпы. Когда шарахнул 22-й, народ взревел от радости. У французов теперь была новая династия, наличие которой обещало стабильность и мирную передачу власти без опостылевших гражданских разборок, крови и братоубийственной резни.

Телеграф разнес весть о рождении наследника по всей Европе. И уже к двум пополудни со всех крупных городов империи посыпались поздравления.

Самой природой ориентированному на многодетность Наполеону судьба подарила всего одного ребенка. Врач-акушер предупредил императора, что Мария-Луиза вряд ли сможет еще раз родить. «Император страстно любил сына, – писал Констан, – он все время брал его на руки, поднимал в воздух, ставил на землю и снова подбрасывал, забавляясь его радостью. Он дразнил его, подносил к зеркалу и делал тысячи гримас, от которых ребенок хохотал до слез…»

«Вход в его кабинет был воспрещен для всех, – вспоминал Меневаль, – но он часто просил Марию-Луизу приносить к нему сына… спешил ей навстречу, брал сына на руки и, осыпая его поцелуями, уносил к себе. Сидя за письменным столом и готовясь подписать депешу… он держал сына на коленях или прижимал его к груди. Его терпение и снисходительность к этому ребенку были неистощимы!»

По дороге в Россию Наполеон пишет жене: «Надеюсь, вы скоро известите меня о том, что прорезались последние четыре зуба…»

Часть VI «ЗАЧЕМ Я ШЕЛ К ТЕБЕ, РОССИЯ, ЕВРОПУ ВСЮ ДЕРЖА В РУКАХ?»

Кутузов, такой безнравственный в своем поведении и в своих принципах и такой посредственный как начальник армии, обладал качеством, которого кардинал Мазарини требовал от своих подчиненных: он был счастлив.

Генерал
Ланжерон

Отдача Москвы французам поразила умы… Генералы в бешенстве, а офицеры громко заявляют, что стыдно носить мундир. Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников, и они грабят на глазах своего начальства… Расстреливать невозможно: нельзя же казнить смертью по несколько тысяч человек в день?

Генерал
Ростопчин

Александр I, игравший первую роль при триумфальном вступлении союзников в Париж, по низвержении Наполеона стремился к гегемонии над Европой.

Эрнест Лависс
«История XIX века»

Глава 1 ДОЛГАЯ ДОРОГА В РОССИЮ

Выше я писал, что континентальная блокада была сильным лекарством от Англии. И даже сравнил ее воздействие на экономику с воздействием химиотерапии на организм. Возможно, я несколько преувеличил. Потому что химиотерапия однозначно плохо сказывается на организме, убивая и его, и болезнь. А вот континентальная блокада приводила не только к вредным последствиям для экономических организмов европейских стран, но и к положительным.

Про вред континентальной блокады написано много. Каждый может снять с полки своей домашней библиотечки запыленный двухтомник «Континентальная блокада» и почитать там про знаменитый финансовый кризис 1811 года. Который случился в Париже из-за блокады. А также о вреде блокады для России. Но мы зайдем с другой стороны.

Существовал ли у Наполеона другой способ расправиться с Англией, превратившей всю Европу в свой сырьевой придаток и желающей, чтобы она таковым и оставалась?.. Англия сбывала в Европу все, что производили ее фабрики, а в Европе закупала сырье и продукты питания – зерно, например, поскольку Англия стала настолько промышленно развитой страной, что свою еду ей производить было уже невыгодно. В Англии сельское хозяйство давно работало на промышленность – на пастбищах паслись овечки, которые давали шерсть для прядильных фабрик. И эта ситуация консервировала самое себя: зачем кому-то вкладывать деньги в европейское производство, если в Англии все уже давно налажено и стоит дешево?

Кроме того, Англия царила на морях, то есть была явным лидером в мировой доставке товаров. Спокойствие английских торговых кораблей на морях обеспечивал английский военный флот. Для того чтобы победить ВМФ Британии, французам нужен был флот, аналогичный по силе. А вот с этим были проблемы. Они состояли не в том, что флот очень дорог в строительстве, хотя это тоже правда. Чего-чего, а ресурсов у Наполеона было больше, чем у Англии, поскольку он распоряжался ресурсной базой всей Европы. И флот Наполеон активно строил. Причем, поскольку французы начали программу по строительству флота позже англичан, они имели возможность делать сразу суперсовременные корабли, используя все известные на тот момент изобретения. Поэтому французские корабли эпохи Наполеона зачастую были технически более совершенными, чем английские, – они имели больше пушек, были более

скоростными. Смотрели фильм «Хозяин морей»? Там этот момент прекрасно отражен…

Проблема французов была в другом. В отсутствии школы. То есть специалистов и структуры, которая готовит этих специалистов. Воюют ведь не корабли, воюют люди. Корабль можно построить быстро. А вырастить специалиста и целую школу специалистов. На это нужны годы. Адмирал – как топ-менеджер в бизнесе: штучный товар. Для того чтобы вырастить кадры для своего флота, Франции нужно было лет 10–15. А до этого все их современные корабли безнадежно проигрывали английской военной школе, плавающей на более старых судах.

У французов была сильная, воспитанная двадцатью годами интервенций и революций сухопутная военная школа. У Наполеона были тридцатилетние маршалы, своим дарованием превосходившие многих командующих в Европе. Но за те же революционные годы Франция растеряла в морском флоте даже то, что имела при Людовике.

Наполеон не знал, есть ли у него впереди эти 10–15 лет. Но флот все-таки строил. А параллельно принял другое решение. Англия владычествует на море?.. Значит, нужно обессмыслить это преимущество! Нужно сделать так, чтобы плавать англичанам было некуда. Закрыть Европу. Чтобы свои товары англичане сюда не везли, а из Европы не вывозили еду.

Хлеб. Пенька. Древесина. Сырье для прядильных фабрик. Это то, что ввозила Англия.

Специи. Ром. Чай. Кофе. Сахар. Индиго. Кошениль. Это то, что доставляли английские корабли в Европу.

Что такое чай и кофе, а в особенности, ром, думаю, объяснять не надо. А вот спроси современного человека о том, что такое индиго или кошениль и почему европейская экономика стонала от их отсутствия, причем стонала так, что в конце концов Наполеон был вынужден сделать для индиго послабление и разрешить его ввоз по лицензии. Пожалуй, мало кто ответит.

Индиго – темно-синее кристаллическое вещество, не растворимое ни в воде, ни в спирте. Добывалось это вещество из особых индигоносных растений и применялось для окрашивания тканей в синий цвет в текстильной промышленности.

Кошениль – это такие крохотные насекомые, обитающие в Америке, Африке, Азии. Из этих букашек добывался красный краситель для тканей.

Ткани нужно окрашивать. Вспомните яркие, цветастые сине-красные мундиры европейских армий той эпохи. Стратегическое сырье для армии, получается. Да и гражданским во что-то одеваться надо.

Нет, можно, конечно, ткани не окрашивать. Ходить, как крестьяне, в серых некрашеных холщовках, но ведь привыкли уже к красоте. И кофе с сахаром пить привыкли. Расставаться с комфортом цивилизация не умеет. Потому что комфорт – ее цель и суть. Из-за вкусовых привычек разгораются войны. И это говорит только о том, что качество жизни цивилизацией интуитивно оценивается выше ее количества. Забегая вперед, скажу, что Наполеон, пытаясь предотвратить войну 1812 года, пообещал русским: «Вы хотите сахар и кофе? Вы их получите!….» Увы, кофе русским было мало, им хотелось войны.

Короче говоря, без индиго и кошенили не могла функционировать европейская текстильная промышленность, а без кофе, вкусных специй и сахара – европейский потребитель. Поэтому цены на контрабандный кофе и сахар взлетели до небес, а что касается синей и красной краски, Наполеон был вынужден разрешить их ввоз по специальным лицензиям с уплатой высоких пошлин. Англичане, со своей стороны, давали разрешение на ввоз хлеба, леса и пеньки.

При этом европейские потребители страдали от высоких цен на контрабандные товары, а европейские производители зерна, леса, пеньки – от низких цен на зерно, которое некуда было сбывать.

Удушая Англию экономическими санкциями, Наполеон одновременно развел гнилостно-питательную среду для мафии. Десятки тысяч людей занимались контрабандой, ржа коррупции поразила чиновный аппарат империи. Вот что значит запрет! Запрет всегда плохо работает. Хорошо работает только либерализация. Запрет – это токсин для экономики. Либерализм – сильный собственный иммунитет экономического организма.

Но Наполеон боролся с опухолью и средств не выбирал. Он надеялся, что опухоль умрет быстрее организма. И действительно, положение в Англии ухудшалось с каждым днем. Недовольны были все – и разоряющиеся производители, и голодные увольняемые рабочие. В Лондоне уже буквально считали дни до свержения правительства. Струна натянулась до предела.

Во Франции тоже разразился тот самый кризис 1811 года… Шла война нервов и экономик.

Чем торговала Франция? Как и сейчас, преимущественно предметами роскоши. Ювелирные изделия… Модная одежда… Кожаные изделия с высоким качеством выделки. Коньяки и вина… Сыры. Дорогая мебель, производством которой занимались почти три четверти рабочих, живущих в Сент-Антуанском предместье Парижа… Бархат… Дорогое и тонкое

полотняное белье… Валансьенские кружева. Когда с Англией был мир, богатые англичане скупали все это за милую душу. Богатые европейцы, впрочем, тоже. Теперь Англия была отрезанным ломтем. А богатые европейцы перестали быть богатыми: войны и контрибуции подразорили Европу, спрос на роскошь упал. Обе Америки и богатые плантаторы с островных территорий также стали недосягаемы, поскольку на морях безраздельно царила Англия. Так что и Франции пришлось туговато.

Но финансы во Франции были в гораздо лучшем состоянии, чем в Англии, поэтому французский кризис не был ни сильным, ни системным, его спровоцировал неурожай 1811 года на фоне слегка просевшего экономического иммунитета, вызванного сокращением спроса. О легкости кризиса говорит та быстрота, с которой Наполеону удалось рядом финансовых мер купировать его развитие. Наполеон утешался тем, что Англии во сто крат хуже.

Блокада Англии привела к двум тяжелейшим кризисам – 1808 и 1811 года. В первом случае дело дошло до народных бунтов. Обвалился фунт стерлингов… А кризис 1811 года стал, как считают ныне англичане, самым тяжелым за 200-летнюю историю страны. Массовые выступления рабочих потрясали Британию, был убит премьер-министр. Ширилось и крепло движение за мир с Францией. Участники этого движения собрали 30 000 подписей с требованием немедленно начать переговоры о мире.

Понимая, что отсутствие английских колониальных товаров нужно чем-то заменить, а помочь в этом может только наука, Наполеон сделал ставку на нее. Он рассчитывал найти заменители для всего привозного, без чего не могла обходиться Европа.

Европе нужен хлопок? Попробуем выращивать его на юге Испании!.. А если не получится, заменим хлопок европейским льном. Наполеон объявляет конкурс на изобретение станков для производства льняной ткани.

Европе нужен сахар? Будем делать свой, из свеклы!.. Именно наполеоновские войны положили начало сахарно-свекольной промышленности Европы.

Европе нужна сода? Надо искать искусственные заменители природной соды!.. А зачем нужна сода, кстати? Не только ведь рот полоскать… Сода использовалась при производстве стекла и посуды, в химической, целлюлозно-бумажной промышленности, в металлургии. Нужный товар. Стратегический. Жизненно необходимый для функционирования социального организма. Витамин цивилизации. Поэтому постепенно получает

распространение химическое производство соды по методу Леблана.

Ищутся искусственные заменители индиго и кошенили. Получает широкое распространение кофе из цикория.

Но на все это нужно время. И на воспитание моряков, и на развитие собственного производства, и на поиск заменителей, и на изобретение новых станков и процессов. А недовольство в Европе копится. Радует только, что копится оно и в Англии. Англия вот-вот встанет на колени.

Британию спасла Россия, начав бурную подготовку к очередной войне с Францией и выйдя из континентальной блокады. То есть нарушив подписанный ею же Тильзитский договор.

Кстати, а что творилось в самой России? Считается, что российская империя была очень зависима от торговли с Англией. В самом деле, Россия поставляла в эту развитую страну свое сырье – зерно, медь, железо, лес, кожу, пеньку, свечное сало. Но после Тильзитского мира царь Александр присоединился к континентальной блокаде, и сокращение сбыта больно ударило по карману России. Отсюда, мол, инфляция и жуткий кризис, охвативший Россию.

Но отсюда ли?..

Действительно, некоторый вклад в подрыв финансовой системы России ограничение торговли с Англией наложило. Но насколько велики были эти потери?..

Действительно, российские сырьевики стали попугивать Александра, доводя до его ушей осторожные напоминания о том, что случилось с его папенькой, который ущемил их интересы. И это были не просто слова! Положение было настолько серьезным, что Александр сам признавался в беседе с французским послом: «…земля тут трясется подо мною, в моей собственной империи мое положение стало нестерпимым…»

И в конце концов Александр не выдержал давления олигархата и примерно через год «континентального воздержания» начал от этой политики (и от собственноручно подписанного международного договора) отказываться. У нас в России на законы, собственные обещания и договоры всегда плевать хотели.

Понимая, что разрыв мирного договора есть фактическое объявление войны, Александр начал готовиться к очередной войне с Наполеоном, подтягивая войска к западным границам. Лучше подставить под топор крестьянские головы, чем свою собственную. Эх, не зря Пушкин писал об Александре: «… властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда…»

Так все-таки, была ли для России континентальная блокада экономической катастрофой? Некоторые исследователи, такие, например, как Е. Понасенков, полагают, что нет, не была: «Подавляющая часть населения только выиграла от присоединения к блокаде. И на провинциальном дворянстве это практически не отразилось».

Дело в том, что в тогдашней России было всего 4,4 % городских жителей, ничтожную часть которых и можно назвать пострадавшими – именно они торговали сырьем, пили кофий с сахаром, кушали экзотические фрукты, коих их лишила блокада. Подавляющее население России блокады либо не заметило, либо было ей только радо. Потому что внутреннее производство в России росло. Скажем, по сравнению с «доблокадным» 1804 годом собственное хлопкоткачество в «послеблокадной» России выросло в несколько раз. Общее количество заводов и фабрик увеличилось за несколько лет в полтора раза, а количество рабочих – вдвое. Собственное производство сахара подскочило в пять раз!.. Выросла добыча соли. Наконец, торговый баланс России во все годы, в том числе и в годы континентальной блокады, был положительным.

По сути, пострадал от блокады очень узкий круг людей, стоящих возле трона. Просто плешивому щеголю только их и было слышно.

Но отчего же тогда финансовый кризис и инфляция?..

После заключения Тильзитского мира Александр откровенно писал матери, что Тильзитский мир – лишь временная передышка для того, чтобы собраться с силами и вновь напасть на Европу: «Мы будем иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого драгоценного времени наши средства и силы… а для этого нам надо работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто…»

Вот главная причина! Безудержные военные расходы! В 1807 году Россия, до этого зачем-то упорно воевавшая с Наполеоном за чужие интересы, наконец-то заключила с ним мир. Казалось бы, все прекрасно. Занимайся мирным строительством, как это делает Наполеон, когда у него свободная минутка выдается… Так нет же! Александр сразу же после подписания мира начинает усиленно готовиться к новой войне: в 1807 году годовые расходы России на армию увеличиваются в два раза! И вы еще спрашиваете, откуда инфляция?..

Российский канцлер Н. Румянцев в докладе царю прямо писал, что главная причина финансового кризиса отнюдь не в разрыве с Англией, а в невероятных военных расходах. А вот вам

для раздумий еще одна цитата из отчета российского Департамента экономии Государственного совета от 20 сентября 1810 года: «Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого принятия системы…»

Давайте просто тупо сравним циферки. Итак, сразу после заключения Тильзитского мира расходы Александра на армию выросли вдвое – примерно на 55 миллионов рублей. А сколько же составил недобор казны из-за присоединения России к континентальной блокаде? 3,6 миллиона!.. Почувствуйте разницу.

Поясню. Сырьевые олигархи потеряли из-за срыва поставок в Англию десятки миллионов. Но отчисления в российский бюджет от этих денег (за счет таможенных пошлин и налогов) составляли те самые 3,6 миллиона. Для сравнения: соляной налог приносил Российской империи 7,7 миллиона рублей, подушная подать – 48,4 миллиона рублей, доход от водки – 34,2 миллиона рублей.

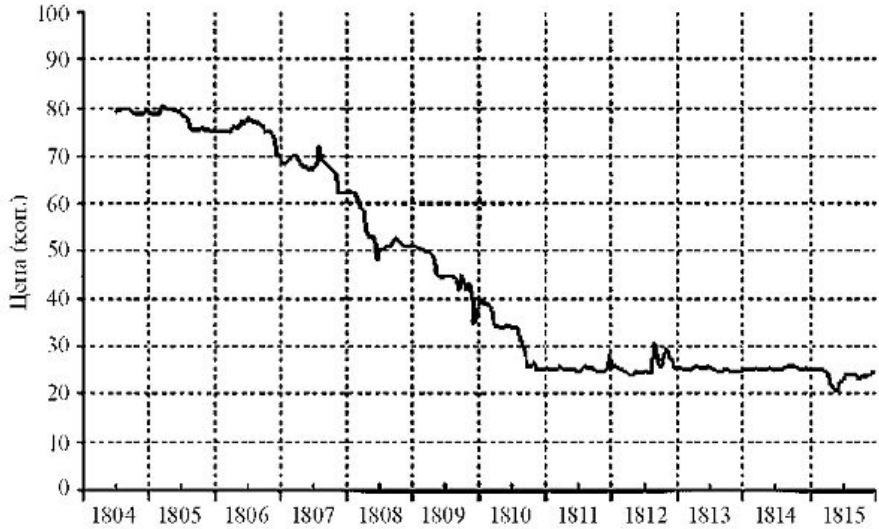
Таким образом, олигархи, действительно потерявшие огромные деньги, упорно толкали в войну Россию, которая не потеряла почти ничего из-за блокады, но потеряла на порядок больше, готовясь к ненужной войне!..

И еще один момент… В тот же период Россия развязала войну со Швецией с целью отнять у нее Финляндию. И отняла. А война, как известно, такой же провокатор инфляции, как алкоголь – провокатор цирроза. Даже если не учитывать прямых военных расходов на оккупацию Финляндии, а сравнить косвенные потери, то можно прийти в ужас: торговые потери от войны со Швецией были вполне сопоставимы с потерями от прекращения торговли с англичанами.

И последний факт, показывающий, насколько «выгодно» было русским воевать в Европе за английский интерес. Когда после последнего разгрома русская армия вернулась из Европы в Россию, в Санкт-Петербург стали приходить счета по распискам русских офицеров, которые реквизировали у местных жителей фураж и продукты. Эти долги за прошлую войну Александру тоже пришлось оплачивать.

Кстати, любопытно посмотреть на график финансовой катастрофы в России. Здесь изображен курс ассигнаций, то есть бумажных денег по отношению к серебру.

Динамика курса ассигнаций



Эту «хронику пикирующего бомбардировщика» историки любят объяснять действием континентальной блокады. Мол, все из-за проклятого Наполеона, подорвал Российскую торговлю и денежную систему, безобразник!.. Но царь Александр, реализуя свежеподписанный Тильзитский мирный договор, закрыл свои порты для англичан только в конце 1807 года. То есть отработать навигацию успели. Иными словами, реально блокада начала действовать с весны 1808 года. А почему тогда курс рубля падал предыдущие несколько лет?

Давайте посмотрим на начало падения. Это середина 1805 года. Причина – вступление России в войну с Францией. Далее следует легкий всплеск. Это Наполеон разгромил русские войска, и Россия выходит из войны. Мир укрепляет рубль.

В конце 1806 года снова обвал рубля. Это Россия опять кидается бить Наполеона. И собственную валюту. Обратите внимание на короткую вспышку в середине 1807 года. Это битва при Эйлау! Та самая, похожая на Бородино, где Наполеон одержал тяжелую, но бессмысленную победу, потому что противник сумел организованно отойти, сохранив остатки армии и не будучи разбитым наголову. В это самое время, если помните, на парижской бирже упали французские государственные бумаги.

Начало 1808 года. Сильное падение. Что этому причиной – континентальная блокада, как говорят иные умники, или начавшаяся война со Швецией за Финляндию?..

Стремясь увеличить военные расходы (ну не терпелось ему еще раз сходить в Европу!) царь Александр довел страну до состояния, когда рубль с восьмидесяти копеек упал до двадцати пяти. И только пожарные антикризисные меры стабилизировали ситуацию. Было объявлено о прекращении допечатки ничем не

обеспеченных ассигнаций, выпущены облигации государственного займа, сокращены расходы, повышены налоги, в частные руки продана часть казенного имущества. Все это происходило под руководством великого русского экономиста Сперанского – человека удивительной и несчастной судьбы. Деятельность этого гиганта мысли и отца русского либерализма полностью стабилизировала финансовую ситуацию в стране, за что он в итоге и поплатился ссылкой. Типичная российская история.

Стоит обратить внимание на пару выбросов кривой – в 1812 году курс рубля слегка подскочил. Это Наполеон ушел из Москвы. Впрочем, курс тут же упал до обычного, поскольку ничего фундаментального для экономики в этом решении Наполеона не было… А в 1815 году курс ненадолго провалился. Это Наполеон вернулся из своей островной ссылки и вновь захватил власть во Франции.

Наполеон, как мы знаем, в итоге проиграл. Но он задал вектор. Запустил процесс. Перебаламутил затхлую феодальную Европу, в которой забурлили преобразования. Необходимость кардинальных реформ становилась ясной всем. В Пруссии модернизировать страну король призвал Г. Штейна, человека либеральных взглядов. Тот отменил крепостное право, провозгласил личную свободу крестьян, разрешил выкуп крестьянами повинностей за уступку помещику от трети до половины своего надела, отменил рекрутчину, введя по примеру Франции всеобщую воинскую повинность. Был открыт путь в офицеры не только для дворян, но и для всех граждан. Были значительно смягчены телесные наказания, усовершенствована система управления войсками.

Даже австрийский император Франц, известный своим тугодумием и патологической неприязнью ко всему новому, был вынужден проводить реформы в австрийской армии, реорганизовав ее на французский манер.

И в России Александр начал постепенно приближать к себе талантливого реформатора Сперанского, мировоззрение которого сформировалось под воздействием идей французских просветителей. Вольтерьянцем он был самым натуральным!

Интересно, что во время встречи с Наполеоном в Эрфурте Сперанский находился в свите Александра в должности статс-секретаря и был представлен Бонапарту. Существует анекдот, что Наполеон в шутку будто бы сказал Александру: «Не угодно ли Вам, государь, поменять мне этого человека на какое-нибудь королевство?» Была сказана Наполеоном такая шутка или нет, доподлинно неизвестно, но известно зато, что Бонапарт считал

Сперанского «единственной светлой головой в России». Известно также, что за толковое участие в переговорах Наполеон подарил Сперанскому табакерку с бриллиантами. И табакерку, и уважение Наполеона Сперанскому потом в России припомнили. Кстати, способности Сперанского были ясны не только императору французов. Печально известный Аракчеев однажды сказал, что если бы у него была всего треть талантов Сперанского, он стал бы великим человеком.

А тогда, в Эрфурте, Александр спросил своего молодого статс-секретаря, нравится ли ему в Европе. Сперанский сказал, что в Европе «лучше установления». Тогда Александр поручил Сперанскому представить план проведения комплексной реформы в России. Сперанский такой план представил.

Это были воистину революционные предложения. Сперанский полагал, что деятельность всех органов госуправления должна быть максимально прозрачной и публичной. Власть должна контролироваться свободной прессой. Кроме того, необходима выборная законодательная власть и ограничение власти царя, над которым должен стоять закон. России нужна Конституция! Суд освобождается от царской опеки, Госдума осуществляет законодательную власть, кабинет министров – исполнительную. Как видите, Сперанский в своих предложениях опередил время на сто лет вперед. Помимо этого, он предлагал еще кучу всего по мелочи – министерскую реформу, судебную и т. д. Часть его предложений была осуществлена.

До высот Наполеоновского кодекса Сперанский, конечно, не поднялся, но его проект Гражданского уложения был весьма недурен. В области реформы судопроизводства Сперанский предлагал ввести выборность судей и институт присяжных заседателей.

Разумеется, все эти предложения вызвали резкую критику, поскольку уравнивали в правах дворян и разночинцев. Кроме того, ярость в рядах дворян вызвал следующий указ, подписанный царем по инициативе Сперанского и отменяющий «удобство достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним счислением лет службы». Отныне высокий чин мог получить только тот чиновник, который имел диплом университета.

Весь бюрократический аппарат России был настроен против реформатора! Но самое большое озлобление вызвало у дворян введение налогов на имения: доселе дворяне никаких налогов не платили, потому что были гражданами первого сорта, а не какими-нибудь там.

Финансовая реформа Сперанского затрагивала интересы не

только помещиков, но и тех, кто привык пилить бюджетные бабки. Доходная часть бюджета России на 1810 год составляла 125 миллионов рублей, а расходная – 230 миллионов. Кроме того, на стране висел огромный долг в 577 миллионов рублей, а золотовалютные резервы были практически равны нулю. (Кстати, в 1810 году Александр фактически отказался от континентальной блокады, но, как видно из графика, это России совершенно не помогло. Помогли реформы Сперанского. Между прочим, после отставки и удаления Сперанского перманентные финансовые кризисы сотрясали Россию чуть ли не весь XIX век. Это, что ли, тоже связано с континентальной блокадой?..)

Как пишет один из авторов, «результаты этих [предпринятых Сперанским] мер сказались незамедлительно и могут поразить воображение нынешних финансистов. Уже в 1811 году дефицит госбюджета сократился до 6 миллионов рублей (в 1809 году – 105 миллионов!), доходы возросли до 300 миллионов. И это при том, что расходы Сперанскому все-таки существенно сократить не удалось из-за подготовки Александра к очередной войне с Наполеоном». Об этом мы через три абзаца еще поговорим.

Предложенный и осуществленный Сперанским комплекс мер стабилизировал ситуацию, но погубил самого Сперанского. Реформаторы не выживают в России. Вспомните хоть Гайдара. Сам Сперанский писал об этом так: «Каждый член правительства в течение 20 лет хотел сложить с себя бремя сей укоризны, надлежало, однако же, чтобы кто-нибудь ее нес. Существенные преобразования, и особенно преобразования финансовые, везде влекут за собою важное неудобство: прикосновение к частным интересам. Людей и интересы их никогда нельзя затрагивать безнаказанно».

Против Сперанского поднялась волна интриг, его обвинили в шпионаже в пользу Франции, после чего «французский шпион» был отправлен в далекую ссылку, не успев сделать и малой доли того, что намечал. Он прекрасно понимал, чему обязан своей опалой. «Этот труд, – говорил он, имея в виду свой план государственных преобразований, – первый и единственный источник всего, что случилось со мною».

«Плешивый щеголь, враг труда», который в своей ничтожной жизни предавал всех, предал и своего бывшего любимца Сперанского, и тот, оказавшись в пермской ссылке без средств к существованию, вынужден был закладывать свои ордена. Которыми ранее наградил его предатель.

Тремя абзацами выше я обещал чуть подробнее остановиться на военных расходах Александра, которые мешали Сперанскому сбалансировать бюджет и оздоровить финансовую систему

России. Александр, которому слава Наполеона и желание порешать европейские вопросы не давали покоя, начал готовить очередное вторжение в мирную Европу еще в 1810 году. 2 марта 1810 года Александр утверждает записку военного министра, согласно которой планировалось «действовать наступательно на места самые важные для неприятеля». С этого момента начинается усиленная подготовка к вторжению.

В январе следующего года военный министр докладывает императору свои предложения по оккупации Варшавского герцогства. Александр соглашается, и для этой цели создаются две армии и отдельный корпус. В результате к лету 1811 года на западной границе России сосредоточена 200-тысячная русская армия, в то время как у французов там стоит относительно небольшая 70-тысячная армия маршала Даву. Даву доносил Наполеону: «Русские открыто говорят о вторжении по трем направлениям: через Пруссию; из Гродно на Варшаву и через Галицию». И он знал, что говорит: из ставки русского царя командующим пяти корпусов уже пришли секретные пакеты с указанием главных направлений вторжения.

15 августа 1811 года Наполеон заявил российскому послу Куракину: «Я не хочу войны, но вы хотите присоединить к России герцогство Варшавское и Данциг!….» Кроме того, Наполеон упрекнул Куракина в том, что Россия не соблюдает условия мирного договора, ею подписанного, и занимается контрабандой английских товаров, пропуская их через себя в Европу.

Удивительно ли, что Наполеон, зная об агрессивных приготовлениях русских, начал подтягивать войска к границе с Россией, а его рабочий стол оказался завален книгами о России?

А русские меж тем не прекращали подготовки к вторжению.

23 января 1812 года военный министр пишет Александру докладную записку, в которой предлагает наступать на Пруссию и Варшаву.

12 марта 1812 года император подписал документ, который предусматривает «правила главного предначертания военных действий», предполагающие оккупацию части чужих территорий на западе. Военные разведчики и топографы разыскивают и наносят на русские карты переправы и броды через Неман, а командирам корпусов рассылаются инструкции о скором наступлении.

Наступательно-патриотический дух царил в России. Фонвизин позже вспоминал: «Вся Россия была в тревожном ожидании, что на весну начнутся военные действия. Чудное было тогда время, кипевшее жизнью и исполненное страха и надежды».

1 апреля 1812 года военный министр предлагает Александру

начать наступление незамедлительно, пока Наполеон прохлаждается в своем Париже. По его плану наступление должна была начать 1-я Западная армия. Однако, выяснив, что Наполеон к тому времени уже успел согнать войск больше, чем у русских, плешивый напасть так и не решился.

А Наполеон решился. У него другого выхода уже не было: противодействуя русской угрозе, он стянул к границам России полумиллионную армию, которая долго оставаться без дела не могла. Любопытно, что на сей раз Наполеон шел в Россию не один – союз с ним заключили Пруссия и Австрия. Кроме того, в составе наполеоновской Великой армии были итальянцы, вестфальцы, баварцы, саксонцы, поляки и проч.

Любопытно также, что, имея на своем столе десятки разных планов интервенции в Европу, Александр не подготовил никаких пристойных планов обороны своего отечества. «Начать наступление, вторгнуться в герцогство Варшавское, войдя в Силезию… занять линию Одера» – такие планы «освобождения Европы» у Александра были. А вот планов защиты России от супостата не имелось вовсе.

…И мне это все что-то чертовски напоминает! В 1941 году, незадолго до войны Сталин вызвал к себе специалиста по истории Франции Евгения Тарле и имел с ним долгую полуторачасовую беседу. Наверное, о повторяемости истории.

(Кстати, о повторяемости. В своей предыдущей книге о начале Второй мировой войны я уже отмечал, что Сталин не только сравнивал себя с Александром I, но и очень интересовался историческими параллелями его эпохи с эпохой наполеоновской. Параллели эти порой удивительны. Частично я писал о них в «Бей первым!», а здесь укажу лишь на такое совпадение. В кривом зеркале сталинской пропаганды Гитлер был сначала врагом и мерзавцем, потом в один день стал лучшим другом советского народца. А затем снова врагом. При Александре в 1807 году Наполеона со всех амвонов объявили антихристом. Потом этот антихрист, как пишет Тарле, «без малейших переходов и объяснений» стал лучшим корешем Александра. А в 1812 году вновь превратился в антихриста.)

24 июня 1812 года Наполеон перешел Неман и двинулся навстречу агрессорам, благо формальный повод у него был: разорвав мирный Тильзитский договор, Александр де-факто объявил Наполеону войну. Но, что самое парадоксальное, переход Немана в понимании Наполеона еще не был войной против России! За два дня до этого, 22 июня Наполеон подписал приказ по армии, в котором называл эту кампанию «польской войной»: «Солдаты! Вторая польская война начата. Первая кончилась во

Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения. Вторая польская война… положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы». (Россия действительно всю дорогу упрямо лезла со своим штыком в Европу, и после этого мы еще удивляемся, отчего современная Европа боится России и считает ее экспансионистской державой. Историческая память!..)

Так вот, даже перейдя Неман, Наполеон воевать с Россией не хотел. То есть не только не имел намерения вторгаться в Россию, но и вообще предпочел бы обойтись без кровопролития. Недаром, войдя в Вильно, он не присоединил Литву к Польше (как надеялись поляки), а создал для Литвы особое временное управление. Это был видимый сигнал Александру, который был настроен против Польши. И этим жестом доброй воли Наполеон, по сути, говорил русскому царю: мы еще можем обойтись без крови. Но русскому царю была нужна кровь.

Развязавший эту войну Александр сделал хитрый ход, чтобы остаться в глазах потомков невинной и миролюбивой жертвой агрессии. Когда Наполеон перешел Неман и, совершив долгий марш, занял Вильно, поселившись в том же здании и той же комнате, где до него проживал царь Александр, тот послал к нему якобы для мирных переговоров экс-министра полиции Балашова.

До сих пор все исследователи пишут, что это было попыткой мирных переговоров со стороны Александра. Но это было чистой туфтой! Поскольку Балашов никаких предложений о мире не имел, кроме откровенно издевательских, которых Наполеон, будучи в здравом уме, принять не мог. Суть балашовских предложений была такова: царь Александр готов говорить о мире, если Наполеон развернет оглобли и снова уйдет за Неман. Да даже если бы Наполеон не отобрал у России огромный кусок территории, если бы он не занял Вильно, а только успел форсировать Неман, все равно предложение Александра было очевидно неприемлемым. Ведь что значит форсировать Неман более чем полумиллионной армией? Это огромная и тяжелая военная операция, которая стоит средней битвы. Провести такую операцию, чтобы тут же снова убраться за Неман, едва услышав капризные слова Александра: буду вести переговоры, только если ты снова форсируешь Неман, но в другую сторону?.. Как зайчик, прыгай туда-сюда…

Русский царь знал, что Наполеон выполнять его бессмысленные капризы не будет. Ибо если хочешь говорить о мире – говори. А гонять Великую армию туда-сюда… Форсировал

Неман, сделал переход, занял Вильно, оставил Вильно, пошел обратно, опять форсировал Неман. И тогда уж, так и быть, Александр, планировавший напасть на Европу, смилостивится и начнет переговоры о мире.

Перед самим Балашовым циничный Александр не скрывал своих истинных намерений. Ему нужно было отвести глаза Европы от своих агрессивных приготовлений. Царь так и объяснил Балашову: «Между нами сказать, я и не ожидаю от сей посылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы».

В некоторых книгах можно прочесть, что маршал Даву, к которому прибыл Балашов, принял посланца грубо и даже отнял у него письмо Александра к Наполеону, которое тот должен был вручить лично. Это всегда дается с таким подтекстом: не хотел, мол, Наполеон мира, заносчив был, собака, зол на русских.

Неправда. Вот как описывает миссию Балашова его современник граф Комаровский:

«Государь рассудил послать с ответом к Наполеону и избрать для сего изволил А. Д. Балашова. Балашов доносит императору, что он уже свой обоз отправил и что у него нет ни генеральского мундира, ни ленты. Государь приказывает ему у кого-нибудь достать для себя мундир и все, что ему нужно, и чтобы он непременно через час выехал. Я жил тогда вместе с Александром Дмитриевичем. Он приходит домой в отчаянии, рассказывает мне все, что с ним случилось, говоря, что Александровской лентой его ссудил граф П. А. Толстой. К счастью, мой обоз еще не уехал, и я ему предложил свой генеральский мундир. Надобно было оный примерять; насилу мундир мой влез на Балашова, но нечего было делать; он решился его взять и обещался во все время есть насколько можно менее, чтобы похудеть…

Главная квартира императора пришла в местечко Видзы, сделавши шесть переходов, а о Балашове еще слуху не было, и начинали уже насчет его беспокоиться, не оставил ли его Наполеон военнопленным. Наконец, перед выходом уже из сего местечка, посланный от государя возвратился и привез собственноручное письмо к его величеству от Наполеона. Все обступили и начали расспрашивать Александра Дмитриевича, что с ним случилось во время его отсутствия. Вот что он рассказывал.

Оставя Вильно, на другой день он приехал на французские аванпосты; когда трубач его протрубил три раза, и Балашов объявил, что он российской армии генерал, присланный к императору Наполеону, то неприятельский офицер его остановил, а сам послал получить приказание. Через несколько времени. Балашова одного ввели к маршалу Даву, которому он объявил

причину своего приезда и просил отправить его к императору французов. Даву отвечал, что он не знает точно, где находится теперь его величество, но если генерал Балашов желает, то он пошлет письмо от российского императора со своим адъютантом к императору Наполеону, на что Балашов возразил, что ему от государя своего повелено отдать письмо лично, и потому он никому оного поверить не может. Маршал ему сказал, что он тотчас пошлет известить Наполеона о приезде к нему генерала от императора Александра. Посланный не возвратился четыре дня, между тем Балашов видел, что за всеми его движениями примечали: наконец он решился спросить у маршала Даву, не считают ли они его своим пленным. Маршал ему отвечал:

– Послушайте, генерал, неужели нам не известны права военные, и что особа парламентера есть по всем законам неприкосновенна и даже священна. Замедление же сие происходит, вероятно, оттого, что император объезжает многочисленные корпуса своей армии, расположенные на большом пространстве, и адъютант мой не успел его догнать.

Наконец посланный возвратился с повелением к Даву препроводить русского генерала под приличным конвоем в настоящее место пребывания императора Наполеона. Каково же было удивление Балашова, когда его привели в Вильне в тот дворец, где жил государь, и Наполеон принял его в той самой комнате, из которой отправлял его император Александр несколько дней тому назад. Это Александр Дмитриевич рассказывал всем любопытным. Мне же, так как мы жили вместе, он сообщил все подробности его пребывания в Вильне. Когда ввели его к Наполеону и он подал письмо от нашего государя, император французов, прочитавши оное, сказал:

– Нас англичане поссорили…»

Так что никакой грубости к русскому парламентеру со стороны Даву не было. Напротив, маршал предоставил в его распоряжение собственное жилье и своего адъютанта.

Любопытно, о чем же говорил Балашову Наполеон? Балашов встречался с Наполеоном дважды. Первый раз – когда передал ему письмо. Второй – во время обеда, на который Наполеон пригласил Балашова.

Наполеон выразил сожаление, что у Александра такие дурные советники, которые толкают его на войну со всей Европой. Наполеон заявил, что вовсе не собирался воевать с Россией, даже несмотря на то что Россия в последнее время стала откровенно нарушать Тильзитский договор, став государством-контрабандистом. Напротив, в планах Наполеона стояла Испания, куда он даже послал все свои личные экипажи, чтобы

окончательно закрыть испанский вопрос.

Наполеон, будучи логиком, решительно не понимал, какого черта Александр так упрямо лезет в Европу. Он получил уже от Наполеона Финляндию, Белосток, Тарнополь, Молдавию, Валахию, а все равно прет. Наполеон сказал, что готов был бы отдать Александру и Польшу, если бы тот элементарно соблюдал договоры, им же самим подписанные, и отбросил мысли о вмешательстве в европейские дела, как будто у него своих дел с Турцией мало.

Это были с его стороны горькие риторические вопросы, обращенные в пустоту, ибо Балашов дать ему ответа вместо Александра не мог, да и сам Наполеон прекрасно знал, что творится в России, и какие силы там берут верх. Он знал, что реформатор Сперанский, ратовавший за развитие собственного производства и сокращение военных расходов, отставлен и сослан. Недаром Бонапарт, глядя прямо на Балашова, спросил, почему удалили Сперанского. Наполеон был в курсе, что именно Балашов как министр полиции отправлял Сперанского в ссылку.

На что надеялся русский царь в этой войне? У него ведь не было шансов. Наполеон меньшими силами громил превосходящие силы противника, а теперь у него было тройное превосходство над Александром. Он неоднократно бил Александра, когда тот был в союзе с Австрией и Пруссией. А теперь Австрия и Пруссия были с Наполеоном… У русских за эти несколько лет не появилось никаких гениальных полководцев, кроме тех, кто был Наполеоном бит неоднократно. Англичан, которые теоретически могли ударить в тыл его империи, Наполеон не боялся: с помощью своей хитрой дипломатии он столкнул Англию с США. Это было сделать не так уж трудно: Наполеон разрешил американским кораблям привозить во Францию товары, чем те и воспользовались. Англия сильно обиделась, в результате чего началась война между Англией и США.

В общем, никто в мире тогда не сомневался, что песенка плешивого московского императора спета. Отчего же Александр вел себя так безрассудно и нагло, отказавшись, по сути, от мирных переговоров? Ведь он же боялся Наполеона! Напасть так и не решился.

Я думаю, потому он так себя вел, что Наполеона боялся все-таки меньше, чем своих. Наполеон, если даже поймает, авось не убьет – благородный же человек, европеец. А свои олигархи тут, точно, пристукнут. Как папеньку пристукнули, выбив каблуками глаза.

Между тем жест доброй воли Наполеона с неприсоединением

Литвы к Польше был не последним его сигналом о мире. Когда французы заняли Смоленск, они поймали русского генерала Тучкова. Наполеон отпустил Тучкова и просил его на словах передать русскому царю, что «пороха сожжено уже достаточно» и что он готов даже пойти на некоторые послабления для России в условиях соблюдения ею континентальной блокады: «Вы хотите иметь кофе и сахар – вы их будете иметь!»

Но России было мало потребительских сахара и кофе. Небольшая, но стоявшая близко к трону кучка российских сырьевых олигархов выла о своих потерянных миллионах, недополученных из-за блокады. Они требовали пролития русской крови, обмена ее на свои утраченные прибыли. А на то, что в России бурно начало развиваться свое производство, защищенное континентальной блокадой от английского ширпотреба, околоцарской верхушке было наплевать. Промышленники были еще слабы и неорганизованны, далеки от трона, и их голос едва долетал до столицы. А вот угрозы сырьевиков и их намеки на участь Павла ушей Александра достигали.

Н. Данилевский писал, что «Наполеон не мог не чувствовать, что сооруженное им здание очень шатко и кроме его высокого гения никаких других подпор не имеет… Что же будет после его смерти, что оставит он своему сыну? Всемирное владычество, чувствовал он, даже ему не под силу; надо было найти, с кем его разделить, и он думал после Тильзитского мира, что нашел этого товарища и союзника в России; другого, впрочем, и отыскать негде было. Он думал, что Россия из прямого политического расчета, из-за собственных своих целей и выгод будет с ним заодно. И в самом деле, чего бы не могла достигнуть Россия в союзе с ним, если бы смотрела на дело исключительно со своей точки зрения? Ревностная помощь в войне 1809 года дала бы ей всю Галицию; усиленная война против Турции доставила бы ей не только Молдавию и Валахию, но и Булгарию, дала бы ей возможность образовать независимое Сербское государство с присоединением к нему Боснии и Герцеговины. Наполеон не хотел только, чтобы наши владения переходили за Балканы, но Наполеон был не вечен. Самим герцогством Варшавским, которое в его глазах было только угрозой против России, он, вероятно, пожертвовал бы, раз убедившись, что Россия действительно вошла во все его планы. (Конечно, пожертвовал бы, о чем сам говорил, например, тому же Балашову. – *А. Н)* Но вскоре после Тильзитского мира Наполеон увидел, что он не может полагаться на Россию, не может рассчитывать на ее искреннее содействие, основанное не на букве связывающего их договора, а на политическом расчете, что она формально держится данного

обещания, но сердце ее не лежит к союзу с ним… что Россия горячо принимает к сердцу так называемые европейские или, точнее, немецкие интересы; горячее, чем свои собственные. Что оставалось ему делать?.. Не из-за Европы ли, следовательно, не из-за Германии ли в особенности, приняла Россия на свою грудь грозу двенадцатого года? Двенадцатый год был, собственно, великой политической ошибкой, обращенной духом русского народа в великое народное торжество».

Извечный русский рок – соваться в калашный ряд, когда не просят, и в результате вечно огребать от вчерашних союзников… Через полвека после наполеоновских войн, в 1854 году Тютчев в письме к жене напишет: «Обманывать себя нечего, Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. Каким образом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих, вдруг оказывается перед лицом огромнейшего заговора?»

Зато с самого начала войны 1812 года великий патриотический дух воссиял в среде русского офицерства и дворянства. Причем патриотическая волна была чертовски искренней. Я бы даже сказал, по-детски искренней. Русские возмущались: как же так, на нас напали! Тот факт, что Россия только что сама собиралась напасть на Европу, странным образом испарился из сознания русских. То, что мы сами хотели напасть, это не считается. А вот то, что супостат проклятый на нас напал, очень даже возмутительно!..

Глава 2 ДОЛГИЙ ПУТЬ ПО РОССИИ

Про войну 1812 года у нас знают много больше, чем про все остальные наполеоновские войны вместе взятые, хотя и в остальных участвовали русские войска. Но когда русские войска воюют на чужих землях, это как бы нормально и неинтересно. А вот когда на своей земле, этому стоит уделить внимание в учебнике истории: Отечество в опасности! Когда русские войска угрожают чужому отечеству, ничего страшного русский ум в этом не видит, а вот когда угрожают русской Родине, это неприятно.

Поэтому мы с детства знали, что Наполеон зачем-то хотел «завоевать» Россию, что гениальный русский полководец Кутузов одержал над оккупантом славную победу при Бородине, каковой победе даже ставили памятники и посвящали панорамы. После этой славной победы, немножко посовещавшись сам с собой в Филях, Кутузов почему-то без боя сдал захватчику Москву, которая благополучно сгорела, но зато потом одноглазый полководец выгнал неприятеля за пределы страны, и благодарный народ изобрел про него поговорку: «Идет Кутузов бить французов». Да народ и сам не дремал, напротив, он в едином рабско-патриотическом порыве поднялся в борьбе против иноземного поработителя («дубина народной войны»).

Узнаваемо?..

А ведь все было совсем не так, как пишут в учебниках истории, обманывая детей на всю жизнь.

Начнем с общеизвестного. Едва Наполеон вошел на территорию империи, как русская армия начала быстро улепетывать от него. Как писал в одном из писем участник этих событий Раевский, «мы без выстрела отдали Польшу», имея в виду территории нынешней Литвы и Западной Белоруссии, включая Минск. Для России это были новые территории, захваченные ею совсем недавно, поэтому здесь Наполеона встречали как освободителя.

Война начиналась как-то странно. Дойдя походным маршем до Вильно и заняв город без боя, Наполеон выслушал там вызывающе бессмысленные «мирные предложения» царя Александра, озвученные странным Балашовым, клоунски одетым в маловатый генеральский мундир, который его тучное тело разрывало, как переваренная сарделька оболочку.

Почесав затылок от всех этих странностей, Наполеон неуверенно двинулся дальше в поисках русской армии, которая, как он наивно рассчитывал, должна была бы, по идее, защищать свое отечество. Но у руководства русской армии таких дурацких

идей и не возникало. Шел день за днем, а русские все бежали и бежали, даже не думая давать бой. И только добежав до Смоленска, они решили немного позащищать родину. Неудачно, конечно. Энтузиазм не заменил умения, Смоленск был взят и оставлен. Нет, наверное, нужды пояснять читателю, кто его взял, а кто оставил.

Наполеон мог бы кончить войну в Смоленске. Он мог бы закончить ее в Витебске. Или в Вильно. И во всех этих случаях он бы выиграл. Наполеон колебался. Его разрывали сомнения.

Если он остановится и не пойдет далее, то будет спокойный вариант с гарантированным результатом. Наполеон получит хорошие перспективы на заключение мира в следующем году. Наполеон даже знал, как можно подстегнуть Александра к заключению мира: начать неспешно-демонстративный процесс создания буферного и недружественного России польского государства, включающего в себя всю современную Польшу, Литву и Белоруссию. Скорее всего, нервы у России подобного не выдержат, и она даст сигнал к миру. А если нервы выдержат, если русские смирятся с потерей западных провинций и созданием постоянной угрозы на своих границах, если они не станут просить мира, а просто затаят злобу и будут продолжать нарушать континентальную блокаду? Тогда в следующем году, переждав зиму и весеннюю распутицу, можно будет продолжить кампанию. Или вообще плюнуть на Россию, у которой отныне будет полно проблем с Польшей: та с готовностью возьмет на себя роль кордона на пути английской контрабанды из России в Европу.

Это был бы беспроигрышный, гроссмейстерски выверенный вариант. Но у него были свои недостатки. Польша стратегически слабее России. К тому же Россия будет экономически поддерживать Англию, покупая у нее товары. Тем более Россию как союзника Наполеон ценил все-таки больше, чем Польшу. Именно вместе с Россией, ударив через Азию на Индию, он мог бы нанести Англии смертельный удар. Наполеон слишком ценил Россию, и потому пошел воевать ее дальше. Такова парадоксальная логика любви.

А ведь у истории был шанс!.. Войдя в Витебск, Наполеон бросил отстегнутую шпагу на стол с картами и хмуро бросил: «Кампания 1812 года закончена». Но потом все-таки решил идти до Смоленска и остановиться там. Логика в рассуждениях Наполеона была. Как писал адъютант императора, граф де Сегюр, «император… находит нужным идти до Смоленска. Там он обоснуется, и если весной 1813 года Россия не заключит мира, она погибла! Ключ к обеим дорогам – в Петербург и Москву – находится в Смоленске, поэтому необходимо овладеть этим

городом, откуда можно будет одновременно идти на обе столицы…»

Известно, что многие наполеоновские офицеры не понимали целей этой войны. При этом изрядное количество авторов обвиняет Наполеона в самодурстве и в том, что он не слушал ничьих разумных советов, тупо продолжая наступать. Неправда. Слушал. И отвечал. Процесс принятия решения и обсуждений в наполеоновском штабе прекрасно описал тот же Сегюр. В этом замечательно характеризующем (и многое объясняющем в его натуре) описании император вовсе не напоминает упертого самодура! Впрочем, судите сами:

«Бертье и Дарю возражали. Император кротко слушал, но все же часто перебивал их своими ловкими замечаниями, ставя вопрос так, как это было ему желательно, или перемещая его в другую плоскость. Но как бы неприятны ни были истины, которые ему пришлось при этом выслушать, он все-таки выслушивал их терпеливо и даже отвечал. И в этом споре его слова, его манера, его движения отличались простотой, снисходительностью и добродушием. Впрочем, добродушия у него всегда было достаточно, чем и объясняется то, что, несмотря на столько бед, его все-таки любят те, кто жил в его близости».

…Смоленск французами был с боем взят. В России полагали, что здесь Наполеон остановится и на этом завершит кампанию 1812 года. Представитель «хозяев» при русской ставке – английский генерал Роберт Вильсон отбил в Лондон депешу: «Все пропало, Наполеон остановился в Смоленске». Но когда через два дня нетерпеливый Наполеон все-таки решился завершить кампанию за один год и вышел из Смоленска на Москву, Вильсон отправил в Лондон новую депешу: «Все спасено! Французы идут на Москву!»

Вот она – искренняя радость англичан: русские крестьяне в солдатской форме будут проливать кровь за английские товары, которыми они в жизни не пользуются, ура!..

Надо было, конечно, Наполеону остановиться и начать организацию Польского государства. Он был бы тогда в полном шоколаде. Как я уже говорил, в западных российских губерниях, в том числе в Малороссии, французов встречали как освободителей от русского ига. В Великую армию хлынул поток добровольцев из этих местностей, которые хорошо себя зарекомендовали в боях с русскими. В освобожденных городах создавалась национальная гвардия, которая позже защищала свои города от Кутузова. Кстати, из русской армии, где было много литовцев, наблюдалось их массовое дезертирство и переход на сторону Наполеона.

В России гражданские лица собирали пожертвования в пользу

русской армии, в Польше и Литве – в пользу французов. А когда русская армия после ухода Наполеона вступала на западные земли, русские офицеры отмечали: «Жители не разорены, они добровольно все предоставили французам, устроили для них магазины фуража и продовольствия и большею частью сохранили свои дома и скот».

Жизнь сама показывала Наполеону ту естественную демаркационную линию, по которой нужно было обустраивать новую Польшу, – там, где его встречали как освободителя. Но он пошел дальше и получил в старых российских губерниях выжженную землю: русские сами уничтожали свою собственную страну, жгли деревни и города, разбегаясь по лесам. Почему? И как вообще относился простой народ к французам? Это весьма интересный момент, на котором стоит остановиться, слишком уж много басен нам понарассказывали про «дубину народной войны».

Я уже упоминал, что изрядное количество жителей российской империи ничего ни про какую войну с Наполеоном вообще не знали, даже в западных областях. А те, кто знали… Лучше бы и не знали! Ибо – позорище…

Работ, посвященных восприятию простонародья, немного, и, читая их, не знаешь, смеяться или плакать. Крестьяне представляли себе французов чудовищами «с широкой пастью, огромными клыками, кровью налившимися глазами с медным лбом и железным телом, от которого, как от стены горох, отскакивают пули, а штыки и сабли ломаются, как лучины». Считалось, что «хрансузы» едят людей и боятся креста. Причем мнение о людоедстве французов было распространено не только в среде безграмотных крестьян и солдат. В 1807 году, после того как Наполеон в первый раз был объявлен Синодом Антихристом, один русский офицер, попавший со своим подразделением в плен к французам, просил их, чтобы они не ели его солдат.

Крестьянка Агафья Игнатьева из Смоленской губернии вспоминала, что в 1812 году была уверена: французы ее съедят.

«Французы предались Антихристу, избрали себе в полководцы сына его Апполиона, волшебника, который по течению звезд определяет, предугадывает будущее, знает, когда начать и когда закончить войну, сверх того, имеет жену колдунью, которая заговаривает огнестрельные орудия, противопоставляемые ее мужу, отчего французы и выходят победителями», – вот еще одно представление о французах.

Так что разбегались крестьяне в леса при приближении французской армии зачастую просто со страху. А не от великого патриотизма.

Один из французских офицеров вспоминал, что при вступлении Великой армии в Смоленск часть горожан разбежалась, а другие укрылись в храме, где усердно молились о спасении души. А когда в храм вошли французы с целью раздать жителям еду, русские начали вопить и метаться по церкви с безумными глазами, явно испытывая чисто животный ужас.

Французы с удивлением отмечали, что порой жители деревень, увидев их, падали в обморок. Жена дьячка из деревни Новый двор, завидев французскую кавалерию, лишилась чувств. А когда ее откачали, начала трястись и беспрерывно креститься. Оказалось, она приняла французов за… чертей.

…Какой контраст с людьми из западных областей!..

Русский народ был темен и дремуч неимоверно. Вот как, например, многие русские (горожане!) представляли себе войну. «Не могу рассказать, в каком страхе мы были, ведь мы до тех пор и не предполагали, как это будут город брать, – вспоминал житель Смоленска Кузьма Шматиков. – Ну, положим, мы были дети и около нас все женщины. Но ведь и иные мужчины не умнее нас рассуждали: они думали, что армии пойдут одна на другую кулачным боем. Многие взобрались на деревья, чтобы на это посмотреть».

Жители Москвы оказались ничуть не умнее смоленских аборигенов! Москвич Аполлинарий Сысоев вспоминал, как отреагировали на известие о приходе французов его родственники 2 сентября 1812 года: «Мать заплакала, бабушка чуть со стула не упала от страха, а дед побежал запирать ворота». И это были не тупые крестьяне. Это была грамотная купеческая семья!

Одна московская монахиня, завидев французов, настолько обезумела, что забыла все божьи заповеди и кинулась в реку топиться. Ее спас французский кавалерист, который нырнул и достал дурочку из воды… В Смоленской губернии, увидев живого француза, дворовая девка со страху закатила глаза и шваркнулась без сознания, чем, в свою очередь, перепугала несчастного француза. Солдат похлопал девку по щекам, привел в чувство. А потом, подумав, что она, видимо, голодна, оттого и валится, дал девке хлеба и вяленого мяса. Поступок не удивительный, если учесть, что русское население вызывало у французов жалость, смешанную с презрением. Солдаты наполеоновской армии, как и потом немцы в 1941-м, были просто шокированы той нищетой, в которой жили русские крестьяне. И полным отсутствием всех представлений о человеческом достоинстве. Генерал Компан писал, что во Франции свиньи живут лучше, чем люди в России.

А другой участник похода, Амадей де Пасторе, говорил, как

«грустно наблюдать эту иерархию рабства, это постепенное вырождение человека на общественной лестнице». По воспоминаниям участника похода, когда французы вошли в деревню, принадлежавшую княгине Голицыной, «один из крестьян, обратившись от имени всех, просил позволения утопить одну из женщин деревни». К тому времени женщина была уже избита в кровь. Выяснилось, что она указала мародерам место, где помещица Голицына спрятала свои сокровища. Французский офицер предположил, что крестьяне очень любят свою госпожу. Каково же было его удивление, когда он узнал, что Голицыну крестьяне ненавидят, но готовы по-холопски растерзать свою же односельчанку за интересы ненавистной рабовладелицы.

Парадоксы рабской психологии проявлялись по-разному и порой весьма необычно. Так, один из отрядов русских ратников-ополченцев, набранный из крестьян, восстал. Восстание было жестоко подавлено, началось следствие с применением пыток, которое и выяснило удивительно наивную цель восставших. Они хотели перевешать своих офицеров, которые нудно учили их военному делу, и всем кагалом рвануть навстречу Наполеону, чтобы разбить его. Крестьяне рассчитывали, что за такой великий подвиг добрый царь-батюшка смилостивится и дарует всем участникам этого мероприятия и их семьям свободу. Вот такая вот логика – по-собачьи выслужиться перед строгим хозяином, чтобы сменил плеть на милость. Кстати, после Второй мировой среди рабского советского народа тоже ползли слухи, будто после Великой победы Хозяин смягчится и ослабит террор, «убедившись, что народ ему предан».

А если вам мало примеров, рекомендую ознакомиться с тем описанием русских, которое дала в 1812 году мадам де Сталь – враг Наполеона, сбежавшая от него в дружественную Россию. Но сначала пара слов о ней. Мадам де Сталь – дама весьма умная, но, как водится, не красавица. (Батюшков так охарактеризовал ее: «Дурна, как черт…») Она в свое время хотела завести шуры-муры с Наполеоном и даже весьма активно подкатывалась к нему с этой целью. Но Наполеон любил Жозефину, а мадам де Сталь равнодушно отверг. Этого она ему простить не смогла. Дальнейшее может предсказать каждый – вся ее любовь к Наполеону мгновенно обратилась в самую лютую ненависть.

Так вот, несмотря на принцип, «враг моего врага – мой друг», мадам де Сталь не покривила душой, описывая русских: «Охотно верю, что в порыве страсти они бывают страшны: человек необразованный не умеет укрощать свою ярость. По причине той же необразованности они почти не имеют моральных принципов; они гостеприимны, но вороваты; они так же легко отнимают

чужое добро, как и жертвуют своим, смотря по тому, что взяло верх в их душе в настоящую минуту – хитрость или великодушие. Оба эти свойства вызывают у них равное восхищение».

Довольно точное описание типичной примитивно-дикарской психологии.

А как относились к французам люди образованные?.. Несерьезно, надо сказать, относились. Например, князь Багратион, командующий 2-й Западной армией, еще до начала войны писал царю письма, в которых просил разрешения побыстрее вторгнуться в Польшу. Да и после того как Наполеон перешел Неман, недалекий кавказский князь требовал от Барклая де Толли немедленно наступать на Наполеона, аргументируя свою позицию так: «Шапками закидаем!» Не зря московский губернатор Ростопчин считал Багратиона человеком глуповатым. Впрочем, и сам Ростопчин умом отнюдь не блистал. Он настолько уверил жителей Москвы, что русская армия никогда не отдаст город Наполеону, что когда французские войска входили в столицу, московский люд, стоя по обочинам, рассуждал, кто же это входит в Москву – шведы или англичане, пришедшие на помощь России.

О том, насколько сам русский народ горел желанием оборонять свое Отечество, лучше всего говорят следующие факты. 12 июля Александр I приехал в Кремль. Посмотреть на живого царя собралось огромное количество народу. И вдруг по этой толпе с быстрой молнии распространился слух, что сейчас запрут кремлевские ворота и всех пришедших заметут в армию – родину от супостата защищать. Мгновенно, на глазах у изумленного царя, Кремль опустел. Причем опустел не только Кремль, но и половина города. Народ бежал от армии.

Некто П. Назаров – крестьянин, забритый в солдаты сразу после начала войны, то есть на волне всячески раздуваемого патриотизма, – свидетельствовал, что никто в его деревне служить не хотел.

После всего сказанного кажутся смешными слова историка Троицкого о том, будто «общенациональный подъем народных масс, выступивших на защиту Отечества, стал главной причиной победы России в войне 1812 года». Не менее смешно, чем фраза академика Пичета: «Великий завоеватель столкнулся с великим народом и был разбит».

Все величие этого тупого, забитого, рабского народа мы только что имели возможность оценить. А вот как выглядела хваленая народная война в предельно честном описании Тарле: «Крестьяне собирались небольшими группами, ловили отстающих французов и беспощадно избивали их».

Несчастный Тарле в книге «Нашествие Наполеона» должен был описать партизанскую войну; он честно старался выполнить заказ партии, пространно рассуждая про «чувство обиды за терзаемую родину», «жажду мести за уничтоженную и разграбленную Москву» (которую сами же русские и уничтожили!), про «неслыханные ужасы нашествия, желание отстоять Россию и изгнать дерзкого и жестокого…» Но потом все-таки проболтался: никакой массовой народной войны не было:

«В России крестьяне никогда не составляли целых больших отрядов, как это было в Испании, где случалось так, что крестьяне без помощи испанской армии сами окружали и принуждали к сдаче французские батальоны…» – признался Тарле и даже весьма смешно попытался оправдать это (Курсив мой. – *А. Н):* «Французы видели, что если *в России против них не ведется та самая народная борьба,* как в Испании, то это прежде всего потому, что испанская армия была вконец уничтожена Наполеоном и были долгие месяцы, когда только крестьяне-добровольцы и могли сражаться. А в России ни одного дня не было такого, когда была бы совсем уничтожена русская армия. И народное чувство ненависти к завоевателю и желание выгнать его из России могли проявляться организованнее всего в рядах регулярной армии».

Оцените логику! Крестьяне, мол, знали: где-то там существует русская армия, вот пусть она и разбирается с оккупантами, а наше дело маленькое. Вот если бы нам донесли, что армии нет, мы бы, конечно, тут же сорганизовались, как наши коллеги по дикости в Испании. А так – ну его к черту, лишние хлопоты, патриотизм какой-то.

А для подтверждения легенды о народной войне грамотный историк Тарле не стесняется приводить легенды типа истории с некоей «партизанкой» Прасковьей, которая одна напала с вилами на шестерых до зубов вооруженных французов, троих из них убила, а троих обратила в бегство. Думаю, окажись три-четыре таких Прасковьи у Кутузова, он бы битву под Бородином легко выиграл.

Конечно, отдельные всплески нелепого патриотизма действительно отмечались среди мужиков, иные из которых рвались воевать с «антихристом». Эти настроения вызывали у русских дворян приступы слюнявого изумления, которое выражалось во фразах барынь, со слезой говоривших: «Лучше нашего народа нет!» Конечно, нет, барыня!.. Что может быть лучше, когда раб, которого вчера на конюшне до полусмерти выпороли, сегодня выказывает желание бесплатно сдохнуть за своих хозяев?..

Итак, с народом разобрались. Теперь разберемся с талантливым полководцем – Кутузовым.

Славе Кутузова и орденам Кутузова мы обязаны товарищу Сталину. Желая оправдать катастрофический разгром 1941 года, он ухватился за лежащую на поверхности историческую аналогию и велел придворным историкам, включая Тарле, выдумать «хорошо подготовленное контрнаступление» Кутузова. Которого не было. Да и быть не могло. Кутузов знал, что Наполеона ему никогда не победить. Наполеон уйдет из России только тогда, когда сам этого захочет. Так оно и вышло. Наполеон не проиграл в России ни одной крупной битвы и ушел тогда, когда принял решение уйти.

Кутузов же – к тому времени старый, обрюзгший педофил – был известен в русской армии как ленивый, подлый и льстивый интриган. Насчет педофилии это не шутка. Кутузов действительно предпочитал молоденьких 14—16-летних девочек, которых пользовал на всякой войне. И насчет льстивости тоже правда. Он всегда поддакивал царю, страшась ему противоречить. Эта угодливая манера поведения даже у Александра вызывала брезгливость и негодование. Кутузова он не любил, говоря: «Этот человек ни разу не возразил мне».

Воспоминания русских военных рисуют исчерпывающую картину личности фельдмаршала Кутузова.

Генерал Маевский: «Получив на подпись 20 бумаг, фельдмаршал утомился на десяти подписях».

Английский генерал Вильсон рассказывает об ужасном обеспечении русской армии, которое Кутузову так и не удалось организовать нормальным образом: «Армия была весь нынешний день без пищи, и я боюсь, что то же самое случится и завтра, потому что фуры с провизией оставлены в весьма дальнем расстоянии, но войска переносят всякую нужду с удивительным мужеством. Как жалко, что они имеют такого начальника…»

Тот же Вильсон в таких выражениях докладывал царю Александру о позорном поведении Кутузова под Малоярославцем: «Офицеры и войска вашего величества сражаются со всевозможной неустрашимостью, но я считаю своим долгом с прискорбием объявить, что они достойны иметь и имеют нужду в более искусном предводителе».

Генерал Ланжерон: «Кутузов, будучи очень умным, был в то же время страшно слабохарактерный и соединял в себе ловкость, хитрость и действительные таланты с поразительной безнравственностью… его жестокость, грубость, когда он горячился или имел дело с людьми, которых нечего бояться, и в то же время его угодливость, доходящая до раболепства по

отношению к высокостоящим, непреодолимая лень, простирающаяся на все, апатия, эгоизм и неделикатное отношение в денежных делах составляли противоположные стороны этого человека. Сам он не только никогда не производил рекогносцировки местности и неприятельской позиции, но даже не осматривал стоянку своих войск. Я помню, как он, пробыв как-то около четырех месяцев в лагере, ничего не знал, кроме своей палатки».

Генерал Муравьев: «Кутузов мало показывался, много спал и ничем не занимался».

Багратион: «Кутузов имеет особенный дар драться неудачно».

Раевский: «Переменив Барклая, который был не великий полководец, мы и здесь потеряли».

Милорадович называл Кутузова «низким царедворцем», а генерал Дохтуров – «отвратительным интриганом».

Снова Ланжерон: «Его лень простиралась и на кабинетные дела, для него было ужасно трудно заставить себя взяться за перо. Его помощники, адъютанты и секретари делали из него все, что угодно… он не ставил себе в труд проверять их работу, а тем более поправлять их. Он подписывал все, что ему давали, только бы поскорее освободиться от дел, которым он и так-то отдавал всего несколько минут в день».

Одна из самых неприятных черт Кутузова – подлость. Ради малейшей своей выгоды он мог по-крупному подставить человека, да и свою страну. Так, например, он подставил адмирала Чичагова, о чем мы еще поговорим. Чичагова Кутузов невзлюбил, видимо, со времен турецкой войны. Так вышло, что в мае 1811 года Кутузов оказался командующим российскими войсками: прежний командующий умер, и командиром оказался Кутузов – как старший по званию. На его плечи легла задача по скорейшему заключению мира с уже практически разгромленной Турцией. Поскольку надвигалась война с Наполеоном, России был очень нужен этот мир на юге, чтобы сконцентрировать все силы против объединенной Европы.

Однако Михайло Илларионович мир заключать вовсе не торопился, своим промедлением невероятно раздражая Петербург. Чего же он медлил? А он просто боялся, что после заключения мира его направят воевать против Наполеона! В апреле 1812 года Кутузов писал жене: «Ежели… сделаю мир, то боюсь, допустят ли меня до Санкт-Петербурга. Впрочем, кажется, при армии мне делать нечего. Места, слава богу, заняты достойными людьми». Себя, как видите, Кутузов к таковым не причислял. Он был обыкновенной посредственностью с талантами, более подходящими для дворцовых интриг и лизания

вышестоящих задниц. И об этом тогда знали все, потому что Кутузов еще не был назначен Сталиным великим полководцем.

Чем же занимался Кутузов в южной армии вместо того, чтобы заключать мир с Турцией и спасать местное население от бесчинств русских солдат? Трахался с 14-летней девочкой из местных.

Генерал Ланжерон: «Кутузов ужасно легко подчинялся женскому влиянию, и женщины, какие бы они ни были, господствовали над ним самым неограниченным образом. Это влияние женщин на толстого, одноглазого старика было смешно в обществе, но в то же время и опасно, если страдающий такой слабостью назначался во главе войск. Он ничего не скрывал от своих повелительниц и ни в чем им не отказывал…

Первым делом Кутузова по приезде в Бухарест было отыскать себе владычицу. Его выбор поразил нас. Он пал на 14-летнюю девочку… к несчастью, этот ребенок скоро начал иметь большое влияние и пользовался им.

Когда 64-летний старик – одноглазый, толстый, уродливый – не может существовать без того, чтобы иметь около себя трех-четырех женщин, хвастаясь этим богатством, это достойно или отвращения, или сожаления, но когда последнее из этих созданий управляет им совершенно, руководит всеми его действиями, дурно на него влияет, раздает места, тут уже отвращение уступает место негодованию».

(Здесь для сравнения заметим, что женщины никогда не влияли на решения Наполеона. Как мы знаем, Наполеон очень любил Жозефину. Но строго-настрого запретил ей лезть в государственные дела или хлопотать за кого-либо. Одна из примечательных фраз Бонапарта: «Видно, он совсем никчемный человек, если за него просит моя жена».)

Короче говоря, доведенный бездействием Кутузова до бешенства, Александр снимает его с поста командующего южной армией и высылает ему на смену адмирала Чичагова, талантливого человека, который в сухопутной войне понимал не менее, чем в морской. Объясняя эту скандальную отставку, Александр писал: «Мир с Турцией не продвигается; неистовства наших войск в Молдавии и Валахии раздражили жителей; ко всему этому добавляются беспечность и интрига. Кроме того, я не думаю, что нынешний главнокомандующий, виновник этих бедствий, был способен получить результаты…»

Узнав, что ему на смену едет Чичагов, Кутузов засуетился и в течение нескольких дней подписал с турками мир, совершенно не учтя при этом некоторых важных требований Петербурга: уж очень торопился, а то вдруг все лавры достанутся Чичагову!..

И прибывшему через три дня Чичагову пришлось с огромным трудом исправлять то, что еще можно было исправить, а Кутузову – писать при дворе унизительные объяснительные записки. (Возненавидев после этой истории Чичагова, Кутузов потом крупно подставит его в операции на Березине… Возможно, была и еще одна причина у Кутузова ненавидеть Чичагова. О ней откровенно поведал Денис Давыдов, который писал, что Кутузов «ненавидел Чичагова за то, что адмирал обнаружил злоупотребления князя во время командования Молдавской армией». Впрочем, о том, что Кутузов нечист на руку, знали многие в тогдашней армии.)

Разумеется, такого «полководца» Александр отставил, немедленно отправив с глаз долой, каковому обстоятельству Кутузов был только рад. Почему же Александр вновь назначил эту нелепую фигуру на командование русскими войсками? Ответ известен: русское общество было недовольно тем, что «немец» Барклай отступает без боя. Дворянство возмущалось, требуя замены руководства, а Кутузов, в силу лет, был уже в чинах. Фамилия, опять же, на «ов» кончается…

Дворянство было недовольно континентальной блокадой и Тильзитским миром… Дворянство периодически напоминало царю о печальной участи его папаши… Дворянство требовало сменить «немца» на Кутузова… Царь Александр сделал все, что они от него требовали, и заявил, что он «умывает руки».

Так судьбы России стал решать толстый, обрюзгший, бесталанный старик, рабочий день которого складывался следующим образом: он поздно вставал, после обеда три часа спал, а потом, чтобы прийти в себя после сна, ему нужно было еще два часа. На заседаниях он тоже засыпал. И даже во время Бородинской битвы войсками не командовал.

Кстати, а почему битва была Бородинской? В смысле, почему эту бесполезную бойню дали именно под деревней Бородино?.. В этом опять-таки виноват мелочно-завистливый характер Кутузова.

И Барклай, и Кутузов понимали, что гроссмейстера Наполеона им не обыграть. Понимали они также, что сдать страну без боя им никто не позволит. Значит, нужно было в ритуальной битве бросить на заклание несколько десятков тысяч солдат, чтобы изобразить бурную деятельность. Еще до приезда Кутузова Барклай нашел очень неплохую позицию у Царева-Займища. Но прибывший на смену Барклаю Кутузов сообразил, что если вдруг ход сражения на этой позиции сложится для русских войск удачно, слава может достаться не ему, а выбравшему позицию Барклаю. И фельдмаршал тут же решает оставить сильную позицию и отступать дальше. Насколько это

все-таки в натуре Кутузова!..

Но, может быть, Кутузову удалось найти не менее хорошую позицию под Бородином? Багратион в письмах Растопчину писал об этом так: «Всё выбираем места, и всё хуже находим».

Ему вторит Барклай: «Я поехал вперед, чтобы провести рекогносцировку позиций от Гжатска до Можайска. В представленном мною князю Кутузову донесении я не говорил о Бородино, как о выгодной позиции, но полковник Толь… избрал ее для сражения. Служа продолжительное время по квартирмейстерской части, он приобрел тот навык, который эта служба дает всякому мало-мальски интеллигентному офицеру, чтобы руководить движением нескольких колонн, но она не дает ни надлежащей опытности, ни правильного взгляда относительно выбора позиции и ведения боя…»

Забавно, но до сих пор в России находятся люди, которые считают бородинский разгром нашей армии славной победой русского оружия. Интересно, с чего бы?.. Отступающая армия закрепляется на неудачных позициях, с которых ее выбивают. После чего армия продолжает отступление, а противник захватывает столицу. Где тут победа русского оружия, откройте мне глаза? Неужели она только в том и состоит, что армия после долгого и кровопролитного боя, лишившись трети личного состава и почти трех десятков генералов, отступила организованно, а не бежала в панике, преследуемая противником? Тогда любое отступление нашей армии рекомендую считать великой победой. А можно пойти дальше и считать славными победами русского оружия все большие окружения, сдачи городов и крупные потери.

Любопытно, что к моменту Бородинской битвы у Наполеона осталось меньше войск и артиллерии, чем у Кутузова. Кутузов под Бородином имел 160 тысяч человек, а Наполеон 130. Куда же делась полумиллионная наполеоновская орда? Огромные размеры страны вынуждали Наполеона оставлять в завоеванных пунктах гарнизоны, обеспечивать растянутые коммуникации. При этом Наполеон под Бородином наступал, то есть должен был иметь, по всем законам тактики, больше народу, а не меньше. Но он все равно выиграл. Причем выиграл, даже не вводя в бой резервы – гвардию.

А русские? Наши солдаты сражались храбро, а вот что касается руководства, то командиры действовали неорганизованно, вразнобой, порой не докладывая о перемещениях своих корпусов наверх. Да и кому было докладывать, если Кутузов от ведения боя устранился, понимая, что губит людей только для проформы. Как писал потом

Раевский: «Нами никто не командовал».

Но особенно отличились при Бородине казаки. Кутузов в рапорте Александру эвфемистически сообщал, что «казаки… не действовали». А не действовали они по одной простой причине – их командир атаман Платов нажрался так, что всю битву провалялся мертвецки пьяным. Даже Кутузов, который и сам не отличался особым рвением в службе, покачал головой и сказал, что впервые в жизни «видит полного генерала без чувств пьяного». Зато в другом Платов со своими казаками сильно преуспел: в грабежах мирного русского населения.

Короче говоря, в результате в Бородинском побоище обороняющийся Кутузов потерял 53 тысячи человек, а наступающий Наполеон – 35 тысяч…

Но Кутузову, в отличие от политрука Панфилова, было куда отступать: позади Москва!..

Глава 3 «ВОТ БАШНИ ПОЛУДИКИЕ МОСКВЫ ПЕРЕД ТОБОЙ В ВЕНЦАХ ИЗ ЗЛАТА…»

А ведь Москву можно было спасти!.. Или, по меньшей мере, попытаться сделать это. У офицеров Кутузовского штаба такие предложения были. Когда перед бессмысленной Бородинской битвой обсуждали, куда отступать после битвы, некоторые предлагали повернуть к Калуге, чтобы попытаться увлечь за собой Наполеона, который, возможно, пожелает довершить разгром русской армии и пойдет за ней. И тем самым Москва будет спасена. Однако вечно сонный Кутузов равнодушно махнул рукой: «Пусть идет на Москву». И это при том, что ранее сам же Кутузов с великим пафосом толкал следующие спичи: «Потеря Москвы – потеря России»!

Сдать-то он Москву сдал, но, чувствуя, что поступил нехорошо, только на третий день после сдачи города решился доложить об этом царю. Узнав о сдаче Москвы, Александр заплакал.

Это мы за двести лет привыкли к тому, что Москву сдали, а тогда отношение к действиям фельдмаршала было совершенно иным. Его офицеры были шокированы таким решением. Доходило даже до прямого неповиновения высших офицеров приказам «предателя». А царь Александр писал Кутузову: «Вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы». Перепуганный неудовольствием императора, Кутузов тут же свалил всю вину за оставление Москвы на. Барклая де Толли, написав государю, что это-де политика прежнего руководства армией привела к столь печальному итогу.

Преступная низость Кутузова дошла до того, что он не постеснялся даже перехватывать личные письма Барклая де Толли своей семье. О чем возмущенный и оклеветанный Барклай писал жене: «Я не понимаю, что это значит, что тебе не отдали письма, которое я тебе написал вечером после сражения и отправил с тем же фельдъегерем, который вез письмо Кутузова к его жене. Я не понимаю, как можно задерживать семейные письма. Это гнусности, которые следует прибавить ко многим другим, какие делаются». (Последующие письма Барклай передавал уже через адъютанта генерала Вильсона, и они прекрасно доходили.)

После оставления Москвы Ростопчин писал Александру: «Князя Кутузова больше нет – никто его не видит, он все лежит и

много спит. Солдат презирает и ненавидит его. Он ни на что не решается. Молоденькая девочка, одетая казаком, много занимает его. Довод у него тот, что надо сберегать армию, но если она должна все отступать, то он скоро ее лишится».

Александр понимал: несмотря на то что он «умыл руки», назначив вместо Барклая того, на кого ему указывало дворянство, все равно Кутузов – только пешка, назначенец, а вина за сдачу Москвы будет неизбежно возложена на него, государя. Так и случилось. Забыв, что оно само голосовало за Кутузова, дворянское общественное мнение на чем свет стоит проклинало царя. Об этом Александру предельно откровенно писала его сестра: «Мне невозможно далее удерживаться, несмотря на боль, которую я должна вам причинить. Взятие Москвы довело до крайности раздражение умов. Недовольство дошло до высшей точки, и вашу особу далеко не щадят. Если это уже до меня доходит, то судите об остальном. Вас громко обвиняют в несчастье, постигшем вашу империю, во всеобщем разорении и разорении частных лиц, наконец, в том, что вы погубили честь страны и вашу личную честь… один из главных пунктов обвинений против вас – это нарушение вами слова, данного Москве, которая вас ждала с крайним нетерпением, и то, что вы ее бросили. Это имеет такой вид, что вы ее предали… я предоставляю вам самому судить о положении вещей в стране, главу которой презирают… и не думайте, что я преувеличиваю; нет, к несчастью, я говорю правду, и сердце от этого обливается кровью у той, которая стольким вам обязана и желала бы тысячу раз отдать жизнь, чтобы вывести вас из того положения, в котором вы находитесь».

И всем этим Александр был обязан Кутузову. Кстати, Беннигсен считал (и писал об этом царю), что Москву можно было попробовать спасти, да только нерешительный Кутузов воевать не хочет (что было правдой, в чем мы далее убедимся). И не только Беннигсен, Вильсон и Ростопчин писали царю жалобы на бездействие Кутузова. Все, кто мог, хором забрасывали Александра письмами с описанием творимых Кутузовым глупостей и мольбами снять его с командования армией.

Отношение тогдашней офицерской России к «заслугам» и самой личности «полководца» Кутузова лучше всего демонстрирует следующий эпизод. Когда после смерти фельдмаршала его дочери обратились к правительству за материальной помощью, Аракчеев решительно отказал им. Ему неприятно было даже вспоминать о жирном одноглазом сатире.

Натура Кутузова ни для кого не составлял секрета и в Европе. Вот как забавно характеризует русского фельдмаршала

французский граф де Сегюр: «Он обладал мстительным, малоподвижным характером и в особенности хитростью – это был характер татарина!»

Наполеон вошел в Москву. Из которой в великой панике эвакуировалась значительная часть населения. Зачем, спрашивается? А по той же причине – с перепугу! Вы же помните, как простонародье относилось к «антихристу».

Что нужно простым цивилизованным людям, учитывая, что цивилизация – это комфорт через разум? Вот вам лично?.. Вы просыпаетесь утром, завтракаете, идете в метро или садитесь на машину, едете на работу. Вы едите, спите, ходите в магазин, а в отпуск отправляетесь на море. Размеренная мирная жизнь, семья, дети, развлечения, достаток. Что еще нужно нормальному человеку? И есть ли ему разница, как фамилия «царя», правящего страной, если кроме фамилии не меняется ничего? Ну, пришел вместо Путина Медведев или даже Буш – если есть работа, ходит метро, вывозят мусор и продают в кредит автомобили, то какая разница цивильному (читай, цивилизованному) гражданину, кто там сидит в Кремле – Пупкин или Селедкин?

А вот Пупкин, желая удержаться у власти, быть может, и желал бы, чтобы народ пошел воевать за него против Селедкина. Но тогда нужно четко понимать – это будет война не за родину, а за Пупкина. В которой народ станет проливать кровь не за свои интересы (народу в экономическом смысле все равно), а за интересы Пупкина. Власть, конечно, хочет, чтобы народ за нее горло грыз. И чем проще и тупее народ, тем легче его организовать за борьбу за интересы Вождя. И наоборот.

Если страну завоевывают не варвары, нашествие которых приведет к крушению цивилизации, то есть падению уровня жизни, исчезновению комфорта, а напротив, люди с более высоким цивилизаторским статусом, сопротивляться им – признак тупости.

Первым делом вошедший в Москву Наполеон выпустил декрет, согласно которому он призывал граждан ничего не бояться, обещал им защиту – в том числе и от собственных мародеров, просил граждан жить нормальной, привычной жизнью, приезжать, торговать. Обещал платить за крестьянский товар рыночную цену. А если крестьянина предложенная французами цена не устроит, увози свое добро обратно в деревню. Но нет! Затаились по норам, как крысы.

Что мешало людям остаться в городе, жить обычной жизнью, торговать? Азиатская дикость и только. Каковая дикость проявилась и в намеренном уничтожении собственной столицы. Русские действовали по принципу собаки на сене. Перед отходом

генерал-губернатор Москвы Ростопчин велел увезти из города весь пожарный инструмент, а после входа французов организованные им поджигатели начали жечь Москву. В результате сгорело две трети города. А самое страшное, что во время пожара в московских больницах находились более 20 тысяч раненых русских солдат! И вина за все это преступление лежит целиком на Ростопчине. Изумленный подобным варварством Наполеон говорил: «Чтобы доставить мне временные неприятности, они разрушили создание многих веков».

Это все равно что уничтожить принадлежащую всему человечеству «Мону Лизу» или Сикстинскую капеллу, чтобы никому не досталось. Даже хуже, поскольку город тысячекратно ценнее одной картины или капеллы, ибо весь наполнен ими.

Ни себе, ни людям, ни будущим поколениям. Просто поразительное скотство.

Сгорели сотни храмов, дворцов и других неизвестных нам памятников архитектуры, картин, книг, икон… Сгорели Гостиный ряд, Университет на Моховой вместе с библиотекой, дом Пашкова. Сгорело собрание рукописей и памятников древности графа Мусина-Пушкина, которое, по словам Карамзина, содержало бесценные материалы по российской истории. В библиотеке Бутурлина погибло 4000 ценнейших томов. Сгорели архивы. Сгорела коллекция Общества истории и древностей. Сгорела вся Пречистенка, Старая Басманная, Немецкая слобода… Да всего перечислить просто невозможно. Сгорела Москва! И подожгла ее тупая скотина Ростопчин.

Французские солдаты, не зная сна и отдыха, героически спасали чужой им город, но в отсутствие пожарного инвентаря и учитывая массовость пожаров, это было сделать практически невозможно. Наполеон отдал приказ расстреливать террористов-поджигателей. Которых, кстати, ловили и сдавали французским властям оставшиеся в Москве жители.

Французы вообще вели себя на удивление достойно. Что отмечал даже сталинский сокол Тарле, написавший немало дежурных бла-бла-слов о зверствах оккупантов, но все-таки вынужденный признаться: «Жители Москвы отличали французов от других народов наполеоновской армии: „Французы – добрые… редко кого обидят; зато уж эти новобранцы всякие у них да немчура никуда не годились“. Старая гвардия почти вовсе не принимала участия в грабеже».

Старая гвардия – это те усатые наполеоновские гренадеры, которые видели пирамиды, дрались в Италии, отбивали атаки австрийских интервентов во времена революции. Лучшие люди Наполеона. Они не подводили никогда, даже в самое ужасное

время отступления из Москвы, что мы еще увидим глазами Дениса Давыдова.

…Короче говоря, русские уничтожали Москву. Французы ее спасали.

Русские власти покинули город, бросив раненых и даже детей в Воспитательном доме. С сиротами остался только их воспитатель Тутолмин. Французы, спасая детей, по личному распоряжению Наполеона поставили у Воспитательного дома охранный караул. Спасли! А вокруг все выгорело…

Вот подлинные слова Наполеона, сказанные им еще до пожара при назначении губернатором Москвы маршала Мортье: «Защищайте Москву от всего и всех!» Увы, это оказалось не в силах человеческих. Пожар Москвы был воистину грандиозным. Ночью зарево наблюдалось за сотни километров от города. Один из очевидцев так описывал его: «Весь воздух казался как бы раскаленным докрасна столбом, который простирался от земли до неба».

В письме жене Наполеон ужасался: «Мой друг, я тебе пишу из Москвы. Я не имел понятия об этом городе. Он заключал в себе пятьсот таких же прекрасных дворцов, как Елисейский дворец, меблированных на французский лад с невероятной роскошью, несколько императорских дворцов, казармы, великолепные госпитали. Все это исчезло, огонь пожирает это вот уже четыре дня. Так как все небольшие дома граждан деревянные, то они загораются, как спички. Губернатор и сами русские в ярости за свое поражение зажгли этот прекрасный город. Двести тысяч обитателей в отчаянии, на улице, в несчастье… Для России эта потеря огромна…»

Но у нас, воюя, с потерями никогда не считались. Лишь бы отстоять свою рабскую независимость!

Кстати, вопрос… Почему Наполеон не объявил русских крепостных вольными, как он это делал везде, куда приходил? Русские дворяне боялись этого больше всего, поскольку понимали, что это перевернет страну, сразу же изменив отношение мужиков к Наполеону. По стране и без того бродили слухи о том, что Наполеон пришел как освободитель. Все эти патриоты при штабе Кутузова, которые требовали боя с Наполеоном, храбро защищали отечество и русский народ, на самом деле этого народа страшно боялись, высказывая в письмах друг другу опасения: а вот у меня жена с детьми в имении остались, а ежели Наполеон объявит крестьянам вольную, и они взбунтуются, убьют ведь барыню-то с детьми!.. Убьют, конечно, не вопрос. Добр русский мужик.

У Наполеона действительно были мысли сделать в России то

же, что и везде. Он даже велел доставить ему из московских архивов все материалы по пугачевскому восстанию. Но, посмотрев на интеллектуально-моральное состояние русского народа, Наполеон дать ему вольную так и не решился. Он слишком хорошо помнил, что творили в просвещенной Франции дорвавшиеся до власти якобинцы, и представлял, какой хаос может случиться в дикой России, если дать волю людям, которые верят в домовых и не могут отличить французов от чертей.

Наполеону нужен был мир, а после объявления вольной мужикам в России могло начаться такое, что и мир заключать было бы уже не с кем.

Собственно говоря, сам Наполеон потом объяснял, отчего он не пошел на этот шаг: боялся «стихии народного бунта». Боялся погружения страны в кровавый хаос, бунта, бессмысленного и беспощадного. Боялся за Россию.

«Я мог бы вооружить наибольшую часть населения России против нее же самой, – признавался потом Наполеон, – провозгласив свободу рабов. Большое количество деревень меня об этом просило. Но когда я узнал грубость нравов русского народа, я отказался от этой меры, которая предала бы смерти, разграблению и самым страшным мукам много семейств». Тех самых дворянских семейств, о которых тревожились русские офицеры: как там их жены и дети – одни, среди русского народа, без надежной охраны?.. А ну как, не дай бог, Наполеон вольную провозгласит? Ведь кишки барыне с барчонком размотают.

Глава 4 «НИ ГНЕВА, НИ ПРОКЛЯТИЯ…»

Время шло. В сгоревшей Москве еще оставалось некоторое количество припасов для армии, чтобы рискнуть с грехом пополам перезимовать. Но какой смысл? Александру, которому Наполеон несколько раз предлагал заключить мир, мир был не нужен, он хотел войны. Что делать – зимовать с риском в Москве или вернуться до весны в Смоленск, Витебск или Вильно, где заготовлено множество припасов? Для чего сидеть в столице? Чтобы добить по весне Кутузова? А где он? Этого смельчака ведь, прежде чем разбить, еще отыскать нужно, уж больно проворен старик. Как таракан. Ты над ним тапок заносишь, а он уже под шкафом. Посверкивает оттуда одним глазом.

Идти на Петербург прямо под зиму? Стрёмно. А если эти дикари и Питер сожгут? Тогда армия останется совсем без жратвы. В конце концов Петербург может подождать до следующего года, никуда он не убежит. Решено!

И Наполеон, зря прождав от Александра ответов на свои мирные предложения и потеряв драгоценное время теплой осени, решает уйти туда, откуда и не должен был, по идее, уходить – на западные границы. Логичное решение, согласитесь. Там у него склады, магазины, арсеналы. А здесь что? Гарью дышать? Если уж самим русским Москва не нужна оказалась, зачем она Наполеону?..

…Московский поход Наполеона не зря называют переломом в истории наполеоновской эпохи и наполеоновской империи. Эта кончившаяся ничем война посеяла в Европе семена надежды: Наполеон, оказывается, может и проигрывать! А не попробовать ли еще разок его сковырнуть? Наполеон понимал, что не в военном, но в политическом смысле его уход из Москвы будет выглядеть как поражение. Тем важнее нам разобраться в причинах этого поражения.

Почему война 1812 года, все битвы в которой Наполеон выиграл, закончилась для него фактическим проигрышем?

В России многие по непонятной причине привыкли считать, что славная русская армия во главе с мудрым, хотя и одноглазым Кутузовым выгнала «захватчика» из Отечества. Этот голимый бред придумали много позже, а в тогдашней России подобных иллюзий не питали, поскольку все прекрасно представляли себе полководческие «дарования» Кутузова. Бог помог, включив зиму немного раньше, – таково было общее мнение. Собственно,

изначально на это и был расчет.

Именно на такой вариант войны Александр надеялся в 1811 году, когда размышлял о том, что будет, если Наполеон разобьет его вторгшиеся в Польшу войска и придет в Россию. Свой план действий против Наполеона Александр озвучил в беседе с Коленкуром. Правда, поскольку Коленкур был французским послом, про свое вторжение в Польшу Александр тактично умолчал, ограничившись эвфемизмом: «Если император Наполеон начнет войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, но это не даст ему мира. У нас в тылу есть пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию. Имея все это, никогда нельзя быть принужденным заключить мир, какие бы поражения мы ни испытали. Но можно принудить победителя к миру. Императору Наполеону нужны такие же быстрые результаты, как быстра его мысль; от нас он их не добьется. Я воспользуюсь его уроками. Это уроки мастера. Мы предоставим нашему климату, нашей зиме вести за нас войну. Я скорее удалюсь на Камчатку, чем уступлю провинции или подпишу в моей завоеванной столице мир, который был бы только перемирием».

То же самое понимал и граф Воронцов, русский посол в Лондоне, писавший еще до войны: «Даже если начало операций было бы для нас неблагоприятным, то мы все можем выиграть, упорствуя в оборонительной войне и продолжать войну, отступая. Если враг будет нас преследовать, он погиб, ибо чем больше он будет удаляться от своих продовольственных магазинов и складов оружия и чем больше он будет внедряться в страну без проходимых дорог, без припасов, которые можно будет у него отнять, окружая его армией казаков, тем больше он будет доведен до самого жалкого положения, и он кончит тем, что будет истреблен нашей зимой, которая всегда была нашей верной союзницей».

Так что не надо на Кутузова валить, не виноват он в поражении Наполеона. Клевета все!..

Мы тут много говорили об интриганстве Кутузова и его стремлении избежать боев. Вот еще один удивительный случай того, как славно помогал фельдмаршал русской армии бить французов.

Русская армия, затаившаяся южнее Москвы, внимательно приглядывала за южной «оконечностью» армии Наполеона, а точнее говоря, за кавалерийским корпусом Мюрата. Беннигсену, Ермолову и протрезвевшему после Бородина Платову не терпелось нанести расслабившемуся Мюрату поражение. Это можно было сделать легко. Но Кутузов, как мы знаем, воевать не

хотел. Его целью было, как он сам говорил, выстроить «золотой мост», по которому и проводить Наполеона из России.

Но весь офицерский корпус, стыдившийся оставления столицы без боя, настаивал на бое, и Кутузов поддался нажиму. Однако сам он в своей обычной манере от битвы сначала устранился, а потом… всячески мешал победе русских войск. И даже полностью ликвидировал все плоды этой победы, приказав отступить на старые позиции! В это сложно поверить, но именно так все и было.

18 октября под деревней Тарутино Беннигсен, который командовал русскими, напал на Мюрата. Французы организованным порядком отступили. Чтобы довершить разгром и сделать их отход беспорядочным, Беннигсену не хватало людей, и он попросил Кутузова прислать помощь. Вот тут-то Кутузов и показал себя во всей красе! Он отказал в подкреплении, выслать которое ему ничего не стоило. Кутузов не только не помог Беннигсену сражаться и победить, но и запретил стоящему на левом фланге Милорадовичу помогать Беннигсену. И это опять-таки в натуре Кутузова: а вдруг Беннигсен и вправду победит? Тогда вся слава достанется ему! А это для Кутузова – как ножом по сердцу.

Русские все-таки вытеснили Мюрата и даже захватили 36 пушек, но после боя Кутузов отдал приказ… вернуться на старые позиции! Взбешенный Беннигсен писал жене: «Я не могу опомниться! Какие могли бы быть последствия этого прекрасного, блестящего дня, если бы я получил поддержку… Тут, на глазах всей армии, Кутузов запрещает отправить даже одного человека мне на помощь, это его слова. Генерал Милорадович, командовавший левым крылом, горел желанием приблизиться, чтобы помочь мне, – Кутузов ему запрещает… Можешь себе представить, на каком расстоянии от поля битвы находился наш старик! Его трусость уже превосходит позволительные для трусов размеры, он уже при Бородине дал наибольшее тому доказательство, поэтому и покрыл себя презрением и стал смешным в глазах всей армии. Представляешь ли ты себе мое положение, что мне нужно с ним ссориться всякий раз, когда дело идет о том, чтобы сделать один шаг против неприятеля, и нужно выслушивать грубости от этого человека!»

…Итак, Кутузов никак не помогал Наполеону проиграть эту войну в военном смысле. Что же сгубило французского полководца и его армию? Три вещи, наложившиеся друг на друга: огромные пространства России, пожар Москвы и неожиданно рано ударившие морозы.

Исключи любой параметр, и исход войны да и всей мировой

истории был бы совсем другим! Поэтому разберемся с каждый фактором по отдельности.

Географическое пространство… Россию завоевать нельзя. От нее можно только отхватить кусок. Ее можно принудить подписать какой-нибудь договор под угрозой отторжения этого куска. Но завоевать так, как Наполеон завоевал Пруссию. Невозможно! Кутузов мог бегать от Наполеона сколько угодно. Он мог убежать в Казань, или в Астрахань, или в Читу. А Наполеон не мог бегать за ним бесконечно, его держали дела и растянутые коммуникации. Насколько сложным был вопрос с коммуникациями, говорит тот факт, что, войдя в границы России с тройным превосходством по отношению к русским войскам, Наполеон уже к Бородину имел меньшую армию, чем русские. Потому что оставлял на своем пути гарнизоны, обеспечивающие его бесперебойную связь с родиной, ведь его армия нуждалась в подвозе припасов, а его империя – в управлении. (В России Наполеон подписывал десятки документов, регулирующих гражданские вопросы своей империи. Так, например, устав театра «Комеди Франсез», по которому театр жил еще двести лет после Наполеона, Бонапарт подписал в горящей Москве и отправил нарочным в Париж.)

Короче говоря, завоевать Россию в привычном понимании этого слова было нельзя. Но такой задачи перед Наполеоном и не стояло! Да и временем он не был ограничен. Он мог (и планировал поначалу) растянуть кампанию на два или три года, отгрызая от России по куску. Он мог на следующий год взять Петербург. Да, Александр убежал бы куда-нибудь в Казань. Ну и пусть! В Казани он не опасен и, по большому счету, никому не нужен: потому что порты будут в руках Наполеона. Петербург и Архангельск он возьмет, возобновит континентальную блокаду, а черноморские порты захватят турки, воспользовавшись бедственным положением России.

Так что бескрайние просторы не смертельны для того, в чьи задачи не входит их завоевание.

Пожар Москвы… Здесь, наверное, лучше предоставить слово самому Наполеону. Он лучше меня и из первых, что называется, уст расскажет об этом:

«…Не будь московского пожара, мне бы все удалось. Я провел бы там зиму. Я заключил бы мир в Москве или на следующий год пошел бы на Петербург. Александр прекрасно знал это, поэтому-то он и послал в Англию свои бриллианты, свои драгоценности и свои корабли. Мой успех был бы полный без этого пожара. Я очутился среди прекрасного города, снабженного провиантом на целый год; ибо в России всегда запасы на несколько месяцев

делались до наступления морозов. Всевозможные магазины были переполнены. Дома жителей были хорошо снабжены, и большинство их оставили своих слуг, чтобы служить нам. Многие хозяева оставили записочки, прося в них французских офицеров, которые займут их дома, позаботиться о мебели и других вещах; они говорили, что оставили все, что могло нам понадобиться, и что они надеются вернуться через несколько дней, как только император Александр уладит все дела, что тогда они с восторгом увидятся с нами. Многие барыни остались. Они знали, что ни в Берлине, ни в Вене, где я был с моими армиями, жителей никогда не обижали; к тому же они ждали скорого мира. Мы думали, что нас ожидает полное благосостояние на зимних квартирах, и все обещало нам блестящий успех весной. Через два дня после нашего прибытия начался пожар. Сначала он не казался опасным, и мы думали, что он возник от солдатских огней, разведенных слишком близко к домам, почти сплошь деревянным. Это обстоятельство меня взволновало, и я отдал командирам полков строжайшие приказы по этому поводу. На следующий день огонь увеличился, но еще не вызвал серьезной тревоги. Однако, боясь его приближения к нам, я выехал верхом и сам распоряжался его тушением. На следующее утро поднялся сильный ветер, и пожар распространился с огромной быстротой. Сотни бродяг, нанятые для этой цели, рассеялись по разным частям города и спрятанными под полами головешками поджигали дома, стоявшие на ветру: это было легко ввиду воспламеняемости построек. Это обстоятельство да еще сила ветра делали напрасными все старания потушить огонь. Трудно было даже выбраться из него живым. Чтобы увлечь других, я подвергался опасности, волосы и брови мои были обожжены, одежда горела на мне. Но все усилия были напрасны, так как оказалось, что большинство пожарных труб испорчено. Их было около тысячи, а мы нашли среди них, кажется, только одну пригодную. Кроме того, бродяги, нанятые Ростопчиным, бегали повсюду, распространяя огонь головешками, а сильный ветер еще и помогал им. Этот ужасный пожар все разорил. Я был готов ко всему, кроме этого. Ладно, это не было предусмотрено: кто бы подумал, что народ может сжечь свою столицу? Впрочем, жители делали все возможное, чтобы пожар потушить. Некоторые из них даже погибли при этом. Они приводили к нам многих поджигателей с головешками, потому что нам никогда бы не узнать их среди этой черни. Я велел расстрелять около двухсот поджигателей. Если бы не этот роковой пожар, у меня было бы все необходимое для армии, прекрасные зимние квартиры, разнообразные припасы в изобилии, на следующий год решилось

бы остальное. Александр заключил бы мир, или я был бы в Петербурге».

И последняя фраза из этого наполеоновского рассказа: «Я на пять дней опоздал покинуть Москву». Что он имел в виду?

Преждевременно ударившие морозы… Виктор Суворов, который, правда, не является специалистом по наполеоновским войнам вообще и войне 1812 года в частности, но очень любит русскую армию во всех ее инкарнациях, почему-то считает, что Наполеона победила русская армия – казаки со своими тревожащими уколами налетов, Кутузов. А касательно морозов он говорит так: Наполеон знал, куда идет, и должен был подготовиться к русской зиме! Бараньих тулупов нашить, видимо.

Здесь я с Суворовым решительно не согласен. Наполеон – этот великий гроссмейстер – всегда предусматривал все, что можно было предусмотреть, исходя из нормальной человеческой логики. Пожар Москвы нормальная человеческая логика не предусматривала. А что касается погоды. Ну конечно, предусмотрел! И еще как!

Перед походом Наполеон поднял метеорологические сводки за последние полвека и убедился: никогда за всю историю наблюдений сильные морозы в России не случались ранее 20 декабря. На это и был расчет, когда он выходил из Москвы, думая успеть. Но в 1812 году случилось нечто необыкновенное – сильные морозы ударили на три недели раньше.

«Во время моего пребывания в Москве было три градуса холода, – вспоминал Наполеон, – и французы переносили его с удовольствием. Но во время пути температура спустилась до восемнадцати градусов, и почти все лошади погибли. Несколько тысяч лошадей потерял я в одну ночь. Мы принуждены были кинуть почти всю артиллерию, в которой тогда насчитывалось пятьсот орудий. Ни боевые запасы, ни провиант нельзя было дальше везти. За недостатком лошадей мы не могли ни делать разведки, ни выслать кавалерийский авангард, чтобы узнать дорогу. Солдаты падали духом, терялись и приходили в замешательство. Другие ложились на землю, засыпали, немного крови шло у них носом, и, сонные, они умирали. Тысячи солдат погибли так. Полякам удалось спасти несколько лошадей и немного пушек, но французов и солдат других наций совсем нельзя было узнать. Особенно пострадала кавалерия. Сомневаюсь, уцелело ли в ней три тысячи человек из сорока».

Обыватели часто не верят, что какой-то там мороз может убить закаленную в боях армию, полагая это дешевой отмазкой проигравших. Просто привыкли люди, что армии уничтожаются другими армиями. Для тех, кто сомневается в том, что именно

мороз уничтожил наполеоновскую армию, рекомендую зимой максимально возможно утеплиться, в двадцатиградусный мороз выйти из дома и пройти пешком хотя бы сто километров без жратвы.

Если мне не изменяет память, полярный исследователь Амундсен говорил: «Ко всему можно привыкнуть. Только к холоду привыкнуть нельзя». Холод деморализует и убивает быстрее, чем голод. А иногда и быстрее, чем пуля. Представьте такую фантастическую картину: температура вдруг упала до абсолютного нуля, то есть до минус 273 градусов по Цельсию. За сколько времени умрет армия? Численность армии в данном случае не важна: какова бы она ни была – хоть миллион, весь этот миллион народу перестанет существовать через считанные мгновения.

Разумеется, до абсолютного нуля градусов температура не падала, но зависимость смертности от температуры ясна – каждый следующий градус падения ускоряет смертность нелинейно, лавинообразно. Летом, при плюс двадцати градусах, не умирает никто, и армия переходами может идти сколь угодно долго, а при абсолютном нуле армия умирает вся за считанные десятки секунд. Нанесите эти две точки на график. Возьмите свое старое, школьной поры, лекало и проведите кривую. Кривая лекалом, как известно, проводится по трем точкам. Третьей точкой поставьте случай с наполеоновской армией. И вы увидите ужасную экспоненту. Взрывной процесс. При минус десяти умерло бы всего 5–7 % людей. Но где-то после минус пятнадцати градусов мороза наступает страшный перелом – у Наполеона погибло более 80 % армии.

Впрочем, сухие цифры не производят такого впечатления, как человеческие документы. Выжившие французские офицеры оставили потомству множество свидетельств гибели наполеоновской армии. Вот лишь малая их толика.

«Вообразите, если сможете, сто тысяч несчастных с сумой на плечах, опирающихся на длинные палки, обряженных в самые гротескные лохмотья. К этим нелепым нарядам добавьте физиономии, осунувшиеся под бременем стольких бед; представьте себе бледных, покрытых бивачной грязью людей, почерневших от дыма, с провалившимися и погасшими глазами, взлохмаченными волосами, длинными и отвратительными бородами, – и вы получите отдаленное представление о картине, которую представляла собой армия».

«Голод и нужда достигли высшей степени… я видел собственными глазами, как обезумевшие люди раздирали свои члены и сосали собственную кровь, до такой степени голод и

нужда помрачили их ум…»

«В этом царстве смерти все продвигались, как жалкие тени. Глухой и однообразный звук наших шагов, скрип снега и слабые стоны умирающих одни нарушали это гробовое молчание. Ни гнева, ни проклятия, ничего, что предполагает хоть немного чувства. Люди падали, даже не жалуясь, по слабости ли, из покорности ли, или же потому, что жалуются только тогда, когда надеются смягчить кого-либо или думают, что их пожалеют. Как только, измученные, они останавливались на минуту, зима, наложив на них свою ледяную руку, схватывала свою добычу. Напрасно эти несчастные, чувствуя, что коченеют, поднимались и молча, инстинктивно, отупев, делали несколько шагов, как автоматы: кровь, застыв в жилах, как вода в быстрых ручьях, ослабляла сердце, потом она приливала к голове, тогда эти умирающие шатались, как пьяные. И из их покрасневших глаз выступали настоящие кровавые слезы. Скоро они начинали ползти на коленях, потом на четвереньках; головы их несколько минут раскачивались направо и налево, потом они падали в снег, который тотчас же окрашивался красной кровью».

…Можно быть большим храбрецом и героем в бою. Но я хочу, чтобы вы поняли, как убивает холод. И во что он превращает героев. Перед вами типичная хроника энергетической катастрофы, когда сложная структура постепенно разваливается сначала на отдельные независимые подсистемы, а потом и вовсе атомизируется.

«Большая часть армейских корпусов была распущена. Из их остатков сформировалось множество мелких отрядов, состоящих из восьми—десяти человек, которые объединялись для совместного движения и у которых все припасы были общими. Эти маленькие общины, совершенно отделенные от общей массы, вели изолированное существование и отторгали от себя все, что не являлось частью их самих. Члены „семьи“ шагали, сбившись в кучку и тщательным образом следя, чтобы не разлучиться в толпе. Горе тому, кто потерял свою ячейку: нигде и ни в ком не находил он сочувствия, никто не оказывал ему никакой помощи, все гнали его от себя, его безжалостно отгоняли от костров, на которые он не имел права, и от всякого места, где он пытался найти убежище…»

…Кстати, в тюрьмах такие микрогруппки тоже называются «семьями». А дальше начался уже процесс распада и микроколлективов.

«…Когда зима, удвоив свою жестокость, напала на каждого из нас, все эти мелкие группы, сплотившиеся для борьбы с бедствиями, распались: теперь борьба совершалась изолированно,

лично каждым. Лучшие солдаты сами уже не уважали себя… С этих пор не было больше братства по оружию, не было общества, не было никакой связи между людьми, невыносимые страдания притупили всех…»

«…В этом поголовном несчастии самый чуткий человек мог думать только о личной безопасности. Вся дорога была покрыта мертвыми и умирающими. Каждую минуту можно было видеть солдат, которые, не будучи больше в состоянии выносить страданий, садились на землю, чтобы умереть – для этого достаточно было посидеть минут пять. Вот только что товарищи вели между собой разговор, как вдруг один из них, почувствовав сильную слабость, сказал: „Прощай, друг, я остаюсь здесь“. Он лег на землю, и через минуту его не стало…»

«Ничто не делает человека столь малодушным, как холод…»

«Сердца наши зачерствели настолько, что мы не чувствовали больше ничего, эгоизм был единственным инстинктом, который остался в нас…»

«Немыслимо описать, как страдают наши несчастные раненые!.. В беспорядке наваленные на повозки, лошади которых пали, они оказываются покинутыми среди дороги без помощи, даже без надежды получить ее… Товарищи, друзья этих жертв, даже самые преданные, проходя мимо них, притворяются, что не узнают их, они отводят свои взоры. Нет больше друзей, нет больше товарищей. Жестокие по отношению друг к другу, одетые в какие-то лохмотья… голый инстинкт самосохранения заменил былой душевный пыл и ту благородную дружбу, которая обычно связывает братьев по оружию…»

«Если около нас или под колеса пушек падали наши начальники или товарищи, напрасно стали бы они звать на помощь. Вся холодная черствость климата проникала в сердца, холод обезобразил чувства, как и лица… и действительно, остановиться на минуту значило рисковать жизнью! При этой всеобщей гибели просто протянуть руку своему товарищу, своему умирающему начальнику было актом изумительного великодушия. Малейшее движение, вызванное состраданием, становилось великим подвигом…»

Они вовсе не были плохими или жестокими людьми. Просто человек – как батарейка. Когда энергии уже не остается, когда мороз высасывает последнее тепло и индикатор разряда дрожит возле нулевой отметки, организм начинает функционировать в таком режиме, при котором последних джоулей хватает только на то, чтобы шагать, волоча ноги, а уровень энергии падает много ниже тех отметок, которые позволяют поддерживать совесть и благородство. Благородство – дитя сытости, производное тепла.

Уходит тепло из человека – уходит человечность. Тем удивительнее были случаи милосердия.

«В мирное время всякий… поспешит помочь своему начальнику подняться, если тому случится оступиться или упасть. Я не видел ничего подобного во время отступления из России. Сколько генералов и других офицеров падало на моих глазах, и никто из проходивших никогда не думал подать им руку, чтобы помочь подняться. Каждому предоставлялось подниматься самому.

Признаюсь, я был в то время таким же эгоистом, как и другие. Один раз мне посчастливилось бог знает как раздобыть несколько картошек, наполовину мерзлых. Прибыв к бивуаку, я поспешил испечь их в горячей золе. Один из моих товарищей сел около меня в надежде разделить со мной мой богатый завтрак… я имел жестокость наотрез отказать ему. Он поднялся и ушел, сказав печально:

– Я вам этого никогда не прощу!

Только тогда лед в моем сердце растаял. Я вернул его и поспешил поделиться с ним…»

…И это было только начало катастрофы.

«Шестого декабря небо показало себя еще ужаснее…»

«Утром было 24 градуса мороза, ночью же он увеличивался так, что термометр показывал 29, а восьмого вся ртуть собралась в тюбике. Я разбил термометр в присутствии нескольких офицеров, показав им ртуть, сделавшуюся похожей на маленькую пулю. Вся дорога покрылась сплошным льдом, отчего люди, ослабленные усталостью и отсутствием пищи, падали тысячами; не будучи в состоянии подняться, они умирали через несколько минут…»

«В воздухе летали ледяные крупинки, птицы падали замерзшими на лету. Атмосфера была неподвижной и безмолвной; казалось, все, что могло в природе двигаться и жить, даже сам ветер, было подавлено, сковано и как бы заморожено. Ни слов, ни ропота – мертвое безмолвие, безмолвие отчаяния…»

«Большая часть деревень по нашему пути была старательно выжжена нашими солдатами, гревшимися у этих чудовищных костров. Сколько раз мне случалось видеть сотни теней вокруг пылающих лачуг; эти тени болтали и хохотали, пока все не превращалось в пепел. Про них говорили, что они отморозили себе мозг. Эти несчастные, на которых никто не обращал внимания, большей частью погибали самым ужасным образом…»

«Я вдруг заметил большие костры, разложенные с одной стороны дороги недалеко от группы домиков. Я приблизился к одной из групп и был очень радушно принят. Тут были польские

уланы и французские конные егеря, конечно же, без лошадей. Я вступил в разговор с французами. Несмотря на мой костюм, более чем изорванный, по которому едва ли во мне можно было признать офицера (Запомните это одеяние! – *А. Н.),* егеря были очень любезны и предупредительны со мной. Очевидно, это были люди из хороших семей. Один из них спросил меня: видел ли я, что находится у меня за спиной, между строениями? Я бросил взгляд по указанному направлению, но увидел только громадную пирамиду, верхушка которой достигала второго этажа построек. При мерцающем свете нашего костра я не мог разобрать, из чего состояла эта груда, покрытая густым слоем снега. Француз, которого я спросил об этом, сказал: – Это трупы.

Вся пирамида состояла из сотен тел, смерзшихся в одну кучу».

…И после этого находятся люди, считающие, что вовсе не мороз погубил французов! Штабеля трупов размером с дома… Это, конечно, Кутузов всех убил, всех зарезал.

Но картина будет неполной, если я не приведу еще несколько отрывков.

«Начиная с 7-го числа настал такой необычайный холод, что даже самые крепкие люди отмораживали себе тело до такой степени, что, как только они приближались к огню, тело начинало мокнуть, распадаться, и они умирали. Можно было видеть необычайное количество солдат, у которых вместо кистей рук и пальцев оставались только кости, все мясо отпало. У многих отваливались нос и уши, огромное количество сошло с ума – это была последняя стадия. Их можно было принять за пьяных, они шли, пошатываясь и говоря несуразнейшие вещи, которые могли бы даже показаться забавными, если бы не было известно, что это состояние является предвестником смерти.

Действие самого сильного мороза похоже на действие самого сильного огня: руки и тело покрываются волдырями, наполненными красноватой жидкостью, эти волдыри лопаются, и мясо почти тотчас же отпадает. Это разрушение можно представить себе, положив к огню сильно замерзшую картошку.

По мере того, как она начинает оттаивать, она покрывается влагой – то же самое происходит и с нашим телом. Несмотря на явную опасность от приближения к огню, немногие из солдат имели достаточно силы, чтобы удержаться от этого соблазна. Едва они оттаивали, как падали замертво. Подходили другие, садились на трупы своих товарищей и гибли минуту спустя. Пример товарищей не мог заставить их избежать опасности. Я видел около одного дома более 800 человек, погибших таким образом. В других случаях они сгорали, лежа слишком близко к

огню и не будучи в силах отодвинуться от приближающегося пламени. Везде виднелись наполовину обгоревшие трупы…»

«На свет огней всю ночь подходили новые призраки, которым не находилось места у костров. Тогда они ложились на снег за цепью своих более счастливых товарищей и там умирали. Некоторые, не имея сил повалить высокие лесные ели, напрасно старались поджечь их снизу, но скоро смерть захватывала их вокруг этих деревьев в той позе, которую они принимали за работой.

Возле больших сараев происходило самое ужасное. Солдаты и офицеры бросались и битком набивали их. Скоро приходили новые толпы отставших и, не в силах проникнуть в эти убежища скорби, начинали осаждать их. Те, кого спасли эти убежища, утром находили своих товарищей грудой замерзших. И чтобы выбраться из этих катакомб, надо было с невероятными усилиями перебираться через тела.

В Жупранах… зарево пожара привлекло несчастных, которых суровый холод и страдания довели до безумия: они сбегались и со скрежетом зубов и с адским хохотом бросались в эти костры, в которых погибали. Голодные их товарищи без ужаса смотрели на них, были даже такие, которые подтаскивали к себе обезображенные и обугленные тела и решались поднести ко рту эту ужасную пищу! Таковы были последние дни Великой армии…»

Наверное, в таких ужасных условиях солдаты и офицеры проклинали своего императора? Наверное, они костерили и ненавидели его за свои неимоверные страдания?.. Враг Франции, английский генерал Вильсон, подтверждая все написанное выше, рассказывал, что французы действительно дошли до полной потери всех чувств – «за одним только почетным для французов исключением: будучи взяты в плен, они никакими искушениями, никакими угрозами, никакими лишениями не могли быть доведены до того, чтобы упрекнуть своего императора как причину их бедствий и страданий. Они говорили о „превратностях войны“, о „неизбежных трудностях“, о „судьбе“ но не о вине Наполеона».

И это одна из самых замечательных характеристик личности императора! Который, опираясь на палку, часами шел пешком, заметаемый пургой, вместе с солдатами своей старой гвардии.

Упоминание о Вильсоне может натолкнуть недоверчивого читателя на следующий вопрос: «Погодите-ка! Но если мороз виноват в погублении наполеоновской армии, почему он не погубил армию великого полководца Кутузова?»

А кто вам сказал, что мороз не погубил армию великого

полководца Кутузова?.. Все то же самое творилось и в кутузовской армии. То, что вы не читали об этом в школьном учебнике, вовсе не значит, что этого не было.

Мы ознакомились с воспоминаниями французов. Почитаем теперь воспоминания русских. Помните, в каком потрепанном виде отступали французские офицеры? По их одежде не всегда можно было даже сказать, кто это – офицер или солдат. А вот как описывал этот зимний поход наш генерал Муравьев: «Ноги мои болели ужасным образом, у сапог отваливались подошвы, одежда моя состояла из каких-то синих шаровар и мундирного сюртука, коего пуговицы были отпороты и пришиты к нижнему белью; жилета не было, и все это прикрывалось солдатской шинелью с выгоревшими на бивуаках полами, подпоясался же я французскою широкой кирасирскою портупеею, поднятой мною на дороге с палашом, которым я заменил мою французскую саблю…»

Проблемы русской армии начались еще до сильных морозов. Свидетельствует гвардейский офицер Чичерин: «Меня очень тревожит тяжелое положение нашей армии: гвардия уже двенадцать дней, а вся армия целый месяц не получает хлеба».

Почему страдали наполеоновские войска еще можно понять – люди в чужой стране, растянутые коммуникации и проч. Но почему Кутузов не мог наладить снабжения российской армии в России?!. Где нет враждебного окружения, нет растянутых коммуникаций и вообще все свое… А вот талант такой надо иметь! До того порой доходило, что русская армия питалась… французскими запасами, сделанными тыловиками Наполеона. О чем свидетельствует тот же Чичерин: «…захватываем у неприятеля склады, полные сухарями».

А уж когда начались морозы… Заключительным аккордом в этой истории звучат слова генерала Вильсона: «Погода все еще страшно холодная – 25 градусов мороза. От русской армии почти ничего не осталось…»

Наполеон вывел из Москвы 100 тысяч человек. Неман перешло около 30 тысяч.

У Кутузова под Тарутином было 130 тысяч человек. До Вильно дошло 27 тысяч.

Я обещал рассказать, как Кутузов, который не хотел воевать с Наполеоном и ненавидел Чичагова, крепко подставил его. Это произошло на Березине, куда армия Чичагова пришла с юга.

У русских был шанс окружить армию Наполеона при переправе через речку. Это понимали русские, и это понимали французы. Как писал крупнейший военный теоретик мира Карл Клаузевиц (бывший, кстати, свидетелем этих событий, поскольку находился тогда на русской службе), «никогда не встречалось

столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле». Впрочем, не нужно было быть великим теоретиком, чтобы понимать это. Адмирал Чичагов даже распространил среди солдат приказ о пленении Наполеона: «Он роста малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей надежности ловить и привозить ко мне всех малорослых. Я не говорю о награде за сего пленника: известные щедроты Монарха нашего за сие ответствуют…»

Да и Наполеон более чем осознавал опасность ситуации. «Как будем выбираться из этого положения, Бертье?» – спросил он своего штабиста. За рекой стоял корпус Чичагова, с флангов французов окружили корпуса Витгенштейна и Платова. Сзади напирал Кутузов. Казалось бы, деваться некуда. Но гений – парадоксов друг. Совершив серию совершенно нетривиальных и вполне свойственных его парадоксальной натуре маневров, Наполеон сумел переправить остатки армии на ту сторону реки и ушел, как песок сквозь пальцы. Этот удивительный финт многие военные историки оценивают наравне с самыми крупными победами Наполеона.

Наполеон, конечно, гений, спору нет, но факты требуют признать, что ему изо всех сил помогал. Кутузов. Вместо того чтобы наседать на противника с тыла, Кутузов… остановил свою армию и несколько дней вообще не двигался с места. Он вывел из игры свои силы, чтобы его давний ненавистник Чичагов остался один на один против Наполеона. При этом Кутузов постоянно слал Чичагову обманные послания, помеченные задним числом, в которых сообщал, что его войска сели на хвост противника. Давай, Чичагов, действуй!.. Введенный в заблуждение Чичагов ругался на курьеров, которые поздно доставляют приказы, которые уже невозможно выполнить. А на самом деле Кутузов врал и все это время не преследовал противника, а оставался в 130 километрах от Березины.

Любопытно, что даже привыкший к выкрутасам Кутузова генерал Вильсон всерьез не верил, что в такой ситуации Наполеон избежит окружения. Хотя опасения такие высказывал: «Бонапарт навряд ли ускользнет от нас, хотя фортуна и благоприятствует ему, особливо тем, что нашей сильной и доблестной армией предводительствует бездарнейший из вождей, и это лишь самые умеренные слова, какие я только могу найти, дабы хоть как-то выразить всеобщее о нем мнение».

Ну а после того, как Наполеон обыграл маневром введенного в заблуждение Чичагова и ускользнул, Кутузов тут же написал на Чичагова донос царю, обвинив адмирала в том, что по своей

бездарности он упустил Наполеона. И еще долгое время отношение общественного мнения России к Чичагову было издевательским. Его звали «спасителем Наполеона», хотя истинным спасителем Бонапарта был Кутузов – русский полководец, обманывавший русские войска и своих коллег. И свидетели этих событий (Ермолов, Левенштерн, Норов, Давыдов) однозначно возлагают вину за провал этой операции на Кутузова.

Вина Кутузова не была новостью и для Александра. Для него вообще ни один промах Кутузова не остался незамеченным. В отчаянии от перманентных неудач и катастроф он писал фельдмаршалу: «С крайним сетованием, вижу я, что надежда изгладить общую скорбь о потере Москвы пресечением врагу возвратного пути совершенно исчезла. Непонятное бездействие ваше после счастливого сражения перед Тарутином, чем упущены те выгоды, кои оно предвещало, и ненужное и пагубное отступление ваше после сражения под Малым Ярославцем уничтожили все преимущества положения вашего, ибо вы имели всю удобность ускорить неприятеля в его отступлении».

И мотивы позорного, чтобы не сказать предательского поведения Кутузова на Березине читались Александром совершенно ясно. Он понимал «стратегический замысел» фельдмаршала – тот хочет направить удар наполеоновской армии на Чичагова и Витгенштейна. Пусть Наполеон разобьет их, а Кутузов даже не пошевелится, чтобы помочь своим! Тарле, готовый облизывать Кутузова, про этот эпизод пишет следующим образом: «Когда ударил решительный час, когда очередной акт великой всемирно-исторической драмы начал разыгрываться на берегах Березины, Кутузов поступил именно так, как того боялся Александр…»

Кутузов поступил так, несмотря на недвусмысленное предупреждение царя: «…напоминаю вам, что все несчастья, от сего (предательского поведения Кутузова. *– А. Н.)* проистечь могущие, останутся на личной вашей ответственности». Какие несчастья имеет в виду царь? Об этом одинаково пишут такие стоящие на разных позициях историки, как Тарле и Понасенков.

Тарле: «Этим… несчастием, происшедшим оттого, что Наполеон ушел из России, оказались впоследствии и весь 1813 год, более кровавый, чем 1812, и 1814, и 1815 годы».

Понасенков: «Провалив операцию, Кутузов обрек русскую армию на новые жертвы в заграничных походах 1813–1814 годов».

Последний исследователь ссылается на слова того же Вильсона: «Ежели Наполеон достигнет Немана с нерассеянными корпусами, с теми подкреплениями, которые он соберет по дороге или получит из Германии, то весьма трудно будет вытеснить его

из польских провинций. Вся кровь, там пролитая, все затруднения, которые России придется испытать, падут на голову фельдмаршала Кутузова».

Обратите внимание, Александр и его английский советник не просто хотят освободить отечество от оккупанта, а продолжить ту захватническую линию, которую они начали готовить еще в 1811 году – им непременно нужно вторгнуться в Польшу и Европу!..

Но, прекрасно все понимая про Кутузова, Александр ничего поделать с ним не мог, руки его были связаны. Вот как он объяснял свою скованность Вильсону: «Я знаю, что фельдмаршал не сделал ничего, что он должен был сделать… Все его успехи были навязаны ему. Он разыграл некоторые из своих прежних турецких штучек, но дворянство поддерживает его и настаивает на том, что он первенствует в национальной славе этой войны. Через полчаса я поэтому должен дать этому человеку орден Георгия первой степени… Но я не буду просить вас присутствовать при этом, я бы чувствовал себя слишком униженным, если бы вы при этом находились. Однако у меня нет выбора, я должен подчиниться повелительной необходимости. Во всяком случае, я уже не покину вновь мою армию, и поэтому уже не будет дано возможности к продолжению дурного управления фельдмаршала».

В этом мнении русского Александра и англичанина Вильсона поддерживал француз Наполеон, который до самой смерти считал все действия русской армии во время его отступления от Москвы крайне бестолковыми.

…На этом описание печальной кампании 1812 года можно было бы закончить, но оно будет неполным, если я не накидаю еще несколько характерных штрихов.

Вот как русская барышня описывает житье-бытье пленных французов: «Самые многочисленные отряды пленных отправили в Нижний, там их умирает по сотне ежедневно… я не могу хладнокровно думать, что этим несчастным не оказывают никакой помощи, и они умирают как бессловесные животные».

…Ну что сказать? Добр русский народ и великодушен к побежденным.

Про «дубину народной войны» мы уже все поняли, ее практически не было, если под партизанами понимать незаконные вооруженные формирования, состоящие из гражданских лиц. Во всяком случае, на мужиков-партизан французы в своих мемуарах не жаловались. А вот регулярные части – летучие отряды казаков – кружили вокруг отступающей наполеоновской армии и вели себя как вороны-падальщики, совершая периодические налеты на ослабленных и отстающих.

Вместе с наполеоновской армией из Москвы во множестве ушли гражданские лица с семьями – с женами, детьми. В основном это были постоянно жившие в Москве иностранцы, опасавшиеся мести вернувшихся русских.

«Казаки, постоянно рыскавшие вокруг нас, – писал один из участников похода, – осмеливались иногда врываться, хватая на лету добычу. Один поляк, артист, которого я знал по Москве, во время такого нападения был схвачен и убит на глазах своей семьи. Несчастной супруге удалось убежать, но она сошла с ума от этой ужасной сцены, а их ребенок умер от голода и холода. Потеря рассудка дала ей новые силы: она шла за армией, и все видели, как несчастная безумная мать несла на руках охладевший труп своего ребенка».

Кстати, похожая картина открылась перед взором Мартоса – офицера из частей Чичагова на Березине. Армия Наполеона переправиться успела. А вот следовавшие за ней гражданские и отставшие солдаты – нет: на них напали казаки. Мартос вспоминал: «Невольный ужас овладел нашими сердцами. Представьте себе широкую извилистую реку, которая была, как только позволял видеть глаз, вся покрыта человеческими трупами; некоторые уже начинали замерзать. Здесь было царство смерти, которая блестела во всем ее разрушении… Первый представившийся нам предмет была женщина, провалившаяся и затертая льдом; одна рука ее отрублена и висела, другой она держала грудного младенца. Малютка ручонками обвился около шеи матери; она еще была жива, она еще устремляла глаза на мужчину, который тоже провалился, но уже замерз; между ними на льду лежало мертвое дитя… Никогда сии картины не изгладятся из моей памяти».

…Ну что сказать? Казаки – герои!..

Среди таких геройских налетчиков был и Денис Давыдов. Однажды его отрядику довелось увидеть самого Наполеона в окружении старой гвардии. Эта сцена врезалась в память Давыдова надолго!

«Я никогда не забуду, – писал он, – свободную поступь и грозную осанку сих, всеми родами смерти испытанных воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля. Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских… Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки устремлялись на неприятеля, но все было тщетно. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми

усилиями нашими, оставались невредимы; колонны двигались одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством. Гвардия с Наполеоном прошла посреди казаков наших, как 100-пушечный корабль между рыбачьими лодками».

…Ну что сказать? С гвардией воевать – это не отставших обмороженных инвалидов и женщин шашками сечь.

«Но ведь в конечном итоге мы все равно победили!» – скажут любители патриотизма. А победили ли? И мы ли?..

Что выиграла Россия, не подписав мир с Наполеоном? Была спасена Москва? Нет. Она была уничтожена, несмотря на все старания французов спасти ее.

Быть может, крестьяне получили долгожданную свободу от своего царя? Нет. Мужики, которые, как и сталинские рабы после 1945-го, тщетно надеялись на смягчение режима после войны, вернулись, по выражению Александра, в «первобытное состояние».

Сохранилась сырьевая направленность российской экономики, а собственное производство, за развитие которого ратовал Сперанский для обеспечения замены английских товаров (чему объективно помогала континентальная блокада), получило толчок в противоположную сторону.

Страна на полвека свалилась в реакцию и антилиберализм (то есть в отсталость), что в дальнейшем привело к поражению России в Крымской войне против всей Европы, которую мы так старались освободить. А от чего освободить? От Наполеоновского кодекса? От свободы личности и равенства сословий? Хотели вернуть Европу в «первобытное состояние»? Вернули. Но у Европы уже была наполеоновская прививка. И потому побежденная Наполеоном Европа сделала рывок вперед. А непобежденная Россия осталась на месте и в диком одиночестве (или в одиночестве дикости – кому как нравится).

К середине XIX века Россия настолько отстала от цивилизованного мира, что они просто перестали понимать друг друга. В результате российская неадекватность требованиям современного мира сплотила против нее почти всю Европу, начиная от правительств и заканчивая самыми прогрессивными на тот момент оппозиционерами правительств – демократами и социалистами. Даже Карл Маркс говорил об опасности российской экспансии и желал России поражения.

Любопытный фактец. Французский историк середины позапрошлого века Мишле, анализируя ментальное и экономическое состояние России, предупреждал о мессианских идеях, царящих в России, предрекал возникновение в России

«социалистических тиранов» и обращался к Европейскому конгрессу с призывами объединиться против них.

Короче говоря, полувековое экономическое и социальное торможение России не только привело к поражению в Крымской войне, но и к половинчатой реформе крепостного права, и, как следствие, – к революции 1917 года. В результате которой блистательно сбылось предсказание Мишле. Народ России снова был закрепощен, а угроза вновь нависла над Европой.

Так что в 1812 году победило рабство. А Россия проиграла. Но она бы выиграла мир, проиграв эту войну.

– Зато мы освободили Европу! – не унимаются патриоты. Нужно же чем-то утешаться.

Действительно, в упрек Наполеону часто ставят его «угнетение» Европы. А я вам так скажу: угнетал царь Александр своих крепостных рабов. А в цивилизованной Европе отношения между людьми и странами были совершенно другими. У нас до сих пор это плохо себе представляют в силу все той же отсталости. Швед Армфельд так писал о России той поры: «Страна эта отстала от остального мира; русские чиновники – это собрание медведей или полированных варваров. Фридрих II говорил, что Швеция на сто лет отстала от века; Россия, по-моему, отстала на тысячу лет. В России не существует законов, которым подчинялись бы».

А вот в Европе законы были… Если помните, Наполеон хотел ликвидировать Пруссию как государство, но, сжалившись, оставил ее на карте мира. При этом его войска – войска оккупантов! – которые стояли на территории помилованной Пруссии, должны были платить правительству Пруссии за свое размещение на его территории. Несмотря на то что были победителями. Правовая система!..

Наполеон завоевал Испанию. В которую еще во время революции попали национальные реликвии Франции – бриллиант Санси и другие драгоценности французской короны. Наполеон пишет: «Я был бы вправе просто взять эти бриллианты, но я хочу выкупить их по цене стоимости. Поручите Лафоре переговоры об этом…»

Во время очередной войны с Австрией французские солдаты, промокшие под дождем, развели в деревне огонь. В результате случайно загорелся дом местного бюргера. Наполеон заявил виновным солдатам и офицерам: «Вы заплатите за этот дом! Сам я дам шестьсот франков, а вы отдадите ваше дневное жалованье. И пусть деньги будут немедленно переданы владельцу дома».

Наполеона также обвиняли в беспредельной тирании и жестокости. В качестве иллюстрации «тиранства» приводили, в

частности, пример с модисткой Жозефины. Дело в том, что финансовые дела Жозефины были в полном беспорядке. Она была вечно всем должна – портным, ювелирам и проч. Наполеон постоянно расплачивался по ее долгам. Желая положить конец необузданным тратам и подозревая всю эту публику в мошенничестве с ценами, он запретил некоей модистке появляться во дворце. Та, будучи приглашаема Жозефиной, на мнение Наполеона наплевала и посещала дворец все так же часто. Выведенный из себя Наполеон отдал приказ задержать модистку. Женщина провела несколько часов под арестом, после чего ее отпустили. И этим арестом Наполеона потом попрекали, говоря, что революция сделала подобного рода действия со стороны власти незаконными…

Или вот еще пример безудержной наполеоновской тирании. При ремонте замка Сен-Клу один из производителей поставил плохо окрашенные обои. Что сделал с ним «безудержный тиран»? Отрубил голову?.. Четвертовал?.. Наполеон подал на него в суд.

…Так что по сравнению с русским самодержавием наполеоновская диктатура была «диктатурой-лайт».

Часть VII ЖИВЕШЬ ТОЛЬКО ДВАЖДЫ

Видит бог, мы не были
поколением, созданным для покоя.

Наполеон

Наполеон – математик и гроссмейстер. Поэтому он без эмоций проанализировал ошибки 1812 года, решив: «Я ошибся не в цели или политической уместности этой войны, а в способе ее ведения. Если бы я остался в Витебске, Александр был бы сейчас у моих ног».

Да, 600-тысячную армию, практически в ноль растворившуюся на просторах России, жаль, конечно. Но это не смертельная катастрофа, учитывая, что не все шестьсот тысяч были французами: значительную долю составляли малонадежные союзники, а это – ничтожная потеря. Ничего, он поедет во Францию, объявит мобилизацию, наберет, вооружит и обучит еще одно 300-тысячное войско, вернется в Польшу, и «русские дорого заплатят за свои успехи, которыми они обязаны не себе, а природе».

Хладнокровный анализ ситуации и ошибок был характерен для математичного Наполеона. Но Европа состояла не из математиков! Поэтому неуспех Наполеона в России возбудил надежды – в Пруссии и Австрии вновь подняли голову реваншисты.

Если попытаться сформулировать, почему в конечном итоге Наполеон проиграл, я назову вам только одну, но вполне достаточную для проигрыша причину – дефицит демографических ресурсов.

Франция проглотила слишком большой кусок. Цивилизуя Европу путем ее постепенного захвата в ходе вынужденных войн, Франция расплачивалась за это самым ценным, что у нее было, – гражданами. Точно так же, как когда-то цивилизовали ойкумену римляне, платя за распространение культуры своими жизнями.

Каждая война уносила десятки и сотни тысяч жизней молодых цивилизаторов. Двадцать последних лет Франция воевала, теряя молодых мужчин, и вот мобилизационные ресурсы начали показывать дно. Уже набирая солдат на войну 1812 года, Наполеон начал испытывать некоторые трудности. В 1813 году Наполеон снизил возраст призыва на год, потом еще на год. Это и

было началом конца. Увидев, что у Наполеона воюют мальчишки, новая антифранцузская коалиция поняла: осталось немного.

Летом 1813 года австрийский министр Меттерних сказал Наполеону: «Я только что прошел мимо ваших полков, ваши солдаты – дети. Вы произвели несколько преждевременных наборов и призвали в войска едва сформировавшиеся возрасты. Когда и это поколение будет уничтожено нынешней войной, кого вы будете призывать?»

Он был прав: Франция выставила свой последний резерв – детей. Меттерних не учел лишь одного: этими безусыми мальчишками командовал Наполеон.

Глава 1 ВРАГ У ВОРОТ

Едва прибыв из России в Париж, Наполеон произвел досрочный набор новобранцев и получил 140 тысяч юных призывников. Он пополнил их сотней тысяч солдат так называемой национальной гвардии, которая использовалась для охраны порядка внутри страны. Кроме того, когда Наполеон уходил в Россию, в подвассальных ему территориях тоже стояли французские гарнизоны общим числом до 230 тысяч. Плюс те 30 тысяч, что он вывел из России. Кое-что набирается. И совсем немало!

Время обучить новобранцев у Наполеона было, ведь русским тоже надо было восстанавливать свою погибшую армию. Набрав новых солдат, русские наверняка осуществят свой проект 1811 года и полезут в Польшу. Там-то он их и разобьет! Польша – это не Россия! Там совсем другие расстояния, снабжение и климат. Вопрос в другом: не присоединятся ли к России другие страны?

Если русские войска вторгнутся в Пруссию, не дрогнет ли слабовольный прусский король Фридрих-Вильгельм? Не переметнется ли на сторону русских?

А как поведет себя Австрия? Не захочет ли она под шумок забрать обратно то, что когда-то по собственной глупости потеряла? Наполеон с императором Францем, конечно, теперь родственники, но не настолько, чтобы не повоевать при случае.

Так все и случилось. Войска неугомонного Александра вошли в Пруссию, Пруссия примкнула к России. Австрия пока колебалась.

Не дожидаясь, пока к новой коалиции примкнет Австрия, Наполеон весной 1813 года двинулся навстречу врагам. У него было 200 тысяч прекрасно укомплектованных и обученных воинов, и еще столько же готовилось. Дальше пошло, как обычно. Наполеон разбил русских и прусских сначала под Вейсенфельсом, потом под Лютценом и подошел к Дрездену.

Обескураженные таким поворотом событий союзники, которые (в особенности Александр) в самых сладких снах мечтали сковырнуть Наполеона с трона, теперь предложили ему мир на следующих условиях: союзники оставляют Наполеону всю его империю, но пусть он откажется от Варшавского герцогства, Рейнского союза, ганзейских городов и еще кое-чего по мелочи. Среди этих «мелочей» была Иллирия, которую просила отдать ей Австрия – в обмен на свое невступление в войну. Вот так вот…

Наполеон понимал: если он сейчас уступит, то рано или поздно со стороны союзников всплывут новые требования

территориальных уступок, потому что каждая территориальная уступка делает их сильнее. (И он был прав, чуть ниже мы увидим, как растут аппетиты и требования союзников.) Особенно Наполеон был возмущен позицией Австрии, которая практически шантажировала Францию: или отдайте Иллирию, или мы ударим вам в спину, присоединившись к врагам Франции!

Это понимание ситуации Наполеон высказал в беседе с австрийским представителем: «Я не желаю вашего вооруженного посредничества, потому что вы хотите половить рыбку в мутной воде. Вы начнете с Иллирии, а потом потребуете у меня Венецианскую область, потом Милан, и в конце концов заставите меня сражаться с вами. Так давайте начнем с этого, а не закончим!»

В чем в чем, а в логике Наполеону не откажешь. Его встречные предложения были непрошибаемыми: давайте вообще прекратим воевать и выдвигать друг другу территориальные претензии!.. Уже двадцать лет воюем, сколько ж можно? Пусть каждый владеет тем, чем он владеет. Да и с чего вдруг у союзников возникли к Французской империи какие-то территориальные претензии? Только из-за того, что в 1812 году наполеоновская армия погибла от морозов в России? Какая связь?.. Ах, вы не хотите мира? Получите войну!

…Заметьте, кто был инициатором этой войны – Россия! Пруссия же примкнула к ней поневоле – только потому, что русские войска оккупировали Пруссию.

После этой неудачной попытки мирных переговоров Наполеон вышел из Дрездена и разбил союзников под Бауценом.

От Бауцена Наполеон погнал русских-прусских к Берлину, и союзники вновь решили предложить ему перемирие. Дело в том, что Наполеон так сильно потрепал войска союзников, что Барклай де Толли прямо заявил Александру: армии нужны передышка и подкрепления.

Перемирие было заключено, причем обе стороны воспользовались ею для подтягивания резервов. После чего разборки вновь продолжились, только на этот раз к союзникам присоединилась Австрия, которой ну очень хотелось Иллирию!.. Теперь силы антифранцузской коалиции превышали силы Наполеона. У Наполеона вместе со всеми резервами было под ружьем 550 тысяч человек, а у союзников – 850 тысяч. Да еще союзникам деньгами помогала Англия.

Однако союзники, несмотря на такое впечатляющее численное превосходство, все равно побаивались Наполеона. Поэтому выписали из Америки бывшего французского генерала Моро. Генерала позвали в надежде на его военные таланты,

которыми он когда-то блистал. Дело в том, что Моро после революции отлично воевал с интервентами и славился победами на всю Францию. Но потом судьба сыграла с ним злую шутку. Моро был ярым республиканцем и, по мере продвижения Наполеона к власти, все больше вставал в оппозицию к нему, закончив участием в очередном заговоре против Бонапарта. Поскольку Моро не был основной фигурой заговора, а был фигурой второстепенной, суд приговорил его всего к двум годам лишения свободы, после чего генерал был за былые заслуги прощен, точнее говоря, отсидку ему заменили высылкой из страны. Так он и оказался в Америке, откуда в 1813 году прибыл по приглашению Александра воевать с Наполеоном.

Пригласили его, повторюсь, за военные таланты, которые многими почитались едва ли не равными наполеоновским. И знаете, какой первый совет дал Моро союзникам? «Никогда не нападайте на те войска, которыми командует сам Наполеон. Нападайте на его маршалов. Там у вас хоть какие-то шансы есть…»

Показательный момент. Вот вроде бы Моро был всю жизнь республиканцем, через что, в общем-то, и лишился родины. А Наполеон был императором. Но когда один попавший в плен старый французский солдат увидел в русском тылу генерала Моро, то плюнул в его сторону и воскликнул: «Да здравствует республика!» Как видите, у простого француза не было сомнений, «кто есть ху», и кто за что сейчас воюет – кто за идеалы революционных свобод, а кто на стороне Бурбонов. Как не было таких сомнений и у всех остальных солдат наполеоновской армии, даже безусых юнцов, которые родились после революции и Бурбонов не помнили. Они воевали за Францию, на которую надвигалась огромная туча.

Очередная битва между Наполеоном и союзниками состоялась под Дрезденом. Наполеон ее выиграл. А невезучий Моро в этой битве был смертельно ранен ядром французской пушки. И только перед смертью до Моро вдруг дошло. Умирая, он вспомнил плюнувшего в него французского солдата и воскликнул: «Как! Мне, Моро, умереть среди врагов Франции от французского ядра!»

Похоронен Моро в Санкт-Петербурге.

Кстати, чтобы не отходить далеко от этих молниеносных наполеоновских побед, следовавших одна за другой, подобьем их «демографические» итоги. За победу под Лютценом Франция заплатила 20-ю тысячами жизней, за победу под Бауценом – 15-ю тысячами, под Дрезденом погибло 10 тысяч французов. Для сравнения: союзники потеряли под Дрезденом 25 тысяч, но их

совокупные мобилизационные ресурсы в сравнении с ресурсами Франции были практически неисчерпаемыми. Союзники могли годами терпеть поражение за поражением, пока во Франции просто не кончились бы люди. Они это понимали, видя мальчишек, которые шли в бой и погибали под французским триколором.

Наполеон велел призвать еще 280 тысяч человек. Призвали. При этом половина из них по закону должна была призываться только через два года, то есть это были совсем почти дети. И их еще нужно было обмундировать, вооружить и обучить. А война уже шла, и наполеоновская армия таяла от победы к победе.

13 октября 1813 года состоялась так называемая «битва народов» под Лейпцигом. На стороне антифранцузской коалиции бились русские, пруссаки, австрийцы. А у Наполеона, помимо французов, воевали поляки, голландцы, итальянцы, бельгийцы, саксонцы и прочая мелочь. Людей у Наполеона было 155 тысяч, у союзников 220 тысяч. После первого дня боя союзники потеряли 40 тысяч человек, Наполеон 30 тысяч. Первый день битвы ничего не решил. К вечеру сражение утихло. А затем к союзникам подошло подкрепление – 110 тысяч человек. И к Наполеону подошло подкрепление – 15 тысяч. Больше ему взять было неоткуда.

Теперь у противника было двукратное преимущество. Утром разгорелся бой, в разгар которого случилось неожиданное: саксонская армия прямо во время битвы перешла на сторону противника. Причем не просто перешла, а прямо с тех позиций, которые они занимали, саксонцы, развернув пушки, начали в упор стрелять по своим, то есть по французам. Но ни двойное численное преимущество, ни предательство саксонцев не помогли союзникам победить. Второй день боя окончился вничью. Наполеон и в этой практически безнадежной ситуации сумел каким-то чудом удержать позиции. Но третий день неминуемо должен был закончиться катастрофой для французов. Поэтому ночью Наполеон снял войска с позиций и увел к Рейну – у него уже нечем было воевать: на день боя нужно было примерно 70 000 снарядов, а у французов оставалось только 16 000 – на пару часов стрельбы…

Так закончилась кампания 1813 года. Война подобралась к границам демографически истощенной Франции, где в иных департаментах сельскохозяйственную работу выполняли уже только женщины и дети.

Наполеон признался, выступая в сенате Франции: «У меня были громадные планы… Я ошибся: эти проекты не были соразмерны с численной силой нашего населения…»

Глава 2 СВОБОДНАЯ ФРАНЦИЯ

После Лейпцига союзнички воспряли духом и выдвинули Наполеону новые, на сей раз более жесткие условия мира: Наполеону остается только Франция в границах 1801 года. Подозрения Бонапарта о том, что аппетиты союзников будут только расти, как видите, подтверждались. Поэтому он решил воевать против интервентов до конца, сказав: «Нас победили между Эльбой и Рейном в результате предательства. Но между Рейном и Парижем предателей не будет».

И он был прав. Несмотря на огромную усталость от бесконечных войн, французы были настроены весьма решительно. Их любовь к Наполеону и ненависть к Бурбонам была такой, что даже крепостник Александр засомневался: а стоит ли восстанавливать во Франции старые порядки, сажать на трон Бурбонов? Может быть, лучше передать трон трехлетнему сыну Наполеона или даже превратить Францию в республику?.. Революция отгремела двадцать лет назад. За это время выросло и вступило в экономическую жизнь целое поколение, которое не знало иных правил игры. Франция стала современной страной, и восстановить старые порядки означало просто разрушить прекрасно функционирующий социальный организм.

В январе 1814 года войска антифранцузской коалиции перешли Рейн и вторглись в пределы Франции. Наполеон снова выехал на войну.

Как вы заметили, я в этой книге довольно часто цитирую сталинского сокола, историка Евгения Тарле. Не столько потому, что он считается одним из самых знающих специалистов по истории Франции того периода, сколько по причине его литературных способностей. Тарле писал не как историк, то есть скучно и занудно, а как настоящий писатель (типа меня, ну, может, чуть послабее). Читателя радуют его ироничные замечания и психологически точные зарисовки. А иногда и просто щемящие места. Вот одно из таких мест: «В ночь с 24 на 25 января 1814 года Наполеон должен был вернуться к армии. В случае смерти Наполеона на императорский престол должен был немедленно вступить его трехлетний сын. Наполеон так любил это маленькое существо, как он в своей жизни никого никогда не любил. 24 января Наполеон весь день провел у себя в кабинете за срочными делами, которые нужно было устроить перед отъездом на эту решающую войну, перед грозной боевой встречей со всей Европой, поднявшейся против него. Ребенок со своей деревянной лошадкой был, как всегда, около отца, и так как ему, по-

видимому, надоело наблюдать возню Наполеона с бумагами, он стал дергать отца за фалды сюртука, требуя внимания. Но наступил вечер, и его унесли спать. В три часа утра дежурившая в эту ночь в детской спальне няня увидела вошедшего потихоньку Наполеона, не знавшего, что за ним наблюдают. Войдя, он неподвижно постоял у кровати спавшего ребенка, долго глядел на него, не спуская глаз, и вышел. Через минуту он уже был в экипаже и мчался к армии. Больше он уже никогда не видел своего сына».

Хорошо пишет Тарле… Почитайте его. Но, читая Тарле, нужно не забывать вносить поправку на время, в которое он писал, и главного цензора, под чьим чутким руководством он делал свои выводы.

Расклад сил был таким: у Наполеона под ружьем 47 тысяч человек, у интервентов – 230 тысяч плюс еще почти столько же спешило из их стран на подмогу. Однако части интервентов были рассредоточены, чем и воспользовался Наполеон. Сначала он разбил армию Блюхера, выкинув ее из Сен-Дизье. Затем он рванул навстречу русскому корпусу и разбил его под Бриенном, там, где он учился в юные годы. Бой был столь горячий, что в один из моментов Наполеон был вынужден лично отбиваться своей шпагой от казаков.

У Шампобера Наполеон еще раз разбил русских, которые снова отступили. На следующий день он молниеносно переместился к городку Монмирайлю, где разбил русско-прусские соединения. Союзники бежали с поля боя. Развернувшись, Наполеон подскочил к Шато-Тьери, где располагалось почти 30-тысячное русско-прусское войско. И разгромил его. Разгром был бы убийственным, если бы к месту битвы не опоздал наполеоновский маршал Макдональд… Его стареющие маршалы потеряли скорость. Наполеон же – ничуть! Едва покончив с этим делом, он метнулся к Вошану, настиг там Блюхера, успевшего зализать раны, и отбросил его с огромными (для Блюхера) потерями.

Еще два подобных молниеносных разгрома повергли союзников в состояние глубокой задумчивости, и они запросили перемирия. И мудрено было не впасть в задумчивость! Союзники знали, что империя Наполеона висит на волоске, и как бы ни был он велик, не может все вечно держаться на плечах одного человека. Когда-нибудь это непременно должно кончиться. Тем более что воевать-то Наполеону уже почти не с кем, мобилизационный черпак скребет по дну…

Все это было правдой. Но эта правда упорно не хотела сбываться! Все было против Наполеона. А он все побеждал и

побеждал. Побеждал в безнадежных ситуациях, побеждал с 16-летними мальчишками.

Казалось, его вот-вот прихлопнут под Бар-сюр-Оби, где союзники сконцентрировали 122-тысячную армию против 30 тысяч у Наполеона. Перевес сил вчетверо!.. Наполеон принял бой, остановил эти армады, после чего перешел реку Об, взорвал за собой мосты и занял город Труа.

На предложение союзников о перемирии Наполеон не согласился (к чему давать врагам передышку?), и тогда союзники сделали ход конем. Вместо того чтобы бегать за Наполеоном и от Наполеона по всей стране, они двинулись к столице и заняли Париж.

Быстрым рейдом русская армия прошла до Парижа, который защищать было практически некому. Перед самым городом русский авангард наткнулся на спокойно марширующие французские части маршалов Мортье и Мормона, которые совершали передислокацию. Французы были шокированы внезапным появлением противника, но позади была столица, командовал ими не Кутузов, и французские части из маршевых колонн попытались с ходу перестроиться в боевые каре. Увы, в этих частях находились только плохо обученные мальчишки, за плечами которых не было еще ни одного боя. Дети смешались и толком выстроить боевые порядки не смогли. И тут русская кавалерия проявила себя во всем блеске. Здоровенные усатые кирасиры врубались в ряды худосочных мальчишек, убивая их своими длинными прямыми палашами, а те отчаянно пытались сопротивляться, стараясь держать ряды, как им объясняли офицеры, и отбиваясь погнутыми от ударов палашей штыками.

Долго это продолжаться не могло. Вскоре ряды их дрогнули, и мальчишки побежали, преследуемые кирасирами и казаками, которые мчались за бегущими детьми и рубили их палашами и шашками. К чести Александра надо сказать, что даже он не выдержал и велел прекратить эту бессмысленную бойню. А потом, оглядев этих взятых в плен «солдат», махнул рукой и отпустил детей по домам, к родителям.

И тут весьма своевременно осветить вопрос, как вообще вели себя союзники в оккупированной Франции. На это счет есть два мнения.

Первое мнение гласит, что русские оккупанты вели себя не в пример добрее прусских и австрийских: «Пройдитесь по департаментам Франции, где чужеземное вторжение оставило свой след в 1814 году, и спросите жителей этих провинций, какой солдат в отрядах неприятельских войск постоянно выказывал величайшую человечность, высочайшую дисциплину,

наименьшую враждебность к мирным жителям, безоружным гражданам, – можно поставить сто против одного, что они назовут вам русского солдата». Это утверждение совпадало с мнением самих французов: «Русские заслужили своим поведением благосклонность жителей, говоривших, что они предпочли бы поселить трех из них вместо одного баварца».

Шатобриан писал: «80 тысяч солдат-победителей спали рядом с нашими гражданами, не нарушая их сна и не причиняя им ни малейшего насилия… Это освободители, а не завоеватели…»

Но есть и другое мнение. Эрнест Лависс в своей «Истории XIX века» свидетельствует: «В захваченных неприятелем департаментах беззакония союзников, насилия казаков и пруссаков возбудили страстную жажду мести. Обессиленная Франция сначала встретила нашествие без возмущения; она была почти равнодушна к отвлеченной идее оскорбленного отечества. Чтобы пробудить в ней патриотизм, потребовался грубо-материальный факт иностранной оккупации, со всеми сопутствующими ей невзгодами: реквизициями, грабежом, изнасилованием женщин, убийствами, поджогами. Занятые союзниками провинции были буквально разорены реквизициями. Труа, Эпернэ, Ножан, Шато-Тьерри, Санс и свыше двухсот других городов и селений были вконец разграблены. „Я думал, – сказал однажды генерал Йорк своим бригадирам, – что имею честь командовать отрядом прусской армии; теперь я вижу, что командую только шайкой разбойников“.

Когда вечером после победы, или на другой день после поражения, или просто после какого-нибудь маневра казаки или пруссаки проникали в город, село или усадьбу, там начинались всяческие ужасы. Они не только искали добычи; им было по душе сеять скорбь, отчаяние, разорение. Они валились с ног от вина и водки, их карманы были полны драгоценных вещей (на трупе одного казака нашли пять пар часов), их ранцы и кобуры были до отказа набиты всяким добром, следовавшие за их отрядами повозки были нагружены мебелью, статуями, книгами, картинами. Но и этого им было мало; не имея возможности все увезти, они уничтожали то, что им приходилось оставить, – разбивали двери, окна, зеркала, рубили мебель, рвали обои, поджигали закрома и скирды, сжигали сохи и разбрасывали их железные части, вырывали плодовые деревья и виноградные лозы, складывали для потехи костры из мебели, ломали инструменты у рабочих, бросали в реку аптечную посуду, выбивали днища у бочек с вином и водкой и затопляли подвалы.

В Суассоне было сожжено дотла 50 домов, в Мулене – 60, в

Мениль-Селльере – 107, в Ножане – 160, в Вюзанси – 75, в Шато-Тьерри, Вельи и Шавиньоне – по 100 с лишним, в Атьи, Мебрекуре, Корбени и Класи – все дома до единого. Соблюдая заветы Ростопчина, казаки всюду прежде всего приводили в негодность пожарные шланги. Яркое зарево освещало сцены, дикость которых не поддавалась описанию. Мужчин рубили саблями или кололи штыками; раздетых догола, привязанных к ножкам кровати, их заставляли смотреть, как насиловали их жен и дочерей; других истязали – секли или пытали огнем, пока они не указывали, где спрятаны деньги. Приходские священники в Монландоне и Роланпоне (Верхняя Марна) были замучены насмерть, В Бюси-ле-Лон казаки сунули в огонь ноги некоего Леклерка – слуги, оставшегося сторожить господский дом; а так как он все еще упорно молчал, то они набили ему рот сеном и зажгли. В Ножане несколько пруссаков едва не разорвали на части суконщика Обера, растягивая его за руки и ноги, и только благодетельная пуля прекратила его мучения. В Провене бросили ребенка на горящие головни, чтобы выпытать у матери, где она спрятала ценные вещи. Алчность и разврат не щадили ни малых, ни старых. У восьмидесятилетней женщины на пальце было кольцо с бриллиантом; кольцо было тесно; удар саблей – и палец отлетел. Насиловали семидесятилетних старух, двенадцатилетних девочек. В одном только округе Вандёвр насчитали 550 человек обоего пола, умерших от истязаний и побоев. Замужняя крестьянка, некая Оливье, после того как казаки надругались над нею, не снесла, подобно Лукреции, позора и утопилась в Барсе».

Конечно, начальство пыталось как-то пригасить эти зверства. И Александр обращался к солдатам с призывами не зверствовать. И простоватый атаман Платов предупреждал своих станичников: «Обывателям города Парижу никакой обиды не чинить, наипаче не обижать ихних мадамов и мамзель, кроме как если по взаимному согласию. Помнить, что мы присяжные казаки русского императора, войско благородное и цибулизованное». От слова «цибуля», наверное…

Но насколько начальникам удавалось сдерживать раж подчиненных?.. Я думаю, что читателю при выборе из противоречивых точек зрения и выработке какого-то самостоятельного мнения нужно еще вспомнить слова Александра о «бесчинствах» кутузовской армии в Валахии и даже в России, которая подверглась ужасающему разграблению собственными казаками в 1812 году.

Кроме того, для полноты картины предлагаю не ограничиваться только недавним (от 1814 года) прошлым, но и

заглянуть в будущее. Поднимемся над временем, так сказать, окинем взором эпохи. Перенесемся в конец Второй мировой войны. Тем паче что Сталин сравнивал себя с Александром, а своих солдат тоже называл освободителями… Как же вели себя русские освободители в Европе при Иосифе Грозном?

Вот как виденное своими глазами описал бывший комендант Кенигсберга Отто фон Ляш:

«Отдав последний приказ войскам – о сборе подразделений и сдаче оружия, – я вместе с частью своего штаба и группой командиров должен был начать свой тернистый путь в русский плен. Уже по дороге к первому командному пункту одной из русских дивизий мы вкусили кое-что из того, что ожидало нас в „почетном“ плену. Хотя мы шли в сопровождении русских офицеров, неприятельские солдаты все время пытались, и не без успеха, отнять у нас или у наших солдат то часы, то чемодан, то что-либо из одежды. Русские офицеры оказались не в состоянии справиться со своими подчиненными. Из множества воспоминаний о марше в плен приведу здесь одно, наиболее выразительное.

Дома горели, чадили. Мягкая мебель, музыкальные инструменты, кухонная утварь, картины, фарфор – все это было выброшено из домов и продолжало выбрасываться. Между горящими танками стояли подбитые автомашины, кругом валялась одежда и снаряжение. Тут же бродили пьяные русские. Одни дико стреляли куда попало, другие пытались ездить на велосипедах, но падали и оставались лежать без сознания в сточных канавах с кровоточащими ранами, полученными при падении. В дома тащили плачущих, отбивавшихся девушек и женщин. Кричали дети, зовя родителей… А мы шли все дальше и дальше. Перед нашими глазами представали картины, описать которые невозможно. Придорожные кюветы были полны трупов. Мертвые тела носили следы невообразимых зверств и изнасилований. Валялось множество мертвых детей. На деревьях болтались повешенные – с отрезанными ушами, выколотыми глазами. В разных направлениях вели немецких женщин. Пьяные русские дрались из-за медсестры. На обочине шоссе под деревом сидела старуха, обе ноги у нее были раздавлены автомашиной. Горели хутора, на дороге валялся домашний скарб, кругом бегал скот, в него стреляли, убивая без разбора. До нас доносились крики взывающих о помощи. Помочь мы ничем не могли. Из домов, подняв в молитве руки, выходили женщины, русские гнали их назад и стреляли в них, если те уходили не сразу. Это было ужасно. Такого мы не могли даже предполагать.

Сапог ни у кого уже не было, многие шли босыми. Раненые, о

которых никто не заботился, стонали от боли. Со всех сторон в колонну военнопленных протискивались русские солдаты, отбирая у кого шинель, у кого фуражку или бумажник с его жалким содержимым. Каждый хотел чем-нибудь поживиться. „Уры, уры!“ (часы) – кричали они».

…Помните убитого в 1814 году казака, на трупе которого нашли пять штук часов? Как видите, за полтораста лет не растерял русский солдат любви к часам! Наверное, несчастлив русский солдат. Счастливые ведь часов не наблюдают. Да и прочими шмотками русские «зольдаттен унд унтер-официрен» не брезговали. А о том, как успешно русским полководцам удавалось сдерживать пыл подчиненных, читаем у того же Отто фон Ляша:

«За машиной, на которой мы ехали, следовал грузовик с нашим багажом и нашими денщиками. Грузовик этот отстал, якобы из-за поломки, а потом попросту повернул назад, в Кенигсберг. В железнодорожных мастерских города русские начисто обобрали наших солдат и растащили весь наш багаж. После моего энергичного протеста в дело вмешался сам маршал Василевский, пытаясь вернуть нам вещи. Этого ему сделать не удалось… Моего верного денщика Ханса Яблонку русские офицеры обрабатывали в течение нескольких часов, принуждая к признанию, что он сам взял эти вещи, но Ханс не поддался никаким угрозам».

…Полагаю, зверства, подобные описанным, – обратная сторона рабства. Бесправный царский рекрут в смысле несвободы ничем не отличался от бесправного сталинского раба. По всем законам психологии, если человека все время давить и превращать в ничтожество, в затравленного зверя без чувства собственного достоинства, при первой же возможности это вылезет из него самым страшным образом. И вся злоба и ненависть, забитые в него ГУЛАГом или шпицрутенами, выльются на тех, кто не может себя защитить. Власть рабов и подонков страшна.

Узнав о взятии Парижа, Наполеон воскликнул: «Великолепный шахматный ход!» После чего на четверть часа задумался и изложил приближенным план освобождения столицы. План, как и все наполеоновские придумки, был хорош, но его маршалы настолько были потрясены взятием Парижа, так не хотели больше воевать, настолько не верили в конечную победу, что не поддержали его. Еще перед началом этой кампании, не видя былого огня в их глазах, Наполеон упрекал своих маршалов: «Я зря сделал вас богачами! Теперь вы не хотите воевать, а только гулять по Парижу!» В ответ на что один из маршалов грустно заметил: «Да, сир, хотим. Я в своей жизни

слишком мало гулял по Парижу…»

Двадцать лет сплошных войн, походов, бивуаков, смертей. Они хотели покоя. После того как месяцем ранее Наполеон отругал отяжелевшего 60-летнего маршала Ожеро за какое-то промедление в бою, не позволившее Бонапарту развить успех, Ожеро вздохнул: «Он не понимает, что не все люди – Наполеоны».

И вот теперь, кажется, предел наступил. Наполеон оглядел своих понурых героев, которых он звал освобождать Париж, а они не хотели, помолчал минуту, после чего заявил, что в таком случае он отрекается от престола.

Император тут же написал документ об отречении, макнул перо в чернильницу, занес его над бумагой, но, прежде чем подписать, на мгновение задержался и посмотрел на маршалов:

– А может быть, мы пойдем на них? Мы ведь их разобьем!

Маршалы молчали, отводя глаза. Наполеон подписал бумагу. После чего сказал обрадованным маршалам: «Вы хотели покоя, вы получите его. Но видит бог, мы не были поколением, созданным для покоя. Мир, которого вы желаете, скосит на ваших пуховых постелях скорее и больше людей из нашей среды, чем скосила бы война».

Меж тем союзники сделали то, чего так боялась Франция, – посадили на трон Бурбонов. И это было больше, чем преступление, это была ошибка. На которую бывший император, а ныне гражданин Бонапарт сразу же указал Коленкуру: «Я думаю о Франции. Бурбоны явятся, и бог знает, что последует. Бурбоны – это внешний мир, но внутренняя война. Посмотрите, что они через год сделают со страной».

Он был прав. Через год Франция уже стонала от Бурбонов, однако не будем забегать вперед.

Получив от Наполеона отречение, союзники так обрадовались, что пообещали Наполеону в управление остров Эльба в Средиземном море, а Марии-Луизе – личное владение в Италии. Они были счастливы, потому что понимали: не подпиши Наполеон этот документ, вся бодяга могла затянуться, поскольку армия, в отличие от маршалов, горой стояла за Наполеона. И вся нация стояла за Наполеона.

Один из молодых наполеоновских офицеров, вспоминая 1814 год, говорил о том, как он, в числе других французов, стоял в строю, а к ним обращался Наполеон, призывая защищать родину до последней капли крови: «Никогда! Никогда не изгладится из моей памяти конец его речи, когда, привстав на стременах и протянув к нам руку, он бросил нам слова: „Поклянитесь мне в этом!“ И мне, и всем моим товарищам показалось в эту минуту, что он силой исторг из глубины нашего сердца крик: „Клянемся!

Да здравствует император!“ Сколько мощи было в этом человеке! У нас слезы выступили на глазах, и наши сердца исполнились непоколебимой решимости».

Они шли умирать и были готовы умирать. А в провинции уже начиналась то, чего так и не случилось в России, – настоящая партизанская война против оккупантов. Французские крестьяне брали вилы, поднимались и начинали день ото дня все чаще нападать на отряды союзников. Поэтому союзники и были в таком восторге от благородного жеста Наполеона. Они боялись, что нация может подняться, как поднялась двадцать лет назад, во время революции для борьбы с интервентами… Они опасались, что Наполеон может отнять Париж. А тут вдруг все так чудесно разрешилось!

Император Александр на радостях повел себя как-то странно. Он танцевал с любимой женщиной Наполеона – Жозефиной. Он кормил на пруду любимого лебедя Наполеона… Он разыскал придворного художника Наполеона и заказал ему свой портрет. Он приобрел себе сувениры из личного кабинета Наполеона. Сам будучи ничтожеством, Александр хотел хотя бы через вещи прикоснуться к великому.

Зато русский царь изо всех сил корчил из себя европейца, например, один и без охраны разъезжал по Парижу в коляске, гулял мимо парижских кафе, где парижане обсуждали новости, и так по-свойски, по-простому беседовал с прохожими. Тем более что все кругом говорили на его родном языке (русским Саша, как настоящий российский дворянин, владел хуже французского).

Но не только Александру нравился вольный воздух Франции. Посмотрев, как живут люди в Европе, 40 тысяч (!) русских солдат дезертировали из армии и остались жить во Франции, нанялись батраками, женились (мужиков-то во Франции не хватало). Сорок тысяч! Целая армия!.. Когда потом русский царь попросил выдать беглецов, французское правительство ответило ему, что сделать это невозможно: по непонятной причине все русские наотрез отказались возвращаться в рабство. Вот ведь какие скоты непатриотичные!..

Возмущенный Ростопчин писал жене: «Суди сама, до какого падения дошла наша армия, если старик унтер-офицер и простой солдат остаются во Франции, а из конногвардейского полка в одну ночь дезертировало 60 человек с оружием в руках и лошадьми. Они уходят к фермерам, которые не только хорошо платят им, но еще отдают за них своих дочерей». Тут даже не знаешь, чему больше поражаться – массовости ухода или возмущенному удивлению Ростопчина.

Простой артиллерийский офицер А. Баранович, который

оставил мемуары об этой войне, вспоминал:

«В этом квартировании случился эпизод, небывалый в войске и в летописях истории русских войск. Полковника Засядко денщик, довольно смышленый, вздумал из-под ведомства военнаго освободиться и жить по-французски, пользоваться свободою, убеждая себя, что в настоящее время он не находится в России, под грозою, а в свободной земле, Франции; и в этом намерении совещевался с товарищами, как поступить в этом деле. И, не ожидая их ответа, сам начал действовать, и, пришед к полковнику, сказал: „Отпустите меня! Я вам долее не слуга!“ – „Как? Ты денщик: должен служить, как тебя воинский устав обязует!“ – „Нет, г. полковник, теперь мы не в России, а в вольной земле, Франции, следовательно, должны ею (свободой) пользоваться, а не принужденностью!“ – „Хорошо! На место твое я приищу слугу!“

Об этой случайности полковник Засядко донес генералу Полторацкому, а тот, выслушав, просил объяснить эту случайность рапортом. Получив оный, генерал Полторацкий тотчас нарядил Судную комиссию и денщика отдал под военный суд. Комиссия не замедлила решением его судьбы – обвинила его в дерзком посягательстве сделаться свободным французом… потому мнением своим положила: его, денщика, прогнать через 500 человек один раз шпицрутенами, что было исполнено в виду французов, дивившихся нашей дисциплинарии».

И было чему дивиться! Французы давно уже отвыкли от подобных зрелищ. И вот им, отвыкшим, всучили Бурбонов…

Глава 3 ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

Как я уже говорил, поначалу Александр и союзники колебались: сажать на трон Бурбонов, оставить на троне сына Наполеона с регентшей Марией-Луизой или пусть будет республика? Однако на волне эйфории от взятия Парижа, отречения Наполеона и под давлением оживившихся роялистов было принято решение усадить на престол родственника казненного двадцать лет назад короля. Звали его Людовик-Станислав-Ксавье.

Он сел и начал царствовать.

И Наполеон сел царствовать.

Людовик в Париже, а Наполеон на острове Эльба. Разница в их царствовании была разительной.

…4 мая 1814 года Наполеон сошел с трапа на берег небольшого бедного острова в Средиземном море. Остров имел площадь 223 квадратных километра, три городка и население в несколько тысяч жителей. А Наполеону было всего сорок с небольшим, и он кипел энергией, которой хватало на всю Европу и которая вся излилась на маленький остров, преобразовав его до неузнаваемости.

Жители острова встретили своего нового повелителя с радостью. За несколько дней Наполеон объехал весь остров, осмотрел форты и солеварни, шахты и городки. Он совершил некоторые административные перестановки, учредил апелляционный суд, назначил инспектора мостов и дорог, управляющего государственными имуществами. Организовал таможню и госпиталь, ввел акциз и пошлину на хлеб, построил театр, велел разбить виноградники, начал строить дороги, увлекся акклиматизацией шелковичных червей, расширил пахотные угодья, вымостил дороги в городе и засадил улицы тутовыми деревьями. Через полгода остров преобразился, превратившись из провинциальной дыры во вполне пристойное местечко.

Первое время Наполеон с нетерпением ждал прибытия на остров жены и сына. Но союзники лишили его того, чего ему так не хватало в жизни и что единственное могло его успокоить – семьи. Это было дико, неожиданно и несправедливо. Марию-Луизу с сыном отправили в Вену к ее отцу, императору Францу. При этом Марии-Луизе даже не сообщили, что ее отъезд домой есть ссылка и что она никогда больше не увидит мужа, а сын – отца. Марии-Луизе быстренько подсунули австрийского офицера, придворного развратника, чтобы он украл ее сердце, вытеснив из

него образ Наполеона.

Английский комиссар Кемпбелл рассказывал, что Наполеон срывающимся от волнения голосом говорил ему: «У меня отняли моего сына, как отнимали когда-то детей у побежденных, чтобы украсить этим триумф победителей; в новые времена едва ли можно найти пример подобного варварства». Волнение вчерашнего повелителя мира произвело на Кемпбелла неизгладимое впечатление.

Но это дикое варварство было не единственной подлостью со стороны победителей. По договору Франция должна была предоставить Наполеону определенный годовой доход. Эти деньги не переводились. Собственные деньги Наполеона, которые он вкладывал в благоустройство острова, быстро кончались и пока что не перекрывались доходами от инноваций.

Кроме того, несмотря на шакалью политику мелких укусов, союзники и Бурбоны все еще боялись Наполеона, зная, что он очень популярен во Франции. Поэтому в их среде периодически возникали планы отправки Наполеона на какой-нибудь очень далекий остров, а Талейран, перешедший на сторону Бурбонов, даже вынашивал планы убийства Наполеона «в целях общественной безопасности».

Существовали и другие планы уничтожения отставленной, сосланной, но все еще такой страшной своим величием фигуры. Была, например, идея уничтожить Наполеона руками алжирских корсаров, которые совершили бы набег на остров.

До Наполеона все эти слухи доходили, и он всерьез стал опасаться новых ударов со стороны союзников. А еще он живо интересовался состоянием дел во Франции. В которой творилось то, что он предсказывал.

Так вышло, что вся Франция была недовольна возвращением короля. Были недовольны крестьяне, были недовольны буржуазия, армия, интеллигенция. Были недовольны даже роялисты!.. Когда союзники сажали на парижский трон короля, они понимали настроения французов и потому принудили Людовика дать Франции конституцию, чтобы успокоить общество и оградить французов от настроенческого произвола короля. Пришлось королю, скрепя сердце, перед коронацией присягать нации в том, что он не нарушит конституцию. Это и бесило роялистов: «тиран Европы» Наполеон правил без всякой конституции, а «богоизбранному» государю наложили какие-то ограничения!.. Они не понимали, что возврата в феодальное прошлое уже нет, развившиеся технологии производства требуют для своего функционирования совсем иной социальной конструкции. Да и люди изменились.

Кстати, конституция, навязанная Бурбонам, была неплоха, поскольку весьма либеральна. Она гарантировала вотирование налогов парламентом, свободу печати, свободу совести, а главное – неотменимость продажи национальных имуществ. Иными словами, земли, когда-то конфискованные у феодалов, сведенные в национальный земельный фонд, а затем распроданные фермерам с открытых аукционов, король обещал не отнимать у новых владельцев и не возвращать старым хозяевам, чего страшно боялась вся Франция. Король даже был вынужден сохранить учрежденный Наполеоном орден Почетного легиона, ибо слишком много французов были награждены им и очень его ценили.

Неприятности начались позднее. После прихода к власти «богоизбранного» оказалось, что число людей, пользующихся избирательным правом, резко сократилось по сравнению с прежними временами. Неприятно царапнули французов слова «уступка» и «пожалование», вставленные в подписанную королем хартию. Какие еще уступки и пожалования, если люди от рождения равны и обладают одинаковыми правами?

Еще больше раздражило население оголтелое наступление реакционной поповщины. Духовенство, стараясь наверстать годы своей слабости, теперь, опираясь на власть, накидывало на нацию религиозную удавку. Вышел указ о строгом соблюдении воскресных дней и церковных праздников. Пошли разговоры о том, что свобода совести – это не очень хорошо, и Франция традиционно была католической страной. К тому же, крайне нервируя население, попы начали толкать в церквях злобные речи о том, что купившие сеньорские и церковные земли – грешники и гореть им в аду. Дошло до того, что кое-где в провинции гражданские чиновники назначались уже по рекомендации церкви!

Вернувшиеся дворяне вели себя во Франции, как в завоеванной стране. Были случаи избиений ими крестьян, причем жаловаться в суд теперь было бесполезно. Страну постоянно будоражили слухи о том, что землю у крестьян скоро будут отбирать в пользу помещиков. Парижские власти, вместо того чтобы решительно пресекать эти слухи, способные взорвать страну, напротив, активно их распускали. Об этом постоянно говорили не только священники, но и роялистская пресса. Это было постоянным рефреном и в речах при дворе.

Бурбоны и рады были бы полностью сломать здание, построенное Наполеоном, но оказались внутри него. И обрушить государственное строение могли только себе на голову. Они уже не в силах были отменить ни всеобъемлющий гражданский

кодекс Наполеона, ни структуру государственного управления с министерствами и полицией, ни деление страны на префектуры, ни налоговую систему, ни схему устройства армии, ни систему общественного образования, включающую высшую и среднюю школу. Роялисты жили в этом и ненавидели это, пользовались этим и хаяли это. Понимая, что затевать новый передел собственности – смерти подобно, они тем не менее не могли устоять от соблазна хотя бы поговорить об этом. И говорили публично, будоража страну.

Так что крестьян, составлявших подавляющее большинство населения, пришествие Бурбона на трон радовать никак не могло. Недовольна была и армия. Из-за бюджетных затруднений и тотального недоверия к среднему офицерскому составу король резко сократил армию. Более 20 тысяч (!) офицеров было уволено. На улицы выплеснулась целая армия людей, всех дел у которых было теперь болтаться по общественным местам и говорить о том, как хорошо было раньше и как ужасно теперь.

Эта армия добровольных и искренних агитаторов слушала и подхватывала любые антибурбоновские слухи, ругала нынешнее правительство, короля, говорила об унижении Франции.

Недовольны были и простые солдаты. Они – плоть от плоти деревни – получали от своих оставшихся дома семей письма, в которых пульсировал страх: а не отнимут ли землю? Раздражали солдат и другие вещи: к победам наполеоновской армии относились с напускным пренебрежением, трехцветное знамя было упразднено, восстановлен был орден Св. Людовика, Почетный легион подвергался всяческим унижениям, пенсии выплачивались неаккуратно, ветераны ходили в лохмотьях. За время реставрации не проходило, кажется, дня без того, чтобы в казармах не раздавались крики «Да здравствует император!». Солдат носил белую кокарду, но в глубине своего ранца он хранил, как святыню, старую, трехцветную. Войска служили Людовику XVIII, но предметом их культа оставался Наполеон, и они были уверены в том, что снова увидят императора в треуголке и сером сюртуке. Во время переходов, на стоянках и в караулах все разговоры сосредоточивались вокруг одной темы: «Он вернется!».

Эти слова стали как бы паролем, не нужно было никому объяснять, кто вернется, куда и почему… 15 августа 1814 года более чем в сорока казармах Франции солдаты шумно и даже вызывающе справляли праздник Св. Наполеона – небесного покровителя императора Наполеона. И офицеры, которые все прекрасно понимали, ничего не могли поделать. Да и не желали. Старых офицеров раздражали благонадежные молодые выскочки

из дворян, назначенные им в начальство Людовиком. Раздражали не менее, чем солдат раздражало новое белое знамя – символ интервентов, от которых они когда-то освобождали страну.

Старые солдаты в казармах рассказывали прибывшему пополнению о недавних славных победах ныне униженной Франции. И о том человеке в скромной треуголке, который сделал из Франции великую империю, равной которой не было со времен самого Рима. Старые солдаты рассказывали новобранцам о Маренго и Аустерлице, о Фридланде и Эйлау, о древних пирамидах, о таких жарких странах, где яичницу можно изжарить прямо на песке, и о таких холодных, где птицы от мороза падают на лету. Мальчишки раскрыв рты слушали про великие подвиги и великую империю. Гвардейцы вспоминали сцену прощания императора со своей гвардией, его слова: «Солдаты! Мои старые товарищи по оружию, с которыми я всегда шел по дороге чести, нам теперь нужно с вами расстаться… Я хотел бы вас всех обнять…» Голос Наполеона пресекся, горло сдавило. Слезы катились по усам старых солдат. Разве можно такое забыть?..

Недовольна Бурбонами была и буржуазия. Вздохнув поначалу от наступления мира, промышленники уже через несколько месяцев взвыли, увидев, что новое правительство не собирается защищать с помощью таможенных пошлин пока еще слабое французское производство от английских товаров. К тому же французских предпринимателей злило отношение возвратившихся дворян, о чем они писали друг другу в письмах: «Когда дворянин становится министром или офицером, то это считается вполне естественным; но всех возмущает то, что помещик из дворян, имеющий две-три тысячи франков дохода, безграмотный и ни к чему не пригодный, смотрит сверху вниз на крупного собственника, адвоката, врача и возмущается тем, что с него требуют налоги».

Наконец, интеллигенция – те самые упомянутые адвокаты, писатели, журналисты, врачи, которые обрадовались было свободе слова и открытию массы новых газет, вскоре снова начали роптать. Во-первых, им не нравилось уже упомянутое выше засилье поповщины и пренебрежение аристократов. Во-вторых, гонения на просвещение и свободомыслие в вольтерьянском духе. Интеллигенция не любит идеологически душной атмосферы, это вам не народ!..

О недовольстве роялистов я уже говорил: этим не нравилось массовое сохранение завоеваний революции. Их бесило, что бывшие члены революционного конвента, которые вотировали казнь короля, теперь заседали в кассационном суде… Что военачальниками были наполеоновские генералы. Что

чиновничество, управляющее страной, – бывшие назначенцы Наполеона. И сидят они в созданных Наполеоном структурах.

Не пора ли со всеми ними посчитаться? Почему король столь лоялен к этим преступникам? Он собирается покрывать своей мантией преступления былого революционного режима? Что это за король такой?.. Почему он не отменил орден Почетного легиона? Ведь раньше такого ордена не было! И у церкви раньше было больше прав!..

Даже извечный враг Наполеона, мадам де Сталь – этот Шендерович в юбке – произносила гневные речи, понося новые порядки. Либералы ненавидели роялистов, роялисты ненавидели либералов. И все понимали, что так дальше жить нельзя.

Совершенно взбесила парижан история со смертью знаменитой и любимой парижанами актрисы мадам Рокур, которая славилась, ко всему прочему, своей помощью бедным. На ее похороны собралось огромное количество народу. Но когда толпа подошла к церкви Св. Роша, оказалось, что двери церкви закрыты, а священник запретил не только отпевать ее, но и велел похоронить за кладбищенской оградой, поскольку актеры – это дьявольское племя и на кладбищах вместе с другими людьми их хоронить нельзя. Возмущенные проявлением этой дикой средневековой практики в просвещенном XIX веке любители театрального искусства разбили двери церкви и, не обнаружив там принципиального священника, которому, видимо, хотели для профилактики начистить харю, двинулись к дворцу Тюильри. Возмущение поклонников усилилось, когда они узнали, что священник, отказавший в погребении, сам не раз получал от покойной актрисы дорогие подарки и неоднократно обедал у нее.

Когда Людовику доложили об инциденте с попом, который отказался отпевать актрису, сытый король одобрил поведение попа: «Он прав. Эти актеры – безбожники, они отлучены от церкви и не имеют права на христианское погребение». Людовик был целиком солидарен с уважаемым служителем господа. А через несколько минут, выглянув в окно дворца, король мертвенно побледнел. Дворец окружала пятидесятитысячная толпа!..

Городская толпа – это действительно страшно. Городских толп боялись всевластные римские императоры. Наполеон говорил, что страшится бунта парижских предместий больше, чем сражения в открытом поле против 200-тысячного войска. Да и выглянувший в окно Людовик Очередной очень хорошо помнил, что именно с таких вот эксцессов четверть века назад начался для его предшественника путь на эшафот.

Трясущийся от ужаса король мгновенно позабыл и свое королевское мнение, и божьи заповеди, на которые только что

ссылался, начал метаться по дворцу, крича, чтобы немедленно нашли этого козла в рясе и в три секунды заставили его провести все положенные обряды. А для проверки выполнения послал целый отряд своих бледных, трясущихся подчиненных, которые и сами чувствовали, что кирдык уж близок и поспешать надо шибко.

При Наполеоне подобного скотства священники себе не позволяли. Лишь однажды они попытались выкинуть финт и не совершить обряд с внезапно умершей известной балериной. Но искра поповского сумасбродства была подавлена, не успев разгореться, одним движением бровей Наполеона. И принципиальные попы, едва не приплясывая от усердия, провели все обряды чин чинарем. А Наполеон, вспоминая эту поповскую угодливость пополам с безнравственностью, говорил: «Я сделал все кладбища независимыми от священников. Я ненавидел монахов и выступал за упразднение их и хранилищ их преступлений – монастырей, где безнаказанно расцветали все виды пороков. Кучка подлецов, которые представляют собой позор человеческой расы».

С этой оценкой трудно не согласиться.

Короче говоря, к февралю 1815 года ситуация в стране накалилась настолько, что по Парижу уже ходили слухи о перевороте. И более того, переворот готовился. А бывший аудитор Госсовета де Шабулон приехал на Эльбу, чтобы доложить Наполеону о состоянии дел во Франции. Но тот и сам обо всем знал. Причем знал не только это. Наполеон был в курсе ситуации, сложившейся на Венском конгрессе, где союзники вот уже год делили его огромное наследство и все никак не могли поделить. Ругались, ссорились, словно вороны, тянули каждый к себе куски созданной не ими империи.

Наполеон думал. Марию-Луизу, подарившую императору сына, к нему не пустили. Может быть, на Эльбу приедет Жозефина? Она хотела приехать. Но, к сожалению, Жозефина, которую Наполеон, в отличие от Марии-Луизы, любил совсем другой, менее пылкой, но более зрелой любовью, похожей на преданную дружбу, не приехала – она умерла от дифтерии. Узнав об этом, Наполеон долго-долго молчал, глядя в одну точку. Больше ничто не держало его на острове.

И он решился. Это была, конечно, жуткая авантюра, но в какой момент своей удивительной жизни Наполеон не был авантюристом?.. Когда Наполеон принимал решение покинуть Эльбу, у него гостила мать. И сын решил спросить ее совета, предельно ясно объяснив Летиции все про смертельный риск мероприятия: достаточно одному преданному Бурбонам офицеру

спустить курок, как в этой авантюре будет поставлена точка.

И мать благословила Наполеона. Стройная, сухая, сильная Летиция Бонапарт понимала: ее сын создан для истории, а не для семейного покоя. Он – небесный странник, и относиться к нему с мерками обычных землян или материнского эгоизма – так же глупо, как пытаться вместить море в наперсток.

Зачем он собрался вернуться? Затем, что Франция его ждала.

Как он собирался завоевать власть, имея на своем острове «армию» в полторы тыщи человек? Никак. Он больше не собирался воевать. Наполеон решил высадиться во Франции, дойти пешком или как получится до Парижа и сесть там на трон.

Простой план.

1 марта 1815 года небольшая флотилия из нескольких суденышек бросила якорь у южного берега Франции в бухте Жуан, неподалеку от того самого мыса Антиб, где когда-то молодой Наполеон провел полмесяца в камере каземата, ожидая казни. С Наполеоном было около тысячи солдат. Пока шла высадка, на берег сбежались служащие таможни. Увидев императора, они посрывали шапки с голов и поклонились ему.

Весть о том, что Наполеон высадился на южном берегу и пешком пошел в Париж, облетела Европу со скоростью пожара. Ужас и неверие в происходящее мешались в головах представителей европейских царствующих дворов. Страх перед этим едва ли не в одиночестве идущим по Франции человеком в простой серой шинели обуял Европу.

Когда французскому королю доложили о высадке, он недоумевал: «Почему же его не арестовали? На что он рассчитывает?»

Хороший вопрос!..

Незадолго до смерти Наполеон вспоминал один эпизод из своей долгой императорской жизни. Он ехал куда-то в карете. Когда дорога пошла в гору и карета замедлила ход, Наполеон выскочил из нее и пошел рядом. Может быть, он решил облегчить жизнь лошадям, или немного размяться, или просто заскучал, выкинув из окошка последний роман. (Чтобы скоротать время в дороге и быть в курсе последних культурных писков, Наполеон брал с собой в карету не только серьезные книги, типа Платона или древнеримских историков, но и развлекаловку – бульварные романы, которые читали парижане. Читал Наполеон быстро, и поэтому периодически из окошка кареты вылетал на дорогу очередной прочитанный романчик. Свита и охрана давно привыкли к такой форме критики и не удивлялись. Если же Наполеону случалось прочесть худлит дома, книга после прочтения летела в камин. И только серьезные книги он

исписывал пометками на полях, берег их, иногда просил библиотекаря принести исчерканную прочитанную книгу, точно указывая цвет обложки и примерное место, где она должна стоять.)

Так вот, обогнав карету и идя по обочине дороги, Наполеон нагнал бабушку. А он очень любил стариков и детей. Улыбнувшись, Наполеон приобнял старушку и спросил:

– Ну, моя милая, куда же это вы идете с такой поспешностью, которая никак не пристала вашим годам?

– Мне сказали, что где-то здесь находится император, и я бы хотела посмотреть на него перед смертью.

– Вот еще! – развеселился Наполеон. – Зачем вам на него смотреть? Что хорошего он вам сделал? Он такой же тиран, как и остальные! Просто вместо одного тирана – Луи стал другой – Бонапарт.

– Может быть, вы и правы, месье, – сказала старушка. – Но только Наполеон – король народа, а Бурбон был королем знатных людей. Мы сами выбрали Наполеона, и если нам суждено иметь тирана, то пусть это будет тот, кого выбрали мы сами!

Это по обочине дороги, согбенная и настрадавшаяся, шла сама Франция. Вот на нее-то и рассчитывал всенародно избранный.

Когда Наполеон подходил со своим отрядиком к Греноблю, командующий гренобльским гарнизоном генерал Маршан твердо решил оказать «корсиканскому разбойнику» сопротивление. У Наполеона была горстка людей и ни одной пушки. А у генерала Маршана был целый полк артиллерии, три полка пехоты, полк гусар и саперный полк, который можно было на худой конец вооружить топорами. Маршан был уверен в победе!.. Сначала он решил вывести войска из города и разгромить человека в серой шинели в честном бою в чистом поле. Но потом какой-то червячок сомнения все же поселился в душе генерала, и он решил, что надежнее будет укрыться за высокими стенами Гренобля. «Отсель грозить мы будем шведу!»

А на всякий случай, чтобы затруднить Наполеону переправу, он отправил роту саперов и батальон пехоты из 5-го линейного полка, чтобы взорвать мост через речку на дороге, ведущей к городу. Посланный им отряд, которым командовал майор Делессар, на полдороге встретил императорский авангард.

Бояться майору было совершенно нечего. Позиция у него была хорошей, с флангов не обойдешь, потому что встреча произошла в ущелье. Народу у него достаточно, солдаты никогда не давали повода сомневаться в своей надежности. И Делессар решил принять бой, расположив солдат в боевом порядке.

Наполеон послал нескольких офицеров с целью уговорить солдат майора перейти на его сторону. Солдаты не дрогнули, наполеоновских прокламаций не взяли, соблюдали дисциплину. Делессар чувствовал себя уверенно. Ровно одну минуту.

Потому что далее произошло неожиданное – навстречу его солдатам вышел человек среднего роста, без оружия, одетый в шинель и треуголку. Он просто шел навстречу делессаровским штыкам.

– Вот он! – обрадовался офицер и скомандовал: – Пли! Стояла зловещая тишина.

– Пли!!!

Слышалось только пение птиц, поскрипывание сапог и шуршание песка под ногами идущего. Офицер взглянул на своих солдат и понял, что слегка поторопился с выводами – они были бледны, а кончики штыков выписывали замысловатые кривые, потому что руки тряслись. Солдаты, привыкшие выполнять приказы, должны были выполнить и этот, однако этот они выполнить никак не могли. Но и сам Делессар выстрелить не решился, хотя Наполеон был уже на расстоянии пистолетного выстрела.

Наполеон остановился:

– Солдаты пятого! Вы меня узнаете?

Он сделал еще шаг и распахнул на груди шинель.

– Если вы хотите убить своего императора, сделайте это сейчас.

Солдаты побросали ружья и бросились навстречу императору с криками: «Да здравствует император!» Они плакали, смеялись, срывали с себя белые кокарды, обнимали Наполеона.

Он не ошибся.

Глава 4 ОСТАНОВИТЬ МОРЕ

И уже вместе они двинулись к Греноблю. Командующий гренобльским гарнизоном генерал Маршан понял, что город ему не удержать: население активно обрабатывало солдат, чтобы они перешли на сторону императора. Маршан решил спасти хотя бы войска, выведя их из города, но и это делать было уже поздно – гарнизон вовсю кричал: «Да здравствует император!»

Солдаты ходили пьяные от счастья.

Растущую, как снежный ком, армию Наполеона на всем протяжении пути до Парижа сопровождали местные крестьяне и рабочие, которые передавали его, как эстафету, все дальше и дальше. Так было и под Греноблем: именно местные жители встретили Наполеона на подступах. Это были рабочие. Они тащили огромную кучу каких-то досок.

– У нас нет ключей от города, – сказали рабочие. – Поэтому мы принесли ворота.

Это были ворота города, закрытые по приказу Маршана и высаженные населением. Похожая ситуация повторилась в Лионе.

Бурбоны еще ничего не понимали. Король Людовик послал в Лион своего брата – графа д\'Артуа с целью организовать оборону от Наполеона. А ведь достаточно было королю повнимательнее почитать отчеты полиции, доносившей о настроениях народа в эти дни, чтобы осознать ситуацию во всей ее красе: даже самые ярые якобинцы, более всего пострадавшие от наполеоновского закручивания гаек, – те самые уцелевшие осколки революционного террора, которых император гнобил злее всех прочих… даже они были в восторге от известия о высадке Наполеона, поскольку видели в нем продолжателя дела революции. А Бурбоны, пришедшие в Париж небольшим семейным кагалом, вели себя во Франции так, будто и не было никакой революции, будто не выросло поколение, привыкшее к свободе от феодальных предрассудков. Абсолютно неадекватные граждане! Талейран, понаблюдав за их поведением, сказал о севших на трон Бурбонах: «Они ничего не забыли и ничему не научились». Примерно так же выразился Александр: «Бурбоны и не исправились и неисправимы».

И почти теми же словами охарактеризовал Бурбонов Наполеон на острове Святой Елены:

«Они хотят внедрить в армии старую систему. Вместо того чтобы позволить сыновьям крестьян и рабочих получить право стать генералами, как это было в мое время, они хотят дать это право только старой аристократии, эмигрантам. Какими они

были, такими и вернулись – невежественными, тщеславными и надменными. Они ничему не научились, они ничего не забыли. (Видимо, здесь Наполеон повторил известные слова Талейрана. – *А. Н)* Они стали причиной революции и последующего массового кровопролития; и теперь, после двадцати пяти лет ссылки и позора, они вернулись, отягощенные теми же пороками и преступлениями, за которые их изгнали из отечества. Они вернулись, чтобы породить новую революцию. Я знаю французов. Поверьте мне, после шести или десяти лет все это племя будет уничтожено и сброшено в Сену. Они – проклятие страны. (Не прошло и десяти лет после смерти Наполеона, как во Франции вспыхнула революция, окончательно выкинувшая Бурбонов из истории страны. – *А. Н)* Множество людей сейчас видит возрождение феодальных времен. Каждый француз размышляет с болью в душе, что королевская семья, на протяжении многих лет столь одиозная и отвратительная для Франции, силой навязана народу с помощью иностранных штыков.

Когда граф д\'Артуа прибыл в Лион, чтобы уговорить войска выступить против меня, он, хотя и бросился ради этого на колени перед солдатами, но и не подумал прицепить на себя кокарду Почетного легиона. При этом ему было известно, что только один вид кокарды склонит солдат в его сторону, так как для многих из них было в порядке вещей с гордостью носить ее, ибо чтобы заслужить ее, ничего не требовалось, кроме храбрости и мужества. Но нет, он украсил себя орденом Святого Духа: чтобы иметь право носить этот орден, вы должны доказать свою принадлежность к аристократическому роду, насчитывающему по крайней мере сто пятьдесят лет. Этот орден был преднамеренно учрежден для того, чтобы исключить заслуги самого награжденного, и он вызвал возмущение среди старых солдат: „Мы не будем сражаться ради орденов, подобных этому, и не будем сражаться ради эмигрантов, таких, как эти люди“. Дело в том, что граф д\'Артуа привел с собой десять или одиннадцать глупцов, бывших его адъютантами. Вместо того чтобы представить войскам тех генералов, которые так часто приводили старых солдат к славе, он взял с собой кучку ничтожеств, которые добились лишь того, что вызвали в памяти ветеранов их прошлые страдания под пятой аристократов и священников».

Поняв, что солдаты не хотят сражаться за свое бесправие, брат Людовика сбежал из Лиона. А с ним утек и командующий королевскими войсками генерал Макдональд. Ликующая городская толпа разлилась по улицам, крича: «Долой попов! Долой аристократов! Бурбонов на эшафот!»

«Я будто вновь попал в 1793 год», – вспоминал один из

очевидцев.

Армия в массовом порядке переходила на сторону Наполеона, и чем ниже чин, тем с большей готовностью. Солдаты в казармах радовались, подбрасывали в воздух соломенные тюфяки. Лишь отдельные немногочисленные части сохраняли спокойствие. Но, как докладывали наверх генералы, «испытывать их верность было бы весьма рискованным предприятием». Полковник Прешан вспоминал: «Во Франш-Конте войска можно было бы удержать, если бы их оставить в казармах; но как только они пришли в соприкосновение с народом, все было потеряно».

Но маршалы и генералы еще готовы были выступить на защиту короля. Бывший наполеоновский, а ныне королевский маршал Ней даже пообещал Людовику, что привезет ему Наполеона в железной клетке. Ней был убежден в своей правоте и считал, что второе пришествие Наполеона пойдет во вред Франции. Поэтому, когда ожиревший Людовик вызвал его к себе и, рассыпаясь в комплиментах, велел отправляться против Наполеона во имя спасения Франции, Ней загорелся и произнес свои знаменитые слова о клетке. Однако, отправляясь в поход, клетку с собой взять забыл.

Нея армия знала и уважала, что придавало королю уверенность в успехе предприятия. Ней был и сам уверен в себе и в своих людях. Поэтому перед грядущим сражением он горячо обратился к своим солдатам и офицерам, объяснив, чем, с его точки зрения, вреден Наполеон и почему его необходимо разбить. Гробовое молчание было ему ответом. В этот момент Ней понял, что он командир без армии.

Всю ночь маршал прошагал из угла в угол, принимая сообщения о том, что все новые армейские части и города переходят на сторону Наполеона без единого выстрела. И к утру Ней уже начал сомневаться в том, что Наполеон не нужен Франции, которая его с таким восторгом встречает. Окончательно его сомнения разрешила переданная от Наполеона записка, в которой тот писал своему старому боевому товарищу, что примет его так же, «как принял в России после боя под Москвой».

Это был сильный ход!.. Во время отступления от Москвы корпус Нея находился в арьергарде и прикрывал отступление Великой армии. Он оказался прижат к реке превосходящими силами противника. У русских было 80 тысяч человек, у Нея 12 тысяч. Русские офицеры, которые уважали Нея едва ли не так же сильно, как самого Наполеона, предложили ему со всем почетом сдаться, поскольку его положение было совершенно безнадежно. Ней отказался, заявив, что наполеоновские маршалы не сдаются. Приняв бой, он увел остатки своих людей через едва-едва

начавший замерзать Днепр по тонкому льду. Почти все провалились и утонули. Спаслось всего несколько человек и среди них Ней. Маршала считали погибшим. И когда через несколько дней он вошел в избу к сидящим в ней французским генералам – в немыслимом, невесть откуда взявшемся пальто, худой, обросший черной бородой, с закопченным лицом и красными глазами – его не узнали.

– Вы кто?

– Я – арьергард Великой армии, – ответил одинокий маршал.

Наполеон, очень переживавший гибель Нея, увидев его живым, не смог ничего сказать, только молча стиснул маршала в объятиях.

Именно этот случай напомнил Нею император в короткой записке. Наполеон знал, к чему апеллировать. Маленький клочок бумаги покончил с колебаниями Нея. Утром он построил свои полки и, подняв шпагу, прокричал, как пароль: «Да здравствует император!»

Один из офицеров-роялистов, сняв свою шпагу, с досадой упрекнул Нея в «предательстве». Ней кивнул на ликующую армию:

– Разве я могу двумя руками остановить море? – и улыбнулся. Он больше не хотел останавливать море. В его истерзанной душе наступил счастливый покой.

Чем ближе подходил Наполеон к Парижу, тем больше войск у него было. И тем разительнее менялся тон парижской прессы. Неутомимый Тарле приводит несколько удивительных заголовков столичных газет, которые менялись по мере приближения Наполеона к Парижу:

«Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан».

«Людоед идет к Грассу».

«Узурпатор вошел в Гренобль».

«Бонапарт занял Лион».

«Наполеон приближается к Фонтенбло».

«Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже».

Высадившись во Франции 1 марта, Наполеон вечером 20-го входит в свой парижский дворец. К этому моменту над дворцом, откуда накануне сбежал толстый Людовик XVIII, уже развевается трехцветное знамя революции и империи, повешенное добрыми парижанами. Так достали всех эти вонючие Бурбоны!

Кстати, о вонючести. Наполеон вошел в свои покои и сморщил нос. Дело в том, что Людовик ничего не понимал в управлении государством, зато очень любил покушать, чем и занимался целыми днями. Наполеон тоже имел небольшую

полноту, но его полнота была следствием голодной юности – так бывает. А у короля Людовика, напоминавшего ходячий шар, ожирение носило крайне нездоровый характер и являлось причиной обычного пищевого разврата. Он поглощал пищу в таких невероятных количествах, что его ноги покрылись незаживающими язвами. Наполеон потом вспоминал: «Когда я вернулся в Тюильри, то обнаружил мои апартаменты отравленными запахом его ног…» Да и всю Францию, добавим.

…Многочисленные авторы позже писали, что второе пришествие Наполеона было поразительной авантюрой, которую можно было прервать одним выстрелом или ударом кинжала.

Но этот выстрел не сделал майор Делессар при первой встрече своего подразделения с Наполеоном. Его не сделали преданные королю артиллерийские офицеры-роялисты из крепостных пушек Гренобля, направленных жерлами на Наполеона. Пушки были заряжены картечью, но вокруг офицеров стояли и молча смотрели на них угрюмые канониры. И, видать, очень нехорошо они смотрели и очень страшно молчали, потому никто из офицеров-роялистов так и не рискнул взять в руки фитиль.

В Лионе генерал Макдональд тщетно пытался за большие деньги найти среди городских подонков хоть кого-нибудь, кто согласился бы выстрелить в императора или пырнуть его ножом на улице. Не обнаружив таковых, он поклялся убить императора лично. Но когда увидел толпы горожан и солдат, ревущие: «Да здравствует император!», начал смутно догадываться, что в данной ситуации исполнение подобной клятвы вряд ли будет признаком большого ума.

Во всей Франции тогда не нашлось ни одного человека, который бы сделал выстрел или нанес удар кинжалом. Страшно одному выступать против всей Франции.

Глава 5 ДРУГОЙ НАПОЛЕОН

Когда в разговоре со случайной старушкой на дороге Наполеон в шутку назвал себя тираном, в его шутке «была доля шутки». Он действительно сосредоточил в руках необъятную власть. В конце жизни Бонапарт так объяснял это своему английскому доктору, который упрекнул Наполеона в отсутствии свободы печати:

– Конечно, во Франции отсутствовала та свобода дискуссии, которая свойственна Англии, хотя иногда я встречал в сенате очень сильное противодействие. Действительно, в стране было не так уж много свободы слова и свободы печати, но что я мог поделать с банкиром или другими независимыми лицами, которые противодействовали принимаемым мною мерам?.. Я не отрицаю, что старая конституция Франции была скверной и требовала значительных изменений, но когда я вернулся с Эльбы, конституция, которую я вручил французам, была прекрасной, и единственным ее недостатком было то, что я оставил себе слишком мало власти… Я не мог запрятать человека в тюрьму, наложить штраф, ввести налоги или взимать их с лиц, освобожденных от воинской повинности; к тому же по конституции был введен закон о свободе печати.

Передышка на острове Эльба дала Наполеону возможность вырваться из беличьего колеса войн и государственной работы, немного подумать, а кое-что переоценить. Поэтому, перед тем как покинуть остров, Наполеон заявил сопровождающим, что теперь его политика будет иной – направленной в сторону большего либерализма и бол ьших гражданских свобод.

Вообще всю свою жизнь он шел к тому, о чем сказал незадолго до смерти: «Я собирался создать такую Европу, в которой граждане имели бы одну и ту же национальность и могли бы перемещаться из одного конца Европы в другой с одним паспортом…»

Это было заявлено постфактум, поэтому многие историки полагают, что Наполеон придумал такую версию уже на Святой Елене, а на самом деле он «стремился к мировому господству». Историкам, конечно, виднее, чем Наполеону, куда тот стремился. Поэтому примем их версию, а не наполеоновскую. Ведь кто такой Наполеон? Так, мелкая сошка. Не ведал, что творил… А историки – это же умищи!

Но и тогда получается, что Наполеон объективно двигался в направлении, которое обозначил на Святой Елене как конечный пункт – к той Европе, которую мы видим сегодня. Отсутствие

государственных границ, стандартизованное социальное пространство, свобода печати, свобода совести, секуляризация государства, опора на науку.

Вопрос в другом: мог ли он довести этот проект до конца?

Придя в Париж, Наполеон не только дал Франции новую конституцию, которая на национальном плебисците была принята абсолютным большинством голосов, но и наговорил много слов о мире, понимая, что нация истощена. Однако как раз мира-то он дать Франции не мог. Потому что союзники, которые в это время как раз делили в Вене его наследство, мгновенно перестали ругаться и решили вновь вступить в борьбу с возвратившимся императором.

При этом они всерьез называли Наполеона угрозой для мира в Европе! Странная психологическая аберрация. Как будто это Наполеон сколачивал антифранцузские коалиции одну за другой!.. Он их просто разбивал, каждый раз «штрафуя» зачинщиков войны территориальными ущемлениями, чтобы впредь неповадно было. Но, видно, мало наказывал, раз буквально через год-другой возникала новая коалиция. Защищаясь, Бонапарт побеждал своих врагов и тем был виноват в их глазах.

Иногда антифранцузские коалиции называют антинаполеоновскими, стараясь отвести глаза от Европы на фигуру Бонапарта, который, типа, и был причиной всех зол. Забывая при этом, что первая антифранцузская коалиция сложилась еще «до Наполеона». Напомню, душой первой коалиции была русская царица Екатерина II. Именно она в борьбе с французской революцией сделала ставку на интервенцию. Она списалась с прусским и австрийским дворами, призвав их напасть на Францию. Неудавшийся побег короля Людовика из Франции был тоже организован на русские деньги.

В 1792 году Екатерина заключает военный союз с Австрией, Пруссией (у тех к тому времени уже был заключен союз между собой) и Швецией. Она пишет записку «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства», в которой провозглашает: «Дело французского короля есть дело всех государей». Наполеона еще нет на исторической арене. А коалиция уже есть.

Вторая коалиция включала в себя Россию, Англию, Австрию. Наполеон ставит точку на этой коалиции под Маренго. Тогда он – всего лишь простой французский генерал на службе у республики, каких много.

Третью коалицию против Франции создают Англия, Россия, Австрия и Швеция. Наполеон снова поднимается, идет и громит

коалиционеров под Ульмом и Аустерлицем. Наполеон только-только коронован, а Франция уже в третий раз за небольшой период времени подвергается международному остракизму.

В четвертую коалицию неугомонных государств вместо Австрии входит Пруссия. Наполеон громит Пруссию по всей Пруссии, а русских – под Фридландом.

Весной 1809 года начала складываться пятая антифранцузская коалиция (Англия, Австрия). Наполеон опять покидает трон, берет в руки шпагу и громит противников под Ваграмом.

Шестая антифранцузская коалиция включает в себя Россию, Англию, Австрию и Швецию. Это уже 1813–1814 годы. Наполеон сражается, как лев, но кончается все островом Эльба.

Седьмая антифранцузская коалиция складывается после возвращения Наполеона в Париж и его громогласных заявлений о мире. Но мир союзникам не нужен. Им нужно задавить революцию и по возможности восстановить статус-кво.

И после этого у кого-то поворачивается язык обвинять Наполеона в агрессии и экспансии?.. На протяжении четверти века вся Европа старается задавить социальные инновации во Франции, а виноватым в результате суда истории становится Наполеон! Что ж, победителей не судят. Судят победители.

Отчего же Европа была столь упорна? Отчего ей так хотелось уничтожить завоевания французской революции?.. Уж больно сильно потрясла французская революция умы в Европе. Посол Франции в России так описывал поведение жителей Санкт-Петербурга, узнавших о крушении Бастилии: «Я не смогу выразить энтузиазм, который вызвало среди купцов, мелких торговцев, буржуазии и части образованного общества падение этой государственной тюрьмы и этот первый триумф свободы. Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы – все на улицах поздравляли друг друга, целовались, как будто бы они избавились от слишком тяжелой цепи, которая висела на них».

Вся просвещенная Европа дышала идеями революции. И потому старая Европа так хотела это дыхание перекрыть. Пообещав своим соотечественникам мир и предложив мир Европе, Наполеон догадывался, что мира не будет. Союзники объявили его «врагом человечества», видимо, полагая себя лучшими друзьями последнего.

Опять надо было воевать за свободу. Что могла дать своему императору измордованная десятилетиями войн Франция? По всей Франции было чуть менее 200 тысяч человек под ружьем. Но всех сразу Наполеон использовать не мог. Армейские части были разбросаны по всей стране. Только в вечно мятежной роялистской

Вандее стояла армия в 65 тысяч человек, и снимать ее было нельзя.

Таким образом, в руках у Наполеона для борьбы с интервентами было 128 тысяч человек и примерно 350 орудий. Было еще около 200 тысяч человек национальной гвардии – полугражданские, не обмундированные и на треть не вооруженные люди, которых нужно было еще собирать по всей стране, приводить в божеский вид, обучать действиям в составе боевых каре, перестроениям.

А что выставили и могли выставить союзники? Они сразу выставили 700 тысяч человек, а с подтянутым резервом совокупная армия союзников насчитывала уже более миллиона человек!

Участь Франции была решена.

Однако без боя Наполеон сдаваться не привык. У него было два выхода (на самом деле три, но о третьем чуть ниже) – либо ждать объединения сил союзников и вторжения их во Францию, тем самым подвергнув страну еще одному опустошительному нашествию и зверствам оккупантов, либо попытаться разгромить врагов поодиночке, как он делал это всегда.

Наполеон выбрал лучший путь. Он со своей армией вошел в Бельгию, напал на армию Блюхера и разбил ее. При этом Блюхер потерял 20 тысяч, а Наполеон – 11 тысяч. Но разгром оказался неполным из-за непреднамеренного промедления маршала Нея, который не успел выйти к Линьи и добить отступающую блюхеровскую армию.

Наполеон отрядил 36 тысяч человек под командованием маршала Груши преследовать армию Блюхера. А сам устремился на армию Веллингтона, стоявшую под Брюсселем.

Веллингтон занял хорошую позицию на возвышенности близ местечка Ватерлоо. Несмотря на то что у Веллингтона было не меньше людей, чем у Наполеона, несмотря на то что он занимал выгодную позицию и стоял в обороне, Веллингтон понимал: гроссмейстер Наполеон обыграет его, и единственный шанс на удачу – подмога армии Блюхера, у которого оставалось еще около 50 тысяч бойцов. А Наполеон, в свою очередь, начиная бой, надеялся на подход Груши. И хотя у Груши народу было меньше, чем у Блюхера, император знал: если маршал подойдет, битва будет выиграна. И ждал Груши до последней минуты. Однако Блюхер успел, а Груши нет.

Битва была проиграна.

Часть VIII ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Море бесится, скалы круша
и пуская от ярости пену…
Почему же покойна душа
и простила обман и измену?
Просто это уже не земля,
это долгая лестница в небо,
Ибо тот, кто стоит у руля,
никогда на земле-то и не был.
Этот каменный странный корабль
все плывет и плывет в бесконечность.
Этот шторм, и печаль, и сентябрь
суждены мне, наверно, навечно…

Андрей Коровин

…я сам, конечно, наиболее трагическое лицо нашего времени.

Наполеон

– А вот какие ты знаешь известные корабли? – спросил я свою жену Галку.

Моя жена Галка ведь чем хороша? Если ей скажешь «прыгай», она не станет интересоваться, для чего, а спросит, как высоко.

– Значит, так. «Титаник». Крейсер «Варяг». «Аврора». Броненосец «Потемкин». Потом этот, который в Англии стоит.

– Уже не стоит. Он сгорел.

– Как сгорел? Когда?

– Да совсем недавно. Года два назад.

– Жалко, – покачала головой Галка. – А как он назывался?

– «Катти Сарк»… Еще!

– «Пинта» и «Нинья». Это на которых Колумб плыл.

– Ух ты!.. Но он, вообще-то, на трех плыл.

– Да? Третий не помню.

– «Санта-Мария». Еще.

– «Бигль».

– «Бигль» – это пять. Дальше!

– «Арго». Но это сказочный. А, наверное, и нету больше.

– Ну, здравствуйте! Во-первых, раз уж «Варяг», то сразу «Корейца» нужно подкинуть до кучи, который вместе с ним затонул.

– Ну, это мелочь пузатая! – не согласилась Галка. – Не считается.

– Ладно, тогда «Майфлауэр».

– Точно! Первопоселенцы… А еще был ботик Петра Первого. Но это же ерунда без названия, вообще клоп. И, наверное, все. А ты можешь еще чего-то вспомнить?

– «Нортумберленд».

– Это что за ерунда?

– «Нортумберленд» – это не ерунда!

… «Нортумберленд» – это корабль, который в 1815 году увозил из Европы ее будущее.

Глава 1 «ЗДЕСЬ НА КАМЕННОМ ОСТРОВЕ Я…»

После Ватерлоо во Францию, сделавшую свой выбор в пользу Наполеона, вторглись войска союзников, чтобы силой навязать ей иной выбор, от которого страна дважды с гневом отказывалась. Однако мнение оккупантов подкрепляли 900 тысяч иностранных штыков.

Чтобы не длить агонию и не мучить страну, Наполеон добровольно отрекся от престола, хотя возможности продолжать сопротивление у него были, и весьма крупные. Рабочие парижских предместий толпами вываливали на улицы, протестуя против отречения и грозя смертью «изменникам». Видать, не очень плохо жилось им при Наполеоне, раз не хотели его отпускать.

Наполеон мог не уходить. Абсолютный лидер нации был в состоянии одним движением оседлать бешеного коня революции, поднять на борьбу всю страну, объявив тотальную мобилизацию всех и вся, как это было во времена якобинцев. Тогда Франция представляла собой сплошной фронт – и внутри, и снаружи. Причем гораздо более страшная бойня шла в тылу Франции в виде жесточайшего революционного террора против собственного населения.

Революция штука сильная, но обоюдоострая. Наполеон потом признавал, что мог одним мановением пальца спустить кровавую лавину энергии масс – народ был готов перерезать депутатов палаты и вообще всех, на кого он укажет. Наполеон от этого варианта отказался. «Я не хотел быть вождем жакерии», – сказал он. Восшествие на французский престол Бурбонов представлялось ему меньшей катастрофой, чем кровавая менструация революции, которая могла смыть экономику Франции в ту же яму, в которой она находилась во времена Террора.

Слишком презирал Наполеон плебс и того зверя, который норовил выползти из него при первой слабине. Не зря же он называл чернь канальями. Тремя годами раньше Наполеон не выпустил этого зверя в России: «Большое количество обитателей деревень просили у меня декрета, который дал бы им свободу, и обещали взяться за оружие в помощь мне. Но в стране, где средний класс малочислен… я почувствовал, что вооружить население рабов – это значило обречь страну на страшные бедствия…»

Если даже во вражеской стране Бонапарт из гуманных

соображений не стал раздувать пожар народного бунта, то во Франции он делать этого не хотел тем более. Слишком уж хорошо помнил Наполеон гнилую солому антибского каземата, запах свежей крови, пропитавшей эшафотные доски на площадях Парижа, закон сохранения массы и голову его создателя в грязной корзине. Он был готов править Францией. Но не адом.

До чего же интеллигентный человек! Чистоплюй, я бы сказал.

И на следующий день после отречения парижская биржа подтвердила правильность его выбора ростом котировок. Еще накануне интеллигенция и буржуазия паниковали от вида революционных толп, шатающихся по улицам и призывающих к очистительному террору, а едва разнесся слух об отречении, вздохнули с радостью: кровавый хаос не повторится!

Наполеон отрекся и поехал к морю. Он дважды взваливал на себя непосильную задачу и нес ее так долго, как не мог бы никто другой. Теперь он был свободен. Он хотел уехать в Америку и начать новую жизнь в Новом Свете. Почти все, кого он любил, либо предали его, либо были мертвы. Ничто больше не связывало его с Европой. Наполеон, добровольно ушедший от власти, уже чувствовал себя частным лицом.

Два корабля ждали его в порту Рошфора. Но отправиться в плавание они не могли: порт блокировала английская эскадра. Когда жители Рошфора узнали, что в их город приехал уже не император, но простой гражданин Франции Наполеон Бонапарт, они собрались под его окнами и все равно выкрикивали привычный пароль, за которым крылось так много: «Да здравствует император!»

Но он уже не считал себя императором. Вместе с Наполеоном находилась небольшая группа добровольного сопровождения, в ее число входил герцог Савари и несколько офицеров, пожелавших разделить судьбу Наполеона. И я их прекрасно понимаю: лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Лучше быть рядом с гением в изгнании, чем с дураком при дворе. Герцог Савари отправился на головной корабль английской эскадры, чтобы выяснить, пропустят англичане корабли Наполеона, плывущие в Америку, или нет? Англичане ответили отказом. Они не имели никаких оснований задерживать частных лиц и уж тем более брать в плен гражданского человека. Но этот человек был Наполеон! Его фигура, даже оставшаяся в одиночестве, внушала союзникам с их миллионной армией почти животный страх. А вдруг он опять вернется из Америки, придет в Париж и сядет на трон?..

Савари попытался объяснить английскому капитану, что между первым отречением Наполеона и вторым есть одна

принципиальная разница. Сейчас Наполеон отрекся, хотя еще долго мог продолжать сопротивление. Но он принял решение вести жизнь частного человека.

– Отчего же тогда он не ищет убежище в Англии? – спросил английский капитан. На этом переговоры закончились.

Узнав об отказе англичан пропустить Наполеона, французские матросы и офицеры собрались на короткое совещание и от лица команды приняли такое решение: ночью первый французский фрегат «Медуза» нападет на головной английский корабль «Беллерофон». «Медуза», конечно, слабее «Беллерофона», но бой будет длиться как минимум часа два. После чего «Медуза» со всем экипажем погибнет, зато второй французский корабль с Наполеоном, воспользовавшись темнотой и суматохой, уйдет в океан.

Выслушав это предложение, Наполеон сказал, что он больше не император, соответственно, не олицетворяет Францию, а для спасения частного лица нет смысла жертвовать боевым фрегатом и жизнями десятков людей… Неизвестно, как повернулась бы мировая история, согласись Наполеон на этот вариант. Каких дел он наворочал бы в Америке?.. Но Наполеон всегда подчинял свои интересы интересам задачи. Теперь великой задачи у него уже не было, а свою личную жизнь он ценил мало… И зря! Бывают люди ценные сами по себе, уникальные. Ради которых не то что фрегата, но и целого флота не жалко, я считаю. Но Наполеон в этом со мной не был согласен.

Он вспомнил вопрос английского капитана о том, почему бы беглецу не поискать убежище в Англии, и решил понадеяться на хваленое английское благородство. 15 июля 1815 года Бонапарт вступил на борт «Беллерофона». Поднявшись на палубу, он увидел выстроившуюся перед ним команду английских моряков. Капитан «Беллерофона» с поклоном встретил бывшего императора, представил ему корабельных офицеров и предложил лучшую каюту. На большее благородства англичан не хватило. Вместо того чтобы поселить Наполеона где-нибудь в Уэльсе или отпустить его в Америку, они незаконно арестовали французского гражданина и без суда и следствия отправили его в вечную ссылку. Туда, откуда невозможно сбежать.

Прометея приковали к скале.

Это была самая натуральная скала, торчащая из океана, – маленький остров в Атлантике, который носит имя Святой Елены. Здесь по пути в Индию английские корабли пополняли запасы воды и провизии. До ближайшего берега – африканского – 2000 километров. Путь из Англии до острова занимал два с половиной – три месяца, в зависимости от парусной вооруженности судна и

ветров. Сбежать с острова было нельзя, но Наполеона стерегли так, как будто он мог улететь. Наблюдатели от стран-союзниц пребывали на острове до самой смерти Наполеона.

Теперь этот каменный утес, ставший пьедесталом, известен всему миру благодаря великому пленнику, который провел на нем остаток своих дней…

В середине лета Наполеона вместе с сопровождавшими его людьми перевели с «Беллерофона» на фрегат «Нортумберленд», который взял курс на Святую Елену. 15 октября Наполеон ступил на камни острова. Разделить изгнание вместе с Наполеоном хотели многие люди, очень многие. Но англичане из мелкой мстительности отказали почти всем, так что свита Наполеона была весьма немногочисленной.

Он говорил, что его поколение не создано для покоя и что покой убьет их раньше, чем война. Так оно и случилось. Организм Наполеона, привыкший работать по 18 часов в сутки, будто сломался, не выдержав перехода к длительному безделью. Безделье претило его энергичной натуре. Уже на корабле, мучаясь от тоски, он начал диктовать воспоминания, анализировать прошлое.

Его жизнь на Святой Елене была скучна и не наполнена событиями, но его фигура все так же поражала окружающих своим магнетизмом и величием. Граф Бальмен, представитель России на острове, писал Александру I: «Что более всего удивительно, так это влияние, которое этот человек, пленник, лишенный трона, окруженный стражей, оказывает на всех, кто к нему приближается… Французы трепещут при виде его и считают себя совершенно счастливыми, что служат ему. Англичане приближаются к нему с благоговением. Даже те, что его стерегут, ревностно ищут его взгляда, домогаются от него словечка. Никто не осмеливается держать себя с ним на равной ноге».

Действительно, английские солдаты передавали Наполеону букеты цветов и никто из тех, кто лично общался с ним, не сказал о нем плохого слова.

Быть может, единственным утешением для Наполеона, любившего детей, была на этом острове маленькая девочка по имени Бетси – дочь местного подрядчика. Девочка привязалась к нему, и Наполеон проводил с ней много времени, учил французскому языку, рассказывал о мире. Это было заменителем отцовского счастья, которого Наполеону в жизни досталось так мало.

Считается, что Наполеон умер от рака желудка, хотя писали и о гепатите, и о тропических болезнях, подхваченных им в Египте и возобновивших свое течение, когда он вновь попал в

тропический климат.

Он знал, что умирает. Наполеон никогда не боялся смерти, видимо, понимая, что его имя уже вышло за пределы его персонального существования. И страшные муки болезни, весь последний год медленно убивавшей его, переносил, не издав ни стона. Когда приступы отпускали, он спокойно диктовал завещание и даже шутил.

В своем завещании Наполеон простил всех предавших его, а половину своего состояния оставил офицерам и солдатам французской армии: «…тем, кто сражался с 1792 года по 1815 год ради славы и независимости нации». Другую часть Наполеон завещал тем городам и деревням Франции, которые более всего пострадали при нашествии союзников.

Похоронить свой прах Наполеон просил на берегах Сены. Но англичане – народ мелочный – решили даже мертвого Наполеона разлучить с родиной и закопали его на Святой Елене. И только через много лет Франции в результате переговоров удалось вытребовать прах своего великого гражданина и захоронить его в Париже. К тому времени после смерти Наполеона прошло уже двадцать лет, а со дня его отречения миновало четверть века. Казалось, давно должны были забыть и успокоиться, ан нет – появление в стране праха Наполеона вновь потрясло Францию. В день похорон, несмотря на снежный буран, весь Париж вышел проводить в последний путь величайшего из французов. Перед гробом шел распорядитель, периодически провозглашая: «Его величество император!»

Мог и не говорить.

Глава 2 «И ТЕКЛИ, КУДА НАДО, КАНАЛЫ…»

Людям, которые окружали его на острове Святой Елены, Наполеон рассказывал о своей жизни, охотно отвечал на вопросы, понимая, что говорит не с ними, а с будущим. И ему было что сказать, о чем вспомнить и чем гордиться.

Его обвиняли в избыточном честолюбии. Он соглашался, говоря с острова Святой Елены потомкам такие слова: «Мое честолюбие? Да, несомненно. И немалое. Но это высочайшее из всех существующих честолюбий: честолюбие учредить и освятить власть разума и полного наслаждения всеми человеческими способностями. Можно только пожалеть, что такому честолюбию не было дано удовлетвориться!»

Его называли узурпатором. И это выглядело смешно. Наполеон никогда не узурпировал власть во Франции. Напротив, из всех европейских королей и императоров самым легитимным был он. Французский народ подавляющим большинством голосовал на всенародных плебисцитах и за пожизненное консульство Наполеона, и за его императорство. Французский народ дважды сажал его на трон. Французский народ просил его не отрекаться, обещая лечь за него костьми. Вот такой страшный тиран и узурпатор!..

Союзники лишили Наполеона не только короны, свободы и семьи. Они пытались лишить его и доброго имени. Уже после первого отречения Наполеона по всей Европе и в бурбоновской Франции прокатилась огромная кампания по оплевыванию Наполеона. Каких только слов про него не говорили! В чем только не обвиняли! Его называли «людоедом». писали о какой-то необыкновенной кровожадности императора… говорили, будто армия, с которой он завоевал Италию, состояла из каторжников… что Наполеон обманул Францию, подсунув ей после возвращения с Эльбы либеральную конституцию, которую потом непременно отменил бы… что Наполеон сожительствовал со своей сестрой Полиной (даже англичанин Вальтер Скотт, написавший антинаполеоновскую книгу, возмущался низости этой клеветы)… Кстати, любопытно, что байка о связи Наполеона с собственной сестрой до сих пор гуляет по желтым сайтам Интернета. Вот ведь как, и не знали ничего Бурбоны об Интернете, а поди ж ты – летает двухсотлетний слух по новым носителям.

На каменный остров Наполеону привозили книги, в которых про него публиковались разные домыслы. «История рассудит», –

говорил он, отбрасывая очередную книгу и не отвечая на выдумки. И действительно, не пристало слону лаяться с моськами. «Опровергать всю эту чушь – значит просто на каждой странице писать „ложь“, „ложь“, „ложь“», – говорил Наполеон своему доктору. Но однажды врач не выдержал и прямо спросил Наполеона, правду ли вещают в европейских газетах о том, что он собирался после упрочения своей власти отменить новую либеральную конституцию.

Вопрос был довольно глупым, поскольку Наполеону не нужна была вообще никакая «обманная конституция», чтобы взять власть – Франция сама дала ему эту власть и фанатично поддерживала его без всяких условий. Точнее, единственным условием был сам Наполеон. Работало его имя и дела, которые за ним стояли. А не обещания…

Тем не менее на вопрос врача Наполеон ответил:

– Я был абсолютно убежден, что старая конституция требует больших изменений. Но я не буду удивлен, если они сфальсифицируют какие-нибудь официальные документы, чтобы обвинить меня и в этом. Когда я вернулся с Эльбы, я нашел машины, с помощью которых подделывались документы. Они подделали несколько государственных документов, намереваясь опубликовать их. Всей операцией по подделке государственных бумаг руководил некто Блакас. Подобным же образом Блакас сфабриковал письмо от горничной моей сестры Полины, чтобы дать понять, будто я спал с собственной сестрой! Безнравственный человек, к тому же болван. Он настолько низок, что оставил после себя в Париже письма тех людей, которые предлагали ему свои услуги, чтобы предать меня. Благодаря этим письмам я мог бы казнить тысячи людей. Конечно, я не сделал этого, если не считать того, что я запомнил имена.

Наполеон знал, какие слухи о нем распространяются в Европе. И однажды спросил врача, какого мнения тот был о нем до знакомства. Врач ответил: «Я считал вас человеком, чьи изумительные таланты сравнимы только с безмерной амбициозностью. И хотя я не верил и одной десятой доле той клеветы, которую читал про вас, но все же я думал, что вы не задумываясь совершите преступление, когда посчитаете, что оно может быть полезно для вас».

– Это как раз тот ответ, которого я ждал, – сказал Наполеон. – Возможно, такого же мнения придерживается даже немало французов. Я поднялся на самую вершину власти и достиг слишком большой славы, чтобы не вызывать зависти и ревности. В действительности же не только не совершил ни одного преступления, но я даже никогда не помышлял совершить его. Я

всегда опирался на мнение народа. Я всегда мысленно согласовывал свои действия с мнением пяти или шести миллионов людей, так зачем мне нужно было совершать преступление?

А потом, видимо вспомнив, что он мог развязать во Франции кровавую баню, чтобы остаться на троне в 1815 году, добавил: «Если бы я был склонен к тому, чтобы совершать преступления, то меня бы здесь не было…»

По большей части все эти мусорные обвинения ветер истории давно развеял. Но один ярлык остался – «бонапартизм». Он самый утвердившийся. И самый бессмысленный: Наполеон же, в конце концов, не виноват, что у него фамилия – Бонапарт, не так ли?..

У Наполеона отняли все… Но не смогли отнять главного: «По крайней мере, союзные державы не могут в будущем отобрать у меня грандиозные общественные работы, которые я осуществил, дороги, которые я проложил через Альпы, и моря, которые я соединил. Они не могут улучшить то, что было сделано мною ранее. Они не смогут отобрать у меня кодекс законов, который я оставил и который достанется грядущему поколению. Слава богу, всего этого они не могут лишить меня».

Александр Дюма позже писал: «Если бы современник Медичи или Людовика XIV вернулся на землю и при виде стольких чудес спросил, плодом скольких славных царствований и мирных веков они являются, мы ответили бы, что для них оказалось достаточно двенадцати лет и одного человека».

Не зря Гегель в 1806 году называл Наполеона «мировой душой». Не зря простые рабочие парижских предместий на протяжении многих лет после отправки Наполеона в вечную ссылку выходили на парижские улицы с криками «Да здравствует император!» За что не раз арестовывались полицией Бурбонов. Наверное, не о плохой жизни тосковали они.

Каковы же итоги этого удивительного периода, наполненного войнами и экономической блокадой?.. Блокаду некоторые считают страшным экономическим злом… Однако Энгельс, который изрядный шматок своей бородатой жизни уделил изучению Наполеоновской эпохи, отмечал, что благих намерений Наполеона не поняли ни немецкие бюргеры, ни крестьяне, которые раздражались, видя дорожающие сахар и кофе, но не понимали, что континентальная блокада была колыбелью их собственной промышленности. «Это не были люди, способные понять великие планы Наполеона», – восклицал марксов друг.

Не будем, однако, цитировать личные мнения. Об итогах наполеоновских реформ грамотнее всего судить по цифрам.

25 февраля 1813 года министр внутренних дел Франции

представил законодательному собранию страны масштабный экономический отчет о состоянии дел в стране. «Ни в один период нашей истории богатство и процветание не получало еще столь широкого распространения во всех классах нашего общества», – констатировал он. Министр сравнивал современное ему состояние французской экономики с дореволюционной эпохой. За это время, несмотря на войны, население Франции (имеются в виду старые департаменты, без присоединенных территорий) увеличилось почти на три миллиона человек, то есть на 12 %.

До Наполеона сельскохозяйственная Франция не обеспечивала себя главнейшими продуктами питания и импортировала продовольствие. После Наполеона она превратилась в экспортера зерна. Раньше Франция закупала растительное масло, теперь она его продавала. Абсолютно аналогичная ситуация была и со сливочным маслом.

Раньше Франция ввозила табак, теперь она возделывала его сама.

Экспорт вина вырос с 41 до 47 гектолитров, а крепких напитков – с 13 до 30 миллионов литров. Вдвое выросло и внутреннее потребление вина, его начали пить даже те, кто раньше не мог себе этого позволить.

Страна покрылась сетью дорог и каналов. Повышение транспортной досягаемости позволило освоить лесные угодья, которые раньше оставались неосвоенными. В результате необходимость в импорте древесины упала в четыре раза.

До Наполеона Франция ввозила шелковую пряжу, а своего производства практически не имела. При Наполеоне было налажено выращивание шелковичных червей, что сократило импорт в 2,5 раза и увеличило собственное производство шелка в 11 раз.

Возросло не только количество крупного рогатого скота, но и средняя продолжительность его жизни: не только людям, но и коровам при Наполеоне жилось лучше, чем при короле!.. При Людовике экспорт в сфере животноводства практически равнялся импорту. При Наполеоне экспорт мяса втрое превысил импорт.

Количество производимой стали выросло в два раза. Угля – в пять раз. Французские инженеры сумели перевести кузнечное и плавильное производство с древесного угля на каменный.

В полтора раза выросла выручка от мелких мануфактур и скобяного производства.

Прибыль от производства шелкоткацкой промышленности втрое превышала стоимость ввозимого сырья. Количество ткацких станков в одном только Лионе выросло с 5500 (в 1800 году) до 11

500 (в 1812 году). Экспорт французского сукна вырос почти вдвое.

«Рост благосостояния населения, – отмечали французские экономисты того времени, – сильно повлиял на уровень внутреннего потребления, главным образом, тонких шерстяных тканей. Число станков и рабочих, занятых в суконном, трикотажном производстве и производстве иных шерстяных тканей более чем удвоилось после 1800 года. Мы освоили производство кашемира».

Стремясь повысить свою независимость от импорта, наполеоновское правительство периодически объявляло конкурсы среди изобретателей. Так, например, премия в один миллион франков была назначена тому, кто сможет сконструировать прядильную машину, которая могла бы работать со льном, – чтобы снизить зависимость от иностранного хлопка. Кстати, конкурсы были международными, поскольку Наполеон понимал: наука интернациональна. И даже во время войны он награждал за выдающиеся достижения «вражеских» ученых и изобретателей – англичанина Дави, пруссака Германа…

Продолжу ранее начатую цитату: «Много говорилось о том, что ткацкое и даже прядильное производство всегда будут более совершенны за границей. Мы отказались от заграничных тканей. Этот запрет не мог не внушить нам беспокойства, но уже вскоре множество наших станков принялись производить шелковые ткани такого качества, какого никогда не могли достичь наши зарубежные конкуренты. Однако они все еще продолжали поставлять нам пряжу, из которой мы производили наши ткани. Было вынесено новое постановление о запрете. С тех пор мы полностью избавились от нужды в какой-либо помощи заграницы для какого-либо этапа хлопчатобумажного производства, и не только не закупаем мануфактурную продукцию такого рода, но сами поставляем ее за границу».

Помните, какая проблема с сахаром возникла во всей Европе после ввода Наполеоном континентальной блокады? Люди вместо сахара стали, как встарь, использовать мед, и это им очень не нравилось. Не любят люди возвращаться в прошлое, отказываться от привычных удобств, будь то сахар, кофе или нарядные яркие ткани.

Сахар в то время делали из тростника, который рос только в тропиках и доставлялся англичанами. Когда сахара не стало, Наполеон через Парижскую академию наук объявил, как водится, конкурс, и химики предложили решение – свекла! Попробовали добыть сахар из свеклы. Получилось. И к 1813 году во Франции открылось 334 свекольно-сахарных завода, которые выдавали на

гора 7 миллионов фунтов сахара!

Сегодня вся Европа ест свекольный сахар. А ведь свержение Наполеона чуть не убило свекольно-сахарную промышленность Старого Света! Снятие континентальной блокады вновь выбросило на европейский рынок тростниковый сахар, который, несмотря на перевозку, был дешевле, поскольку в тростнике содержание сахарозы выше, чем в свекольных буряках. Но заводы-то уже стояли! И капиталисты стали лихорадочно думать, как спасти бизнес. В результате наняли селекционеров, которые вывели свеклу с повышенным содержанием сахара, подняв его с прежних 6 до 18 %. Так в мире появилась сахарная свекла. Благодаря Наполеону и его блокаде.

Я уже писал, что европейские заменители были найдены для индиго и кошенили. (Напомню: первое – синий краситель для текстильной промышленности, второе – красный.) Братья Гонены из Лиона придумали способ, как обойтись без привозного товара, и начали делать краску из собственного растительного сырья. При этом не только были задействованы новые посевные площади, но из остатков красильного производства наловчились получать удобрение.

Французским химикам удалось также наладить производство соды из соли. В результате, несмотря на блокаду, цена соды не выросла, а упала на две трети. А прежде французские деньги за соду оседали в карманах Англии.

До Наполеона, при Людовиках, торговый баланс Франции был примерно нулевым – сколько Франция покупала, столько и продавала. В 1812 году экспорт французских товаров превышал импорт аж на 126 миллионов франков!

Резюмируя состояние дел в экономике, французские финансисты заключали: «Именно этому мы обязаны наличием лучшей монетарной системы в Европе и отсутствию бумажных денег. Такое положение позволяет нам… тратить ежегодно от 120 до 130 миллионов на общественные работы».

Под общественными работами имелись в виду реставрация зданий, обновление портов, строительство дорог, мостов, проведение мелиорации, строительство общественных больниц и приютов, содержание музеев.

В Шербуре вырубили в скале порт, который теперь мог принимать высокобортные суда.

В Антверпене, где морского порта вообще не было, его построили с нуля, причем немаленький – аж на 42 линейных корабля.

Был построен современный порт в Диппу.

В порту Гавра возвели шлюз, и теперь Гавр мог принимать

океанские фрегаты.

Были перестроены порты в Марселе и Дюнкерке, а также восстановлено судоходство в Шликенском шлюзе, совершенно заброшенном при королях.

Я перечисляю порты, поскольку это чрезвычайно дорогостоящие и масштабные проекты. Национальные, я бы сказал. И раз уж речь зашла о портах, скажу пару слов о дорогах, а то произнесенное мельком слово «дороги» совершенно теряется и абсолютно не воспринимается. Еще в детстве меня поразила стоимость километра нового шоссе – миллион рублей. Тогда зарплата инженера была 120 рублей в месяц, буханка хлеба стоила 18 копеек, а «Жигули» – 5500 рублей… Всегда дорожное строительство было делом дорогостоящим. И наполеоновская эпоха – не исключение.

Тем не менее за считанные годы наполеоновского правления во Франции были построены дороги:

– из Парижа до Милана через Альпы;

– из Парижа в Турин;

– из Испании в Италию.

Стоимость только этих трех дорог составила более 30 миллионов франков. А ведь кроме них были протянуты дороги:

– Лион – Генуя (3 500 000 франков проектной стоимости);

– из Сезанна в Фенестрель через горный перевал Сестриер (1 800 000 франков);

– из Ниццы в Геную (15 500 000 франков);

– Марсель – Рим (9 000 000 франков);

– Савано – Алессандрия (4 000 000 франков);

– Бордо – Байонна (8 000 000 франков). Хватит или перечислять дальше?.. Я могу.

Дороги из Порт-Мориса в Чеву, из Генуи в Италию, из Генуи в Плезанс, из Специи в Парму (13 000 000 франков). Из Антверпена в Амстердам (6 300 000 франков). Из Везеля в Гамбург (9 800 000 франков). Из Парижа в Германию (5 000 000 франков).

Кроме всего этого на дороги местного сообщения, пересекающие империю тонкой капиллярной сетью, было потрачено 219 000 000 франков.

Но дорогам нужны мосты. Мосты тоже дело недешевое. Один мост может стоить как целая дорога средней длины! Так, например, проектная стоимость моста через реку По составляла 3 500 000 франков. А мостов при Наполеоне было построено немерено – в Версее и Тортоне, на Сессии и Скриви, на Луаре и Соне, в Париже, Лионе, Марселе, Бордо, Руане, Роане, снова на Луаре. И это только большие мосты, как говорят, стратегического значения. А сколько мелких!

Железных дорог тогда не было. Что их заменяло, как вы думаете? Грузооборот был огромным, не принципиально отличался от современного. Не полагаете же вы, что товары, особенно насыпные, возили на телегах? Нет, гужевой транспорт, конечно, был, но он, скорее, выполнял ту же роль, что сейчас маленькие грузовички и легковые пикапы – доставка товара до последнего пункта назначения, до конечного потребителя. А как осуществлялась массовая перевозка? Сложно представить себе, например, перевозку угля по стране на телегах. Это ж какие бесконечные караваны телег потянутся от шахты в Париж, рассыпая черную пыль по обочинам!..

Железные дороги заменяли каналы. Каналы тогда рыли, как позже железные дороги тянули – во всех направлениях. Англию, например, эти прорытые когда-то каналы пересекают до сих пор, только сейчас по ним возят туристов.

Сколько стоит прорыть канал между Роной и Эско, чтобы завязать в единую транспортную сеть Антверпен и Марсель, сделав Париж центральным транспортным узлом? Это стоит 11 000 000 франков… Торговцы оценили новинку: за первые 8 месяцев после открытия канала по нему проследовало 756 судов только с углем, 231 судно с зерном и проч. Один канал – это целый национальный проект, а при Наполеоне их было прорыто множество.

Канал Соммы – за 5 000 000 франков.

Канал из Монса в Конде за ту же сумму…

В 15 000 000 обошлась французской казне система шлюзов на Сене и Марне.

На канал Наполеона (между Рейном и Роной) было выделено 17 000 000 франков.

На Бургундский канал (соединяющий Сену с Луарой) казна кинула 24 000 000 франков.

Рамский канал, позволявший судам не огибать полуостров Бретань, «попросил» 8 000 000 франков.

Каналы на Блаве – 3 000 000 франков.

Канал из Нанта в Брест – 28 000 000 франков.

Канал из Нёрта в ла Рошель – 9 000 000 франков.

Арльский канал – 8 500 000 франков.

Канал в долине Шера – 6 000 000 франков.

Хватит?.. Думаю, достаточно. Переходим к водным процедурам. Точнее, наоборот, к осушению. Мелиорация и строительство дамб, защищающих от наводнений, потребовали более 120 000 000 франков!

До Наполеона Париж страдал от дефицита воды. При нем вопрос был закрыт – протянули каналы, подвели воду. Все

удовольствие обошлось в 40 000 000 франков. Еще на сотню-полторы миллионов в Париже были построены рынки, бойни, общественные здания, фонтаны. (Одно только здание Главного архива империи потянуло на 20 «лимонов».)

Но строительство шло не только в Париже. По всей стране были возведены более 50 домов призрения для бедных и сирот, строительство еще 72 домов призрения планировалось.

6 000 000 франков было выделено на спасение древних памятников Рима, являющихся достоянием всего человечества.

Всего же на общественные работы было потрачено более миллиарда. И при таких тратах франк – самая стабильная валюта Европы!

Наполеона часто обвиняют в диктаторстве, мол, людей при нем сажали чуть ли не как при Сталине. Но количество уголовных дел при Наполеоне не возросло по сравнению с таковым при короле Людовике, а уменьшилось. В 1801 году, при численности населения в 34 миллиона человек, Франция имела 8500 уголовных дел, по которым проходили 12 400 обвиняемых. В 1811 году на 42 миллиона подданных империи (включая новые территории) было открыто 6000 уголовных дел, по которым проходило 8600 обвиняемых. Неуклонно падало и количество выносимых судами смертных приговоров. В 1801 году были осуждены 882 человека, в 1811 году – 392.

…Это ли не эра милосердия? Это ли не золотой век? Стоит ли удивляться глухой тоске французов по наполеоновским временам, каковая тоска длилась все XIX столетие?..

Численность бесплатных мест в учебных заведениях при Наполеоне выросла в два раза. На наполеоновские деньги была завершена государственная программа по переводу Страбона и Птолемея.

Наконец, Франция начала восстанавливать флот, в котором была слаба еще со времени королей, переставших уделять флоту внимание и перебросивших ресурсы на сухопутную армию. Королям не хватало денег на флот. Наполеону хватало. Наполеоновская Франция вовсю сооружала верфи, чтобы строить на них корабли. В Эско была закончена верфь, которая могла обеспечить одновременное строительство двадцати трехпалубных 80-пушечных судов. Таких верфей было заложено (и реанимировано старых) множество. В результате к 1815 году Франция по планам должна была выйти на совершенно невероятный уровень. Понять это можно только в сравнении. В годы своего наибольшего расцвета королевский французский флот располагал не более чем пятью трехпалубными судами. Всего пять больших кораблей имела Франция до революции!

Больше король построить не мог: бабла не хватало (корабль – дело не менее дорогостоящее, чем дороги каналы, мосты…). К 1813 году Франция производила до 20 высокопалубных кораблей в год! А к 1820 году французы планировали за год выпускать до 150 кораблей разного тоннажа.

Вот против чего воевала Европа. Вот какой дурной пример показывала миру Франция.

Глава 3 ИМПЕРАТОР ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Европа обвиняла Наполеона в завоевании Европы. Но единственное, в чем можно всерьез упрекнуть Наполеона, так это в слишком мягком отношении к агрессорам. Вместо того чтобы ликвидировать Пруссию и Австрию как государственные образования, разбив их на департаменты и уничтожив таким образом саму возможность организованного сопротивления и вступления в какие-либо коалиции, Наполеон сохранил их – на свою голову. Конечно, ликвидировать Австрию было немного сложнее, чем раздавленную Пруссию, но Наполеон столько раз брал Вену, что это не представляется невозможным.

Судьба Пруссии висела на волоске. Как вы помните, Пруссия была сохранена только благодаря просьбам Александра. Россия в очередной раз сыграла свою реакционную роль!..

Анализируя потом свои ошибки, Наполеон говорил, что полностью согласен с Александром Никоновым: надо было ликвидировать Пруссию и Австрию как государства!.. Конечно, с Австрией, которая и в самые худшие времена была не до конца разбита, пришлось бы еще повозиться. Но с одной-то Австрией (без ликвидированной Пруссии и «отильзиченной» России) Наполеон справился бы без особого труда. Ему не впервой было стирать с карты Европы государства, превращая их в имперские департаменты.

Вопрос в другом: мог ли Наполеон в принципе победить весь тогдашний цивилизованный мир?

Вот два весьма распространенных мнения на этот счет:

– Наполеон не мог победить. Потому что побеждал он исключительно своим персональным гением. Но Наполеон не вечен, и Наполеон не может быть везде. Когда-нибудь Европа сломала бы его.

– Наполеон, во-первых, не имел в реальности идеи построить Объединенную Европу, он придумал это постфактум на острове Святой Елены. А во-вторых, он слишком поторопился с подобным проектом! Это был период, когда национальные государства Европы только-только формировались. Нельзя перескакивать через этапы. Сначала нужно, чтобы плод созрел, а потом уже он упадет сам. Невозможно заставить ребенка быстрее вырасти, таская за уши. Сначала страны должны пройти этап созревания национального государства, а уже потом могут объединиться, как это произошло в Европе в конце XX века.

Вот с последнего тезиса и начнем. Мешал Наполеону тот факт, что в Европе только начался процесс формирования национальных государств? Или помогал? Вопрос спорный. Ведь если нет национального государства, нет и национально-освободительного движения.

Или есть?..

В отсталой Испании никакого национального государства еще не было. А сопротивление голодранцев было. И в Каире было… А возьмем теперь Пруссию. Отставая от Франции и Англии, она тем не менее опережала экономически ту же Испанию. При этом в Пруссии были лишь некие слабые попытки освободительного антинаполеоновского движения. Эти попытки – факт, говорящий о зарождении национального самосознания пруссаков? И если да, то где на карте современной Европы национальное государство Пруссия? И почему в более развитых странах было меньшее сопротивление?

А теперь перенесемся для сравнения во вторую половину XX века. Посмотрим на национально-освободительное движение в европейских колониях после Второй мировой войны. Например, в Африке… Никаких национальных государств там не было, да и сейчас еще нет. А движение было. Так что я скорее поверю в обратный тезис: чем более общество дикое, тем оно нетерпимее и агрессивнее. Цивилизованная Европа Наполеону не сопротивлялась, в отличие от диких окраин. Народным сопротивлением там и не пахло, поскольку наполеоновская армия вела себя, как правило, корректно. Нечему было сопротивляться!.. Воевали только армии, без всякого бандитизма.

И здесь нелишне напомнить, что такое национальное государство и с чем его едят.

Процесс формирования национальных, то есть буржуазных государств проходил «естественно-историческим» образом. Мощнейшими факторами коагуляции народностей в такое государство были язык и география. Больше даже география, которая порой преодолевала и сильную несхожесть языков, сгоняя разноязыкие племена на одной географической территории в одну нацию. Много ли общего между английским языком и валлийским?.. Но стянулись же все эти племена в нацию в масштабах острова!

Многочисленные мелкие территории со сходными диалектами и наречиями, находящиеся в одном географическом ареале, сначала объединялись под одним «паханом», потом город, где тот сидел, становился столицей национального государства. А наречие столицы – литературным и «государствообразующим» языком. Испания вместо кастильского, каталонского, баскского

получила испанский. Англия вместо валлийского, шотландского и уэльского – единый английский. Франция вместо бургундского и проч. – французский. (Эти древние языки сохранились по сию пору, на что порой с восторгом указывают патриоты этничности, но роли они уже никакой не играют и в современном мире никого, кроме их носителей, не интересуют. Ныне это «сувенирные» языки. Арбалеты и валенки, например, тоже производят, но век их давно миновал.)

Напомню утомленному читателю, зачем экономике потребовалось объединять мелкие племена в большую нацию – в этом нуждался расширяющийся буржуазный рынок с его специализацией и ростом производительности. Чувствуя тесноту сеньорств, капитал властно взламывал и сносил границы феодов, чтобы расчистить дорогу деньгам и товарам, и делал это до тех пор, пора распирающая сила не уравновешивалась такой же внешней. В результате в Европе надувались пузыри национальных государств. Чаще родственные языки-племена сливались в одну нацию, но порой выкрутасы истории вносили свои коррективы, и один и тот же язык оказывался раскиданным по разным национальным государствам. Скажем, на немецком говорят и в Германии, и в Австрии. Так получилось.

Прошло еще двести лет, и при дальнейшем расширении рынков капитал взломал границы уже и национальных государств, объединив Европу в одно экономическое пространство. Следующий этап – весь земной шар с одной валютой, одним межнациональным языком, системой мер и весов и… кучей сувенирных «диалектов», типа русского, немецкого и проч. Сегодня планета входит в такой режим глобальной интеграции.

Но во времена Наполеона Европа еще не созрела для добровольного объединения – производственные технологии для этого были еще недостаточно развитыми. Однако вытекает ли из этого, что Европу нельзя было объединить силой? Не вытекает. Потому что именно это и было сделано Наполеоном на практике! Наполеон Европу завоевал. Можно ли было удержать завоеванное? – вот вопрос. Мог ли Наполеон положить зеленые плоды недозрелых европейских государств в один ящик на дозревание?..

Я не знаю, получилось бы у него закрепить полученный завоеваниями результат, но знаю, что можно было попытаться сделать это. Если бы не вполне простительные ошибки Наполеона… С высоты XXI века нам легко рассуждать о наполеоновских просчетах. Но у Наполеона не было опыта последующих двух столетий существования. Планета только

вступала в промышленную современность. Имелся лишь старый опыт, который мешал, а не помогал.

Оценивая на Святой Елене шахматную партию своей жизни, Наполеон в спокойной обстановке разложил по полкам все свои просчеты. Один из них – просчет 1812 года. Если бы император остался в Витебске и растянул русскую кампанию на два-три года, Россия примкнула бы к континентальной блокаде и к тому процветанию, которое сулило ей развитие собственного производства.

Второй ошибкой, признанной Наполеоном, было сохранение им Пруссии и Австрии. Зачем он их сохранил? Наполеон пытался играть с Европой по старым правилам, и его императорство – ярчайшее тому подтверждение и… третья осознанная самим Наполеоном ошибка. Невозможно совместить лед и пламень. Начав все перестраивать, нельзя было останавливаться на полпути. Наполеон превратил в департаменты Франции кучу мелких герцогств и королевств. Надо было двигаться дальше и ликвидировать все герцогства, королевства и империи. Лучшие умы Европы поддержали бы его. Когда Наполеон, пытаясь нащупать компромисс между старым миром и новым, провозгласил себя императором, интеллигенция Европы отвернулась от него. Бетховен снял со своей симфонии посвящение Наполеону, а публицисты хором повторяли: «Генерал Бонапарт стал императором Наполеоном. Какое понижение!»

Но, ликвидировав бывшие империи, дав людям свободу и современные законы, как избежать рецидивов имперского духа и антифранцузских настроений?.. Ну, например, произвольно разлиновав Европу на департаменты и пользуясь принципом «разделяй и властвуй». Поиграть с автономиями, налогами, старыми обидами.

Допустим, он ликвидировал бы Австро-Венгерскую империю. Возродилась бы она? Нет!.. О какой тоске по возрождению Австро-Венгерской империи могла идти речь в Венгрии, получившей независимость от ненавистной Вены? А в Чехии?.. Словении?.. Словакии?.. Галиции?.. Хорватии?.. В Австро-Венгерской империи жило тогда 34 миллиона жителей и всего 6 миллионов немцев держали в подчинении 28 миллионов полубесправных «не-немцев».

Можно спросить: а чем Париж для тех же венгров лучше Вены? Да хотя бы тем, что он не Вена!.. На счету Парижа нет старых обид. Париж выступает как освободитель. И Париж далеко. А в имеющем автономию Будапеште теперь сидит наместником Французской (а лучше Европейской!) федерации какой-нибудь уважаемый этнический венгр. Пока что он

парижский назначенец, но, говорят, через пару лет в Венгрии будут проведены свободные выборы не только главы Венгрии, но и депутатов в Евросенат от Венгрии, которые поедут в Париж заседать… Уважают теперь Венгерский департамент! У венгров теперь прав не меньше, чем у французов! Не то что при австрийском владычестве.

А что делать с областями, зараженными имперством? С Австрией, например? Имперский дух там будет бурлить еще долго – пока не перемрут все те, кто помнил империю и жил в ней. Что ж. Имперский дух и избыточный патриотизм лечатся временем и экономическим ростом.

К тому же можно попробовать так расчертить границы новых департаментов, чтобы они ничуть не напоминали прежние, исторически сложившиеся. Где-то куски бывших разных стран (Пруссии и Австрии, например) свести в один департамент. Если в департаменте преобладающее население – австрийцы, посадить над ними начальником пруссака… Кому-то дать чуть побольше налоговых льгот за хорошее поведение, пусть завидуют соседи. Пускай лучше немцы собачатся друг с другом, а не с метрополией. А Франция во всех спорах будет выступать как милосердный третейский судья. Всегда более милосердный, чем местные начальники.

Кроме того, нужно призывать вчерашних врагов – австрийцев и пруссаков во французскую (а лучше в Европейскую Республиканскую!) армию. Разбавляя ими французские полки в соотношении 1 «инородец» на 5 французов – так, чтобы австрийцы вместе с австрийцами не служили. И не оставлять австрийцев служить в Австрии, а отправлять туда, где они почувствуют себя уже не австрийцами, а подданными объединенной Европы – например в Египет, Сирию, Индию, Алжир… А главное – чтобы пруссаки и австрийцы получали за храбрость те же награды, что и их французские товарищи по оружию. Орден Почетного легиона. И высокие военные пенсии – ничуть не ниже, чем у французских военных. И надел земли – но не в Австрии, разумеется, а в какой-нибудь плодородной колонии…

Исторический опыт XX века подсказывает, что хроническая «имперскость» переходит в ремиссию после нескольких десятилетий экономического роста. Она уже не беспокоит. Так только, слегка чешется. При хорошей жизни народ быстро теряет вкус к войне и величию. А создавать хорошую жизнь Наполеон умел. Вот только опыта XX века у него не было.

Союзники после ссылки Наполеона на каменный остров хотели отнять у него доброе имя. Этого им сделать не удалось,

история все расставила по своим местам. А имя у Наполеона отняла Франция.

Однажды ко мне в гости приехал один знакомый француз по имени Мартин. Интеллигентный человек. Сидели, пили вино, разговаривали. И я вдруг отметил для себя, что отношение французской интеллигенции к своей стране напоминает отношение русской к своей – оно очень критично! Он ругал Францию, французский менталитет. Хотел покинуть родину. Каким-то образом разговор зашел о Наполеоне.

– Как ты к нему относишься? – спросил я.

– Никак. Наполеон – это просто авантюрист.

Сказать про Наполеона, что он был авантюрист, – все равно что охарактеризовать Христа как человека с бородой. Маловато будет. И боюсь, таково отношение всей прогрессивной интеллигенции Франции к одному из величайших сынов этой страны. Ругать Наполеона – хороший тон. Хвалить – плохой.

Да и вообще, если взглянуть на карту Парижа, впечатление сложится странное. С одной стороны, становится ясно, что Париж дышит наполеоновской эпохой. Она – в названиях бульваров, площадей, мостов и даже станций метро.

С Монмартра сбегает улица Жюно. Оттуда можно дойти до улицы, названной в честь победы французской армии в Италии. Бульварное кольцо Парижа – сплошные наполеоновские маршалы, переходящие друг в друга: Келлерман, Ней, Макдональд, Серюрье, Мортье, Даву, Журдан, Сульт, Понятовский, Массена, Брюн, Лефевр, Виктор, Мюрат, Сюше, Ланн, Сен-Сир, Бертье, Бессьер.

От Триумфальной арки, которую начали строить еще при Наполеоне, лучами тянутся улицы. Одна из них носит название Великой армии. Другие – имена людей той эпохи и военных побед: Карно, Клебер, Маренго, Ваграм, Фридланд.

Станции французского метро – Дюрок и еще парочка. Сену пересекают мосты Аустерлиц, Арколе… На мосту Менял красуется вензель Наполеона – одинокая буква «N»… Вдоль реки тянутся «героические» набережные – Сент-Бернар, Аустерлиц. Кстати, название «Аустерлиц» носит и один из парижских вокзалов.

Кругом – наполеоновское время. А имени самого Наполеона на карте города нет. Французы как будто стесняются его. Победами французского оружия гордятся. А того, кто эти победы им подарил, не видят в упор.

Наполеона практически нет… Разве что протянулась от Люксембургского сада к Сене незаметная улица генерала Бонапарта, да в Лувре именем императора назван двор с

вестибюлем. Вот и все.

После ссылки и смерти Наполеона, после кампании клеветы, затеянной против него вернувшимися Бурбонами, отношение к императору не раз менялось. Народ его помнил, власти не любили, но по прошествии времени признали, вытребовали его прах у англичан, похоронили. При этом статую Наполеона власти Парижа то снимали с колонны на Вандомской площади, то вновь восстанавливали. (Наполеон, как мы помним, был человеком, воспитанным на античности, поэтому колонна, прославляющая его победу под Аустерлицем, сделана в римском стиле и очень напоминает колонну императора Траяна в Риме.)

Когда в очередной раз статую Наполеона опять водрузили на место по приказу короля Луи-Филиппа, мать Наполеона Летиция Бонапарт – к тому времени уже ослепшая и очень-очень старенькая, – узнав об этом, улыбнулась и, глядя в пространство своими невидящими глазами, сказала: – Император снова в Париже!..

И если сегодняшние парижане не хотят помнить это имя – что ж… Мир запомнит его и без них. В конце концов, Наполеон больше чем француз…

ЭПИПРОЛ

Светило солнце, поэтому на душе было радостно, и голод почти не чувствовался. Шипел прибой, и пели чайки. Он шел по набережной, едва заметно улыбаясь, и ветер слегка шевелил его длинные волосы. Он улыбался не потому, конечно, что был беден и страдал анемией от недоедания, а потому, что ему было всего шестнадцать лет, а в таком возрасте самые сумасбродные надежды кажутся реальными.

Да, его семья живет очень бедно, и у сестер нет шансов прилично выйти замуж, но он непременно раздобудет для них денег, заработает на приданое! В конце концов, он может поехать в Индию или завербоваться в русскую армию, говорят, там неплохо платят, и, возможно, если написать и предложить свои услуги, то. А, быть может, он вообще покинет службу и откроет книжную лавку, он же любит книги. Торговля книгами – очень неплохой бизнес! Тогда у него будет сюртук или даже два!.. А если очень повезет, он займется торговлей недвижимостью, и тогда у его матери, сестер и братьев вообще все проблемы останутся позади. Можно будет даже купить небольшой домик где-нибудь в провинции.

Бледный вид, розовые от цыпок руки, тонкие ноги в огромных армейских ботинках. Шестнадцатилетний мальчишка в военной форме с модной косой за плечами идет вдоль берега к дому, где его ждет голодный младший брат, книга о великих географических открытиях, кусок хлеба и кружка молока.

Все еще впереди.